

К. Ф. Седов

ОБЩАЯ
И АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА

STUDIA PHILOLOGICA

Константин Федорович Седов

ОБЩАЯ
И АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК
МОСКВА 2016

S T U D I A   P H I L O L O G I C A

УДК 80/81
ББК 81
С 28

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 15-04-16055

Редакторы:
В. В. Дементьев, С. Н. Цейтлин

Седов К. Ф.

С 28   Общая и антропоцентрическая лингвистика. — М.:
Издательский Дом ЯСК, 2016. — 439 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9908330-6-7

В монографии «Общая и антропоцентрическая лингвистика» Константина Федоровича Седова (1954—2011) систематизированы главные направления его научной деятельности: психолингвистика, теория дискурса, генристика, онтолингвистика, лингвоперсонология, прагмасемиотика художественного текста. Представлены как общие теоретические идеи К. Ф. Седова о структуре и задачах лингвистической науки, так и исследования по отдельным направлениям антропоцентрической лингвистики на конкретном языковом и речевом материале: изучение авторского художественного текста и кинотекста, анализ детской речи, речевое портретирование, материалы к энциклопедии речевых жанров.

УДК 80/81

ББК 81

ISBN 978-5-9908330-6-7

© К. Ф. Седов (наследники), 2016
© О. Б. Сиротинина, предисловие, 2016
© В. В. Дементьев, послесловие, 2016
© Издательский Дом ЯСК, 2016

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (О. Б. Сиротинина)	7
1. Структура лингвистической науки	9
1.1. Языкознание. Речеведение. Генристика	9
1.2. Общая психолингвистика и ее место в пространстве ПЛ-науки ...	27
1.3. К основаниям лингвистики индивидуальных различий	42
2. Дискурс	67
2.1. Теория повседневного дискурса	67
2.2. Дискурс как суггестия	80
2.2.1. Агрессия	80
2.2.2. Манипуляция и актуализация	98
2.2.3. Зависть	149
3. Жанры речи	163
3.1. Социопрагматический аспект теории речевых жанров	163
3.2. Материалы к энциклопедии речевых жанров	184
3.2.1. Разговор	184
3.2.2. Комплимент	200
3.2.3. Анекдот	210
4. Языковая личность	224
4.1. Принципы речевого портретирования	224
4.2. Речевые портреты	226
4.2.1. Речевой портрет X	226
4.2.2. Речевой портрет Y	236
4.2.3. Речевой портрет Z	245
5. Детская речь	259
5.1. Методы онтопсихолингвистики	261

5.2. Экспериментальное исследование становления дискурсивного мышления	265
5.2.1. Порождение дискурса	266
5.2.2. Понимание дискурса	277
5.2.3. Становление целостной структуры устного дискурса . . .	294
6. Художественный текст, кинотекст	309
6.1. Прагмасемиотическая модель художественного текста.	309
6.2. Изучение авторского художественного текста и кинотекста	324
6.2.1. Ф. М. Достоевский «Записки из подполья»	324
6.2.2. В. В. Ерофеев «Москва — Петушки»	338
6.2.3. А. А. Тарковский «Жертвоприношение».	354
Творческое наследие К. Ф. Седова: попытка осмысления <i>(В. В. Дементьев)</i>	367
Библиография	391
Предметный указатель	407
Указатель имен	432

ПРЕДИСЛОВИЕ

Константин Федорович Седов (1954—2011) был талантливейшим филологом, первые годы своей научной деятельности создававший впечатление мечущегося из одной отрасли филологического знания в другую. Будучи студентом, он активно работал и в литературоведческом, и в лингвистическом спецсеминарах, но потом, не отказываясь от литературоведческих и киноведческих интересов, специализировался все же в лингвистике. Однако и тут его интересовали, казалось бы, не связанные между собой онтолингвистика и собственно детская речь, риторика, жанроведение, психолингвистика, типы языковых личностей и многое, многое другое. В результате из его трудов выкристаллизовалась целостная теория лингвистической науки с ее составляющими. Эти его мысли разбросаны по разным изданиям (книгам и статьям) и в качестве своеобразной канвы будущей монографии нашли свое воплощение в одной из последних статей, опубликованной в сборнике «Проблемы речевой коммуникации» (Вып. 10. Саратов, 2010). Оформить эту монографию он не успел, но очень важные для науки положения, хотя и не все бесспорные, внесли свой вклад в развитие лингвистики. То, что было делом всей короткой жизни К. Ф. Седова, воплотил в реальность его друг и коллега доктор филологических наук профессор В. В. Дементьев. Он собрал и не хронологически расположил в соответствии с логикой теории К. Ф. Седова его труды, разбросанные по разным изданиям (конечно, не все). Получилась довольно стройная и целостная монография с оригинальным взглядом на очень актуальные проблемы современной лингвистики.

Думается, что издание такой монографии необходимо не только в память о выдающемся ученом, чего К. Ф. Седов безусловно заслуживает, но прежде всего потому, что в этой монографии нуждается лингвистика как наука. Это новый этап ее развития. Изданные в виде

целостной монографии труды К. Ф. Седова получают новое звучание и вносят в развитие науки гораздо больший вклад, чем в виде разрозненных работ, многие из которых уже стали библиографической редкостью. Конечно, это не значит, что отдельные статьи и книги могут быть забыты, но, специально отобранные для монографии, вместе они приобрели еще бóльшую научную значимость, поэтому эта книга несомненно станет ярким явлением лингвистики и культуры России.

О. Б. Сиротинина

1. СТРУКТУРА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

1.1. Языкознание. Речеведение. Генристика*

За последние три десятилетия облик науки, которую мы традиционно называем языкознанием, существенно изменился. И дело не в том, что в это время были сделаны какие-то существенные открытия, увеличивающие объем лингвистического знания. Изменились очертания границ лингвистики, представления о ее предмете, происходит ломка ее внутренних перегородок, перестройка всего ее старого и добротного здания. Первопричиной, толчком, который запустил процесс трансформации общего пространства науки о языке, стало смелое и энергичное вторжение некоторых ученых-языковедов в смежные области знания. Из науки кастовой, усилия которой были направлены на имманентное описание внутриязыковых отношений, лингвистика сейчас превращается в науку, которая все более решительно устремляется в жизнь, возвращая себе статус гуманитарной (от *homo* — человек) области знаний. В этом смысле сбываются пророчества Бодуэна де Куртенэ, предсказавшего, что со временем «языковые обобщения будут охватывать все более широкие круги и все более соединять языкознание с другими науками: с психологией, с антропологией, с социологией, с биологией» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 18].

Следствием этого стало появление у нас «новых» лингвистик (лингвистики речи, психо-, социо-, прагма-, онтолингвистики, лингвистики текста и т. д.), возрождение классической риторики и формирование

---

* Седов К. Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // Жанры речи. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. С. 23—40.

на ее основе неориторики, практической области гуманитарного знания, призванной влиять на становление коммуникативной компетенции индивида. Однако, как и прежде, все новые научные области, появившиеся на свет в последнее время, сторонниками традиционного языкознания квалифицируются как явления случайные, находящиеся на периферии его пространства. Сама же лингвистика по-прежнему самоопределяется как «наука о естественном человеческом языке вообще и обо всех языках мира как индивидуальных его представителях» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 618].

В старые советские времена, в эпоху засилия только одного, лингвоцентрического, направления, бороться с теоретическим инакомыслием было легко, оперируя главным образом методами администрирования. Тогда любой новый подход можно было легко придушить, произнеся магическое заклятие «это — не лингвистика». Теперь же в атмосфере относительной теоретической свободы традиционалисты вынуждены терпеть на своей территории всевозможных вольнодумцев, открытия которых разрушают прочный каркас устоявшихся представлений о гуманитарном знании.

Пересмотр границ и основных категорий лингвистики не только необходим, но и неизбежен. Будет ли это сделано сейчас или чуть позже — это вопрос времени. В центробежных тенденциях, направленных на преодоление теоретического глобализма нашей науки, можно наметить два вектора. Во-первых, это перемещение фокуса восприятия с языка как системного образования на индивидуального «человека говорящего» — личность, которая изучается в свете наиболее важных «человеческих» познавательных процессов — способности говорить и мыслить, и, вследствие этого, во-вторых, переключение внимания на процесс и результат коммуникации.

В статьях и книгах по лингвистике все чаще звучит мысль о «человеческом факторе в языкознании», об антропоцентрическом полюсе в общем континууме науки о языке. В ядерной части этого научного направления располагается психолингвистика — молодая междисциплинарная область знаний, изучающая коммуникативную компетенцию человека в индивидуально-психологическом аспекте. Возникнув на магистральном направлении развития мировой гуманитарной мысли, стимулируемая практическими нуждами психологии, педагогики (включая сюда и методику преподавания родного и иностранного языков), речевого воздей-

ствия, медицины и т. п., психолингвистика все отчетливее осознает себя самостоятельной наукой, наукой со своим и только ей присущим предметом изучения, методами, кругом проблем и исследовательских задач, которые намечают границы, отделяющие ее от смежных сфер. Достижения психолингвистики не просто расширяют границы языковедения, но и существенно меняют представления о его сути.

Вторая тенденция развития нашей науки привела к появлению коммуникативной лингвистики, лингвистики речи в ее многоликих формах, будь то лингвистическая прагматика, теория речевых актов, социолингвистика или лингвистика дискурса. Ее появлению на белый свет прежде всего способствовали успехи коллоквиалистики — науки о разговорной речи.

Отечественная коллоквиалистика возникла в недрах функциональной стилистики, которая до сих пор остается в рамках функциональной парадигмы традиционного языкознания и по-прежнему видит свой предмет в «выразительных возможностях и средствах разных уровней языковой системы, их стилистических значениях и окрасках (иначе называемых коннотациями), а также закономерностях употребления языка в разных сферах и ситуациях общения» [Кожина и др. 2008: 28]. Феномен разговорной речи в нашей стране поначалу также исследовался с точки зрения языка. Это привело ученых академической школы к парадоксальному выводу о своего рода двуязычии в языковой ситуации в России. В серьезной монографии черным по белому было написано, что мы в повседневном общении используем два языка: разговорный и кодифицированный [Русская разговорная речь 1973]. Дальнейшее развитие науки о русской разговорной речи раздвинуло границы отечественной стилистики, поставив перед ней проблемы лингвистики речи, что способствовало адаптации в отечественной науке многих импортных приобретений и прежде всего основных идей лингвистической прагматики, лингвистики текста и дискурса.

Другим фактором, стимулирующим интерес к законам и результатам коммуникации, стала попытка возрождения риторики как практической системы формирования навыков эффективного общения. Обращение к классической традиции искусства красноречия привело к появлению новой отрасли коммуникативной лингвистики — теории речевого воздействия, или неориторики, которая стремится охватить практически все сферы социально значимого взаимодействия

людей. Развитие основных проблем этой сферы языковедения, в свою очередь, привело к дифференциации риторики на общую и частные. Любая достаточно отчетливо выделяющаяся в этносе социальная область может породить одну из частных риторик. На сегодняшний день мы уже имеем гомилетику, педагогическую (в рамках которой отдельно выделяется школьная риторика), деловую, юридическую, военную риторики; на стадии выделения риторика медицинская, политическая, рекламная, риторика средств массовой информации; все чаще высказываются мнения о существовании риторики бытового общения и т. п. Как практическая дисциплина неориторика стремится использовать достижения разных наук, будь то психология общения, психо-, социо-, прагмалингвистика и т. п. (см., например: [Клюев 2002; Михальская 1996; Стернин 2001; Формановская 2007; Хорошая речь 2007]). Формирование системы частных риторик более всего нуждается в гибкой типологии коммуникативного континуума, которая способна отразить многообразие форм социального существования людей. Функциональная стилистика, предлагающая подразделять область литературного общения на публицистический, научный, официально-деловой, разговорный и художественный стили, решить поставленную проблему не в состоянии. Создание теоретической базы для создания практических моделей эффективной коммуникации в разных сферах общения — одна из насущных задач, которая сейчас выходит на первый план.

Соотношение понятий *стиль и жанр* в настоящее время в науке о языке становится своего рода камнем раздора. Выскажем предположение о том, что функциональную стилистику теория дискурсно-жанрового членения речи может не просто потеснить, но и вытеснить из научного пространства. В связи с этим можно, перефразируя известное высказывание, воскликнуть: «Стилистика умерла! Да здравствует альтернативная стилистика — генристика!»

Достижения неолингвистики — лингвистики коммуникативной и антропоцентрической — очевидны. Однако наука наша по-прежнему самопрезентируется как языковедение, снисходительно рассматривая новые свои отрасли как маргинальные феномены. Понятно, что подобное представление не отражает существа дела и нуждается в пересмотре. Чтобы количество новых открытий перешло в качество — изменение основных ориентиров, категорий объекта, предмета, основных задач и т. п., — нужна дискуссия, диалог между учеными,

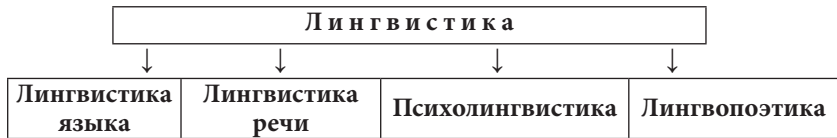
работающими в разных отраслях языковедения. Но для этого необходимо понимание того, что делают «собратья по разуму» в иных цехах и на иных площадках. Когда-то в своей знаменитой статье о филологии С. С. Аверинцев в качестве основного пафоса гуманитарного знания указал на понимание. «Как служба понимания, — писал ученый, — филология помогает выполнению одной из главных человеческих задач — понять другого человека (и другую культуру, другую эпоху), не превращая его ни в исчислимую вещь, ни в отражение собственных эмоций» [Аверинцев 1987: 468]. Понимание, как считают современные психолингвисты, — это не пассивное запоминание, а встречная мыслительная активность, противопоставленная интенции собеседника. Это действие, на результат которого оказывает влияние весь предшествующий опыт человека, установка, определяющая стремление встать на точку зрения партнера по коммуникации.

Идея тотального понимания как главной миссии гуманитарного знания в нашей науке все чаще подменяется идеей толерантности — терпимости к чужой точке зрения. Но без активного противопоставления своей правды правде другого, без стремления посмотреть на мир глазами собеседника толерантность порождает равнодушие, где законы приличия предполагают вместо понимания терпеливое и вежливое переживание, «когда закончит говорить оппонент». Толерантность подобного толка ведет к полнейшей центрации, научному эгоцентризму, когда ученые разного уровня, подобно гоголевской Коробочке, простодушно исключают из своего кругозора достижения ученых из соседних научных пространств. Все это создает парадоксальную ситуацию, где научный диалог превращается в полифонию, где различные голоса существуют независимо друг от друга. На место горячих споров, конфликтных (в хорошем смысле этого слова) дискуссий пришла вялотекущая толерантность, где за плохо скрываемым неприятием чужого мнения просвечивает неприязнь к новым подходам и страх перед свежими идеями. В основе этого часто лежит теоретический комплекс неполноценности, который в психоанализе называется комплексом «Лисы в винограднике», когда узость собственного научного мышления оправдывается демонстрацией мнимой слабости позиции собеседника.

Первый шаг на пути создания жизнеспособной модели науки о языке (а точнее — о коммуникации), с нашей точки зрения, состоит в провозглашении теоретического антиглобализма в качестве

основного принципа сосуществования. Иными словами, необходимо уравнять в правах старые и новые, большие и малые отрасли языкознания. Для последующего объединения территорий разных его областей нужно провести четкие границы. Чтобы объединиться, сначала нужно размежеваться. Трезвый же взгляд на современную отечественную лингвистику позволяет увидеть в ее пространстве четыре самостоятельные области, которые можно с определенной долей допущения квалифицировать в качестве самостоятельных гуманитарных наук. Основным критерием, позволяющим выделять подобные сферы, служит притяжение к иной научной стихии, влияние другой, соседней с лингвистикой науки.

Изобразим намеченную модель современной лингвистики в виде схемы:

Прежде всего, здесь нужно признать суровые очертания традиционной области **дескриптивного изучения языков**. Она наиболее удалена от гуманитарной идеи филологии и тяготеет к точным наукам (математике и семиотике). Это направление (назовем его **лингвистикой языка**) имеет солидную традицию и восходит к штудиям, которые были посвящены описанию мертвых языков.

Как совершенно справедливо писал еще в конце 20-х годов прошлого столетия М. М. Бахтин, в основе тех лингвистических методов мышления, которые приводят к созданию языка как системы нормативно тождественных форм, лежит практическая и теоретическая установка на изучение мертвых чужих языков, сохранившихся в письменных памятниках. Нужно со всею настойчивостью подчеркнуть, что эта филологическая установка в значительной степени определила все лингвистическое мышление европейского мира. Над трупами письменных языков сложилось и созрело это мышление; в процессе оживления этих трупов были выработаны почти все основные категории, основные подходы и навыки этого мышления [Бахтин 2004: 89].

Другая сфера лингвистики — **лингвистическая поэтика** — область гуманитарного знания, исследующая закономерности построения ху-

дожественных текстов. Эта сфера языкознания граничит с литературоведением, а вместе они соседствуют с философской эстетикой, и именно поэтому ее все чаще называют эстетикой словесного творчества.

Нас в большей степени будут интересовать новые, молодые ветви отечественного древа гуманитарного знания, к числу которых нужно отнести психолингвистику (с примыкающей к ней когнитологией) и лингвистику коммуникативную, или лингвистику речи.

Как уже было сказано, **психолингвистика** — научная область, которая тяготеет к психологии и изучает коммуникативную компетенцию в индивидуально-психологическом аспекте. Несмотря на свою молодость, эта научная сфера имеет достаточно внятно определенный предмет; она оперирует категориями (языковое сознание, речевое мышление, речевая деятельность, речевое поведение и т. п.), которые отличают ее от других смежных областей. Было бы безответственным утверждать, что к нынешнему моменту облик отечественной психолингвистики имеет четкие контуры внешнего и внутреннего разграничения, что окончательно разработан и упорядочен ее категориальный и терминологический аппарат и мн. др. Но в то же время не следует преувеличивать степени их аморфности и релятивизма. Более того, наличие разных точек зрения, противоречий и т. п. создает особую романтическую атмосферу, когда глянцевый блеск устоявшихся истин еще не способен затмить яркого света новых научных идей. На фоне таких «пожилых» наук, какими выглядят языкознание и психология, психолингвистика смотрится юным растущим созданием, черпающим энергию для своего развития из противоборств и столкновений различных концепций.

В одной из своих публикаций мы подробно рассмотрели теоретическую модель современной российской психолингвистики (см.: [Седов 2007a]). В дальнейших своих рассуждениях обратимся к четвертой составляющей современной лингвистики — лингвистике коммуникативной.

Коммуникативная лингвистика, или лингвистика речи, — направление, которое включает в себя отрасли гуманитарного знания, исследующие внешние процессы и продукты коммуникации. Сюда нужно отнести лингвистическую прагматику, социолингвистику, теорию речевого воздействия (неориторику), генристику и мн. др.

На сегодняшний день эта отрасль языкознания выглядит наименее упорядоченной в смысле четкости определения ее границ, предмета,

задач, методов, основных категорий и т. п. Отчасти это связано с тем, что в ее пространстве плохо уживаются отпрыски разных научных корней: с одной стороны, это ветви таких импортных экзотических растений, как прагмалингвистика, теория речевых актов, социолингвистика, а с другой — отростки от мощной корневой системы отечественной науки.

Из многих подходов к построению модели коммуникативной лингвистики нам ближе всего концепция речеведения, разработка которой ведется в последнее десятилетие (см.: [Кожина 1998; Мишланов 1999; Формановская 2007]). Наиболее системно и непротиворечиво она представлена в интересных и содержательных работах Т. В. Шмелевой [1997; 1999; 2000; 2004]. Скажем сразу, что не все суждения ученого представляются нам одинаково продуктивными и справедливыми. В своих собственных построениях мы пытаемся полемически развить мысли автора, высказанные главным образом в небольших по объему статьях, где не всегда есть возможность детальной аргументации.

Обозначим свое первое несогласие с определением Шмелевой статуса психолингвистики: она явно недооценивает масштабы достижений этой области филологии. Подобное отношение есть проявление некоторой толики научной центрации, о которой мы писали выше: психолингвистика, как и психология, просто не входит в исследовательский кругозор Татьяны Викторовны. Понятно, что свое различие «языковедение / речеведение» она возводит к дихотомии Ф. де Соссюра [1977]. Однако уже Соссюр пытался преодолеть ограниченность бинарной оппозиции, развернуть ее до тетрарной: кроме категорий *langue* (язык) и *parole* (речь) швейцарский лингвист в качестве предмета исследования называл *faculté du langage* (речевую способность индивида), т. е. как раз то, что составляет предмет психолингвистики. Позже о «трояком аспекте языковых явлений» писал и Л. В. Щерба [1974], который предвидел вектор будущего развития отечественной лингвистики: именно такое представление об общем континууме лингвистики легло в основу концепции теории речевой деятельности А. А. Леонтьева — первого варианта отечественной психолингвистики (см.: [Леонтьев 1969]).

Психолингвистика ни по своим задачам, ни по предмету исследования никак не может быть частью речеведения. Это самостоятельная наука, составляющая отдельное княжество в диффузном пространстве пограничных владений лингвистики и психологии.

Возвратимся к речеведению. Удачен выбор термина: во-первых, он однословен, что дает возможность для создания производных — речевед, речеведческий и т. п. Во-вторых, он более других отвечает сути дела: именно речь — предмет, объединяющий разных исследователей в единое научное направление. Речь — понятие, которое диалектически сочетает в себе процесс коммуникации и результат этого процесса, т. е. речевые произведения в их когнитивном и коммуникативном своеобразии. В-третьих, само это слово русское (не заимствованное), что ориентирует на нашу отечественную традицию, или, как пишет Т. В. Шмелева, «использование внутренних ресурсов».

В российской науке эта традиция начала складываться еще на рубеже XIX и XX веков фундаментальными трудами И. А. Бодуэна де Куртенэ и продолжалась в исследованиях ученых первой половины XX века: работами М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, В. М. Жирмунского, Б. А. Ларина, Е. Д. Поливанова, Л. В. Щербы, Л. П. Якубинского и мн. др. Однако причудливые зигзаги развития гуманитарной мысли в нашей стране, где не последнюю роль играло вмешательство сил, далеких от науки, привело к тому, что традиция эта на время пресеклась. В результате подобного вмешательства в языкознании произошло воцарение лингвоцентрического (системоцентрического) направления, во главу угла ставившего изучение языка как имманентной структуры. И вот сейчас — самое время обратиться к животворным истокам нашей отечественной науки.

Прежде всего это относится к научному наследию Михаила Михайловича Бахтина, имя которого сейчас становится своего рода знаменем отечественной неолингвистики. Одной из многочисленных заслуг Т. В. Шмелевой стало то, что она одной из первых обратилась к трудам Бахтина, и прежде всего к его знаменитой сейчас незавершенной статье о речевых жанрах [Бахтин 1996]. Энергия мысли, запечатленная в этой статье, оказалась настолько зиждательной, что она смогла породить в нашей стране целое научное направление, именуемое чаще жанроведением или генристикой (подробнее см.: [Антология речевых жанров 2007; Жанры речи 1997—2007]).

Подчеркнем еще раз: категория «речевой жанр» — ключевая в построении модели речеведения. Кроме нее Т. В. Шмелева намечает следующий набор характеристик речи: *сфера, фактура, поведение, роль, речевые стратегии и тактики*. Мы полностью разделяем справедливость и продуктивность приведенного набора: именно он

создает специфическую речеведческую парадигму изучения речевого континуума.

Прежде чем мы рассмотрим эти категории более подробно, выскажем еще одно полемическое дополнение к концепции Т. В. Шмелевой. Оно касается толкования базового для речеведения термина «речь» и принципов речевой системности. Разрабатывая систему категорий речеведения, намечая ее основные задачи, очерчивая границы ее влияния, Татьяна Викторовна никак не может оторваться от традиционного лингвоцентрического ракурса рассмотрения нетрадиционных предметов. «Если язык, — пишет Шмелева, — это, как всем известно, средство, инструмент общения, то речь — это и есть языковое общение, или механизмы, принципы пользования этим инструментом» [Шмелева 1999: 5]. Приведенное суждение не отличается большой оригинальностью: откройте любую популярную книжку по языкознанию — и вы встретите что-то подобное. Однако оно не годится для выстраивания концепции речеведения: такая теоретическая установка подрезает крылышки, держит исследователя на коротком приводе старого лингвоцентрического подхода, в основе которого заповедь — «язык и ничего, кроме языка; а все остальное — от лукавого». И не в том беда, что остракизму подвергаются все «неязыковые» составляющие общения (невербальные компоненты), роль которых в успешности коммуникации сопоставима с ролью языковых элементов. Беда — в нежелании выйти за пределы привычного круга категорий в соседние научные пространства.

Преодоление основного противоречия концепции Т. В. Шмелевой и, что гораздо важнее, значительный шаг вперед к построению методологии речеведения видится нам в обращении к трудам все того же Михаила Михайловича Бахтина, к его лингвистической философии, которую он называл «социологическим методом в науке о языке».

Речевое сознание говорящих, — пишет Бахтин, — в сущности, с формой языка как такой и с языком как таким вообще не имеет дела. В самом деле, языковая форма, данная говорящему... лишь в контексте определенных высказываний, дана, следовательно, лишь в определенном идеологическом контексте. Мы, в действительности, никогда не произносим слова и не слышим слова, а слышим истину или ложь, доброе или злое, важное или неважное, приятное или неприятное и т. д. [Бахтин 2004: 88].

Иными словами, для продуктивного исследования речи — процесса и результата повседневной (в широком смысле этого слова) коммуникации — необходимо сменить точку зрения, танцевать, говоря фигурально, не от языка, а от социальной реальности, от закономерностей социального взаимодействия людей. И тогда сразу проявляют себя пограничные с речеведением науки, способные питать его энергией своих достижений, — социология и социальная психология. Однако продолжим цитирование М. М. Бахтина.

Организирующий центр всякого высказывания, всякого выражения, — пишет наш великий соотечественник, — не внутри, а вовне: в социальной среде, окружающей особь (здесь и далее разрядка моя. — К. С.). <...> Всякое высказывание, как бы оно ни было значительно и закончено само по себе, является лишь моментом непрерывного речевого общения (жизненного, литературного, познавательного, политического). Но это непрерывное речевое общение само, в свою очередь, является лишь моментом непрерывного всестороннего становления данного социального коллектива. Отсюда возникает важная проблема: изучение связи конкретного взаимодействия с внесловесной ситуацией, ближайшей, а через нее и более широкой. Формы этой связи различны, а в связи с той или иной формой различные моменты ситуации получают различное значение (так, различные эти связи с различными моментами ситуаций в художественном общении или общении научном). Никогда речевое общение не сможет быть понято и объяснено вне этой связи с конкретной ситуацией. Словесное общение неразрывно сплетено с общениями иных типов, вырастая на общей с ними почве производственного общения. Оторвать слово от этого вечно становящегося, единого общения, конечно, нельзя. В этой своей конкретной связи с ситуацией речевое общение всегда сопровождается социальными актами неречевого характера (трудовыми актами, символическими актами ритуала, церемонии и пр.), являясь часто только их дополнением и неся лишь служебную роль [Бахтин 2004: 100—101].

В рамках подобных теоретических установок речь — это вовсе не то, «что мы делаем с языком» [Шмелева 1999: 5], а то, как мы общаемся друг с другом в ходе социально значимого взаимодействия. И первично здесь социальное бытие, а не язык с его жесткой структурой. А потому речевая системность есть отражение системности нашего социального существования. В каких же категориях можно измерять речь?

Конечно же, в категориях современной генристики, наиболее важной среди которых выступает **речевой жанр**, понимаемый как вербально-знаковое оформление типической ситуации социального взаимодействия людей. Главное, что подчеркивает данное определение, это первичность в предлагаемом подходе социально-психологического взаимодействия людей. Именно жанры речи — «приводные ремни от истории общества к истории языка» [Бахтин 1996: 165] — составляют тот промежуточный слой языкового сознания человека, в котором глубинные образно-когнитивные конструкты связаны с языковой репрезентацией накопленных знаний. К числу речевых жанров можно отнести *разговор по душам, болтовню, ссору, светскую беседу, застольную беседу, анекдот, флирт* и т. п. Речевой жанр — центральная единица предлагаемой нами типологии.

Мы совершенно не разделяем точку зрения таких ведущих жанроведов, как В. В. Дементьев и Т. В. Шмелева, о состоянии стагнации, которую якобы переживает современная отечественная генристика (см. [Дементьев, Фенина 2005: 6; Шмелева 2004: 30]). К началу нового столетия были высказаны, как нам представляется, не «программные идеи» теории речевых жанров (как пишет Т. В. Шмелева), а довольно поверхностные суждения «с позиции здравого смысла». Сейчас же построение прочного теоретического фундамента речеведения — **дискурсно-жанровой модели** членения коммуникативного пространства — идет полным ходом. Напомним систему ее основных категорий.

Первая составляющая термина (*дискурсно-жанровый*) мотивирована активным вовлечением в перечень основных категорий речеведения категории «**дискурс**». В современной науке нет единства в толковании значения этого термина. Однако ныне в большинстве работ отечественных и зарубежных ученых (см.: [Арутюнова 1998; Карасик 2002; Макаров 2003; Седов 2008а; Шейгал 2000] и мн. др.) сложилась традиция, в рамках которой под словом *дискурс* понимается целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций. Мы не ставим своей задачей подробное реферирование и критический анализ всех накопившихся к настоящему времени точек зрения на рассматриваемый феномен. Расставим лишь некоторые акценты, необходимые для уточнения методологического фундамента речеведения. По нашему мнению, наиболее удобной

рабочей дефиницией дискурса может быть определение с позиций феноменологического подхода. Дискурс — целостное знаковое построение (вербальное и невербальное), которое отражает и сопровождает процесс социального взаимодействия людей.

Подчеркнем интерактивную природу дискурса: он запечатлевает в себе взаимодействие, диалог (см.: [Макаров 2003]). В своей объективности дискурс напоминает многогранный кристалл, стороны которого способны отражать различные особенности этого взаимодействия: национально-этническую, социально-типическую (жанровую), прагмалингвистическую, формально-структурную и мн. др. Каждая из граней рассматриваемого феномена может стать основанием для выделения особого аспекта его рассмотрения, который, в свою очередь, способен сформировать самостоятельный раздел в общей теории речеведения.

Дискурс предстает как макроединица речевого континуума, отражающего речевое поведение носителей языка. При этом в качестве концептуальной базы формирования речеведения больше всего подходит социально-прагматический аспект теории дискурса (см.: [Карасик 2002; Олянич 2004; Шейгал 2000]).

Такой подход к дискурсу не противоречит структурно-стилистическому подходу, а переакцентирует внимание исследователей: в соответствии с основной задачей прагмалингвистики в центре внимания оказывается речевое действие, участниками которого выступают определенные типы языковых личностей, действующие в рамках определенных обстоятельств и условий общения [Карасик 2002: 27.].

Социально-прагматическая концепция дискурса опирается на типологию сфер общения и коммуникативных ситуаций, которая строится на основе противопоставления личностно-ориентированного (персонального) / статусно-ориентированного (институционального) типов дискурсов. Каждая разновидность дискурса нуждается в более детальном членении, сочетающем в себе представления о специфике той или иной социальной сферы общения и индивидуальных особенностей языковых личностей, принимающих участие в интеракции. Возможность такой дифференциации дает система единиц генристики, где в качестве центральной категории, как уже было сказано, выступает категория «**речевой жанр**».

Жанрам речи посвящена глава 3 этой книги. В частности, о месте речевого жанра по отношению к смежным явлениям: субжанру, гипержанру, внутрижанровой стратегии и тактике — см. с. 168—171.

Различные ситуации социального взаимодействия людей представляют говорящим разную степень стратегической и тактической свободы. Здесь прежде всего различаются письменные и устные жанры речи. Устный и письменный тексты находятся как бы на разном расстоянии от их создателя. Письменная речь вынуждена опираться на наиболее формальный, технический способ разворачивания мысли в слово, потому письменные жанры дают автору сообщения значительно меньшую свободу для языкового варьирования, нежели жанры речи устной, широко использующей преимущества и недостатки непосредственного общения. Так, в речевых жанрах *заявления, объяснительной записки*, даже письменного *научного отчета* значительно меньше проявляется индивидуальный стиль личности, чем, скажем, в жанре *светской беседы* или *публичной лекции*. Особенно стандартизированы жанры делового дискурса.

Сказанное позволяет противопоставить по степени вариативности (жанровой свободы) жанры *официальной (публичной) / неофициальной (бытовой) речи*. Можно, к примеру, говорить о разных стратегических возможностях у *научного доклада* или *интервью* и *болтовни* или *бытовой ссоры*. Разработка общей теории речевых жанров неизбежно сталкивается с целой серией вопросов о существовании и функционировании жанровых норм речевого поведения людей.

Жанровые нормы в меньшей степени подчиняются формализации, нежели ортологические нормы литературного языка. Как справедливо отмечает Е. Ф. Тарасов, поведение членов социума «определено социально-кодифицированными и некодифицированными нормами. Знание этих норм характеризует личность как общественное существо, и следование этим нормам составляет одну из существенных сторон бытия личности» [Тарасов 1974: 272]. Важнейшей характеристикой жанровой нормы и должно быть соответствие речевых форм социальной ситуации взаимодействия людей. Мера нормативности речевого поведения в разных жанрах зависит от степени жесткости, формализованности социальных отношений в разных сферах общения. К числу жестко нормативных можно отнести многочисленные ситуации делового, военного и т. п. институ-

ционального общения. Ненормативные ситуации социального взаимодействия индивидов (и прежде всего — многообразные ситуации повседневного бытового общения) предоставляют говорящему большую свободу в построении внутрижанровой интеракции. При этом категорию ненормативности следует понимать как относительную: разные ситуации устной коммуникации характеризуются неодинаковой степенью жесткости, и эта степень может расширять или сужать меру вариативности в рамках нормативного речевого поведения. Здесь нужно иметь в виду только одну закономерность: чем больший спектр языковых возможностей предоставляет речевой жанр говорящему, тем больше языковая личность может проявить индивидуальные особенности в пределах нормативного речевого поведения. В рамках нежестких ситуаций речевого общения необходимо соблюдать общую тональность, задаваемую гипержанром, использовать разнообразные жанры речевого взаимодействия в рамках общего события, определяющего гипержанр, и, наконец, гибко применять тактики внутрижанровой интеракции в ходе развития коммуникации. Результативное и эффективное разворачивание интеракции в типических ситуациях устного публичного официального общения предполагает использование многообразных тактик риторического общения (к их числу, например, можно отнести знаменитые топики красноречия).

Значительное теоретическое пространство речеведения располагается между проблемами «жанр и социальная группа» и «жанр и личность».

Первая из названных проблем чаще затрагивает область лингвокультурологии, определяющей круг задач генристики поисками **этнолингвистических** отличий в структуре и семантике одноименных жанров речи (см., например: [Дементьев, Фенина 2005; Дементьев 2007а; 2007б; Ларина 2003; Седов 2006; Слышкин 2005]). В этой связи нам кажется чрезвычайно важной и продуктивной мысль о том, что разные культуры оказывают разные предпочтения разным жанрам, структурирующим коммуникативное пространство этноса.

Как справедливо пишет В. В. Дементьев, существует только один, действительно важный, признак, который может быть положен в основу лингвокультурологической / концептологической типологии РЖ: деление жанров и жанровых образований, используемых

в коммуникативном пространстве внутри определенной речевой культуры, на поддерживаемые данной культурой и не поддерживаемые ею [Дементьев, Фенина 2005: 11].

Этнические отличия в построении внутрижанрового взаимодействия демонстрируют нейтральные жанры повседневного общения, которые в отечественной генристике часто называют терминами *болтовня* (*бытовой разговор*), *разговор по душам* и *светская беседа* (*светский разговор*). Все они выступают вариантами общего инварианта — жанра *разговор* — и могут различаться на основе эмоционально-концептуальных признаков.

Эмоционально-концептуальные несовпадения жанровой лингвокультурной картины мира приводят к тому, что Г. Г. Слышкин предлагает называть концептуальным диссонансом. Именно этим объясняется то, что англичане считают русских или грубыми ((-) в жанре *бытовой разговор*), или навязчивыми ((-) в жанре *разговор по душам*); поляки приписывают нашим соотечественникам неумение строить «вежливое общение» и излишнюю откровенность ((-) в жанре *разговор по душам*); немцы считают нас излишне легкомысленными ((-) в жанре *бытовой разговор*). Соответственно, англичане кажутся нам отчужденными и фальшивыми, поляки — неискренними и хитроватыми, немцы — мнительными и ригидными. Определение своего / чужого по жанровому признаку можно назвать чувством жанровой идентичности.

Развивая мысль о воздействии социума на структуру жанра, мы приходим к выводу о том, что в рамках одного этноса разные социальные образования также способны поддерживать / не поддерживать разные речевые жанры или их варианты. Так, прежде всего необходимо поставить проблему территориальной и региональной жанровой идентичности языкового сознания. В докторской диссертации В. Е. Гольдина [1997] впервые была высказана мысль об отличии жанрово-речевых картин мира села и города. Любой уроженец крупного областного центра испытывает некоторую неловкость в общении с деревенскими жителями. Автор этих строк был свидетелем коммуникативного конфликта между студентками, проходившими под его руководством диалектологическую практику, и местными жителями небольшого села, причиной которого стало неумение городских девушек строить коммуникацию в соответствии с норма-

ми сельского нейтрально-жанрового общения. Специфика жанрового мышления обитателей деревни относится к числу белых пятен речеведения. В еще большей степени это относится к жанровой картине небольших городков — районных центров, бывших уездных городов и т. п., — речежанровая идентичность которых определяет своеобразие языкового сознания их жителей.

Больше других социальных сфер, определяющих жанровую идентичность сознания, повезло в речеведении профессиональным большим и малым социальным группам. Основная заслуга здесь принадлежит Волгоградской школе дискурсивной лингвистики, известной у нас как школа В. И. Карасика (см., например: [Жура 2008; Карасик 2002; Шейгал 2000] и др.). Довольно подробно изучены жанровые предпочтения политического, медицинского, педагогического курса. Другие профессиональные сферы ждут своих исследователей.

К числу неисследованных пространств речеведения относится и комплекс проблем онтогенеза жанрового мышления, жанровой компетенции. Во многих своих публикациях не раз мы ставили проблему изучения детского персонального дискурса, под которым мы понимаем коммуникативное пространство, отражающее каждодневное речевое поведение становящейся языковой личности. Формирование жанровой компетенции неизбежно оказывается в центре коммуникативной онтолингвистики. Если говорить об истоках жанрового мышления, то их следует искать уже в младенческом возрасте, в самом начале жизни человека. Здесь мы как бы сталкиваемся с парадоксом: жанровое мышление начинает формироваться значительно раньше первых вербальных проявлений, задолго до начала образования у ребенка языковой структуры. Повторяющиеся ситуации взаимодействия ребенка с взрослыми уже закладывают протожанровую основу коммуникативной компетенции языковой личности, которая станет базой для формирования ее дискурсивного мышления. В ходе своего социального становления языковая личность «вращается» в систему жанровых норм. В свою очередь эта система «вращается» в сознание говорящего индивида по мере его социализации, определяя уровень его коммуникативной компетенции, влияя на характер его дискурсивного мышления. При этом каждый возраст имеет свою жанровую идентичность: свои речежанровые пред-

почтения демонстрируют дошкольники, подростки и т. д. Молодежь как возрастная и социальная группа кроме возрастной речеванровой идентичности различается и по иным признакам социальной принадлежности.

Логика приведенных выше рассуждений предполагает все большее сужение социального пространства обитания человека до таких малых социальных групп, как неформальные объединения по интересам (рыбалка, охота, фитнес, огородничество, баня и т. п.). Здесь мы тоже можем встретить речеванровую идентичность. Предпоследней ступенью в выделении критериев дифференциации коммуникативного пространства будет семья, семейная коммуникация, которая также уникальна по жанровым признакам.

Наконец, последним звеном в цепи проблем изучения жанровой компетенции будет индивидуальный человек, его сознание, где жанровый слой выступает в виде «приводных ремней», соединяющих глубинный концептуальный подвал, где хранится социальный опыт, с верхним уровнем языковых сетей, где знания репрезентируются в вербальный дискурс. В этом случае речеведение вторгается в недавно сформировавшуюся область антропологической лингвистики, которая получила название **лингвоперсонологии**, или **лингвистики индивидуальных различий** (подробнее см.: [Карасик 2007; Седов 2008а]). Для моделирования жанровой компетенции индивидуального человека нами введено понятие «личностный комплекс», где в качестве критериев для создания речевого портрета личности через призму жанровой компетенции используются стратегические особенности речевого поведения, жанровые и тактические предпочтения в построении дискурса (подробнее см.: [Седов 2007б; 2008б]). Разные по коммуникативным чертам характера личности в сходных ситуациях социального взаимодействия будут демонстрировать различия в речеванровой идентичности.

Высказанные соображения не исчерпывают круг проблем современного речеведения. Они намечают лишь один из векторов ее развития — движение в сторону социальной психологии и социологии. Однако не это главное. Существование лингвистики в современной культурной ситуации невозможно в условиях самоизоляции от других сфер знаний. Обращение же к достижениям других наук позволит расширить ее пространство и открыть новые перспективы, возвращая ее к человеку и его социальному бытию.

1.2. Общая психолингвистика и ее место в пространстве ФЛ-науки*

Основные категории современной психолингвистики, ее место среди других наук, предмет, методы, пути развития и т. п. остаются дискуссионными.

Дело в том, что отечественная ФЛ в своем становлении сейчас переживает этап, основной приметой которого выступает остро ощущаемая потребность в самоопределении и самопрезентации. Это время «собирать камни», время объединять огромный по объему и многообразный по качеству багаж научных достижений — гипотез и концепций, результатов экспериментов и наблюдений и т. п. — в целостную и внутренне структурированную учебно-научную отрасль¹. Возникнув на магистральном направлении развития мировой гуманитарной мысли, стимулируемая практическими нуждами психологии, педагогики (включая сюда и методику преподавания родного и иностранного языков), неориторики, медицины и т. п., психолингвистика за менее чем полувековую историю своего существования не только сумела «оттоптать» себе суверенное научное пространство, но и год за годом все настойчивее продолжает расширять пределы своей вотчины. Сейчас она все отчетливее осознает себя самостоятельной наукой, наукой со своим и только ей свойственным предметом изучения, методами, кругом проблем и исследовательских задач, которые намечают границы, отделяющие ее от смежных сфер.

Однако было бы безответственным утверждать, что к нынешнему моменту облик нашей науки имеет четкие контуры внешнего и внутреннего разграничения, что окончательно разработан и упорядочен ее категориальный и терминологический аппарат и мн. др. Как совершенно справедливо пишет Р. М. Фрумкина, «психолингвистика — это прежде всего определенный **ракурс**, в котором изучаются язык, речь, познавательные процессы. Это вовсе не безграничная, но достаточно разнообразная совокупность вопросов, на которые мы ищем ответ»

---

* Седов К. Ф. Принципы построения современной отечественной психолингвистики // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 105—110.

¹ Результатом рефлексии в указанном направлении стало появление в последнее пятилетие целого букета учебной литературы по психолингвистике [см., например: Глухов 2005; Горелов, Седов 2001; Залевская 1999; Леонтьев 1997; Психолингвистика 2006; Седов 2007а; Фрумкина 2001].

[Фрумкина 2001: 4]. Можно также согласиться с мнением Е. Ф. Тарасова, который утверждает, что психолингвистика в настоящее время — «это собирательное название для научных теорий, ориентирующихся часто на не только несовпадающие, но иногда и прямо противоположные методологические представления» [Тарасов 1991: 3].

Действительно, в общем пространстве ЯЛ-науки многое предстает нечетко определенным и недостаточно дифференцированным. При осознании своей научной полноценности, высокого уровня влияния и практической востребованности психолингвистика демонстрирует низкий уровень саморефлексии. Подобное положение приводит к тому, что на нынешней стадии своего становления она предстает как своего рода инвариант разных психолингвистик. Правильнее даже будет сказать так: психолингвистика — наука, но образ этой науки у разных ее представителей и адептов свой. Именно поэтому «базовые представления о психолингвистике как предмете учебного курса не сложились» [Фрумкина 2001: 4]. Подобное чувство чаще всего возникает в процессе преподавания нашей науки в вузе и школе. Взгляд на психолингвистику «с высоты птичьего полета» как на что-то целостное и единое выявляет массу противоречий практически по всем ключевым вопросам.

Однако не следует преувеличивать степени аморфности и релятивизма в облике нашей науки. Более того, наличие разных точек зрения, противоречий и т. п. создает особую романтическую атмосферу, когда гляцевый блеск устоявшихся истин еще не способен затмить яркого света новых научных идей. На фоне таких «пожилых» наук, какими выглядят языкознание и психология, психолингвистика смотрится юным растущим созданием, черпающим энергию для своего развития из противоборств и столкновений различных концепций.

Попытаемся определить объект и предмет отечественной психолингвистики.

Толчком к формированию нового взгляда на природу человеческого общения, который получил распространение в отечественном языковедении, стали социальные процессы, произошедшие в нашем обществе в последние десятилетия. Демократизация как принцип построения государства, интерес к индивидуальному человеку — личности, — все это и многое другое привело к мысли о необходимости возвращения лингвистики в лоно гуманитарных наук (от *homo* — че-

ловек). И в общем континууме языковедения появились два полюса: лингвоцентрический и антропоцентрический.

Методологической основой антропоцентрического направления стало то, что объектом научного рассмотрения стал не столько язык, сколько человек в его способности к коммуникации (личность — языковая, речевая, коммуникативная и т. д.). Такое понимание сплотило многие стихийно развивающиеся, но не до конца самоопределившиеся области гуманитарного знания, к числу которых можно отнести лингвистическую прагматику, когнитивную и коммуникативную лингвистику и т. д. Центральную же позицию, так сказать, ядерную сферу поля антропоцентрического языковедения (неолингвистики) по праву занимает психолингвистика. Общим объектом, который объединяет науки, составляющие антропоцентрическую парадигму современного языковедения, стала языковая личность, т. е. человек в его способности к коммуникации.

Чрезвычайно непросто вопрос о предмете психолингвистики. Вообще говоря, предмет — это то, что отличает одну науку от другой. И потому его определение — дело весьма сложное и ответственное. Применительно же к психолингвистике разговор о предмете науки очень сильно напоминает разговор слепых, которые ощупывают слона с разных сторон. Так, например, следом за А. А. Леонтьевым [1969] многие авторы учебных пособий в качестве предмета психолингвистики указывают на речевую деятельность. Не вдаваясь в анализ теоретических истоков деятельностной парадигмы советской психологии, ее достоинств и недостатков, отметим, что, ограничивая предмет психолингвистики только лишь речевой деятельностью, мы невольно выбрасываем за борт многообразные помимовольные коммуникативные феномены, которые входят в более широкое понятие речевое поведение.

Термин *речевое поведение* в нашу науку пришел из американской психологии, формирование которой, как известно, проходило под сильным влиянием бихевиоризма. Однако и он также не может составлять предмет ФЛ-науки, так как в этом случае из ее кругозора уходит категория языкового сознания и связанные с ним проблемы изучения скрытых (латентных) механизмов речевого мышления.

Стремлением к преодолению подобного рода позитивизма и эмпиризма становится провозглашение предметом психолингвистики языкового сознания, т. е. того слоя сознания человека, который

оперирует элементами языковой структуры. Но и эта категория не может быть определена как всеобъемлющий предмет ФЛ. Скрытые механизмы речевого мышления затрагивают не только поверхностный слой языкового сознания, но и глубинные безъязыкие когнитивные его пласты, где в качестве знакового материала фигурируют элементы универсального предметного кода, в целокупности выражающего особенности индивидуальной концептосферы человека. И не спасает положение введение промежуточного — коммуникативного — уровня в общей структуре сознания.

Нечеткость в определении предмета психолингвистики приводит к размытости внешних пределов нашей науки. А поэтому она иногда невольно «заезжает» на чужую территорию, будь то когнитология, лингвистическая прагматика, социолингвистика или даже — психология и физиология.

Особенно остро стоит вопрос о внутреннем членении, выделении разделов, объединенных единым кругом научных проблем. Здесь сразу возникают недоумения: как, к примеру, квалифицировать фоносемантику: как раздел психолингвистики или как самостоятельную науку? куда отнести нейропсихолингвистику? какое место занимает в рамках психолингвистики комплекс проблем речевого онтогенеза? психолингвистики межличностной коммуникации? воздействия? и мн. др.

Мы не ставим себе задачей анализ всех существующих в нашей науке подходов и точек зрения. Для знакомства с ними отсылаем читателя к упоминавшейся уже литературе, особенно к всеобъемлющему компендиуму А. А. Залевской [1999]. Точка зрения, на которой базируется автор, представлена в серии работ (см., например: [Горелов, Седов 2001; Горелов 2003; Седов 2004а; 2007а; 2007в] и др.). Она включает в себя широкое понимание границ психолингвистики, в свете которого предмет ФЛ — **коммуникативная компетенция, рассматриваемая в индивидуально-психологическом аспекте.**

Такое определение, несмотря на его излишнюю обобщенность, позволяет объединить разные отрасли ФЛ-науки, каждая из которых будет отражать одну из граней этого многостороннего феномена.

Для четкости внутреннего структурирования ФЛ-науки в ее целостном континууме необходимо провести несколько уровней дифференциации, на первом из которых — выделить общую и частные психолингвистики.

Общая ΨЛ включает в себя наиболее устоявшийся комплекс глобальных проблем и концепций, их разрешающих, которые следует считать методологической базой всех психолингвистических исследований. Это фундаментальный слой науки, где представлена единая, по необходимости умозрительная модель коммуникативной компетенции здоровой (в физическом и интеллектуальном отношении), взрослой личности.

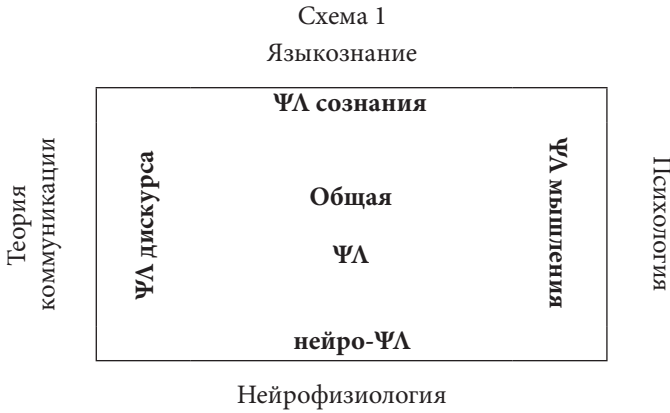
К **частным ΨЛ-ам** следует отнести те области, которые в той или иной мере тяготеют к прикладным сферам знания. Как о сформировавшихся частных психолингвистиках можно говорить о возрастной и социальной ΨЛ. В будущем возможно выделение иных частных ΨЛ, например психолингвистики воздействия, этнопсихолингвистики, психориторики и т. п.

Общая ΨЛ также нуждается во внутреннем структурировании. Следующим этапом дифференциации этой области психолингвистической науки будет выделение ее разделов: ΨЛ сознания, ΨЛ дискурса, ΨЛ мышления и нейро-ΨЛ. Единым основанием для типологии здесь выступает близость того или иного раздела к одной из смежных с психолингвистикой наук.

Каждый раздел общей ΨЛ намечает отдельный аспект изучения общего для ΨЛ предмета. Так, ΨЛ сознания (она более всего тяготеет к традиционному языковедению) исследует коммуникативную компетенцию через призму языкового сознания и функционирования в нем единиц разных языковых уровней; ΨЛ дискурса (она развивается под влиянием теории коммуникации и речевого воздействия) ориентирована на тот аспект коммуникативной компетенции, который отражает особенности речевого поведения личности, воплощенного в дискурсе; ΨЛ мышления (этот раздел больше других связан с психологией) рассматривает скрытые (латентные) механизмы сознания, на которых базируются процессы порождения и понимания высказывания; наконец, нейро-ΨЛ изучает особенности мозговой организации коммуникативной компетенции.

Для наглядности представим такое структурирование схематически в виде квадрата, стороны которого соответствуют четырем разделам общей психолингвистики.

Каждый из разделов общей ΨЛ в свою очередь состоит из подразделов, которые можно выделить на третьем уровне дифференциации. Так, ΨЛ сознания включает в свой состав фоносемантику, комплекс проблем описания ментального лексикона, психолингвистические аспекты изучения словообразования, грамматики и т. п.; ΨЛ дискурса подразделяется на психолингвистику текста (устного и письменного) и область, исследующую роль невербальных компонентов в речевом поведении; ΨЛ мышления включает в себя учение о порождении высказывания, психолингвистическую герменевтику и т. п.; нейро-ΨЛ также подразделяется на сферы, которые изучают разные аспекты мозговой организации коммуникативной компетенции: соотношение структуры мозга и структуры языка, функциональную асимметрию мозга и ее влияние на речь и т. п.

Выделение частных психолингвистик нуждается в обосновании. Главный принцип здесь — соответствие основного комплекса изучаемых проблем общему предмету. Каждая из намеченных частных ΨЛ-наук исследует свой аспект коммуникативной компетенции личности. Так, **возрастная ΨЛ** делает акцент на становлении коммуникативной компетенции в онтогенезе.

Появление в континууме гуманитарного знания возрастной психолингвистики как самостоятельной отрасли ΨЛ становится важной вехой не только в процессе формирования психолингвистики как науки, но и в истории изучения речевого онтогенеза.

Детская речь в нашей стране изучалась давно и успешно. Интерес ученых-гуманитариев к проблеме становления коммуникативной

системы ребенка возрастает год от года. Это проявляется и в увеличении числа диссертационных исследований, посвященных рассмотрению различных аспектов этой проблемы (в том числе докторских диссертаций), и в появлении учебных пособий, где детская речь выступает в качестве учебного предмета (см., например: [Цейтлин 2000; Горелов, Седов 2001]). Отражение возросшего исследовательского интереса демонстрируют и библиографические справочники по вопросам речевого развития (см.: [Материалы к библиографическому указателю 1985; Детская речь 1996]). Для обозначения области науки, которая изучает детскую речь, используются разные терминологические словосочетания: психология детской речи и лингвистика детской речи, онтолингвистика и т. п.

Однако говорить о выделении лингвистики / психологии детской речи в самостоятельную науку не представляется целесообразным. Область знаний, изучающая проблемы речевого онтогенеза, на нынешнем этапе своего развития пока еще предстает в виде серии мало связанных между собой по задачам, методам и материалу исследований. Это обусловлено, главным образом, тем, что речь ребенка рассматривается учеными, которые принадлежат к разным научным направлениям, а подчас — и к разным наукам. Традиционно она выступает объектом исследований и лингвистов, и психологов, и логопедов, и педагогов, специализирующихся в области преподавания родного языка в школе.

Между лингвистикой детской речи и психологией детской речи наблюдается своего рода информативный барьер. В новейших учебниках по возрастной психологии игнорируются достижения таких ученых, защитивших докторские диссертации в филологических советах, как А. М. Шахнарович [1999], И. Н. Горелов [1974], С. Н. Цейтлин [2000], Н. И. Лепская [1997], Е. И. Исенина [1986], И. Г. Овчинникова [1994], К. Ф. Седов [2004a], Н. М. Юрьева [2006] и др. В фундаментальном томе психологической энциклопедии, посвященном вопросам развития человека [Психология человека 2002], нет ни одного упоминания работ названных авторов. Из исследований лингвистов, разрабатывающих проблемы речевого онтогенеза, психологи знают главным образом лишь классические труды А. Н. Гвоздева [1961]. Лингвисты к психологам относятся более толерантно, однако в большей степени это относится к трудам классиков психологии: Л. С. Выготского [1982], Н. И. Жинкина [1998], А. Р. Лурия [1979] и т. п.

Несколько более отрадная ситуация наблюдается в отношениях онтолингвистов и логопедов. Общим объектом изучения здесь выступает фонетика детской речи. Лингвистам хорошо известны работы В. И. Бельтюкова [1977], Е. Н. Винарской [1987]. В исследовании других аспектов речевого развития детей картина не столь оптимистична.

Довольно долго у лингвистики детской речи не было никаких контактов с методикой преподавания русского языка в школе. Здесь сказывалось стремление чистой науки отмежеваться от педагогической практики. Более того, именно подобное «исследовательское высокомерие» привело онтолингвистику к пагубному отрицанию в качестве предмета исследования речи школьников. Однако в последние два десятилетия у лингвистики детской речи и методики намечилось общее научное пространство — риторика и культура речи.

В языкознании начало изучения детской речи традиционно связывают с книгами К. И. Чуковского [1958] и А. Н. Гвоздева [1961]. Первые лингвистические исследования речевого онтогенеза осуществлялись в рамках доминировавшего в отечественной науке традиционного лингвоцентрического подхода. Потому поначалу усилия ученых были сосредоточены главным образом на описании грамматики детского языка, на выявлении закономерностей овладения ребенком родным языком как системой. Усвоение языка в его основных формах у ребенка протекает первые пять-шесть лет жизни. Это период в становлении языковой личности, который в психологии носит название стадии самонаучения языку. Что же происходит в речевой эволюции дальше? Каковы законы и механизмы формирования коммуникативной компетенции? На эти вопросы традиционная лингвистика не могла, да, собственно, и не хотела давать ответы.

«Антропоцентрический взрыв», который переживают последние два десятилетия в нашей стране гуманитарные науки, стал новым мощным стимулом к развитию и науки о детской речи. Как уже было сказано, неолингвистика во главу угла ставит не столько описание языковой структуры, сколько изучение человека в его коммуникативной компетенции. Речевой онтогенез в работах неолингвистов очень часто выступает предметом или материалом изучения. Одним из следствий интенсивного развития антропоцентрической лингвистики стало раздвижение границ объекта онтолингвистических исследований: кроме того что в кругозор языковедов наконец-то вошла речь школьников [Седов 2004а; Лемяскина 2004], онтолингвистика обрати-

ла свой взгляд на дословесный этап становления коммуникативной компетенции ребенка [Исенина 1986; Лепская 1997].

К настоящему времени в изучении речевого онтогенеза сделано очень многое. Однако до сих пор комплекс проблем становления коммуникативной компетенции представляет собой исследовательское пространство, в котором можно обнаружить много неизученных белых пятен. К числу таких неисследованных пространств следует отнести проблемы развития речевого мышления дошкольников и школьников, становление языковой личности ребенка, проживающего в сельской местности, взаимосвязь речевого развития и социальных условий формирования личности, гендерный аспект эволюции коммуникативной компетенции, становление речи в условиях дизонтогенеза (речь слепых, глухих, умственно отсталых и т. д.) и мн. др.

Напрашивается мысль о необходимости объединения усилий ученых, в той или иной степени обращающихся в своих исследованиях к феномену речевого онтогенеза. Что же мешает такой интеграции? Одним из препятствий к подобному объединению, по нашему мнению, становится узость и кастовость мышления ученых-языковедов, их нежелание выйти не только за пределы своей науки в соседние научные пространства, но и расширить кругозор когда-то выбранного научного направления. В свое время Э. Сепир прозорливо писал:

Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют — и обвиняют справедливо — в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социологическими и психологическими проблемами, которые вторгаются в область языка [Сепир 1965: 237—238].

Ученый-языковед, изучающий детскую речь, не может глубоко интерпретировать факты речевого развития, не обладая знаниями в области психологии (возрастной, социальной, психологии мышления и др.), психофизиологии и нейропсихологии и т. п. Исследование становления коммуникативной компетенции человека предполагает объединение усилий различных наук. Область знаний, предмет которой — речевой онтогенез, может располагаться лишь в зоне междисциплинарных исследований, на пересечении разных наук. А такое пространство легко оформляется в самостоятельную научную

область на территории современной психолингвистики, образуя одну из ее отраслей — возрастную психолингвистику (или — психолингвистику развития). Именно в рамках возрастной психолингвистики возможна интеграция результатов исследований ученых, рассматривающих разные аспекты *становления коммуникативной компетенции личности*.

Дальнейшее развитие возрастной УЛ неизбежно приведет ее к потребности внутреннего членения на отрасли и разделы. И основным критерием для выделения подобных отраслей будет соседство с другими прикладными областями знаний. Так, вероятно появление в ее рамках общей теории речевого онтогенеза, онтогенеза языкового сознания, возрастной нейро-УЛ, теории детского дискурса и т. п.

Нейролингвистика зародилась у нас и за рубежом в конце 50-х — начале 60-х годов. Она возникла в междисциплинарном пространстве, на стыке по крайней мере трех наук — неврологии, психологии и лингвистики. Появлению этой области знаний способствовали практические потребности афазиологии — отрасли медицины, которая занимается лечением людей, страдающих нарушениями речи при локальных поражениях головного мозга — афазиях. «Отец» российской нейролингвистики Александр Романович Лурия определял ее как сферу науки, которая «изучает мозговые механизмы речевой деятельности и те изменения в речевых процессах, которые возникают при локальных поражениях мозга» [Лурия 1975: 3].

Первые достижения нейролингвистики были связаны с решением практических задач диагностики и коррекции речевых нарушений. Однако связь с психологией и лингвистикой все больше влияла на ее стремление осознать себя самостоятельной теоретической отраслью знаний, которая имеет свои и только ей присущие предмет и методы. Мощным толчком к теоретическому самоопределению нейролингвистики стало возникновение и стремительное развитие в нашей стране еще одной молодой науки — психолингвистики.

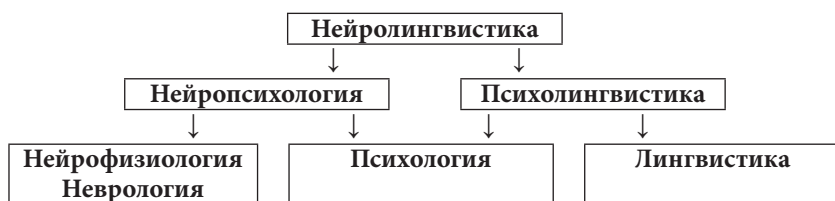
Процесс развития отечественной психолингвистики по интенсивности можно сравнить с взрывом. Самоопределение этой области знаний происходило и происходит методом вторжения в соседние научные сферы. Именно психолингвистика на первых этапах своего становления приютила нейролингвистику на своей научной территории, довольно бесцеремонно вытаскивая ее из области практической педагогики и медицины.

К настоящему моменту нейролингвистика еще не обрела статуса самостоятельной науки. Отчасти это связано с отсутствием у ведущих специалистов в этой области единства в понимании базовых для науки параметров: разные исследователи по-разному определяют место нейролингвистики среди других наук, предмет, задачи и т. п. Кстати сказать, показателем научной незрелости рассматриваемой нами отрасли знаний следует считать и отсутствие посвященной ей учебной литературы.

Один из ведущих специалистов в области отечественной нейролингвистики Т. В. Ахутина свое представление о ее месте в общем научном континууме иллюстрирует следующей схемой (см. [Ахутина 1989]).

Схема 2

Соотношение нейролингвистики с другими науками

Мы исходим из несколько иного понимания места интересующей нас научной области в окружении других наук. Как уже было сказано, область знаний, в рамках которой происходит познание закономерностей мозгового управления коммуникативной компетенцией человека, нуждается в терминологическом переименовании. И поэтому в качестве синонима к уже существующему термину «нейролингвистика» мы предлагаем новое наименование — **нейропсихолингвистика** (или **нейро-ЦА**). Прежде всего, это подчеркивает мысль о том, что данная отрасль знаний должна рассматриваться как составная часть, раздел общей психолингвистики.

Важно понимать, что мозг человека отражает не столько структуру языка, сколько способность личности к коммуникации, общению. А в рамках этой способности, коммуникативной компетенции язык и сознание, речь и мышление, слово и образ, вербальные и невербальные знаковые компоненты сосуществуют, перетекают друг в друга. Коммуникативная компетенция как функция мозга обслуживает сложные механизмы и процессы порождения и понимания речи

в самых разных социально значимых ситуациях социального взаимодействия людей. Именно эти процессы и механизмы изучает психолингвистика. Поэтому психолингвистика органично включает в себя проблемы нейролингвистики (психолингвистики мозга) как одного из аспектов индивидуально-психологического исследования важнейшей человеческой ипостаси: способности говорить и мыслить.

Направления и школы, которые сформировались в современной отечественной нейролингвистике, отчасти соотносятся с направлениями психолингвистики.

Раньше всего в российской психолингвистике сложилась школа, которую уместно будет назвать школой Выготского — Леонтьева. Ее создатель — Алексей Алексеевич Леонтьев по праву считается «отцом» отечественной психолингвистики. Созданное им научное объединение базировалось главным образом на достижениях отечественной психологии и прежде всего на концептуальных положениях, разработанных «моцартом психологии» Львом Семеновичем Выготским и его учениками и соратниками (А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьевым и др.). В основу психолингвистики тогда была положена теория деятельности, потому отечественный вариант психолингвистики на ранних стадиях ее формирования стали именовать теорией речевой деятельности. На первых порах — в 60—70-е годы — она практически полностью определяла круг проблем и теоретических достижений в изучении индивидуально-психических особенностей языковой личности. Школа Леонтьева — Выготского сливается с направлением в нейролингвистике, которое тоже можно обозначить как Московская школа (наиболее яркий ее представитель — Татьяна Васильевна Ахутина).

Однако наряду со школой Выготского в отечественной психолингвистике возникли и иные научные объединения. К числу наиболее авторитетных исследовательских группировок можно отнести круг ученых, развивавших идеи талантливого психолога и психолингвиста Николая Ивановича Жинкина. Его идеи наиболее полно и последовательно развил один из наиболее ярких отечественных психолингвистов «первой волны» Илья Наумович Горелов [1987; 2003], поэтому это научное направление обычно называют школой Жинкина — Горелова.

Особую роль в формировании нейропсихолингвистики сыграли достижения Петербургской школы ШЛ, создателем которой следу-

ет считать Леонида Вольковича Сахарного. Именно здесь произошло соединение достижений Петербургской нейролингвистики (школы Льва Яковлевича Балонина и Вадима Львовича Деглина) с концептуальными положениями ФЛ-науки. Именно в Петербурге комплекс интересующих нас наук всегда рассматривался в связке «нейро- + психолингвистика». И термин *нейропсихолингвистика* более всего подходит для обозначения именно этого научного направления. В настоящее время им руководит Татьяна Владимировна Черниговская.

Другая частная ФЛ, становление которой происходит на наших глазах, — это **социальная психолингвистика**. Она границы своей вотчины определяет в междисциплинарном пространстве между психолингвистикой, стилистикой, социальной лингвистикой и социальной психологией. Хотел бы специально подчеркнуть, что увеличение территории психолингвистики не есть результат интервенции, захвата чужих владений. Область знаний, о которой идет речь, развивается путем утверждения нового взгляда на традиционный научный предмет. Это иной ракурс рассмотрения феномена коммуникации; он не отменяет прежних достижений языковедения, а лишь наполняет их новым смыслом, открывая в нем ранее не известные свойства и законы. Традиционная лингвистика в фокус своего рассмотрения ставит язык как систему фонетических, грамматических и лексических форм. По своей методологии она восходит к направлению, которое М. М. Бахтин называл абстрактным объективизмом [Бахтин 2004: 89].

Стремление преодолеть недостатки указанного подхода привело ученых к созданию функциональной парадигмы в языкознании. Мощным стимулом к ее разработке стал, во-первых, неуклонно увеличивающийся интерес к живой жизни языка, а во-вторых, практическая потребность в создании оптимальной модели эффективного коммуникативного взаимодействия в социуме. Суть функционального подхода состоит в стремлении проследить, как язык проявляет себя, функционирует в разных социальных условиях. Именно он обусловил многие достижения отечественного языкознания 70—80-х годов, и прежде всего развитие русской стилистики (подробнее см.: [Костомаров 2005]).

Отечественная стилистика стала благодатной почвой, на которой произросли жизнеспособные ветви современной науки о языке. Прежде всего, это коллоквиалистика, наука о разговорной речи. Исследование живого повседневного общения позволило языковедам сделать

шаг от лингвоцентрической парадигмы к антропоцентрической. Еще один шаг в указанном направлении привел к возникновению речеведения [Шмелева 2000], которое демонстративно в центр рассмотрения ставит не язык, а речь. Наконец, стилистика породила социолингвистику — науку, родственную психолингвистике. Признавая успехи указанных направлений развития языкознания, все же должен констатировать, что в своих методологических основах они демонстрируют ограниченность, предопределенную тяготением к лингвоцентризму. Языковеды, прошедшие школу формального изучения языковой структуры, никак не могут (а иногда — боятся) оторваться от привычного объекта исследования — языка.

Изменению ракурса рассмотрения социально-коммуникативных феноменов способствовало появление и укрепление в нашей науке антропоцентрической парадигмы, о чем мы уже вели речь ранее. При этом социальная психолингвистика органично вошла в общее пространство ЯЛ-науки, намечая свой аспект рассмотрения ее общего предмета, т. е. социально-психологический аспект коммуникативной компетенции индивида. Такое определение ее предмета позволяет провести демаркационную линию между социальной лингвистикой и социальной ЯЛ.

Термином *социолингвистика* сейчас довольно часто называют две разные отрасли знаний: обычно их различают как макро- и микро-социолингвистику. Макросоциолингвистика предполагает «изучение межгрупповой интеракции на уровне крупных групп, вплоть до контактирующих наций и государств», микросоциолингвистика основана на «анализе, сфокусированном на индивида в неформальной внутригрупповой интеракции малых групп» [Белл 1980: 45]. Совершенно очевидно, что между терминами *социолингвистика* и *макросоциолингвистика* нужно поставить знак равенства. Это область знаний, которая изучает круг проблем языковой стратификации (образование креольских языков, особенности национальной политики в странах и регионах и т. п.), функционирование территориальных и социальных диалектов и т. п. Все же, что называется микросоциолингвистикой, что имеет отношение к индивидуальной коммуникативной компетенции, — это сфера социальной психолингвистики.

Другая отрасль знаний, с которой у социальной психолингвистики есть общее научное пространство, — это социальная психология. Точками соприкосновения в этом случае могут стать психология меж-

личностного общения, психология влияния и т. п. Впрочем, здесь мы чаще всего наблюдаем привычную непроницаемость разных наук: занимаясь одними и теми же проблемами, психологи и лингвисты (психолингвисты в том числе) не знают работ друг друга. Мы не будем сейчас подробно анализировать общность проблем и разницу их интерпретации, которая наметилась в психологии и психолингвистике. Ограничимся сетованием на непонимание и выскажем надежду на будущее сотрудничество наук в перспективе.

Внутреннее членение социальной ФЛ должно строиться на основе реально наметившихся к настоящему времени комплексов проблем. Пока здесь нет ясных критериев для выделения границ разделов и подразделов. В качестве четко выделившейся области социальной психолингвистики можно говорить об этнопсихолингвистике. Ее усилия направлены на исследование особенностей коммуникативной компетенции, которые обусловлены принадлежностью индивида к тому или иному этносу.

Другой раздел интересующей нас отрасли знаний не имеет столь четко очерченного круга однородных тем. Это психолингвистика межличностного общения. В ее рамках выделяются комплексы проблем статусно-ролевой природы коммуникации, проблемы институциональных и персональных, информативных и фатических видов речевого поведения, проблемы речевых жанров как вербально-знаковых способов сопровождения социальнозначимой интеракции и т. д.

В качестве особого направления развития социальной психолингвистики следует указать на теоретико-практическую область, которая пока не имеет единого терминологического обозначения. Приведем некоторые из них: ФЛ-риторика, суггестивная психолингвистика, психолингвистика воздействия, психолингвистическая конфликтология и т. д. Задача этой научной отрасли — исследование конструктивных и деструктивных способов речевого воздействия, разработка эффективной модели коммуникативного взаимодействия людей и т. п.

Как всякая молодая наука, психолингвистика не имеет жесткой структуры. В ее составе со временем могут появиться новые частные ФЛ; в рамках общей ФЛ возможно выделение иных отраслей и разделов.

Разумеется, представленные соображения не претендуют на универсальность; они представляют читателю лишь одну из многих возможных моделей отечественной ФЛ.

1.3. К основаниям лингвистики индивидуальных различий*

Современный этап развития отечественной лингвистики знаменует переход от изучения общих свойств коммуникации, сознания, речевого поведения к попыткам определения своеобразия коммуникативных проявлений, которые присущи либо социальной группе, либо являются характеристиками отдельно взятого индивида. Иными словами, ученых все больше занимает, чем люди в общении и речевом мышлении отличаются друг от друга.

В разных городах нашей страны учеными различных направлений и научных школ накоплен значительный багаж подходов и методов моделирования индивидуально-личностных особенностей коммуникативной компетенции (идиостиля, речевого портрета, коммуникативной личности) человека (см., например: [Аксиологическая лингвистика 2005; Ерофеева 1991; 1996; Карасик 2007; Лингвоперсонология... 2006; Наумов 2006] и др.). И сейчас наступает, наконец, момент, когда критическая масса превысила тот рубеж, когда количество должно перейти в качество: разрозненные исследования интегрируются в самостоятельное направление ФЛ-науки. Для обозначения этого направления используются два конкурирующих термина — *лингвистика индивидуальных различий* и *психолингвоперсонология*.

Прежде чем предлагать принципы возможного моделирования идиостиля, нужно определить основные категории намеченной научной области. Что, собственно, выступает в качестве предмета исследования?

На правах частичных синонимов учеными используются обозначения: *языковая* (речевая, коммуникативная) *личность*; *языковое* (речевое, коммуникативное) *сознание*; *языковое* (речевое, коммуникативное) *поведение*; *языковая* (речевая) *деятельность*; а также *коммуникативная компетенция* (индивида, личности, человека); *идиостиль*; *речевой* (языковой, коммуникативный) *портрет* и мн. др.

Для начала разберемся с личностью.

---

* Седов К. Ф. К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах речевого портретирования) // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 2007. Вып. 7. С. 6—29; Седов К. Ф. Модель коммуникативной компетенции (онтологический, аксиологический, гносеологический аспекты) // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 2010. Вып. 10. С. 183—210.

Очень большое распространение в отечественной лингвистике 90-х годов получил термин *языковая личность*. В кругозор науки его ввел Г. И. Богин [1984; 1986], после чего подхватил и канонизировал в своей книге Ю. Н. Караулов [1987]. Авторитет (научный и административный) ученого привел к тому, что языковой личностью стали называть любую коммуникативную характеристику, выступающую отличительной особенностью текста, профессии, возраста, лирического произведения, стиля и т. д. и т. п. Автор настоящей монографии не избежал воздействия подобной тенденции и в течение двадцати лет активно использовал термин в своих работах. Однако со временем значение терминологического словосочетания «*языковая личность*» потеряло четкость, становилось все более расплывчатым. В результате термин перестал «работать». Чтобы поправить дело, лингвисты, имеющие склонность к терминотворчеству, на правах синонимов ввели сходные обозначения: *речевая личность*, *коммуникативная личность* (см., например: [Красных 2003; Стернин 2001]). Однако увеличение числа синонимичных терминообозначений не проясняет, а еще больше запутывает суть проблемы.

В психологии, откуда, собственно, и пришел термин, существует значительное число концепций, представляющих обоснование этого понятия. Подавляющее большинство психологов считают, что личность — результат социализации индивида, в ходе которой происходит его приобщение к культурным ценностям, выработанным человечеством за тысячелетия своего становления. Термин *личность* обычно трактуется в связи с близкими понятиями *индивид* и *индивидуальность*: индивидом человек рождается на свет, личностью становится, а индивидуальность свою отстаивает. Итак, личность — это относительно устойчивая совокупность психологических свойств, которая формируется в результате включения индивида в пространство межличностных связей. Это целостное многоуровневое и многогранное семиотическое образование, которое представляет собой модель, отражающую и выражающую систему культурно-психологических характеристик человека. Способность к коммуникации — одна из важнейших граней личности; она может быть измерена, иметь индивидуально выраженный характер. Так же как и личность в целом, это свойство может становиться объектом моделирования.

Традиция использования терминологических сочетаний, где слово *личность* стоит после прилагательного-определения, обычно

заставляет включать обозначаемое понятие в систему бинарных оппозиций: *волевая, эмоциональная, агрессивная, кооперативная, элитарная личность / безвольная, неэмоциональная, неагрессивная, некооперативная, неэлитарная личность*. Закон структурно-семантической аналогии заставляет искать элемент бинарной оппозиции и в терминах *языковая, речевая, коммуникативная личность*. Поэтому при обилии синонимических обозначений, на мой взгляд, лучше будет пожертвовать указанными терминами и отказаться от их использования. Гораздо больше соответствуют русскому языку номинации *«речевой портрет личности»; коммуникативная (жанровая, текстовая, статусно-ролевая, ортологическая и т. д.) компетенция личности; коммуникативное поведение личности* и т. п. Возможно, я не прав.

Необходимо соотнести предмет лингвистики индивидуальных различий с общим предметом ПЛ-науки. Таким предметом следует, по нашему мнению, считать коммуникативную компетенцию, которая рассматривается в индивидуально-психологическом аспекте. Предметом психолингвоперсонологии, в русле заявленного подхода, будет модель коммуникативной компетенции личности. Она включает в себя аспекты (границы), которые показывают коммуникативную составляющую разных уровней личности. Коммуникативная индивидуальность человека складывается из комбинации типологических черт коммуникативной компетенции, которые относятся к разным типологиям, дифференцирующим личностей на основе различных оснований (об этом — чуть ниже).

Что же считать объектом и (что ничуть не менее значимо) материалом исследования? Основной объект психолингвистики индивидуальных различий — коммуникативное (речевое) поведение, дискурс, явленный ученому в виде процесса и продукта — конкретных речевых произведений, будь то связные и цельные тексты или результаты ассоциативных или любых иных экспериментов. В современной науке нет единства в толковании значения термина «дискурс». Однако ныне в большинстве работ отечественных и зарубежных ученых (см., например: [Арутюнова 1998; Карасик 2002; Красных 2003; Макаров 2003] и мн. др.) сложилась традиция, в рамках которой под словом **дискурс** понимается целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций. Мы не ставим своей задачей подробное реферирование и критиче-

ский анализ всех накопившихся к настоящему времени в науке точек зрения на рассматриваемый феномен. Расставим лишь некоторые акценты, необходимые для уточнения методологического фундамента предлагаемой модели. С нашей точки зрения, наиболее удобной рабочей дефиницией дискурса может быть определение с позиций феноменологического подхода. Дискурс — объективно существующее вербально-знаковое построение, которое сопровождает процесс социального взаимодействия людей. Подчеркнем интерактивную природу дискурса: он запечатлевает в себе взаимодействие, диалог. В своей объективности он напоминает многогранный кристалл, стороны которого способны отражать различные особенности этого взаимодействия: национально-этническую, социально-типическую (жанровую), конкретно-ситуативную, речемыслительную, формально-структурную и мн. др. Каждая из граней рассматриваемого феномена может стать основанием для выделения особого аспекта рассмотрения дискурса, который, в свою очередь, способен сформировать самостоятельный раздел в общей теории дискурса.

Конкретные дискурсы представляют собой материал анализа, который должен быть препарирован при помощи исследовательского инструментария.

Коммуникативное поведение — это лишь видимая часть айсберга, под которой скрываются латентные механизмы, обуславливающие реализацию коммуникативной компетенции в социально значимом взаимодействии людей. Это явления с о з н а н и я (языкового, коммуникативного, когнитивного), которое создает предпосылки для протекания речевого мышления.

Таким образом, система категорий психолингвоперсонологии приобретает следующий вид:

- коммуникативная компетенция личности, конкретизируемая в различных ее аспектах и уровнях, — предмет исследований;
- коммуникативное поведение в многообразии форм его дискурсивного существования (от тестов, речевых фрагментов до однословных реакций ассоциативных экспериментов) — объект исследования;
- сами речевые произведения — материал исследования;
- латентные механизмы сознания и осуществляемые на их основе процессы речевого мышления — скрытый для внешнего

наблюдения мотор, в котором работают приводные ремни от коммуникативной компетенции к реальным дискурсам, — предмет самостоятельных исследований.

Опираясь на систему выделенных категорий, можно создать речевой (коммуникативный) портрет личности, который отражает уникальность ее способности к общению. Такой портрет должен иметь голографический характер, который по мере его написания предстанет в виде объемной модели коммуникативной компетенции индивида. Такая модель, на наш взгляд, должна включать в себя пять уровней (аспектов) выражения коммуникативного поведения и речевого мышления:

1. Уровень врожденных предпосылок формирования коммуникативной компетенции.
2. Уровень формирования коммуникативных черт характера.
3. Уровень сформированности речевого мышления.
4. Уровень жанрово-ролевой компетенции.
5. Уровень культурно-речевой компетенции.

1. Уровень *врожденных предпосылок формирования коммуникативной компетенции*

Этот аспект анализа коммуникативного поведения должен учитывать психофизиологические свойства, которые передаются человеку генетически. Они составляют врожденный набор задатков, которые создают предпосылки к успешности в тех или иных видах коммуникации, и составляют базовый слой становления коммуникативной компетенции. К числу таких задатков следует отнести темперамент, профиль функциональной асимметрии мозга и особенности конституции (телосложения).

Как известно, темперамент — это устойчивая система психофизиологических черт личности человека, которая предопределена особенностями протекания его высшей нервной деятельности. Со времен Гиппократов с острова Кос, который в V веке до нашей эры одним из первых описал типы темперамента и их основные поведенческие проявления, и грека Галена, который в начале XX века предложил термины для их обозначения, мы продолжаем делить людей на эти четыре типа: сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик. Позже наш соотечественник И. П. Павлов дал их обоснование с психофизиологических позиций.

Ни у кого нет сомнений в том, что темперамент влияет на характер протекания речевого поведения, на то, как ведет себя человек в коммуникативном конфликте, и т. п. И при составлении речевого портрета исследователь должен учитывать эту личностную особенность человека. Однако прямую связь между особенностями коммуникативного поведения и темпераментом установить можно далеко не всегда (см., например: [Ерофеева 1991; Алексеева 1996]). Чаще всего темперамент в речи проявляется опосредованно и более всего влияет на формирование коммуникативных черт характера.

Другая психофизиологическая черта личности, которая влияет на речевое поведение и выступает в качестве составляющей в модели коммуникативной компетенции, — профиль функциональной асимметрии мозга.

В нейрпсихологии профиль асимметрии выражается соотношением доминирования одной из рук, ног, зрения или слуха (подробнее см.: [Брагина, Доброхотова 1981; Седов 2007в]). Наиболее важную роль играет выделение моторных (здесь рука играет главную роль) факторов. Определение таких профилей дает основание для диагностики и самодиагностики с целью выявления врожденных задатков, которые создают предпосылки для успеха или неуспеха человека в разных видах деятельности, и прежде всего — в деятельности речевой. При этом сразу нужно сказать, что проблема эта в силу ее необычайной сложности далека от окончательного разрешения. Очень часто констатация моторных и сенсорных доминирований не имеет соответствия с типами лево- или правополушарного мышления.

Одно можно сказать определенно: по типу своего мышления люди подразделяются на левополушарников и правополушарников. И, как это обычно бывает при составлении типологий, имеется смешанный, переходный тип — амбиполушарники, у которых два типа мышления сосуществуют. Очень грубо разграничивая два представленные выше типа мышления, можно сказать, что левополушарники тяготеют к вербально-логическим операциям. Их голова «набита словами», которые образуют прочные вербальные сети синтагматических ассоциаций. Именно эти сети облегчают продуцирование речи. Мышление правополушарников сильнее затрагивает эмоционально-образную сторону личности. Разделение на лево- и правополушарников часто называют делением на «мыслителей» и «художников». Левополушарники для обработки информации прибегают главным образом

к левополушарным стратегиям, правополушарники отдают предпочтение правополушарным стратегиям.

Особенность профиля функциональной асимметрии, а точнее — доминирования у личности лево- или правополушарного мышления, составляет важную черту речевого портрета. Как и темперамент, эта характеристика не проявляется в речи напрямую; более всего она влияет на формирование иных уровней коммуникативной компетенции: жанрово-ролевого и — особенно — уровня сформированности речевого мышления.

Наконец, третьей врожденной предпосылкой формирования коммуникативной неповторимости личности является, как это, может быть, ни покажется странным, своеобразие его телосложения и конституции. На более последовательно соотношение конституции и психологических свойств личности демонстрирует концепция немецкого психиатра Эрнста Кречмера. Проводя клинические наблюдения за больными, страдающими разными формами психических расстройств, ученый обратил внимание на то, что между типом сложения человека и тяготением его к тому или иному виду болезни существует взаимосвязь. Это позволило ему утверждать, что тип телосложения определенным образом коррелирует с психическими особенностями обычных здоровых людей. На основе многолетних исследований Кречмер выделил четыре конституционных типа.

Лептосоматик (от греч. *leptos* — хрупкий, *soma* — тело) (тип Дон Кихота) — высокий рост, хрупкое телосложение, цилиндрическая форма туловища, вытянутое лицо, плоская грудная клетка, узкие плечи, нижние конечности длинные, тонкие кости. Лицо: удлинённый тонкий нос, неразвитая нижняя челюсть. Крайняя форма подобного типа характеризуется астеничностью — от греч. *asthenos* — слабый.

Пикник (от греч. *pyknos* — плотный) (тип Санчо Пансы) — малый или средний рост, округлость туловища (узковатые плечи при полном теле — бочкообразная форма), тучность, выступающий живот, круглая голова на короткой шее.

Атлетик (от греч. *athlon* — борьба) — крепкое телосложение, высокий или средний рост, хорошо развитая мускулатура, широкие плечи при узких бедрах. Лицо овальное, нижняя челюсть хорошо развита.

Диспластик (от греч. *dys* — плохо, *plastos* — сформированный) — своего рода «несортовой товар», тип, характеризующийся разного рода деформациями телосложения.

По наблюдениям Кречмера, здоровые люди, имеющие определенный тип сложения, в своей психике имеют в зародыше свойства, характерные для разных заболеваний: лептосоматик тяготеет к шизофрении, пикник — к маниакально-депрессивному психозу, атлетик — к эпилепсии. Наиболее очевидной здесь предстает противопоставленность лептосоматического и пикнического типов.

Конституциональному типу лептосоматика соответствует психологический тип **шизотимик**. Его особенности: замкнутость, оторванность от реальности, упорство, склонность к мечтательности, абстрактному мышлению. В общении эти люди демонстрируют склонность к логическим рассуждениям, целеустремленность в постижении новых знаний, склонность к наукам, напрямую не связанным с реальностью (математике, философии). Однако у них плохо развита интуиция, они демонстрируют эгоцентричность, неспособность на эмоциональном уровне переключиться на точку зрения собеседника.

Конституционному типу пикника соответствует психологический тип **циклотимик**. Его характеристики в каком-то смысле диаметрально противоположные: это коммуникабельные реалисты, тяготеющие к бытовому комфорту. Циклотимики легко строят межличностное общение, подстраиваясь к собеседнику на эмоциональном уровне, демонстрируя высокий уровень сопереживания (эмпатии). Притом что они хорошо разбираются в мотивах поведения людей, они затрудняются в построении обобщений, логических умозаключений, не связанных с конкретной реальностью.

В качестве промежуточного Кречмер выделял так называемый **вискозный** тип, который соответствует атлетическому типу телосложения. Основной психологической особенностью этого типа является восприятие окружающего мира в качестве арены борьбы. Атлетики — люди, идущие по жизни подобно бегуну с препятствиями. В построении отношений с другими людьми они склонны к коммуникативным конфликтам, речевой агрессии. Обладая очень большой энергией, люди этого типа часто не умеют использовать ее разумно, демонстрируя отсутствие гибкости и толерантности в отношениях с партнерами по социальному взаимодействию.

У диспластиков отчетливо выявляемые психологические характеристики выделить очень трудно.

Так же как темперамент и особенности профильного строения мозга, тип телосложения косвенно влияет на процесс образования коммуникативной индивидуальности человека, создавая определенный набор задатков для успешности / неуспешности в той или иной сфере речевой деятельности.

В современной психологии индивидуальных различий выделяют и другие врожденные черты личности. Для более детального знакомства с иными точками зрения мы отсылаем читателя к специальной литературе (см., например: [Ильин 2004]).

2. Уровень *формирования коммуникативных черт характера*

В психологии характер обычно определяется как совокупность относительно устойчивых социально-психологических черт личности, которые проявляются в ее взаимодействии с другими людьми. Считается, что характер формируется к семилетнему возрасту и очень мало меняется на протяжении всей жизни человека. Притом что взаимосвязь характера человека и его дискурсивного поведения очевидна с позиции здравого смысла, последовательного и системного исследования такой взаимосвязи в лингвистике еще не проводилось. Связано это с тем, что характер и языковая способность напрямую друг с другом не связаны. А потому поиски проявления характера (как равно и темперамента) на уровне языка смысла не имеют. В общении характер находит выражение в стратегических и тактических предпочтениях говорящего, в том, какой путь он избирает для достижения той или иной коммуникативной цели.

В качестве параметров, служащих критериями для выделения коммуникативных черт характера, можно выделить следующие оппозиции:

1. Доминантность / недоминантность;
2. Мобильность / ригидность;
3. Экстраверсия / интроверсия;
4. Конфликтность / неконфликтность;
5. Центрация / кооперативность.

Доминантность, как равно и **недоминантность**, обычно выступают показателями «психологической конституции человека, закрепившимися за счет соответствующего воспитания» [Добрович 1987: 50]. Доминантная языковая личность в общении демонстрирует ини-

циативу и напористость. Основой ее иллокутивных намерений становится желание влиять на собеседника, убедить его в своей правоте. Доминантность внешне проявляется в том, что человек больше говорит сам и гораздо меньше слушает собеседника. Недоминантная личность — полная противоположность описанному выше: он уступчив и неинициативен, готов слушать коммуникативного партнера, но не навязывает ему тем для разговора и не настаивает на своей точке зрения.

Мобильность / ригидность — коммуникативные качества характера, связанные с пластичностью, способностью перестраиваться по ходу разворачивания интеракции. Мобильная языковая личность легко и быстро меняет речевые средства в зависимости от ситуации, характера собеседника, темы общения. Ригидный коммуникант демонстрирует неспособность моментально переключаться с одних речевых тактик на другие; он долго и основательно входит в тему разговора и не может быстро изменить его течение.

Выделение **экстраверсии / интроверсии** как черт речевого портрета личности восходит к концепции классика психоанализа К. Г. Юнга. Экстраверт — человек, который тяготеет к одиночеству; как правило, у него очень много приятелей, отношения с которыми имеют довольно поверхностный характер. В своем речевом поведении экстраверт демонстрирует устремленность вовне: он стремится к коммуникации с любым собеседником и предпочитает факт общения факту отсутствия оно. Интроверт, наоборот, тяготеет к большим компаниям; у него мало друзей, но отношения с ними имеют характер прочной и глубокой привязанности. В общении интроверт внешнему диалогу в жанре бытовой болтовни предпочитает разговор по душам; ему необходимо не просто общение, а общение, предполагающее понимание.

Характер человека ярче всего проявляется в интеракции по тому, как человек строит отношения с партнером по коммуникации. Поэтому уместно подразделять коммуникативные черты характера **по способности к кооперации** в повседневном речевом поведении. В основу классификации положен единый критерий: доминирующая установка по отношению к участникам общения. Здесь можно выделить три типа языковых личностей: **конфликтный; централизованный; кооперативный**. Каждый из обозначенных типов представлен двумя подтипами.

Конфликтный тип демонстрирует установку против партнера по коммуникации. В основе этого типа характера лежит агрессивность, которая в коммуникативном поведении проявляется в разных речевых формах. Он представлен двумя разновидностями: конфликтно-агрессивной и конфликтно-манипуляторской.

Конфликтно-агрессивный подтип характеризуется тем, что один из участников демонстрирует коммуникативному партнеру отрицательно заряженное эмоциональное отношение (прямая агрессия), которая выражается в явной враждебности. Агрессор — ущербная в социально-психологическом отношении личность.

Конфликтно-манипуляторская разновидность характера проявляется в виде косвенной (скрытой) агрессии. Здесь мы также сталкиваемся с психологической ущербностью, которая преодолевается за счет коммуникативного партнера. Манипулятор самоутверждается, ставя собеседника в конкретной ситуации общения на нижнюю по сравнению с собой статусную позицию. Для того чтобы добиться ощущения социальной полноценности, коммуникант такого рода должен доставить собеседнику моральный дискомфорт («сказать гадость»). Крайней формой вербальной агрессии становится коммуникативный садизм, когда партнер по общению становится объектом словесного издевательства.

Центрированный тип характера находит выражение в установке на игнорирование партнера коммуникации. Здесь также можно выделить две разновидности: активно-центрированную и пассивно-центрированную.

Активно-центрированный подтип (активный эгоцентрик) иногда по своим речевым проявлениям напоминает конфликтно-манипуляторский дискурс: в нем тоже присутствуют перебивы собеседника, произвольные изменения темы разговора и т. д. Однако здесь необходимо констатировать разницу: если конфликтный манипулятор не уважает коммуникативного партнера, желая навязать ему свою точку зрения, то активный эгоцентрик просто не способен встать на точку зрения другого участника общения.

Пассивно-центрированная разновидность общения характеризуется уходом одного из коммуникативных партнеров в себя. Такой пассивный эгоцентрик обычно выглядит безобидным рассеянным (иногда — забытым) «ежиком в тумане». Он с трудом способен выйти за пределы собственного внутреннего мира. Такая особенность речевого поведения, как правило, становится результатом работы психоло-

гических защитных механизмов, которые обычно отражают какие-то особенности воспитания индивида. Обычно речевое поведение такой языковой личности содержит несоответствие выбранным говорящим тактик ситуации общения и намерению собеседника, что свидетельствует о неумении переключиться на точку зрения слушателя. Это же выражается в упоминании имен, как неизвестных собеседнику, так и известных; в принципиально банальных реакциях на информацию, касающуюся коммуникативного партнера; в неадекватных реакциях (репликах невпопад); в переведении разговора на темы, которые касаются только говорящего, и полном отсутствии интереса к темам, интересующим слушателя, и т. п.

Кооперативный тип речевого поведения отличается доминирующей установкой в общении на партнера коммуникации. На уровне коммуникативного поведения они проявляются в двух подтипах: кооперативно-конформном и кооперативно-актуализаторском.

Кооперативно-конформная разновидность дискурса характеризуется тем, что один из участников общения демонстрирует согласие с точкой зрения собеседника, даже если он не вполне разделяет эту точку зрения, что, как правило, выступает следствием боязни конфликта, конфронтации. Такая настроенность проявляется в демонстрации интереса к другому участнику коммуникации в виде уточняющих вопросов, поддакивания, проявлении сочувствия, утешения, комплимента и т. д. В реальном общении обычно это выглядит как имитация (в той или иной степени убедительности) настроенности на коммуникативного партнера.

Кооперативно-актуализаторский подтип речевого поведения отражает высший уровень коммуникативной компетенции человека по способности к речевой кооперации. В этом случае говорящий руководствуется основным принципом, который можно определить как стремление поставить себя на точку зрения собеседника, взглянуть на изображаемую в речи ситуацию его глазами. Принципиальным отличием поведения актуализатора от конформиста выступает двойная перспектива в общении: ориентация не только на коммуникативного партнера, но и на себя. Точнее — стремление *возбудить в себе неформальный интерес к собеседнику*, умение настроиться на его «волну».

На формирование характера влияют и особенности эмоционально-волевой сферы личности. Так, например, по преобладанию

положительных или отрицательных эмоций люди подразделяются на **оптимистов** и **пессимистов**. Влияние эмоциональной сферы на формирование коммуникативной компетенции — предмет особого рассмотрения (см., например: [Шаховский 1987; 1995])

По наличию / отсутствию волевых свойств людей можно грубо поделить на **целеустремленных** и **нецелеустремленных** и т. п.

Еще раз напомним, что характер проявляется в коммуникативном поведении на уровне прагматических стратегий и тактик, определяющих структуру интерактивного взаимодействия коммуникантов.

Особенности коммуникативного поведения личности на уровне характера хорошо определяются по акцентуации, т. е. легкому отклонению от усредненной нормы (в пределах нормы психологического здоровья). В психологии индивидуальных отличий существуют разные типологии акцентуации характера. Они принадлежат психиатрам-практикам и являются результатом эмпирических наблюдений. Не имея возможности детального описания типов акцентуаций характера, отсылаем читателя к книге А. Е. Личко [1999].

3. Уровень *сформированности речевого мышления*

Скрытым, латентным механизмом реализации коммуникативного поведения и его разновидности — речевой деятельности — выступает речевое мышление, которое включает в себя операции порождения дискурса и операции декодирования речевого сообщения. В современной психолингвистике существуют богатые традиции исследования формирования и понимания высказывания (см., например: [Горелов, Седов 2001; Зимняя 1985; Человеческий фактор в языке 1991] и др.). При несущественных различиях большинство моделей порождения речи представляют собой систему этапов, стадий, прохождения которых приводит к разворачиванию мысли в дискурс. Обобщая существующие в современной науке взгляды на проблему соотношения речи и мышления, И. А. Зимняя выделяет три основные стадии процесса перехода мысли в высказывание: **мотивационно-побуждающий, формирующий и реализующий**.

Первый уровень процесса формирования высказывания — **мотивационно-побуждающий**, по мнению ученого, «представляет собой “сплав” мотива и коммуникативного намерения. При этом мотив — это побуждающее начало данного речевого действия, тогда как коммуникативное намерение выражает то, какую коммуникативную цель

преследует говорящий, планируя ту или иную форму воздействия на слушающего» [Зимняя 1985: 90—91]. Второй уровень речепорождения — **формирующий** — «это уровень собственно формирования мысли посредством языка. <...> Этот уровень ответственен за логическую последовательность и синтаксическую правильность речевого высказывания» [Там же: 93]. Он представлен двумя подуровнями — **смыслообразующим** и **формулирующим**. В полной модели порождения высказывания можно выделить следующие стадии превращения мысли в дискурс:

1. **Мотив** данного акта речевой деятельности (для чего, с какой целью я говорю?), а предварительно у говорящего должна быть сформирована установка на общение в целом (ее нет, например, во сне).

2. **Коммуникативное намерение**, которое реализуется в виде настроя на определенную типичную ситуацию социального взаимодействия людей — на конкретный речевой жанр, будь то жанр приветствия, комплимента, ссоры, доклада, болтовни и т. п.

3. **Смысловое содержание (замысел)** будущего высказывания (не только «для чего», но и «что именно буду говорить», начну с вопроса или с констатации). Здесь формируется целостная (может быть, пока еще неотчетливая, диффузная) семантическая «картина» будущего высказывания: смысл, семантика уже есть, а конкретных слов и синтаксических структур еще нет.

4. Сформировавшаяся внутренняя программа (замысел) начинает трансформироваться: начинает работать механизм **перекодировки, перевода** смысла с языка образов и схем на конкретный национальный язык — слов с их значениями.

5. **Разворачивание** ядерного смысла (темы) в построенное в соответствии с психолингвистической нормой текстовости речевое целое.

6. При этом сначала образуется **синтаксическая схема** будущего высказывания. «Внутренние слова», т. е. значения слов, уже становятся «прообразами» слов внешних и занимают постепенно «свои» синтаксические позиции.

7. Следующая стадия речепорождения — грамматическое структурирование и морфемный **отбор конкретной лексики**, после чего:

8. Реализуется **послоговая моторная программа** внешней речи, артикуляция.

Коммуникативная компетенция разных людей отличается по степени совершенства у них механизма порождения и декодирования

дискурса. На этом уровне моделирования речевого портрета критерием для создания типологии будет уровень сформированности механизмов внутренней речи, способность человека в рамках деятельности сознания совершать латентные операции по сворачиванию и разворачиванию замысла, перекодированию информации с языка образов в текст на конкретном национальном языке и т. д.

Выделением уровней сформированности речевого мышления более всего занимается возрастная психолингвистика, изучающая процесс становления коммуникативной компетенции личности в онтогенезе. Исследованию этой проблемы посвящена серия работ автора (см., например: [Седов 1998; 1999а; 2004а]). Их результаты наглядно показывают, что в норме речевого развития каждому возрастному этапу эволюции личности соответствует определенный уровень способности человека к осуществлению латентных механизмов речевого мышления. Активизация процесса формирования речевого мышления намечается после завершения у личности стадии самонаучения языку, которая обычно совпадает у нее с началом школьного детства. Именно в этот период речевой биографии человека доминантой его развития становится текст (дискурс), а речевое мышление приобретает характер дискурсивного мышления. После завершения стадии самонаучения языку как системе языковая личность в рамках дискурсивного поведения способна на речевые действия, опирающиеся на деятельность в рамках конкретной ситуации. К завершению младшего школьного возраста ребенок обретает способность к важнейшим латентным операциям по сворачиванию и разворачиванию информации, которая составляет основу его внутренней речи. Способность к внутреннему планированию речевой деятельности позволяет подростку в построении дискурса оторваться от конкретной ситуации и строить целостные связанные речевые произведения, несущие в себе сложные, иерархически организованные текстовые смыслы. Однако интериоризация внешней речевой деятельности во внутриречевую у младших подростков еще не очень глубока: им еще не доступны сложные семантические построения на глубинном смыслообразующем уровне порождения и понимания высказывания. Дискурсивное поведение школьников среднего звена, несмотря на автоматизированность процессов создания текстов, еще не всегда осмысленно; речь и мышление в процессе построения текстов еще не сливаются полностью. Такое соединение при нормальном развитии коммуникатив-

ной компетенции наблюдается лишь к окончанию школьного детства. Именно в этом возрасте школьник обретает способность к построению сложных вербально-логических операций во внутренней речи. Это связано с еще большей интериоризацией внешнеречевых процессов, которая затрагивает наиболее глубинные смыслообразующие стадии речевой деятельности — стадии формирования замысла, опирающиеся на тонкие операции антиципации, компрессии и перекодирования информации с кода вербального на код индивидуально-личностных смыслов и мн. др.

Путь развития дискурсивного мышления человека можно представить как процесс, сопровождающий социально-интеллектуальное становление личности, в котором в ходе интериоризации внешнеречевых форм во внутриречевые наблюдается все большее сближение текстовых способов моделирования действительности и глубинных когнитивно-мыслительных процессов.

Методы определения уровней сформированности речевого мышления и критерии такого выделения, применяемые в исследовании коммуникативной компетенции детей, с успехом могут быть применены к созданию речевых портретов, моделей коммуникативной компетенции взрослых носителей языка.

4. Уровень *жанрово-ролевой компетенции*

Существенным показателем идиостиля человека становится статусно-ролевая составляющая его коммуникативной компетенции. **Социальная роль** — это одобряемый обществом образец поведения, который соответствует конкретной ситуации общения и социальной позиции (статусу) личности. **Социальная позиция**, или **статус**, — формально установленное или молчаливо признаваемое место индивида в иерархии социальной группы. Понятия *роль* и *статус* взаимосвязаны. Статус характеризует место человека на вертикальной оси: высокое или низкое положение занимает личность в обществе. Статус как бы отвечает на вопрос «кто есть личность?», а роль — «что она делает?». Как и любое другое поведение, речевое поведение в рамках межличностного общения подчиняется законам статусно-ролевого взаимодействия (подробнее см.: [Карасик 1992; Крысин 2007]).

Социальная роль может быть обусловлена постоянными или долговременными характеристиками человека: полом, возрастом,

положением в семье, профессией (таковы роли мужа, отца, сына, слесаря, студента, врача, военного и т. п.). Кроме этого, роль может быть навязана ситуацией, в которой оказывается личность (роли пассажира, покупателя, пациента и т. п.).

Ролевое поведение подчиняется определенным социальным нормам, в большинстве случаев неписаным, но достаточно строгим и общеобязательным. Существование этих норм наиболее ярко проявляет себя в том случае, когда они нарушаются. Мы интуитивно чувствуем эти нарушения и иногда бурно на них реагируем. Нас коробит, когда, например, молоденькая лаборантка строго заявляет убежденному сединами профессору, не сдавшему по рассеянности вовремя ведомость: «Я должна сделать вам выговор!» А реплика сына-подростка «Отстань, козел!» в ответ на замечание отца может стать причиной суровых репрессий. Статусно-ролевое общение основано на *о ж и д а н и я х* того, что языковая личность будет соблюдать речевые нормы, свойственные ее положению в обществе и определяемые характером взаимоотношений с собеседником. От ребенка ждут послушания, от старца — мудрых суждений, от преподавателя — знаний в области преподавания, от студента — желания эти знания получить. Каждая роль состоит из специфического набора прав и обязанностей. Представления о типичном исполнении той или иной роли складываются в **стереотипы** ролевого поведения. Они формируются на основе опыта, частой повторяемостью ролевых признаков, характеризующих поведение, манеру говорить, двигаться и т. п. Так в сознании членов общества кристаллизуется представление о том, каким должно быть исполнение той или иной роли.

На формирование коммуникативного сознания в большей мере оказывают влияние долговременные роли, среди которых наибольшее значение имеют гендерные и профессиональные.

Самой долгой по времени исполнения выступает **гендерная роль**, которая обусловлена осознанием принадлежности человека к мужскому или женскому полу. Гендерный аспект коммуникативного поведения в современной лингвистике пока еще изучен недостаточно. Это актуальное и перспективное направление антропоцентрического языковедения пока еще остается белым пятном (см., например: [Кирилина 1999; Горошко 2003]).

Важнейшей ролевой составляющей коммуникативной компетенции выступает **профессиональная роль**. Исследование профессио-

нального коммуникативного сознания — одна из насущнейших задач современной неориторики. Выявление стратегий, тактик построения профессионального дискурса позволит разработать систему рекомендаций по улучшению эффективности взаимодействия людей в рамках институциональной интеракции. Другой аспект проблемы — исследование закономерностей воздействия профессии на формирование коммуникативного сознания и, шире, коммуникативной компетенции человека.

Сейчас проблема профессиональной составляющей речевого поведения и коммуникативной компетенции в науке о языке относится к числу наиболее актуальных (см., например: [Багдасарян 2005; Бейлинсон 2001; Варнавских 2004; Девятайкин 1992; Загоруйко 1999; Куликова 1998; Лазуренко 2006; Милехина 2006; Одинокова 2004; Саломатина 2002; Харченко 2003; Шейгал 2000] и мн. др.).

Кроме гендерной и профессиональной ролей, поведение личности (и ее языковое сознание) может отражать и иные социальные позиции, ею занятые. Остроумным примером такого типа социально-коммуникативных ролевых проявлений можно считать «лингвокультурные типажи» — обобщенные образы личностей, чье поведение (и в том числе речевое) представляет собой некую значимую для конкретной культуры константу. В сборнике статей, вышедшем в Волгограде под редакцией В. И. Карасика, даются портреты таких типажей, как «русский интеллигент», «английский аристократ», «американский супермен» и т. п. (см.: [Аксиологическая лингвистика 2005]).

Создание галереи речевых портретов такого типа имеет глубокий культурологический смысл. Выделение подобных констант социально-коммуникативного поведения, на мой взгляд, позволяет, во-первых, на уровне саморефлексии лучше понять особенности культурной среды обитания личности, а во-вторых, дать ключ к постижению своеобразия чужого этноса. Весьма перспективными в этом смысле будут попытки выделения лингвокультурных типов современного социума. Навскидку здесь можно выделить: «дачник», «автомобилист», «неформал», «рыболов-любитель», «девушка с дискотеки», «фанат», «культурист из фитнес-клуба», «сторонник здорового питания», «любитель пива», «любитель бани» и т. д.

Стереотипы кратковременного ролевого поведения связывают эту составляющую коммуникативной компетенции с понятием **речевого жанра** и жанровым мышлением личности. Интерес к этой категории

неолингвистики породил учение о жанрах речи, которое к настоящему времени оформилось в особое перспективное направление неолингвистики — жанроведение (генристику) (см.: [Антология речевых жанров 2007; Арутюнова 1998; Барнет 1985; Бахтин 1996; Вежбицкая 1997; Дементьев 2006; Дементьев, Седов 1999; Жанры речи 1997—2007; Салимовский 2002; Седов 2007б; Шмелева 1997] и др.). Однако, несмотря на обилие работ, посвященных этой проблеме, в современной науке еще нет единства в осмыслении языковой природы жанров общения. Мы определяем речевые жанры как вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей.

Речевой жанр необходимо рассматривать как составляющую **дискурса**. Такое понимание хорошо вписывается в социопрагматическую концепцию дискурса, которая в течение многих лет разрабатывается в Волгоградской школе неолингвистики, во главе которой стоит В. И. Карасик [2002]. Универсальность категории речевого жанра выдвигает задачу разграничения речевых интеракций, разных по объему. Речевой жанр в узком значении термина — центральная единица предлагаемой нами типологии. Это микрообряд, который представляет собой вербальное оформление взаимодействия партнеров коммуникации, т. е. обычно это достаточно длительная интеракция, порождающая диалогическое единство или монологическое высказывание, которое содержит несколько сверхфразовых единств. К числу речевых жанров можно отнести разговор по душам, болтовню, ссору, светскую беседу, застольную беседу, анекдот, флирт и т. п. Для обозначения жанровых форм, представляющих собой одноактные высказывания, мы предлагаем термин **субжанр**. Субжанры — минимальные единицы типологии речевых жанров и равны одному речевому акту. В конкретном внутрижанровом взаимодействии они чаще всего выступают в виде тактик, основное предназначение которых — менять сюжетные повороты в развитии интеракции. Нужно особо отметить способность субжанров к мимикрии в зависимости от того, в состав какого жанра они входят. Так, колкость в светской беседе отлична от колкости в семейной ссоре и т. п.

Логика подобной терминологической дифференциации жанровых форм подталкивает к выделению в общем пространстве бытового общения макрообразований, т. е. речевых форм, которые сопровожда-

ют социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров. Такие образования мы предлагаем называть гипержанрами, или гипержанровыми формами. Так, например, можно выделить гипержанр «застолья», в состав которого войдут такие жанры, как тост, застольная беседа и т. п. Другая гипержанровая форма — «семейный гипержанр»; он включает в себя такие жанры, как семейная беседа, ссора и т. п. В рамках гипержанра «дружеское общение» можно выделить такие жанры, как болтовня и разговор по душам и т. д.

В рамках повседневного общения вторичные и первичные жанры можно обозначить как риторические и нериторические жанры. Риторическая разновидность жанровых форм предполагает наличие у языковой личности осознанных умений и навыков в области языкового оформления высказывания в соответствии с ситуацией общения, сходных с принципами построения художественных текстов (эстетики словесного творчества), деловых и научных. Жанр предписывает языковым личностям определенные нормы коммуникативного взаимодействия, каждое такое жанровое действие уникально по своим свойствам. Разные жанры дают участникам общения неодинаковый набор возможностей: так, одна степень языковой свободы — в разговоре по душам и совершенно другая — в семейной ссоре.

Вариативность в выборе речевых средств выражения внутри жанра предопределяется стратегиями и тактиками речевого поведения. Выше мы уже давали определение понятию внутрижанровой тактики. Под ней мы понимаем речевой акт, обслуживающий транзакцию (в монологическом жанре это сверхфразовое единство, выступающее в роли минимальной текстовой единицы — микротекста), который обозначает сюжетный поворот в рамках внутрижанровой интеракции. В том случае, когда тактика существует в общении вне жанровой формы, она становится самостоятельным жанровым образованием — субжанром. Стратегии внутрижанрового поведения определяют общую тональность внутрижанрового общения. Они зависят от индивидуальных особенностей языковых личностей, вступающих в общение, и влияют на тактические предпочтения говорящего.

Особенности характера говорящего отчетливее всего проявляются в жанрах нериторических, где речевое поведение участников общения не предполагает заданности, осознанности, контроля за использованием языковых средств общения. «Низкая» жанровая стихия, куда можно отнести гипержанры дружеского и семейного бытового общения, обслуживает наименее жесткие с точки зрения следования нормам ситуации социального взаимодействия. В нериторических жанрах допустимы вариации, обусловленные стратегическими предпочтениями говорящего, в которых отражаются особенности его идиостиля.

Важнейшим показателем уровня развития коммуникативной компетенции выступает мера владения языковой личностью риторическими жанрами. Именно риторические жанры составляют основу цивилизованного публичного общения, поэтому они должны стать одним из центральных предметов школьной и вузовской риторики. Строя риторические жанры, говорящий обязан осознанно контролировать языковые способы оформления социального взаимодействия людей по их соответствию коммуникативной ситуации. Риторические жанры повседневного общения главным образом обслуживают неофициальные, но публичные коммуникативные ситуации. Поэтому они в меньшей степени зависят от индивидуальных особенностей языковой личности говорящего. Степень владения риторическими жанрами определяется степенью умения языковой личности, сдерживая проявления своего характера, подлаживаться, приспособляться к другим участникам коммуникации.

Таким образом, если нериторические жанры связывают жанрово-ролевой уровень портретирования с уровнем коммуникативного характера, то жанры риторические тяготеют к высшему (в нашей типологии) уровню культурно-речевой компетенции личности.

Соображения, приведенные выше, касаются «тела жанров повседневного общения» в рамках макроструктуры, отражающей структуру социально-коммуникативных отношений в рамках целого этноса. Однако возможен и иной ракурс рассмотрения проблемы — микроуровневый: он сосредотачивает внимание на функциональных особенностях жанрового мышления индивидуальной языковой личности. Здесь жанры бытового общения также предстают в виде континуума, имеющего пространственные и временные координаты. Причем проблема жанрового сознания носителя языка может быть также рассмотрена в статике и динамике.

Изучение жанрового наполнения сознания человека дает надежные критерии для создания типологии коммуникативной компетенции личностей. Главным основанием такой типологии может стать степень владения / невладения языковой личностью нормами жанрового поведения. Здесь нужно отчетливо сознавать то, что абсолютно всеми языковыми жанрами ни один человек в полной мере владеть не может. Есть люди, прекрасно чувствующие себя в рамках разговора по душам, но не умеющие поддержать разговора на уровне сплетен; можно найти человека, который умеет великолепно рассказывать анекдоты, но не может произнести элементарный тост, и т. п. Более того, по моему мнению, есть бытовые жанры, существование которых в рамках одного языкового сознания взаимоисключает друг друга. Если представить себе все жанровое пространство бытового общения на временном срезе в виде панно, состоящего из загорающихся лампочек, то проекция индивидуальных сознаний языковых личностей на это панно каждый раз будет давать разный световой набор. Причем каждая языковая личность будет высвечиваться уникальным сочетанием огней, ибо жанровое сознание каждого человека неповторимо. Такая неповторимость объясняется неповторимостью социального опыта каждого человека, уникальностью его, так сказать, речевой биографии.

5. Уровень *культурно-речевой компетенции*

Этот слой модели коммуникативной компетенции отражает общий уровень культуры человека. Он связан с умением коммуниканта строить социально значимые, в том числе коммуникативные, отношения в соответствии с представлением о цивилизованном, эффективном общении. Лучше всего эту сторону коммуникативного поведения выражает концепция типов речевых культур (см.: [Гольдин, Сиротина 1997; Сиротина 1995; 2003; 2005; Толстой 1991; 1995]). Существовая в конкретном этносе, языковая личность неизбежно является носителем того или иного типа национальной речевой культуры. Применительно к русской культуре в науке выделяются разновидности речевого поведения, ориентированные на использование литературного языка (*элитарный* [полнофункциональный и неполнофункциональный], *среднелитературный*, *обиходный*), и типы, находящиеся за его пределами (*народно-речевой*, *просторечный* и *арготический*). Соответственно, языковые личности классифицируются по наличию

у них того или иного типа речевой культуры (подробнее см.: [Кочеткова 1999; Осина 2001; Хорошая речь 2001]).

Важнейшим показателем этого уровня коммуникативной компетенции выступает отношение говорящего к престижным в данной культуре формам коммуникации, и прежде всего к литературному языку.

Обычно под литературным языком понимается форма исторического существования национального языка, принимаемая его носителями за образцовую; исторически сложившаяся система общеупотребительных языковых элементов, речевых средств, прошедших длительную культурную обработку в текстах (письменных и устных) авторитетных мастеров слова, в устном общении образованных носителей национального языка [Бельчиков 1997: 221].

Эта подсистема национального языка характеризуется рядом лингвистических свойств:

1) последовательная функциональная дифференцированность средств и связанная с этим постоянно действующая тенденция к функциональному разграничению вариантов... 2) коммуникативная целесообразность нормы... 3) литературная норма является результатом не только традиции, но и целенаправленной кодификации; в связи с этим: 4) стабильность и известный консерватизм нормы, ее медленная изменяемость: норма *должна* отставать от развития живой речи... [Крысин 1989: 46].

Для кодифицированного литературного языка релевантна дифференциация на функциональные стили, которые представляют собой «варианты литературного языка, обусловленные различными сферами общения» [Крысин 1989: 43]. Границы функциональных стилей размыты, однако «в каждом из них выявляется ядро с наиболее ярко выраженной спецификой и периферия, в которой специфика стиля ослаблена и наблюдается пересечение с характеристиками иного функционального стиля» [Функциональные стили 1993: 3—4].

Существенной характеристикой речевого портрета личности выступает и использование/неиспользование ею в своем коммуникативном поведении языковых элементов, которые относятся к нелитературной функционально-стилевой стихии. Это, прежде всего, диалект, просторечие, жаргон. Сюда же нужно отнести и такие проти-

воположные проявления коммуникативной маргинальности, как новояз и сквернословие (подробнее см.: [Жельвис 1997; Земская 1996; Седов 2004a]).

Особенности культурно-речевой компетенции хорошо выражает слой языкового сознания, который получил название *прецедентного*.

По справедливому мнению Б. М. Гаспарова, основу нашей языковой деятельности составляет гигантский «цитатный фонд, восходящий ко всему нашему языковому опыту» [Гаспаров 1996: 105—106]. Этот огромный резервуар готовых формул и вырванных из контекста фраз, который образует обширную область устной словесности, в целом выступающей отражением «речевого коллективного бессознательного». Сфера формирования и функционирования прецедентного слоя — нижние пласты «жизненной идеологии» (М. М. Бахтин), в которых происходит накопление и трансформация неясных речевых впечатлений носителей языка. Прецедентность существует в виде образных выражений, метких приговорок и т. п., чаще всего употребляемых в рамках языковой игры, о которой у нас еще пойдет разговор. Продукты речевой субкультуры отличаются от таких лингвистических образований, как пословицы, поговорки и фразеологизмы, имеющих характер номинативных единиц языка. Эти фразы и отрывки текстов обычно воспринимаются людьми как чужая речь, как осколки каких-либо распространенных текстов, общеизвестных речевых ситуаций и т. п. (см.: [Горелов, Седов 2001; Караулов 1987; Красных 2003; Норман 1991; 1998; Слышкин 2000]). Возникновение прецедентного слоя коммуникативной компетенции нельзя представлять в виде механического накопления обрывков речевых произведений. Контекстная семантика предложений, выхваченных из прецедентных текстов, преломляется в многочисленных индивидуальных языковых сознаниях. Сами эти высказывания попадают в тигель народного словотворчества, становясь материалом для формирования национальной языковой картины мира.

К характеристикам «человека говорящего», которые можно считать критерием для разграничения дискурсивного мышления, следует отнести лингвокреативность, т. е. способность языковой личности к речетворчеству. Подобное явление находит выражение в уже упоминавшейся языковой игре (см.: [Борботько 1996; Горелов, Седов 2001; Гридина 1996; Норман 1994; 2006; Русская разговорная

речь 1983; Санников 1999]). Философы и психологи считают игру одним из фундаментальных свойств человеческой культуры. Это вид деятельности, который не преследует каких-то конкретных практических целей. Цель игры — доставить удовольствие людям, которые принимают в ней участие. По мнению современных лингвистов, языковая игра — феномен речевого общения, содержанием которого выступает установка на форму речи, стремление добиться в высказывании эффектов, сходных с эффектами художественной словесности. Подобное «украшательство» обычно носит характер остроты, балагурства, каламбура, шуток и т. д. Языковая игра отличается от детского словотворчества. Она строится на отклонении от стереотипов при осознании неизбежности этих стереотипов. Играть с языковыми формами человек начинает, как правило, только после овладения нормативными способами речевой коммуникации. Когда образованный человек говорит «ну побегли» или «а куды мне вещи девать?», он знает, что «побегли» и «куды» — это отступление от нормы. Но именно осознание такого отступления, нарочитое смешивание литературной нормы и просторечных элементов делает игру игрой.

Соображения, предлагаемые на суд читателя, имеют умозрительный и дискуссионный характер. Модель коммуникативной компетенции, бегло представленная в настоящей статье, разумеется, не является жестко организованной структурой. Как таблица Менделеева, она оставляет «пустые», еще не заполненные позиции, не описанные характеристики коммуникативного поведения. Более того, к ней могут быть добавлены и иные уровни и аспекты моделирования. Однако, по нашему убеждению, даже в таком, несовершенном, виде она может «работать» для создания объемных голографических речевых портретов, отражающих коммуникативную уникальность человека и служащих для решения задач коммуникативной диагностики и самодиагностики.

2. ДИСКУРС

2.1. Теория повседневного дискурса*

Начинаем разговор об особенностях межличностного повседневного общения. Дадим рабочее определение основного объекта нашего повествования.

Под межличностным общением мы понимаем вербальное и невербально-знаковое сопровождение социального взаимодействия двух или нескольких людей, между которыми возникают психологический контакт и социально-психологические отношения.

Более узким понятием выступает межличностная коммуникация — взаимный обмен субъективным опытом людей, вступающих в межличностное общение.

Ядерной формой подобного явления следует считать общение, реализуемое в едином хронотопе, т. е. когда время и пространство участников коммуникации совпадают. Это прежде всего — устная речь. Однако на периферию изучаемого феномена можно поместить такие важнейшие проявления межличностного взаимодействия, как разговор по телефону, переписка (почтовая, эсэмэс-коммуникация), общение в Интернете и мн. др. Мы не ограничиваем рассмотрение межличностного взаимодействия лишь формами устной речи, а включаем в него и некоторые проявления коммуникации письменной с ее обширными невербальными возможностями.

Как совершенно справедливо пишут В. Н. Куницына, Н. В. Казакина и В. М. Погольша [2001], теория межличностного общения

---

* Глава из книги: *Седов К. Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении.* М.: Лабиринт, 2011. С. 7—20.

должна формироваться в междисциплинарном пространстве, объединя усилия разных наук, в кругозор которых входит человек, рассматриваемый в его важнейшей ипостаси — способности говорить и мыслить. Но вот тут-то и возникает основная трудность: представители разных наук и научных направлений не могут, а часто — не хотят договориться, не желают выйти за пределы своей научной вотчины в соседние области. Возникает парадокс: специалисты по теории общения всячески стремятся избегать контактов с собратьями по разуму из соседних наук.

Когда-то на процесс коммуникации обратили внимание представители точных наук. Свою знаменитую модель теории передачи и обработки информации американский математик Клод Элвуд Шеннон создал в 40-е годы XX века. Она поначалу включала в себя пять элементов: источник информации, передатчик, канал передачи, приемник и конечную цель. После того как модель получила распространение, возникла необходимость некоторой ее переработки для того, чтобы объяснить ею разнообразные виды взаимодействия. В усовершенствованном виде она состояла из шести компонентов: **источник — кодирующее устройство — сообщение — канал — декодирующее устройство — приемник.**

Позже к названным шести Шеннон добавил категорию **шума** — внешние факторы, которые искажают сообщение, нарушают его смысловую целостность и возможность его восприятия приемником.

В лингвистику линейную модель ввел русско-американский лингвист Роман Осипович Якобсон, который представил ее в несколько иных категориях: **адресант** речевого общения в момент **контакта** передает **адресату сообщение**, закодированное посредством **кода**, который используется для декодирования смысла. Сообщение существует в определенном **контексте.**

Представленная выше модель получила название **линейной и информативной** (см.: [Бескова 2009; Куницына и др. 2001] и мн. др.). Ее привлекательность состояла в возможности алгеброй гармонию (то бишь речевую деятельность людей) проверить. Поначалу она имела однонаправленный характер: от адресанта — к адресату. Попытки применить ее к реальному межличностному общению привели ученых к необходимости включить в нее обратную связь. При таком подходе повседневная коммуникация предстает в виде взаимодействия (интеракции). Так появилась **информативная инте-**

ра к т и в н а я модель, которая рассматривает общение как цепочку речевых выступлений, где происходит поочередная смена коммуникативных ролей: автор становится слушателем и наоборот.

Информативная модель изображает речь как цепь дискретных актов, где информация поочередно передается как вещи из рук в руки. Подобный образ больше отражает разные формы технической коммуникации, например телеграфной связи. Многообразие нюансов человеческого общения он показать не в состоянии. Действительно, вступая в межличностные отношения, мы очень часто не передаем информацию, а выражаем эмоции или стремимся как-то воздействовать на собеседника.

Представим ситуацию: мужчина встречает молодую женщину:
— Ты потрясающе хорошо выглядишь! — говорит он ей.

Какую информацию он передает в общении? Ничего нового его собеседница не услышала: утром она смотрела в зеркало и знает о своей неземной красоте...

Конечно, психологи не могли относиться к вышеприведенным концепциям всерьез. Как равно и лингвисты. Шаг в понимании психологической природы общения делает так называемая *интенциональная модель коммуникации*. Термин образован от слова «интенция» — направленность, понимаемая как цель, намерение. Коммуникативная цель обозначается словосочетанием *иллокутивная сила*. Реализация цели лежит в основе речевого (или коммуникативного) акта. Иными словами, в межличностном общении мы не только передаем информацию, но и реализуем коммуникативную цель (например вопроса, побуждения, одобрения, порицания и т. п.) (подробнее см.: [Арутюнова 1998; Дейк 1989; Кибрик 1992; Новое в зарубежной лингвистике 1982; 1985; 1986а; 1986б; Моделирование языковой деятельности 1987; Падучева 1996; Формановская 2007] и др.).

Понимание межличностного общения как взаимодействия привело создателей интенциональной модели к разработке учения о *речевом акте*, который выступает в качестве минимальной единицы коммуникации. Речевой акт — это слепок с коммуникативной ситуации, которая воплощает в себе знаковое (словесное и несловесное) оформление социального взаимодействия людей. Его можно представить в виде арены взаимодействия трех участников коммуникативной

ситуации: говорящего (автора текста), слушателя (адресата текста) и той реальности, которая находит отражение в высказывании.

Прагмалингвистическое исследование ориентировано, с одной стороны, на выявление особенностей авторской интенции, т. е. «субъективного эмоционального оценивающего отношения говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания. В разных сферах речевого общения экспрессивный момент имеет разное значение и разную степень силы, но есть он повсюду: абсолютно нейтральное высказывание невозможно» [Бахтин 1996: 188].

Другой, не менее значимой, характеристикой строения речевого акта выступает фактор развернутости на слушателя.

Существенным (конститутивным) принципом высказывания является его обращенность кому-либо, его адресованность. <...> Кому адресовано высказывание, как говорящий (или пишущий) ощущает и представляет себе своих адресатов, какова сила их влияния на высказывание — от этого зависит и композиция, и в особенности стиль высказывания [Там же: 200].

Стремясь преодолеть атомарность концепции, прагмалингвистика перешла от единиц микроуровня к целостным речевым сообщениям — дискурсам. От изучения единичных речевых актов прагматика приблизилась к необъятному континууму реальной коммуникации. Этому способствовало возникновение и интенсивное развитие у нас и за рубежом так называемой антропологической лингвистики, которая постаралась, во-первых, вывести ученых из душных кабинетов и обратиться к речевой действительности, а во-вторых, вернуть языковедение в лоно гуманитарных наук, обратив к общему для всех гуманитариев объекту — человеку (в его способности к коммуникации).

Обращение к реальной коммуникации привело к интеграции различных гуманитарных сфер: к объединению усилий психологии, социологии и неолингвистики.

Однако же филология — древнейшая из гуманитарных наук — стала потихоньку расплзаться, образуя в смежных территориях отрасли знаний, которые претендуют на статус самостоятельных наук. Ярким примером такого образования становится психолингвистика, представляющая сейчас одну из наиболее интенсивно развивающихся исследовательских сфер. За недолгие годы своего существования эта

молодая отрасль знаний сумела накопить огромный по объему и многообразный по качеству багаж научных достижений — гипотез и концепций, результатов экспериментов и наблюдений и т. п. Возникнув на магистральном направлении развития мировой гуманитарной мысли, стимулируемая практическими нуждами психологии, педагогики, неориторики, медицины и т. п., к настоящему моменту отечественная психолингвистика все отчетливее осознает себя самостоятельной наукой, наукой со своим и только ей свойственным предметом изучения, методами, кругом проблем и исследовательских задач, которые намечают границы, отделяющие ее от смежных областей.

Другая научная область, которая пытается отпочковаться от филологии и завоевать свою суверенность, чаще называется речеведением, но более правильно ее называть *социологией речи*. Она образует свою вотчину на стыке с социальной психологией и социологией. При этом ее формирование проходит под влиянием двух научных сил: с одной стороны, это западная прагматическая лингвистика, а с другой — наша отечественная традиция, в которой наиболее весомый голос Михаила Михайловича Бахтина, создателя целостной философии культуры, частью которой выступает учение о коммуникации. Цитаты из Бахтина и наш комментарий к ним см. в гл. 1, с. 18—19.

Психолингвистика и социология речи каждая со своей стороны подошли к феномену межличностного общения. Выход в безграничное пространство реальной коммуникации заставил ученых сменить исследовательский ракурс: от лабораторных препарирований минимальных единиц коммуникации — речевых актов, предложений и т. п. — они с неизбежностью обратились к живому телу общения, существующему в пространстве и эволюционирующему во времени. Это тело состоит из элементарных клеток; они складываются в более сложные и объемные функциональные системы, которые тоже живут, развиваются, отмирают или перетекают в иные формы коммуникативной жизни.

Основная единица макрообразования получила наименование *дискурс*, слово, которое во многих европейских языках обозначает «речь». Теория дискурса активно формируется на стыке нескольких наук, прежде всего: философии, психологии, социологии, лингвистики. Термин «дискурс» сейчас стал чрезвычайно модным в нашей и зарубежной науке о человеке, а различные словосочетания с определением «дискурсивный» или «дискурсивный» широко используются

учеными самой разнообразной ориентации: дискурсивная лингвистика, дискурсивная психология, дискурсивное мышление, дискурсивная компетенция и т. д. Войдя в активный лексикон гуманитариев, термин *дискурс*, как и следовало ожидать, учеными употребляется в нетождественном значении. Не ставя своей задачей детального анализа многообразия точек зрения, мы отсылаем читателя к работам, посвященным этой проблеме (см., например: [Арутюнова 1990; 1998; Борботько 1998; Карасик 2002; Макаров 2003; Седов 2004а]). Большинство ученых дискурс понимается как текст, опрокинутый в жизнь, как речевое произведение, которое рассматривается в полноте его когнитивных и коммуникативных функций. Для определения термина *дискурс* мы используем следующую дефиницию: дискурс — это запечатленный в вербальных и невербальных знаках процесс социального взаимодействия людей.

Дискурс — многоаспектный феномен, который отражает в себе основные стороны человеческого общения.

Во-первых, это целостное речевое произведение, которое имеет определенное коммуникативное здание, смысл.

Во-вторых, дискурс отражает результат коммуникативной деятельности, он имеет знаковую завершенность (где сочетаются вербальные и невербальные компоненты) и строится на основе определенных структурных моделей.

В-третьих, в нем запечатлен процесс развития отношений между собеседниками.

В-четвертых, он базируется на скрытых (латентных) механизмах порождения и понимания речи.

В-пятых, он приспособлен к разным ситуациям социального взаимодействия людей.

Наконец, в-шестых, он отражает индивидуальные особенности речевого поведения участников взаимодействия: от этнокультурных до индивидуально-личностных.

Разные аспекты изучения дискурса образуют особые направления дискурсологии. В своей объективности он напоминает многогранный кристалл, стороны которого способны отражать различные особенности речевого поведения: формально-структурную, статусно-ролевую, национально-этническую, социально-типическую (речежанровую), речемыслительную и мн. др. Каждая из граней рассматри-

ваемого феномена может стать основанием для выделения особого раздела в общей теории дискурса.

Одной из задач, которые стоят перед специалистами по коммуникации, становится исследование материально-знакового воплощения речевого целого. В реальной коммуникации дискурс строится не только на основе вербальных средств национального языка. Не меньшую роль в организации межличностного общения играют невербальные компоненты, к числу которых следует отнести и такие динамические знаковые элементы, как жест, интонация, мимика, и статические паралингвистические компоненты письменного текста. Более того, любое средство формирования образа говорящего в глазах собеседника (одежда, украшения и т. п.) может приобретать знаковую функцию и тем самым становиться материалом построения межличностного дискурса.

Запечатлевая в себе процесс социального взаимодействия людей, дискурс отражает особенности этого взаимодействия: его структура гибко приспосабливается к сферам, которые он обслуживает. Каждый социальный институт, предполагающий определенный порядок взаимодействия членов социальной группы, имеет свои стратегии и тактики построения межличностного общения; он структурируется теми задачами, которые выполняют те или иные ситуации взаимодействия. Так, один набор речевых средств содержит военный дискурс, другой — медицинский, педагогический, юридический, религиозный и т. п. Совершенно на иных основаниях строится персональный бытовой дискурс (подробнее см.: [Анисимова 2000; Бейлинсон 2009; Борова 2001; Карасик 2002; Шейгал 2000] и др.).

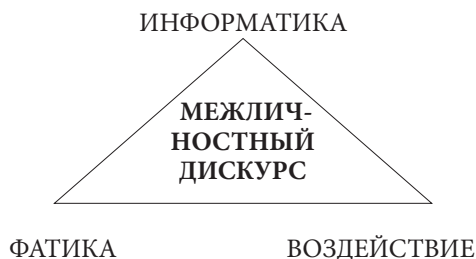
Другой аспект изучения дискурса — динамический; он предполагает рассмотрение скрытых (латентных) механизмов речевого мышления, которые лежат в основе, с одной стороны, формирования речевого произведения, а с другой — понимания речи (подробнее см.: [Горелов, Седов 2001; Зимняя 2001; Жинкин 2009; Леонтьев 1997] и др.).

Антропоцентрический пафос гуманитарной науки заставляет увидеть в дискурсе индивидуальный облик человека. В этом смысле дискурс — отражение многообразных форм и особенностей речевого поведения индивидуального пользователя языка. Свообразие дискурса конкретной личности позволяет составить ее уникальный речевой портрет, понять неповторимость коммуникативной компетенции человека говорящего (см.: [Карасик 2007; Седов 2008a]).

В отечественной лингвопрагматике довольно широкую популярность получила концепция Т. Г. Винокур [1993], которая все формы речевого поведения (а фактически — дискурса) сводит к двум полюсам — информатики и фатике. Информатика понимается как коммуникация, имеющая целью сообщение чего-либо. Фатика — речевое поведение, которое имеет целью само общение. Основной фатической установкой выступает удовлетворение потребности в принадлежности к социуму, которая проявляется в разговоре «ни о чем».

Мысли Т. Г. Винокур развил и положил в основу своей концепции один из крупнейших отечественных специалистов по теории речевых жанров (о которой у нас пойдет речь чуть позже) В. В. Дементьев [2006; 2007б; 2010]. По мнению ученого, все жанры речи (модели вербального и невербального оформления типических ситуаций социального взаимодействия) тяготеют либо к информатике, либо к фатике. При этом в поле фатического общения существуют нейтральные коммуникативные ситуации (*болтовня, шутка, анекдот*) и ситуации, которые либо улучшают тональность общения (*похвала, комплимент, лесть* и т. п.), либо, напротив, ухудшают (*ссора, оскорбление* и т. п.). Идеи, высказанные В. В. Дементьевым, когда-то разделял и автор настоящей книги. Более того, Вадим Викторович — мой соавтор и соратник в антрополингвистике. Должен сказать, что концепция ученого в целом у меня возражений не вызывает. Но в отношении бинарной оппозиции информатика / фатика я должен высказать коллеге принципиальные возражения.

Схема 3

Разделение всего пространства повседневного дискурса, в первых, неоправданно расширяет смысловое поле «фатика». Трудно согласиться с тем, что *спор, ссора, инвектива, комплимент* — это речь,

которая строится ради общения. Во-вторых, полностью игнорируется важнейшая функция межличностного общения — функция воздействия. Таким образом, я к уже названным полюсам предлагаю добавить третий — воздействие. Схематически это можно представить следующим образом.

Отдавая дань информативным моделям межличностного общения, мы не должны забывать, что одна из функций дискурса — передача информации от одного участника коммуникативного акта другому. В своем речевом произведении говорящий довольно часто сообщает собеседнику смысл, которого тот не знает. Это — фундаментальная цель общения, присутствие которой никто не оспаривает. Фатика — также важнейшая составляющая нашего речевого бытия. Очень часто люди вступают в коммуникацию ради самой коммуникации, чтобы ощутить себя частью социума. Но, наряду со стремлением передать информацию и реализовать желание бессодержательно пообщаться, мы воздействуем на другого человека: побуждаем его к поступку, влияем на его мировоззрение, изменяем его эмоционально-психологическое состояние и т. п. Именно воздействием дискурс выступает объектом рассмотрения в нашей книге.

Воздействие как социально-психологический феномен выводит нас в сферу психологии влияния, которая к настоящему времени накопила довольно большой багаж разноречивых концепций. К числу форм воздействия относят и просьбу, и приказ, и совет, и убеждение, и внушение, и похвалу, и угрозу, и требование, и заражение, и подражание и т. п. [Ильин 2009: 90—130]. Весь этот бессистемный ряд примеров можно свести к трем фундаментальным проявлениям влияния одного человека на другого: принуждение, убеждение и внушение (см.: [Резников 2001: 368]).

В основе принуждения лежит насилие, прямое или косвенное, в ходе которого предполагается безоговорочное подчинение. Объект такого воздействия должен выполнить указанные ему действия, не вдаваясь в критический анализ мотивов поведения. Основной иллюкутивной силой принуждения выступает либо превосходство (физическое — угроза; статусно-административное — приказ; интеллектуальное — совет и т. д.), либо чувство сострадания (просьба).

Однако наиболее важными формами воздействия одного человека на другого в межличностном общении следует считать убеждение и внушение. Крупнейший отечественный физиолог М. В. Бехтерев

в своей знаменитой работе «Внушение и его роль в общественной жизни» писал: «Словесное убеждение обыкновенно действует на другое лицо силой своей логики и непреложными доказательствами» [Бехтерев 2001: 25].

Убеждение — предмет неориторики, или теории речевого воздействия, развитие которой в нашей стране сейчас происходит довольно успешно (см.: [Иссерс 2009; Михальская 2007; Панасюк 2002а; 2002б; 2007; Стернин 2001] и др.). В основе этого подхода лежит теория аргументации, цель которой — разработка системы способов воздействия на разум собеседника. Искусство убеждения должно опираться на механизмы формальной логики, знание которых позволяет непреложно доказать правдивость или ложность тех или иных знаний. Сопоставляя истинные суждения, специалист по неориторике может выводить третье — умозаключение, которое может быть весомым аргументом в споре или дискуссии, т. е. средством воздействия. Разум, интеллект, логическое мышление — вот к чему апеллирует система доказательств истинности или ложности чего-либо.

Однако практики речевого воздействия довольно скоро поняли, что доказать не всегда = убедить. Не всякое доказательство (даже если оно монолитно с точки зрения формально-логических законов) человек принимает с готовностью.

Возьмем ситуацию. Некто совершил подлый поступок. Его собеседник построил умозаключение:

Подлость совершают только подлецы.

Ты совершил подлость.

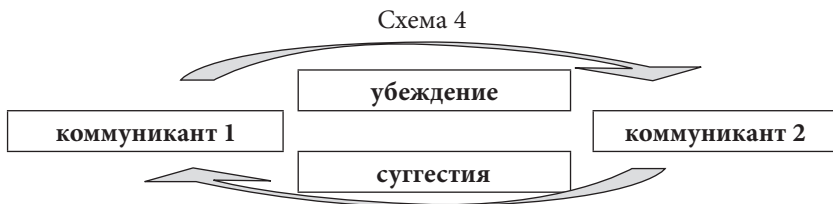
Стало быть, ты — подлец.

Но человек возражает своему обвинителю: «Да, я совершил подлость. Но это было — в субботу. Возможно, по субботам я бываю подлецом. А вот по пятницам я, может, благороднее тебя бываю...»

В психориторике А. Ю. Панасюка присутствует учет иррациональных составляющих межличностного общения. «Убеждающая коммуникация, — по мнению исследователя, — это вид общения с целью изменения в той или иной степени системы ценностей человека в ситуации его противодействия этим изменениям» [Панасюк 2007: 14]. В своих построениях Панасюк обращается не только к рациональному уровню коммуникативного воздействия, но и к сфере бессознательных реакций и импульсов. Главную проблему психориторики он

видит в том, «как превратить желание индуктора в желание реципиента» [Панасюк 2007: 16].

Называя свою модель убеждающей, Панасюк в своих построениях выходит за пределы рационального воздействия, параллельно с которым происходит взаимодействие на помимовольном, бессознательном уровне. Схематически межличностное воздействие можно представить следующим образом (см. схему 4).

В межличностном воздействующем дискурсе огромную роль играет то, что не контролируется нашим разумом. Иррациональные формы воздействия в той или иной степени имеют отношение к внушению (суггестии).

Как справедливо отмечал В. М. Бехтерев, внушать — значит более или менее непосредственно прививать к психической сфере другого лица идеи, чувства, эмоции и другие психофизические состояния, иначе говоря, воздействовать так, чтобы по возможности не было места критике и суждению; под внушением же следует понимать непосредственное прививание к психической сфере данного лица идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний помимо его «я», т. е. в обход его сознающей и критикующей личности [Бехтерев 2001: 24].

Это определение, данное почти сто лет назад, ничуть не устарело. Мы берем его в качестве рабочего для обоснования нашей концепции.

Суггестия лежала в основе речевого мышления первобытного человека, названного Л. Леви-Брюлем пралогическим. Одной из наиболее ярких форм проявления суггестии в первобытном мире была магия — первичная, донаучная система организации взаимодействия человека и окружающего его мира. Миллионы лет суггестия служила цели сохранения целостности коллектива. В доцивилизованном обществе средством сохранения социума были нормы поведе-

ния, стереотипы, предрассудки, запреты, традиции, мифы и ритуалы. Именно они и служили основным суггестивным фактором.

Главная задача суггестии в доцивилизованном обществе, — пишет Н. Д. Субботина, — в ограничении проявления свободы воли первобытного человека. Сама по себе она была как бы безличной: не существовало вначале таких людей, которые осуществляли бы ее преднамеренно, однако субъект у нее все же был, им являлся коллектив в целом, также, кстати, не осознававший полностью цели своих действий [Субботина 2007: 24].

Огромную роль внушения (суггестии) в истории человечества показал крупнейший отечественный палеопсихолог и культуролог Борис Федорович Поршнева. Представление о суггестии как силе, которая позволила первобытному человеку выделиться из мира природы, лежит в основе его фундаментальной концепции «начала человеческой истории», которая была создана ученым в 70-е годы прошлого века. Осмысление и разработка глубоких и содержательных идей нашего великого соотечественника — дело будущего. Нас в ней интересует то, что, по мысли Поршнева, центральной функцией речи была отнюдь не передача информации, а задача реализации контрсуггестии, т. е. способности противостоять воздействию.

Ученый считал, что важным шагом в происхождении человека является выделение в речевом общении, второй сигнальной системе, как ядро функции внушения, суггестии. Тем самым ядро находится не внутри индивида, а в сфере взаимодействия между индивидами. <...> Внушение и есть явление принудительной силы слова. Слова, произносимые одним, неотвратимым, «роковым» образом предопределяют поведение другого, если только не наталкиваются на отрицательную индукцию, контрсуггестию, обычно ищущую опору в словах третьих лиц или же оформляющуюся по такой модели. В чистом виде суггестия есть речь минус контрсуггестия [Поршнева 2009: 164—165].

В дальнейшем мы более подробно рассмотрим социально-психологические и нейрофизиологические проявления суггестии в поведении и мышлении современного человека. Здесь же мы ограничимся констатацией того, что созданная в течение миллионов лет система архетипов коллективного бессознательного не исчезла из культуры и образует особый слой сознания наших современников. Именно этот

слой — база для возникновения иррациональных форм воздействия в повседневном дискурсе. Они составляют основу суггестивной модели межличностного общения, в центре которой стоят мало-контролируемые (или — совсем неподконтрольные) разумом феномены психики, которые на эмоционально-мотивационном уровне проявляют себя в социальном взаимодействии людей.

Внушение в речевом поведении современных людей проявляет себя в монополических формах. Оно может эксплуатировать древнейшие механизмы пралогического мышления, когда субъект суггестии (например ребенок) воздействует на коммуникативного партнера бессознательно. Однако возможно и совершенно сознательное манипулирование другим человеком, которое апеллирует к его комплексам, базируется на таких мотивационных проявлениях, как самолюбие, хвастовство, зависть, высокомерие и т. п. Наконец, суггестия в межличностном общении может протекать и в рамках цивилизованного кооперативно-актуализаторского взаимодействия и т. д.

Выходя в пространство повседневного дискурса, мы сталкиваемся с необходимостью понимания способов его структурирования, понимания природы речевой системности, которая принципиально отличается от системности языковой. Для понимания суггестивной природы межличностного общения в качестве «рабочих» концепций семиотики речи мы возьмем статусно-ролевую и речевжанровую модели дифференциации общего континуума повседневного общения.

Персональный дискурс может разными способами сопровождать и запечатлевать межличностные отношения людей. Еще раз подчеркнем, что личностно-ориентированное общение возможно как в устной, так и в письменной форме. Кроме этого, и в устном, и в письменном повседневном дискурсе могут актуализироваться невербальные каналы коммуникативного воздействия и передачи информации (НВКК). Исследования последних трех десятилетий (см.: [Горелов 2003; Крейдлин 2002; Лабунская 2009; Морозов 1998] и др.) позволяют представить структуру речевой коммуникации «как двухканальную (разумеется, не в технологическом, а в психологическом смысле), т. е. как состоящую из вербального, собственно речевого, лингвистического, и невербального экстралингвистического каналов» [Морозов 1998: 36].

2.2. Дискурс как суггестия

2.2.1. Агрессия*

Насущной задачей неолингвистики становится разработка оптимальных цивилизованных моделей речевого взаимодействия людей, использование которых могло бы уменьшить в нашем общении количество зла, ненависти, враждебности и непонимания и, напротив, увеличить коммуникативное пространство понимания, добра и любви. Решение этой задачи неизбежно приводит исследователей к изучению механизмов речевого воздействия, ибо любое обращенное к другому человеку слово, предложение, текст — попытка воздействия на него. Знание законов такого воздействия дает возможность улучшить процесс коммуникации, очистить ее каналы, устранить неудачи и недопонимания в общении, помочь членам общества достигать социально значимых целей, не «заезжая» на чужую территорию, не доставляя другим людям психологического дискомфорта и страданий.

Агрессия давно и плодотворно исследуется в нашей и зарубежной науке как феномен социальной психологии. Обычно ее определяют как «поведение, направленное на причинение вреда или ущерба другому живому существу, имеющему все основания избегать подобного с собой обращения» [Бэрон, Ричардсон 1997: 53]. К настоящему времени в отечественной и зарубежной психологии проблема агрессии — одна из остродискуссионных; ей посвящено много книг и статей, она исследуется в русле различных теоретических направлений и школ. Не имея возможности для полного и всестороннего обзора, отсылаем читателя к работам реферативного характера, которые появились за последние несколько лет: [Антонян 1995; Бандура 2000; Берковиц 2001; Бэрон, Ричардсон 1997; Реан 1996; Румянцева 1991; Шипова 2003].

С точки зрения эволюционно-генетического подхода агрессия — биологически целесообразная форма поведения, которая способствовала выживанию и приспособлению вида в постоянной борьбе за существование, в результате чего совершенствовались его психолого-биологические свойства, см.: [Реан 1996]. Однако в современном обществе она становится источником зла, обид, преступлений и войн. Проявления агрессии противоречат основным нравственно-этиче-

---

* Седов К. Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: Колледж, 2003. С. 196—212.

ским постулатам, на которых зиждется наша цивилизация. По словам выдающегося этолога XX века К. Лоренца, «внутривидовой отбор в далекой древности снабдил человека определенной мерой агрессивности, для которой он не находит адекватного выхода при современной организации общества» [Лоренц 1994: 239].

Объяснение генетических причин возникновения агрессии дает классический психоанализ. При этом авторы реферативных обзоров по интересующей нас проблеме обычно ограничиваются обращением к концепции З. Фрейда, который выводил агрессию и агрессивность из действия одного из основных инстинктов человека — танатоса — инстинкта смерти и разрушения, который, наряду с другим противоположно заряженным инстинктом жизни — эросом, — управляет поведением человека. По нашему убеждению, в большей степени природу агрессии человека объясняет концепция другого классика психоанализа — Альфреда Адлера.

Человек, по мнению Адлера, уже при рождении наделен социальным инстинктом, который побуждает его постоянно обращаться к другим людям, а в оценках окружающей действительности и себя в этой действительности сравнивать себя с другими (подчас помимо своей воли). От результата сравнения зависит его психологическое благополучие (чувство социальной полноценности) или неблагополучие (чувство неполноценности). Рано или поздно действие этого инстинкта приводит индивида к осознанию своей нетождественности миру, своего несовершенства, ущербности. Это переживание неполноценности, считает Адлер, становится источником энергии саморазвития, толчком, запускающим действие механизма самоусовершенствования, который ученый назвал механизмом компенсации. Таким образом, основной мотив самоусовершенствования, по Адлеру, — стремление к превосходству. Когда же реализация этого стремления по ряду объективных причин невозможна, у личности развивается «комплекс неполноценности», который становится причиной внутреннего конфликта, источником психологического дискомфорта. Преодоление комплекса неполноценности иногда идет по пути самоутверждения за счет другого. Вот здесь-то и кроется причина агрессивного поведения: доставляя другому физический и психологический вред, страдания, закомплексованный индивид возвышает себя, получает чувство социальной полноценности, компетентности. В своих крайних формах подобного

рода психологическая ущербность приводит личность к садизму. В менее выраженных проявлениях комплекс неполноценности становится причиной агрессивных черт характера личности, подробнее см.: [Адлер 2000].

Концепция А. Адлера, по нашему глубокому убеждению, позволяет не только лучше понять психологические особенности агрессии, но и природу речевого воздействия вообще. Более того, многие положения индивидуальной психологии, как это ни странно, необыкновенно созвучны идеям крупнейшего мыслителя XX века М. М. Бахтина, идеи которого повлияли на развитие мировой гуманитарной мысли конца прошлого и начала нынешнего XXI века, и в том числе — на формирование отечественной неолингвистики, см.: [Бахтин 2000].

Кроме прочего, основные положения индивидуальной психологии Адлера очень хорошо согласуются с широко популярной в западной и отечественной психологии теорией «фрустрации — агрессии», которую неоднократно безуспешно пытались сдать в архив. Впервые основные положения теории фрустрации были изложены группой американских психологов — Дж. Доллардом, Н. Миллером и др., в середине тридцатых годов. Суть концепции в следующем. Агрессия, агрессивные действия человека есть своего рода защитная реакция психики, способ разрядки, избавления от внутреннего напряжения. Агрессии предшествует состояние фрустрации — психологический дискомфорт, возникающий в ситуации невозможности достижения какой-либо цели, желания и т. п.

Приведем два примера. 1. Пенсионер приходит в сбербанк за пенсией и слышит от кассира: «Нет денег». 2. Жена случайно в кармане пиджака мужа обнаруживает записку любовницы. И в том и в другом случае обе личности оказываются глубоко фрустрированными. И фрустрация может побудить их на агрессивные действия, будь то агрессия речевая или физическая. Агрессивные действия, которые могут возникнуть в описанных и подобных описанным ситуациях, есть способ катартической разрядки, средство предохранения психики от «короткого замыкания», перегрева.

В свете теории Адлера фрустрация — состояние, в котором обостряется чувство неполноценности, социальной ущербности. Поэтому агрессия здесь становится способом восстановить утраченное ощущение превосходства, стремление «снизить» обидчика, самоутвердиться за его счет. Если же это невозможно, то самоутвержде-

ние может быть реализовано путем смещения агрессии, т. е. переноса агрессивного действия с фрустратора на другой живой объект.

Теория фрустрации может быть принята в качестве рабочей концепции с учетом некоторых замечаний, высказанных ее критиками. Как совершенно справедливо писал Л. Берковиц, фрустрация становится причиной возникновения главным образом эмоциональной, аффективной агрессии, которую следует считать ядерным видом этого психологического явления, см.: [Берковиц 2001]. Кстати сказать, именно этот вид агрессии наиболее ярко представлен и в межличностной коммуникации. На ее периферии находятся и другие агрессивные проявления. Когда боксер ведет поединок на ринге или киллер наводит винтовку на свою жертву — это агрессивные действия, которым не предшествует (или почти не предшествует) состояние фрустрации. То же можно сказать о прокуроре, который, обвиняя убийцу, требует для него смертного приговора, или о летчике, который, выполняя приказ, сбрасывает смертоносный груз на мирный город... Итак, не всякая агрессия обусловлена фрустрацией.

Другая, еще более существенная для теории речевого воздействия поправка к концепции «фрустрации — агрессия» может быть сформулирована иначе: не всякий человек в ситуации фрустрации проявляет агрессию. Детально этот вопрос рассматривает А. Бандура [2000]. Ученый утверждает, что, несмотря на то что агрессия обусловлена биологическими факторами эволюции и генетически наследуется человеком, ее проявления зависят от социальной среды обитания личности. Особое значение здесь имеют воспитание, сформированные в результате накопления социального опыта стереотипы поведения в разных (и в том числе конфликтных) ситуациях социального взаимодействия. Кроме семейного воспитания, здесь определенную роль играет окружение сверстников и, что немаловажно, массмедиа. Потому в одной и той же ситуации фрустрации один индивид может полезть в драку, другой — ограничиться средствами вербальной агрессии, третий — постарается уйти от конфликта.

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что поступок, действие можно считать агрессивным, если (1) оно имеет целенаправленный (злонаправленный) характер причинения вреда жертве, (2) оно направлено на живое существо, которое (3) не желает подобного с собой обращения. При этом:

4) агрессия является результатом внутривидовой эволюции живых существ;

5) она связана со стремлением к преодолению чувства неполноценности, к достижению ощущения превосходства путем самоутверждения за счет партнера по социальному взаимодействию;

6) в своем ядерном виде она выглядит как способ защиты психики от «перегрева» в ситуации фрустрации путем «выпускания пара», катартической разрядки;

7) проявление / не проявление агрессии зависит и от социальных факторов (влияние семьи, улицы, друзей, массмедиа и т. п.).

Перейдем, наконец, к предмету нашего анализа — речевой агрессии. Прежде подчеркнем предпочтение именно этому термину: не вербальная, а именно речевая, ибо в реальной коммуникации агрессия может выражаться не только средствами языка. Дадим рабочее определение термина.

Речевая агрессия — целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние (страх, фрустрацию и т. п.) у объекта речевого воздействия.

Лингвистика делает лишь первые шаги в изучении интересующего нас феномена. Как это ни парадоксально, но интерес к речевой агрессии в неолингвистике вызван работами по изучению политического дискурса, см.: [Купина, Енина 1997; Енина 1999; Шейгал 1999]. Впрочем, в этом есть и определенная логика: присутствие агрессивных речевых проявлений в публичной официальной речи политиков невольно заставляет задуматься об аналогичных проявлениях в иных коммуникативных сферах. Неолингвистика все больше обращает внимание на агрессию в повседневной коммуникации. Разговорное бытовое общение — то коммуникативное пространство, где наиболее ярко проявляются все виды диссонансного взаимодействия людей [Горелов, Седов 2001; Седов 1999б; Шалина 1998]. Большой интерес представляет речь наиболее агрессивной части общества — подростков, см.: [Щербинина 2003; Шипова 2003].

Говоря о речевой агрессии, нельзя не затронуть проблемы обцененных сфер коммуникации. Особого упоминания в этой связи заслуживают необыкновенно яркие работы В. И. Жельвиса, который много лет занимается исследованием табуированной области речевого обще-

ния, сквернословия в разных языках и культурах, см.: [Жельвис 1997]. По мнению Жельвиса, использование матерной лексики и фразеологии «самым тесным образом связано с проблемами эмоциональной разрядки и, следовательно, так называемым *катарсисом*» [Там же: 29]. В этом смысле агрессивная функция сквернословия органично сочетается с рассматриваемой выше теорией «фрустрация — агрессия». Усилению эмоциональной выразительности матерных употреблений, с одной стороны, и оскорбляющей, разрушительной силы — с другой, способствует «взлом табу».

В результате взламывания с помощью обценной лексики социальных табу, — пишет Жельвис, — инвектант и его реципиент обнаруживают себя в атмосфере попранной гармонии окружающего мира, созданной именно за счет сознания того, что в этот момент они присутствуют при серьезном нарушении норм, которые сами обычно признают [Там же: 32].

Обычно речевая агрессия проявляется в коммуникативных конфликтах — столкновениях между участниками коммуникативного взаимодействия. Разнообразие форм выражения речевой агрессии зависит от многих факторов, к числу которых следует отнести и жанрово-ролевые особенности конфликтной коммуникативной ситуации, и индивидуально-коммуникативные черты портретов языковых личностей, участников конфликта и мн. др.; подробнее см.: [Горелов, Седов 2001: 148—176].

Опираясь на собранный нами обширный материал повседневной коммуникации, а также учитывая опыт описания агрессии психологами (а в чем-то и отталкиваясь от него), мы предлагаем классификацию видов речевой агрессии, которая включает в себя десять бинарных оппозиций.

1. Вербальная / невербальная

Здесь критерием разграничения выступает природа знаковых средств выражения речевой агрессии. К числу невербальных форм прежде всего нужно отнести жесты. У каждой культуры существует своя система оскорбительных, угрожающих, иронических и т. п. жестов, см. [Жельвис 1997; Стернин 2001]. К числу невербальных средств выражения агрессии можно также отнести молчание (угрожающее, ироническое, протестующее и т. п.).

2. Прямая / косвенная (непрямая)

Подобное различие есть практически во всех работах по социальной психологии. Прямая (она же — явная) речевая агрессия — результат коммуникативного акта, иллокуция которого содержит открытую, очевидную враждебность. Это ядерные виды проявления речевой агрессии: оскорбления, угрозы, злопожелания (иногда содержащие табуированную лексику).

— *Ты просто свинья/ скотина безмозглая!*

— *Закрой свою поганую пасть/ ублюдок!*

Согласно определению В. В. Дементьева, непрямая коммуникация — «содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, будучи несводимой к простому узнаванию (идентификации) знака» [Дементьев 2001: 3]. Непрямая (косвенная, неявная, скрытая) речевая агрессия содержится в речевом акте, негативная иллокуция которого не вытекает из суммарного значения входящих в высказывание компонентов. Наиболее очевидно подобный тип воздействия проявляется в речевых жанрах (актах, субжанрах) колкости и насмешки, иллокутивная сила которых зависит от игры пресуппозициями. Покажем на примерах.

Пресуппозиция: женщина (А) средних лет в гостях у подруги (Б), которая только что сделала ремонт.

Б — *Ну/ как у нас теперь?*

А — *Ты знаешь/ хуже не стало.*

Одним из наиболее распространенных способов выражения косвенной агрессии является ирония, на основе которой обычно строится насмешка. Приведем пример.

Разговор мужа с женой.

Ж — *Что-то устала я!*

М — *Еще бы/ ты у нас труженица// Мыслимо ли дело/ всех подружек обезжать/ всех по телефону обсудить!*

3. Инструментальная / неинструментальная

Эта дифференциация также достаточно часто присутствует в классификациях психологов. Иногда различают агрессию «обуслов-

ленную раздражителем» и «обусловленную побуждением», см.: [Шипова 2003].

Неинструментальная агрессия — это агрессия ради агрессии, так сказать, агрессия в ее чистом виде. Она служит задачам катартической разрядки за счет коммуникативного партнера и обычно имеет аффективный характер.

— *Пошел ты к чертовой матери! Идиот!*

— *Ну/ ты дурак/ придурок/ скот безрогий!*

Инструментальная агрессия в коммуникативном акте, кроме иллюзии враждебной, содержит еще и стремление к достижению какой-либо иной цели.

Ситуация в кафе. Посетители, молодые люди, не уходят, несмотря на время закрытия кафе. Официантка:

— *Вы уходите/ наконец/ или мне милицию вызвать!*

Общаются подростки.

— *Заткнись/ Щас в глаз получишь!*

В приведенных примерах угроза сочетается с интенцией достижения иной цели.

Инструментальную речевую агрессию следует отличать от конфликтной речевой манипуляции, о которой у нас шла речь в упоминавшейся публикации [Седов 2003]. В некоторых формах эти способы речевого воздействия трудноразличимы: критерием дифференциации следует считать скрытый характер побуждения при конфликтной манипуляции, которая в речевом действии, как и агрессия, тоже содержит иллюзию стремления к превосходству, самоутверждению за счет коммуникативного партнера.

4. Инициативная / реактивная

Речевая агрессия может быть средством как нападения, так и защиты. В первом случае мы имеем дело с агрессией, которая выступает как бы агрессией первого порядка, реакцией на фрустрирующий фактор. Примеры.

Дети смотрят телевизор. Входит мать (женщина сорокалетнего возраста).

— *Что вы тут за дебилизм смотрите! Целыми днями торчите у ящика/ как придурки!*

Преподаватель. На лекции.

— *Долго вы будете мне мешать/ своей болтовней!*

Реактивная агрессия обычно выступает в качестве агрессии второго порядка и выполняет функцию защиты от агрессора (реального или мнимого). Принцип, по которому строится сценарий реактивной агрессии, можно было бы сокращенно обозначить как «сам дурак». Покажем на примерах.

Разговор преподавателей.

— *Ты мне кажется/ не совсем понимаешь сложности ситуации//*

— *Ну конечно/ ты понимаешь/ а я нет// И вообще/ ты у нас самый умный!*

Муж жене, разговаривающей по телефону.

— *Ну/ сколько можно чепухой заниматься?!*

— *Сам ты идиот!*

Разновидностью реактивной агрессии, видимо, следует считать так называемый коммуникативный саботаж, который обычно проявляется в блокировании вопросно-ответной коммуникации методом ответа вопросом на вопрос, см.: [Николаева 1990]. Приведем примеры.

Ситуация в сбербанке. Пожилая женщина, плохо понимая требования кассира:

— *Ой/ я не пойму// Вот тут девушка раньше сидела// Ее что нет// Она что в отпуске?*

— *А что/ она что ль в отпуске/ не имеет права уйти?!*

Общение двух малознакомых людей заходит в тупик. Один из коммуникантов (со вздохом):

— *Как однако/ все по-разному смотрят на одни и те же вещи//*

— *А почему/ все должны одинаково на все смотреть?!*

5. Активная / пассивная

Вслед за А. Бассом (см. [Бэрон, Ричардсон 1997]) мы выделяем активную и пассивную разновидности речевой агрессии. Подобное членение очень напоминает вышеприведенную диаду — инициативная / реактивная. Однако здесь есть существенные отличия. Реактивная агрессия — это агрессия на агрессию; пассивная — агрессия методом прекращения контакта или демонстрация нежелания в него вступать. Молчание — крайняя форма пассивной речевой агрессии.

Примеры активной речевой агрессии мы приводить не будем: большинство вышеприведенных иллюстраций — суть активная речевая агрессия. Пассивная речевая агрессия демонстрирует принцип «оставьте меня в покое».

Разговор вузовских преподавателей, у которых дружеские отношения и в то же время по службе они находятся в отношениях «начальник — подчиненный».

— *Ты можешь нормально объяснить?!*

— *Слушай/ я ничего объяснять не собираюсь// И вообще оставь меня в покое!*

6. Непосредственная / опосредованная

Эту оппозицию можно выделить на основании характера коммуникативного контакта. Вид непосредственной речевой агрессии протекает в рамках речевого акта, в котором коммуниканты находятся в одном пространстве и времени. Опосредованной агрессией можно считать речевое воздействие, осуществляемое в разных хронотопах. К типу непосредственной речевой агрессии можно отнести все описанные выше разновидности интересующего нас коммуникативного феномена. Опосредованная агрессия проявляется в виде заглазных осуждений и обсуждений, распространения сплетен, унижающих человека, клеветы и т. п. По тому, что подобные речевые действия направлены на вред, ущерб, их можно отнести к особой разновидности речевой агрессии.

7. Спонтанная / подготовленная

Критерием дифференциации в этом случае выступает своеобразие процесса порождения высказывания. Спонтанная агрессия проявляется в рамках речевого акта, где мотив и коммуникативное намерение реализуется практически одновременно с их словесным выражением. Как правило, это мгновенная агрессивная реакция на фрустрирующий фактор.

Жена мужу, разбившему чашку.

— *Что ты наделал/ придурок!*

Разговор подростков.

— *Иди на хрен! Дурак!*

Подготовленная агрессия возникает в результате «спланированной акции». Иногда она становится выражением интенции, комму-

никативного намерения, которое оформилось во фрустрированном сознании в течение бессонной ночи, иногда — на протяжении еще более длительного временного отрезка. Наши опросы потенциальных агрессоров показали, что довольно часто, к примеру сказать, колкость языковая личность произносит не спонтанно, а подает как «домашнюю заготовку». Например:

Разговор двух научных сотрудников А и Б. (Пресуппозиция: один из них (А) издает серийные сборники статей, в один из которых был приглашен Б, но статью вовремя не сдал.)

А — Что-то я давненько не видел Ваших публикаций// По-моему Б умер как ученый//

8. Эмоциональная / рациональная

В этой бинарной оппозиции маркированным членом является рациональная агрессия. Основной принцип дифференциации — наличие / отсутствие в речевом действии рационального начала.

Как мы уже отмечали, эмоциональная агрессия относится к ядерному виду изучаемого речевого феномена. Обычно она проявляется в рамках спонтанного речевого акта. Реже эмоциональное речевое действие использует полную, развернутую модель формирования речи. Эмоционально-агрессивные речевые действия обычно имеют характер аффекта.

— Ты мудака! Иди ты/ к чертовой матери!

Рациональная агрессия может быть спонтанной, но чаще это заранее спланированное речевое выступление. Как правило, она находит выражение в разного рода непрямым формам воздействия: колкостях, шутках, иронии. Но, разумеется, не всегда. Основной признак рациональной агрессии заключается в стремлении говорящего на осознанном уровне учитывать при достижении перлокутивного эффекта особенностей коммуникативной ситуации и личностных свойств адресата речи. В некоторых случаях говорящий-агрессор осознанно отдает предпочтение именно аффективным грубым приемам воздействия. Пример.

В кафе. К столику, за которым сидят прилично одетые молодые люди, пытается подсесть посетитель «бомжеватого» вида.

— Мужик/ отсыдь// Вон столик свободный// Ты не понял// Иди отсюда на х..!

9. Сильная / слабая

Выделение этой оппозиции необходимо для измерения перлокутивного эффекта агрессивного действия. Сильная агрессия становится результатом речевого акта, способного повлиять на изменение эмоционального состояния коммуникативного партнера, вызвать у него сильную фрустрацию, чувство унижения, страха и т. п.

Разговор подростков.

— *Заткнись урод! Щас жбан расколю!*

При этом интенсивность речевого воздействия не зависит напрямую от грубости, «выпрямленности» речевого акта. В некоторых случаях эффект сильной фрустрации может стать следствием ядовитой шутки или колкости.

Из разговора женщин.

— *Представляешь/ N — змея! Захожу на кафедру/ а она мне сладенько так/ Ой X/ как вы плохо выглядите сегодня! Вы плохо себя чувствуете? Пряма настроение испортила! До сих пор осадок какой-то!*

Дифференциация форм речевой агрессии на сильную и слабую приводит нас к мысли, которая, на первый взгляд, вступает в противоречие с первоначальным пафосом нашей публикации. Дело вот в чем. Квалифицируя агрессию и агрессивность как коммуникативное зло, мы все же таки должны осознавать неизбежность существования этого речевого феномена в континууме общения. Более того, рискуем утверждать, что в небольших дозах агрессия в речи даже необходима.

Люди, вступающие в коммуникативные отношения, отличаются друг от друга особенностями характера, мироощущения, мировоззрения и т. п. Неодинаковость индивидов, разнообразие трактовок и точек зрения на одно и то же явление и мн. др. — все это становится причиной разного рода конфликтов. При этом не все конфликты суть проявления враждебности, засоряющей коммуникативное пространство. Столкновение мнений, отстаивание правоты своих убеждений часто приводит к рождению нового, к творческим инсайтам и т. п.

По нашему глубокому убеждению, в небольших дозах — в виде легкой иронии, шутки, дружеских розыгрышей и т. д. — агрессия не ухудшает, а улучшает коммуникативный климат. Позволим себе гастрономическое сравнение: легкую агрессию можно уподобить горчице к мясу или горьковатому привкусу пива. Легкую агрессию

можно также уподобить феномену языковой игры: на первый взгляд, языковая игра расшатывает систему языка, на самом же деле укрепляет эту систему. Подобно этому шутка, ирония и т. д. могут не ослабить, а укрепить дружеские и семейные отношения. Небольшой субстрат агрессии в общении может стать противоядием против приторности, лицемерия и ханжества.

Вышеприведенные рассуждения побуждают нас выделить еще одну, последнюю, бинарную оппозицию.

10. Враждебная / невраждебная

Разумеется, ядерной формой исследуемого речевого феномена следует считать агрессию враждебную. Именно она представлена во всех данных выше иллюстрациях.

Агрессия невраждебная чаще всего присутствует в неофициальном дружеском общении, чаще всего — мужском, но не только. Она похожа на шуточные (иногда очень ощутимые) тумаки, толчки и удары, которыми в шутку обмениваются здоровые и жизнерадостные молодые люди. Потому невраждебная речевая агрессия — показатель психологического здоровья, если угодно — нормальности отношений, которые связывают друзей.

Здоровые дружеские отношения отражают особое жизнеутверждающее мироощущение коллектива, которое М. М. Бахтин назвал карнавальным. Это особое состояние, по своей тональности, смысловому наполнению противоположное официально-тоталитарному единомыслию. Оно несет в себе оптимизм народно-смехового мировосприятия, «освобождение от господствующей правды существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов» и реализуется в «особой форме вольного фамильярного контакта между людьми» [Бахтин 1990: 15], где «создается особый идеально-реальный тип общения между людьми, невозможный в обычной жизни. Это вольный фамильярно-площадной контакт между людьми, не знающий никаких дистанций между ними» [Там же: 21—22].

Именно таким мироощущением пронизано неофициальное дружеское общение, в котором можно услышать *как бы* агрессивные речевые выступления: инвективы, послы с упоминанием «непристойных» частей тела, злопожелания, угрозы и т. п. Невраждебная агрессия — это агрессия лишь по форме. При всех признаках агрес-

сивности основная интенция речевого акта не содержит стремления принести вред, ущерб собеседнику. Примеры.

Разговор в бане. В предбаннике общаются несколько тридцатилетних мужчин. Заходит опоздавший член компании.

— *Привет/ охломоны!*

— *Салют/ долб...б!*

Общаются девушки-студентки.

— *Ну ты/ балда! Хватит учебник грызть! Пошли пивка попьем!*

Все выделенные нами разновидности речевой агрессии как способа воздействия в коммуникации можно представить в виде поля с ядром, где будут располагаться наиболее очевидные формы проявления агрессивности, и периферии, где исконная иллокуция описываемого явления несколько ослаблена. Так, к ядерным видам речевой агрессии следует отнести прямую, неинструментальную, инициативную, активную, непосредственную, спонтанную, эмоциональную, сильную, враждебную. Соответственно, к области периферии отойдут непрямая, инструментальная, реактивная, пассивная, опосредованная, подготовленная, рациональная, слабая, невраждебная.

Таблица 1

№ п/п	Виды речевой агрессии	Критерий дифференциации
1.	Вербальная / невербальная	Способ знакового выражения
2.	Прямая / непрямая	Степень косвенности речевого акта
3.	Инструментальная / неинструментальная	Наличие / отсутствие дополнительных иллокуций
4.	Инициативная / реактивная	Направленность речевого акта: нападение / защита
5.	Активная / пассивная	Степень активности речевого акта
6.	Непосредственная / опосредованная	Характер речевого контакта
7.	Спонтанная / подготовленная	Своеобразие модели речепорождения
8.	Эмоциональная / рациональная	Присутствие / отсутствие рационального начала
9.	Сильная / слабая	По интенсивности воздействия
10.	Враждебная / невраждебная	Наличие / отсутствие иллокуции враждебности

В повседневном персональном дискурсе речевая агрессия находит выражение в разнообразных речевых актах, которые в общем дискурсивном пространстве либо выступают в виде самостоятельных жанровых образований (*субжанров*), либо (чаще) становятся *внутрижанровыми тактиками*, которые определяют содержание сюжетных поворотов в развитии речевой интеракции. Мы выделили тринадцать агрессивных субжанров (речевых актов, тактик) — *инвектива (оскорбление), угроза, проклятье, злопожелание, отсыл, грубое прекращение коммуникативного контакта, констатация некомпетентности, возмущение, обвинение, упрек, колкость, насмешка, демонстрация обиды*, — к которым позже добавили четырнадцатую, универсальную, тактику *агрессивного молчания*. Проиллюстрируем каждую из выделенных тактик.

1. Тактика **оскорбления (инвективы)** обычно наблюдается в кульминационных стадиях развития ссоры. Здесь широко используется самая различная инвективная лексика: от зоосравнений до табуированных слов.

— *Ты просто свинья/ скотина безмозглая!*

2. Тактика **угрозы**, как и тактика оскорбления, обычно используется в высших по накалу страстей стадиях ссоры.

— *Если ты не закроешь свою мерзкую пасть/ в твою башку полетит эта тарелка!*

3. Тактика **проклятья**.

Речевой акт проклятья восходит к древнейшим формулам магических заклинаний и в этой связи может быть отнесен к фундаментальному архетипическому пласту речевого коллективного бессознательного этноса. В чистом своем виде в современной разговорной речи встречается редко. Как правило, в высказывании он сочетается с субжанром инвективы. Значительно чаще подобный речевой акт можно встретить в политическом дискурсе (см.: [Енина 1999]). Приведем пример разговорного общения.

Ссора на вещевом рынке. Общаются женщины.

— *Будь ты проклята! Сволочь поганая!*

4. Тактика **злопожелания** (термин мы позаимствовали у Л. В. Ениной [1999]).

Как и проклятья, злопожелания генетически восходят к черной магии, к древним ритуалам, модели которых широко использует повседневная коммуникация. Пример.

На даче. Жена мужу, закончившему строительство забора.

— *Это что? Каким местом ты думаешь?! Чтоб у тебя руки отсохли!*

Архаическая семантика следующей агрессивной тактики столь же древняя.

5. Тактика **отсыла**.

Одна из наиболее распространенных в современной русской разговорной речи. Пример.

Жена мужу.

— *Слушай/ иди ты в жопу! Как ты мне надоел!*

Усиление экспрессии субжанра отсыла чаще всего происходит путем использования обценной лексики, путем «взлома табу». Именно поэтому нецензурные выражения «Пошел ты на х...!» и «Пошел ты в п...!» в русской коммуникативной практике воспринимаются как наиболее оскорбительные.

6. Тактика **грубого прерывания коммуникативного контакта**.

Ссора подростков.

— *Рот закрой! Кишки простудишь!*

7. Тактика **констатации некомпетентности**.

Жена дочери (в присутствии отца).

— *У нашего папы/ руки из одного места растут//*

8. Тактика **возмущения**, как правило, используется в начале сюжетного развития ссоры; обычно она представляет собой эмоциональную (негативную) реакцию на поступок собеседника.

— *Ну/ ты даешь! Совсем что ль одурел?!*

9. Тактика **насмешки** чаще всего строится на использовании иронии (сарказма); она может возникать на любом повороте протекания

ссоры. Однако обычно она присутствует в начале, в период возникновения конфликтной ситуации.

— *Бедняга/ оголодала// Не пойму только/ чтой-то тебя все разносит? Видать/ с голодухи//* (муж жене, в ответ на ее жалобы о том, что ей некогда пообедать).

10. Тактика **колкости** по семантике близка к тактике насмешки. Разница здесь в том, что колкость строится не столько на иронии, сколько на косвенном выражении интенции: в основе колкости лежит намек, подтекст.

(Разговор двух тридцатилетних женщин)

— *Ну/ как я выгляжу?*

— *Выглядишь эффектно/ но лет на сорок/*

11. Тактика **упрека** в сценарии ссоры способна проявиться на самых разных стадиях развития сюжетного действия.

— *Ты как всегда/ забыл/ что у твоего сына день рождения//*

12. Тактика **обвинения** представляет собой разновидность упрека: отличие здесь — в силе негативной интенции, заложенной в высказывание.

— *Я могу сказать одно/ Ты недееспособна// Если человек/ не может донести зарплату до дома/ значит он не нормален//*

13. Тактика **демонстрации обиды** похожа на упрек и возмущение. Своеобразие такого поворота в том, что недовольство высказывается не по поводу какого-то действия, а по поводу речевого поведения, которое считается оскорбительным.

— *Не смей со мной разговаривать/ в таком тоне//*

14. Тактика **молчания** по своей семантике чаще всего передает угрозу, упрек, обвинение, демонстрацию обиды, но в зависимости от контекста может содержать самые разнообразные смысловые нюансы.

Выделенные нами четырнадцать агрессивных субжанров представляют собой открытый список: дальнейшие наблюдения позволяют пополнить типологию актов конфликтного речевого воздействия.

Выявление и описание тактик агрессивного воздействия в реальных многоактных дискурсах (устных и письменных) может стать базой количественно-качественного анализа речи с точки зрения уровня ее агрессивности. Такой анализ позволяет объективно определить уровень речевой культуры автора высказывания в аспекте соблюдения говорящим / пишущим этической составляющей речи: разумеется, соотношение будет обратно пропорциональным — чем выше степень агрессии дискурса, тем ниже показатель речевой культуры.

Особый интерес речевая агрессия представляет как показатель идиостиля, как черта коммуникативного портрета личности. Агрессия в той или иной степени свойственна всем языковым личностям. Но степень агрессивности персонального дискурса, формы проявления этого коммуникативного феномена у разных людей не просто неодинаковы, но, по нашему мнению, сугубо индивидуальны. Именно поэтому анализ речи конкретной языковой личности в аспекте ее агрессивности позволяет отличать ее от речи других пользователей языком. Более того, возможность объективного «измерения» степени агрессивности личностно-ориентированного дискурса индивида позволяет производить коммуникативную диагностику, выявлять социально-психологическую компетентность (или ущербность) личности.

Конечно, исследование диссонирующих форм общения не должно ограничиваться решением задач дескриптивно-эмпирических. Практическая психолингвистика, неориторика должны искать как пути преодоления агрессии в коммуникативном конфликте, так и методы диагностики и перепрограммирования агрессивных черт коммуникативного характера.

В той или иной мере агрессия в коммуникативном континууме повседневной коммуникации будет присутствовать всегда. И хотя полностью искоренить ее не представляется возможным, необходимо стремиться уменьшить ее объем. Решение подобной задачи — одна из гуманитарных миссий неолингвистики.

2.2.2. Манипуляция и актуализация*

О действиях всех людей, а особенно государей, с которыми в суде не поспоришь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют, ибо чернь прельщается видимостью и успехом, в мире же нет ничего, кроме черни, и меньшинству в нем не остается места, когда за большинством стоит государство.

Н. Макиавелли «Государь»

Понятие манипуляции приобретает статус ключевой категории теории речевого воздействия. Проблемы манипуляции (манипулирования) сознанием стали в современной отечественной гуманитарной науке популярными после выхода в нашей стране перевода работы известного американского психолога Э. Шострома [1992]. Основной пафос книги ученого — протест против превращения человека в современном сверхиндустриальном обществе в вещь, автомат, которым можно управлять.

Трагедия нашей жизни, — пишет Шостром, — в том, что современный человек в результате своего бесконечного манипулирования потерял всяческую возможность выражать себя прямо и творчески и низвел себя до уровня озабоченного автомата, который все свое время тратит на то, чтобы удержать прошлое и застраховать будущее [Там же 2: 9].

Качество личности, противоположное манипуляторству, ученый назвал «актуализацией».

Актуализация — термин, который взят из «психологии бытия» А. Маслоу (1908—1970) [1997], одного из создателей гуманистической психологии, которая ныне представляет собой одну из наиболее влиятельных ветвей развития западной гуманитарной мысли. Актуализатор, по Шострому, — это человек, который стремится в собственной

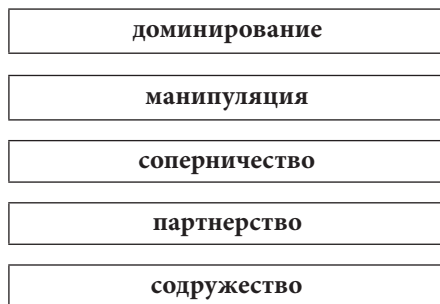
* Глава из книги: Седов К. Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: Лабиринт, 2011. С. 207—247.

деятельности и в общении с другими людьми к максимальной самоактуализации, т. е. к полному психологическому здоровью, основанному на всестороннем раскрытии творческих потенций своей личности.

С легкой руки Шострома термины *манипулятор* и *актуализатор*, проблемы манипуляции стали модными в современной науке. О манипуляции в речи много написано психологами и лингвистами (см., например: [Доценко 2000; Куницына и др. 2001; Литвак 1992; Панасюк 2002б; Степанов 2008; Стернин 2001; Шейнов 2002; 2009] и мн. др.). Главное же, что становится предметом дискуссий, — это вопрос о том, насколько принципы манипуляции сознанием в общении могут быть совместимы с этическими нормами социального взаимодействия людей, морально или нет управлять настроением человека против его воли. В обыденном сознании большинства представителей российского этноса термин *манипуляция* имеет однозначно отрицательный смысл. Манипулировать, в представлении даже значительного числа профессиональных ученых-гуманитариев, — это значит совершать что-то негативное, нарушающее этические нормы поведения. Фраза «*Ты мной манипулируешь!*», сказанная, предположим, женой мужу, звучит как обвинение.

В современной психологии существует несколько десятков дефиниций термина «манипуляция». Е. Л. Доценко определяет его как «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко 2000: 59].

Схема 5

Другой — средство**Другой — ценность**

По мнению ученого, ареной действия манипулятора выступают межличностные отношения. Если представить их в виде шкалы, на одном полюсе которой будет восприятие другого человека как средства достижения цели, а на другом — как самостоятельную ценность, то феномен манипуляции займет позицию, представленную на схеме 5.

1. Доминирование. Отношение к другому как к вещи или средству достижения своих целей, игнорирование его интересов и намерений. Стремление обладать, распоряжаться, получить неограниченное одностороннее преимущество. <...> Открытое, без маскировки, императивное воздействие — от насилия, подавления, господства до навязывания, внушения, приказа — с использованием грубого простого принуждения.
2. Манипуляция. Отношение к партнеру по взаимодействию как к «вещи особого рода» — тенденция к игнорированию его интересов и намерений. Стремление добиться своего с оглядкой на производимое впечатление. Воздействие скрытое, с опорой на автоматизмы и стереотипы, с привлечением более сложного, опосредованного давления. <...>
3. Соперничество. Партнер по взаимодействию представляется опасным и непредсказуемым, с силой которого уже приходится не только считаться, но которой приходится уже и опасаться. Стремление переиграть его, «вырвать» одностороннее преимущество. <...> Интересы другого учитываются в той мере, в какой это диктуется задачами борьбы. <...>
4. Партнерство. Отношение к другому как к равному, имеющему право быть таким, как он есть, с которым надо считаться. Стремление не допустить ущерба себе, раскрывая цели своей деятельности. Равноправные, но осторожные отношения, согласование своих интересов и намерений, совместная рефлексия. <...>
5. Сотрудничество. Отношение к другому как самоценности. Стремление к объединению, совместной деятельности для достижения близких или совпадающих целей [Доценко 2000: 102—103].

Впервые к манипуляции другими людьми человек приобщается в младенчестве, когда он на рефлекторном уровне устанавливает связь между криком как безусловно-рефлекторной реакцией на возникший дискомфорт и действием взрослых, стремящихся этот дискомфорт ликвидировать. Впоследствии манипуляция взрослыми диктуется стремлением упорядочить, сделать предсказуемым их поведение. При этом ребенок как бы учится основным способам скрытого управления у своих родителей: сначала они пытаются манипулировать им, потом он, используя сходные приемы, манипулирует ими.

Одной из причин, побуждающих личность прибегать к манипулятивному воздействию, становится внутренняя противоречивость, наличие скрытых комплексов неполноценности, результатом действия которых становится невротизм. В этом случае манипуляция протекает на полуосознанном уровне: невротизированный субъект вытягивает психологические поглаживания у партнеров по межличностному взаимодействию для того, чтобы утолить свои комплексы, насытить невротичность.

И ребенок, и взрослый невротик манипулируют окружающими на неосознанном или полуосознанном уровне. Если психологическому вампиру (о чем у нас пойдет речь чуть позже) сказать, что его действия — манипулирование окружающими, он не согласится и даже может воспринять эти слова как оскорбление.

Однако есть форма манипуляции, которая ориентирована на осознанное стремление скрыто управлять другими людьми. Она получила в науке название *макиавеллизма*. Термин восходит к имени итальянского политика Николло Макиавелли (1469—1527), которому принадлежит знаменитая сентенция «Цель оправдывает средства». Макиавеллизм означает склонность человека сознательно манипулировать другими людьми. В науке термины *макиавеллизм* и *манипуляция* иногда используют как синонимы. В других работах делаются попытки развести их значение. С нашей точки зрения, по объему понятий манипуляция и макиавеллизм соотносятся как целое и часть. Макиавеллизм — разновидность манипуляции, в которой скрытое управление другими осуществляется осознанно и исключительно ради собственной выгоды. Поэтому макиавеллист — это человек, для которого манипуляция — основной принцип жизненной философии. В психологии существуют методы измерения уровня макиавеллизма личности (см.: [Знаков 2007]). Проведенные исследования позволяют в личности макиавеллиста выделять такие черты, как, с одной стороны, ум, смелость, амбициозность, настойчивость, энергичность, а с другой — эгоизм, цинизм, недоверие к людям, подозрительность.

Негативное отношение к рассматриваемому коммуникативному феномену диктуется скрытым характером речевого воздействия: манипуляция — это воздействие на человека, управление его чувствами, мыслями, поступками, которое осуществляется помимо его воли. И здесь мы опять возвращаемся к этическим вопросам: можно ли вторгаться в душу другой личности, игнорируя ее волю; можно ли

превращать человека в орудие, вещь, зомби? Метафизический уровень проблемы заставляет дать на поставленные вопросы однозначно отрицательный ответ: нет, ни в коем случае не должна одна личность духовно поработать другую. Иной ответ будет нарушением важнейших постулатов нашей, христианской цивилизации.

Однако возможен и иной, например педагогический, ракурс рассмотрения проблемы манипуляции.

Представим себе ситуацию:

Магазин «Детский Мир». У витрины с яркими красивыми игрушками стоят мама и ее трехлетний сын. Сын умоляет:

— *Мама, хочу машинку!*

— *Нет у меня денег на машинку!* — говорит мама.

— *Хочу машинку!* — рыдает ребенок.

Продолжение описанной ситуации может иметь разный тип сценария. Мама может, пользуясь своим физическим превосходством, взять ребенка за руку и, как трактор пушинку, оттащить от витрины. Сын покорится, но в душе его будет драма: он испытает чувство фрустрации. Однако может быть и иное развитие событий (именно такое наблюдал автор):

— *Сынок, смотри: киса. Пушистая!* — мама показывает на кота, который забрел случайно в магазин погреться.

— *Где киса? Хочу кису!*

Игрушка забыта, ребенок устремился к коту, который быстренько ускользнул на улицу.

Действия мамы не что иное, как пример речевой манипуляции, посредством которой она воздействовала на сознание сына для переключения его внимания с одного объекта на другой.

Есть и еще одна область межличностного общения, в которой манипуляция не только возможна, но и неизбежна. Это сфера межгендерных отношений, т. е., говоря совсем просто, отношений мужчины и женщины. В коммуникациях влюбленных молодых людей, умудренных опытом супругов и т. п. никогда нет абсолютного равноправия. Причем в некоторых плоскостях в статусе превосходства находятся женщины, а в других — мужчины. Нет ничего аморального, к примеру сказать, в ситуации комплимента, который произносит мужчина женщине.

Например, в такой ситуации. Разговор на кафедре. Преподаватель средних лет (NN) обращается к молодой женщине, ассистенту кафедры (Л):

— *Вот гляжу на Вас Л./ и сердце радуется// Увижу Вас и вроде день не зря прошел//*

— *Да ну Вас NN...*

Как потом признавалась Л., комплименты такого рода очень сильно влияли на ее эмоционально-психологическое состояние (*Знаю, что он врет, а все равно приятно: настроение улучшается!*).

Есть фраза, которую должна знать любая женщина, ибо она способна подвигнуть мужчину к подвигу, к поступку. Фраза это выглядит примерно так: *«Только с тобой я чувствую себя настоящей женщиной»*.

Притом что единого мнения по этому вопросу в психологии и психолингвистике нет, большинство практиков речевого воздействия склоняются к мысли о том, что манипуляция — явление в повседневной коммуникации не только неизбежное, но и необходимое. Стремление манипулировать другим человеком во все времена присутствовало в социальном взаимодействии членов любого социума. В настоящее время манипуляция становится отчетливо осознаваемым средством (и иногда — основной предпосылкой) достижения успеха в той или иной деятельности. Знакомство с приемами манипулирования, использование их в речевой практике позволяет найти путь к успеху в социальном взаимодействии. При этом необходимо отчетливо понимать, что искусство манипуляции — обоюдоострое оружие: в руках опытного педагога, умелого психотерапевта, вообще — человека нравственного оно может принести много пользы; однако оно же может стать орудием достижения корыстных целей, рычагом самоутверждения, унижения и источником зла. Необходимость изучения этого феномена коммуникации диктуется теоретическими задачами развития гуманитарного знания и практическими нуждами поиска цивилизованных форм общения между людьми.

Речевая манипуляция — предмет суггестивной психологии, ибо воздействие в этом случае затрагивает именно иррациональные психомимовольные сферы. Собственно, манипуляция, главным образом, реализуется в речевом общении. Мы придерживаемся широкого понимания термина *речевая манипуляция*, рассматривая ее как осуществляемое средствами коммуникации скрытое воздействие, которое имеет целью изменение эмоционально-психологического состояния, оценок, установок и мотивов поведения собеседника.

Во многих определениях термина *манипуляция* подчеркивается ее корыстная направленность, дающая выгоду субъекту манипулирования. С нашей точки зрения, в межличностном общении манипуляция может осуществляться и безо всякой выгоды. Более того, зачастую манипулятор своим поведением вредит себе. К тому же можно выделить разновидность манипулирования, цель которого благородна — оказать психологическую помощь другому человеку.

Феномен, о котором у нас пойдет речь, характеризуется тремя основными признаками:

- 1) речевая манипуляция — это воздействие при помощи средств коммуникации (вербальных и невербальных);
- 2) речевая манипуляция — это скрытое воздействие на собеседника;
- 3) речевая манипуляция направлена на изменение эмоционально-психологического состояния, оценок, установок и мотивов поведения коммуникативного партнера.

Понятно, что манипуляция — основное проявление воздействующего дискурса, который реализует основную свою цель на уровне суггестии. Мы предлагаем типологию форм речевой манипуляции, которая строится на основе системы бинарных оппозиций.

1. Первая (и самая важная) ступень членения: деление форм реализации речевой манипуляции на **продуктивную / непродуктивную (конфликтную)**.

Основным принципом дифференциации здесь выступает характер перлокутивного эффекта речевого действия: манипуляция **во благо** и — **во зло**.

К первому типу, **продуктивной** речевой манипуляции, можно отнести многообразные жанры (и тактики) педагогического дискурса, где неравноправие статусно-ролевого сценария взаимодействия является нормой: одобрение, похвала, подбадривание и мн. др. Сюда же относятся комплимент, похвала, одобрение и т. п. Положительной манипуляцией следует считать и разнообразные способы предотвращения конфликтов (например, психологическое айкидо) и т. п.

В качестве примера приведем одобрение учителем ученика-троечника, с большим трудом выполнившего элементарное задание по математике.

Учитель ученику.

— Ну вот/ видишь/ все у тебя получилось// Теперь переходи к следующей задаче//

По нашему глубочайшему убеждению, продуктивная манипуляция лежит в основе неориторики как теоретико-практической области знаний об эффективной и результативной коммуникации.

Конфликтная (непродуктивная) речевая манипуляция направлена на то, чтобы скрытыми способами вызвать у собеседника негативное эмоционально-психологическое состояние, которое, как помнит читатель, называется состоянием фрустрации, — внутреннее напряжение, вызванное невозможностью достижения какой-либо цели, желания и т. п. К ней можно отнести неявную речевую агрессию, психологический вампиризм, ложь и т. п.

2. По характеру знакового выражения речевого акта манипуляция может быть **вербальной / невербальной**.

Мы уже рассматривали роль невербальных компонентов в повседневной коммуникации. К числу невербальных средств построения манипуляции следует отнести и динамические проявления психологии выражения (жестику, мимику, гаптику, окулесику и т. п.), и статические формы эго-соматического дискурса, направленные на построение имиджа. В каждом этносе есть свои невербальные знаки, косвенно побуждающие партнера по социальному взаимодействию к действиям или неявно влияющие на его эмоционально-психологическое состояние.

3. Важной бинарной оппозицией является деление манипуляции на **инструментальную / неинструментальную**.

В этом случае критерием выступает характер иллюкуции речевого акта: стремление повлиять на поведение адресата или желание изменить его эмоционально-психологическое состояние. В первом случае речевая манипуляция имеет инструментальный характер и выступает маркированным членом оппозиции. Приведем примеры.

Жена, обращаясь к мужу.

— У нас что/ елка до восьмого марта стоять будет?

Муж, обращаясь к жене:

— Я между прочим/ сегодня с утра ничего не ел!

Заведующий кафедрой преподавателю:

— *Мне интересно/ когда вы сдадите отчет о работе? Назовите/ хотя бы примерную дату//*

Неинструментальная манипуляция своей целью имеет воздействие на эмоциональное состояние собеседника; она либо улучшает, либо ухудшает настроение.

Основным принципам и приемам инструментальной манипуляции мы посвятили отдельный раздел главы.

4. В соответствии с направленностью речевого акта манипуляция может быть **инициативной / ответной**. Эта бинарная оппозиция не представляется безупречной. Однако ее выделение, на наш взгляд, необходимо, так как она позволяет разделять манипуляторское воздействие на, во-первых, манипуляцию как бы первого порядка и манипуляцию, направленную на нейтрализацию другого речевого воздействия (как правило, нейтрализацию предполагаемой речевой агрессии). Примером такой ответной манипуляции может быть упреждающее применение психологического (коммуникативного) айкидо (об этом чуть ниже). Проиллюстрируем на конкретной коммуникативной ситуации.

Разговор в деканате. Декан, обращаясь к заведующему кафедрой.

— *Опять вы/ NN/ не сдали отчет в учебный отдел// Опять наш факультет из-за вас на последнем месте! Когда вы нормально работать будете?!*

— *Жуть! Гнать меня надо с работы! Я не только отчет/ я еще и карточки учебных поручений не сдал// Вообще никуда не гожусь// Надо срочно меня переизбирать/ к чертовой матери!*

— *Ну будет вам// Не надо так нервничать...// Но чтобы к концу недели.../ хватит вам времени? Или может помочь?..*

— *Постараюсь...*

5. Особым принципом различения форм речевой манипуляции выступает степень осознанности речевого акта. На этом основании можно выделить **осознанную / неосознанную** манипуляцию.

Неосознанными манипуляторами чаще всего становятся маленькие дети. Когда ребенок на прогулке с матерью говорит «Я устал! Больше не могу идти!», он вынуждает мать взять его на руки. Бессознательно манипулируют коммуникативными партнерами и не-

вротизированные психологические вампиры, о которых у нас пойдет речь.

6. Для полноты классификации форм речевой манипуляции необходимо выделить **непосредственную / опосредованную** разновидность этого коммуникативного феномена. В этом случае основанием для построения бинарной оппозиции будет характер речевого контакта.

Непосредственная речевая манипуляция осуществляется в рамках речевого акта, в котором коммуниканты находятся в одном пространстве и времени. Опосредованная манипуляция — это воздействие через посредника, который передает адресату какую-либо информацию. Прежде всего это манипулирование при помощи письменной речи (особенно эффективны — эсэмэс-сообщения). Сюда же можно отнести всевозможные распространения слухов, сплетен и т. п.

7. Последней из выделяемых нами бинарных оппозиций будет дифференциация речевой манипуляции на **спонтанную / подготовленную**. В этом случае критерием разделения будет характер протекания речевого акта.

Спонтанная манипуляция — это манипуляция без предварительного обдумывания, как бы мгновенная реакция на конкретную ситуацию общения. Здесь мотив и коммуникативное намерение реализуются практически одновременно с их словесным выражением. Подготовленная манипуляция возникает в результате «спланированной акции». Иногда она становится выражением интенции, коммуникативного намерения, которое оформилось во фрустрированном сознании в течение длительного временного отрезка и часто имеет характер «домашней заготовки».

Предлагаемая классификация, разумеется, не исчерпывает многообразие аспектов заявленной проблемы. Она представляет собой лишь первый опыт рассмотрения, первые шаги в изучении речевой манипуляции, осуществляемые в рамках суггестивной психолингвистики.

Представим описанные типы речевой манипуляции в виде таблицы.

Таблица 2

Формы манипуляции в межличностном общении

№ п/п	Виды речевой манипуляции	Критерий дифференциации
1.	Продуктивная / непродуктивная (конфликтная)	Перлокутивный эффект (со знаком плюс или минус)
2.	Вербальная / невербальная	Способ знакового выражения
3.	Инструментальная / неинструментальная	Характер иллокуции: побуждение к действию / воздействие на сознание
4.	Инициативная / ответная	Направленность речевого акта
5.	Осознанная / неосознанная	Степень осознанности речевого акта
6.	Непосредственная / опосредованная	Характер речевого контакта
7.	Спонтанная / подготовленная	Своеобразие модели речепорождения

Конфликтная (непродуктивная) манипуляция

Разговаривают старые подруги.

— Слушай, какие мы с тобой в молодости красивые были. Особенно я.

— Да. А какие мы теперь страшные. Особенно ты.

(Анекдот)

Непродуктивной (конфликтной) формой манипуляторского воздействия следует считать высказывание, цель которого — негативное эмоциональное состояние (фрустрация) коммуникативного партнера. Подобное речевое действие приводит к ощущению социальной полноценности манипулятора, «вытягиванию» психологических поглаживаний за счет чувства своего превосходства над собеседником, скрытой демонстрации ему его несовершенства, неполноценности. Еще проще: определяемый тип манипуляторского воздействия состоит в скрытом самоутверждении говорящего за счет своего коммуникативного партнера. В ракурсе теории Л. Фестингера непродуктивная манипуляция направлена на преодоление когнитивного диссонанса

у субъекта манипуляции за счет его увеличения в сознании объекта манипуляции.

Первой и наиболее очевидной разновидностью конфликтной манипуляции выступает **непрямая агрессия**, которой мы уже касались в предыдущей главе.

Непрямая коммуникация, — пишет В. В. Дементьев, — охватывает целый ряд речевых явлений, при использовании и интерпретации которых как в повседневной речевой практике, так и во вторичных, книжных или официальных сферах общения оказываются недостаточными одни лишь правила языка. Часто использование данных явлений вообще осуществляется без непосредственной опоры на систему языковых значений и значимостей. Более того, многие типичные ситуации общения допускают и даже требуют от коммуникантов обращения к нестандартным (неформализованным, не принятым в данном коде) языковым средствам, грамматическим конструкциям, типам предложений, какие должны были бы быть использованы для оформления данного содержания в данном языке, требуют выбора «неподходящих» по стилю синонимов и т. д. [Дементьев 2006: 11].

Существует ряд тактик проявления агрессии: *инвектива (оскорбление), угроза, проклятье, зложелание, отсыл, грубое прекращение коммуникативного контакта, констатация некомпетентности, возмущение, обвинение, упрек, колкость, насмешка, демонстрация обиды, тактика агрессивного молчания*. Не все, но многие из них могут быть выражены косвенно, а некоторые (колкость, насмешка) могут существовать только в косвенной (манипулятивной) форме.

В случаях непрямой агрессии в высказываниях манипулятора, направленных на фрустрирование собеседника, всегда в скрытой форме присутствует конфликтоген, смысл которого не вытекает из суммарного значения слов.

Приведем примеры. Скрытая инвектива.

Ситуация на экзамене. Преподаватель, выпроваживая студента:

— *Вы знаете, вашему интеллекту есть куда расти. И пространство роста — безгранично.*

(В переводе на прямую коммуникацию: «Ну, и дурак же ты, братец».)

Скрытая угроза. На лекции преподаватель студентам.

— *Вот вы болтаете. А вам ведь зачет придется сдавать.*

Как и в случае, который иллюстрирует берновские скрытые трансакции, первый из приведенных выше примеров не приносят манипулятору никакой иной пользы, кроме психологических поглаживаний; второй — имеет еще одну коммуникативную задачу: добиться, чтобы студенты перестали разговаривать.

Интересной, с точки зрения суггестивной теории межличностной коммуникации, формой конфликтного манипулирования можно считать прием «ввод имплицитной информации» (см.: [Иссерс 2009: 65]). Его суть в том, что значение слов высказывания отсылает к системе семантических пресуппозиций, к предшествующим знаниям адресата коммуникации. Как правило, такими маркерами имплицитной информации становятся вводные слова и предложения, которые представляют осуждаемое действие как черту характера объекта манипуляции.

Скрытый упрек. Жена мужу.

— Ты, **как всегда**, забыл поздравить сына с днем рождения?

Интересно, что подобный тип конфликтной манипуляции проявляется в предположениях о невыполнении какого-либо действия. Жена мужу.

— Ты, **конечно же**, не хочешь поинтересоваться, как я выступила на конференции?

Муж жене.

— У тебя, **как обычно**, подгорели твои котлеты.

Все эти «как всегда», «конечно же», «как обычно» превращают высказывание из простой констатации факта в оценку личностных свойств собеседника.

Иногда введение имплицитной информации направлено на формирование отношения (как правило — негативного) объекта манипуляции к определенному лицу.

Поясним сказанное примером. В формировании отношений с родственниками жены у некоего мужчины сложились плохие отношения с сестрой жены. Желая обрести союзника в своей борьбе с золовкой в виде собственной дочери, он использует следующий сценарий: укоряя дочь за плохой поступок, он сравнивает ее с тетей. Так в ситуации, когда дочь капризничает, он произносит фразу:

— Ты ведешь себя как тетя Н.!

Конфликтная манипуляция часто проявляется в форме коммуникативного саботажа, когда на поставленный собеседником вопрос говорящий отвечает вопросом.

Диалог в магазине, распространенный в советские времена. Покупатель обращается к продавцу:

— Скажите, почему сыр?

— У вас что, глаз нет?

Широко распространенными разновидностями конфликтной речевой манипуляции следует считать *колкость* и *злую шутку*. Наши наблюдения показывают, что в их использовании существует гендерная дифференциация: колкость — примета женской, по преимуществу, речи, злая шутка — мужской. Более того, когда мы сталкиваемся с мужчинами, которые говорят колкости, мы склонны приписать им нарушение гендерных стереотипов поведения: «Что ты ехидничаешь, как баба!» Интересно, что обратная ситуация обычно квалифицируется комплиментарно: «У нее мужской ум».

Женские колкости положены в основу особой разновидности анекдотов, которые составляют рубрику «Говорят женщины».

Разговаривают подруги.

— Когда я выйду замуж, это будет черный день для многих моих поклонников.

— Не думаю: ты же не можешь выйти замуж сразу за всех.

Актриса после спектакля спрашивает подругу:

— Ну как я играла?

— Если честно, не очень. В первом действии ты явно переигрывала; во втором — у тебя такая фальшь пошла; а выглядела ты — ну прям как старуха...

— Ладно, что это я все про себя. Твой-то все гуляет?

В основе мужских шуток обычно лежит ирония (насмешка, которая строится на приписывании адресату качеств и достоинств, вовсе ему не свойственных, а иногда и совершенно отсутствующих).

Диалог жены с мужем.

— Что-то я совсем оголодала.

— То-то я смотрю, тебя все разносит. С голодухи, наверное.

Приведенные выше примеры демонстрируют манипуляцию, которая не содержит реализации иных целей, кроме нанесения психологического вреда путем фрустрации собеседника и самоутверждения за счет коммуникативного партнера. Этим утверждением мы в своем понимании феномена речевой манипуляции дистанцируемся от многих определений этого феномена, в основе которых лежит только лишь стремление добиться какой-либо выгоды для себя. Однако, разумеется, побуждение к совершению какого-либо действия выступает чертой ядерных проявлений манипуляций как речевого действия. Особенно это, как читатель узнает позже, касается продуктивной манипуляции. Но и конфликтная манипуляция тоже довольно часто содержит скрытое побуждение к действию. Приведем несколько высказываний из бытового общения.

Муж, обращаясь к жене, которая разговаривает по телефону:

— *Я так понимаю/ ужинать мы сегодня не будем//*

Мать дочери, которая собирается на дискотеку:

— *В этой юбке ты похожа на уличную девку!*

Женщина, в ответ на жалобы подруги на семейную жизнь:

— *И нужно было/ замуж за бездельника этого выходить?*

Конфликтная манипуляция, которая строится на основе скрытой агрессии, может приобретать характер коммуникативного садизма. По нашим наблюдениям, наиболее высок процент коммуникативных садистов среди школьных учителей и вузовских преподавателей.

Пример. Ситуация, наблюдаемая автором книги.

Молодой и внешне не очень привлекательный вузовский преподаватель на семинарском занятии игнорирует поднятую руку симпатичной добросовестной студентки. В конце занятия обращается к ней:

— *Что же вы, О.? Так и не отвечали. Придется вам отчитываться.*

Девушка рассказывала подругам: «Мне было так обидно. Я пришла в общагу, легла на кровать и плакала целый вечер».

Кстати сказать, среди вузовских преподавателей (даже тех, кто в рамках научных интересов занимается речью — будь то лингвисты или психологи) существует некоторая недооценка собственной агрессивности по отношению к студентам. В частном разговоре с преподавателем, который на кандидатском экзамене поставил соискательнице

тройку, я шутиливо упрекнул его в агрессивности. Мой упрек вызвал удивление и несогласие: какая, дескать, агрессивность; как отвечала, то и получила. Но между тем другой соискательнице тот же преподаватель за аналогичный ответ ставит пятерку. В чем причина: вторая экзаменуемая просто ему понравилась — своей скромной, интеллигентной манерой.

Другой пример. После выступления с докладом о толерантности профессор, специалист по неориторике, в публичном общении с аспирантом довольно высокомерно поправляет последнего:

— Не употребляй слов, значения которых ты не знаешь...

Э. Шостром утверждает, что «в любом из нас сидит манипулятор, и чтобы рассмотреть его, надо всего лишь заглянуть внутрь себя и получше присмотреться» [1992: 29]. Ученый выделяет типы манипулятивного поведения, которые характеризуют человека как склонного к манипуляции.

1. **Диктатор.** Его варианты: деспот, отец настоятель, босс. Человек, который, ссылаясь на авторитеты, управляет путем доминирования: с помощью распоряжений, команд.

2. **Слюняй.** Как правило, выступает в роли жертвы Диктатора. Манипулирует руководителем, демонстрируя пассивность, безынициативность, тупость. В качестве вариантов предстает в масках Мнительного, Тупицы, Застенчивого, Эгоцентрика.

3. **Калькулятор.** Манипуляция путем стремления во что бы то ни стало контролировать всех и управлять всеми. Пытается всех обмануть, перехитрить; выступает в масках Мошенника, Шантажиста, Резонера.

4. **Прилипала.** Противоположность Калькулятору. Демонстрирует собственную зависимость, ведомость. Позволяет делать свою работу за себя. Предстает в масках Нытика, Инфантила, Паразита, Ипохондрика, Беспомощного.

5. **Задира.** Манипулирует при помощи демонстрации готовности к агрессии, жесткости. Его маски: Унижающий, Угрожающий, Стерва (в женском обличье), Сварливая баба.

6. **Славный парень.** Манипулирует окружающими, демонстрируя заботу, сердечность, внимание. Своим добродушием просто блокирует любое требование, недовольство. Предстает в виде Паиньки, Невмешивающегося, Бодрого организатора, Равнодушного бодрячка.

7. **Судья.** Манипулирует при помощи постоянно демонстрируемой критичности, скептицизма, неверия в добродетельные мотивы поступков людей. Основные маски: Порицатель, Знаток, Осуждающий, Коллекционер обид, Сравнивающий.

8. **Защитник.** Противоположен Судье. Манипулирует путем демонстрации поддержки собеседнику во всем. Маски: Поддакивающий, Соглашатель.

Склонность к манипуляции как черта личности проявляется в построении человеком специфических сценариев межличностного общения, которые Э. Берн назвал ролевыми играми [1997]. В играх, отражающих конфликтную манипуляцию, находит выражение так называемый психологический вампиризм, подробный анализ которого дан в книгах М. Е. Литвака.

Психологический вампир — это манипулятор, который строит общение таким образом, чтобы побуждения, замаскированные в ролевой игре с «жертвой», приводили к ее фрустрированию и, вследствие этого, самоутверждению «вампира». Они строятся на скрытых транзакциях, в которых собеседник как бы подталкивается к тому, чтобы своими речевыми действиями тот доставил психологические поглаживания вампиру. Все «вампиры» — личности невротизированные; их комплексы неполноценности создают на бессознательном уровне когнитивный диссонанс, выливающийся в чувство тревоги, которая требует преодоления путем воздействия извне. При этом речевые действия «доноров», которые становятся результатом провокации «вампиров», неизбежно приводят к ощущению фрустрации донора. Обманув донора, подтолкнув его к действиям, дающим вампиру ощущение социальной полноценности, вампир «опускает» жертву, создавая в ее сознании когнитивный диссонанс, чувство невозможно совместить поступки и убеждения.

Чтобы понять психологическую природу вампиризма, обратимся к типам, описанным и не описанным в литературе.

1. **Динамо.** Этот сценарий манипуляторского взаимодействия чрезвычайно распространен, ибо он мотивирован потребностью человека ощущать полноценность в наиболее важной своей ролевой ипостаси — в области гендерной идентичности. Чаще этот сценарий используется женщинами по отношению к мужчинам.

Однако в русской классической литературе описан обаятельнейший вампир мужского пола. Его имя Георгий Александрович Печорин — герой романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Строго говоря, Печорин — типичный невротик, личность, которая в силу комплексов, возникших у него под влиянием воспитания, испытывает устойчивый когнитивный диссонанс. Стремление преодолеть эту внутреннюю расколотость толкает его на разного рода авантюры, где он играет не только своей, но и чужими жизнями. Наиболее показательна в этом смысле повесть «Княжна Мери». Здесь герой Лермонтова проявляет себя как классический вампир Динамо. Если читатель вспомнит содержание этой сюжетной линии, то станут понятными мотивы, толкающие Печорина на безумные и, отчасти, благородные поступки. Герой тратит кучу времени, сил и денег, чтобы манипулятивными приемами добиться любви богатой и красивой девушки. Когда же она влюбляется в него, он произносит фразу, изобличающую его вампирью сущность: «Я вас не люблю». Не брак и даже не роман с красивой девушкой нужны вампиру: ему нужно ощущение своей власти, возможность играть чужими судьбами. Именно — только ощущение, а не результат своего могущества. Возникновение его позволяет снять или, по крайней мере, уменьшить фрустрацию, внутренний конфликт, вызванный когнитивным диссонансом...

Печорин — рефлексирующий вампир: в своем дневнике он пытается понять мотивы своих поступков. Приведем фрагмент дневника главного героя романа:

«Я часто себя спрашиваю, зачем я так упорно добиваюсь любви молодой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь? <...>

А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет! Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы. Сам я больше не способен безумствовать под влиянием страсти; честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде, ибо честолюбие есть не что иное, как жажда власти, а первое мое удовольствие — подчинять моей воле все, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха — не есть ли первый признак

и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиной страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, — не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? Насыщенная гордость».

В нашей повседневной жизни динамят обычно мужчин девушки и молодые женщины. И делают это они для преодоления все тех же комплексов, для уменьшения когнитивного диссонанса. Такой тип поведения свойственен красивым женщинам истероидного психотипа, акцентуации (о чем у нас еще пойдет речь). Как правило, забегая вперед, отметим, что в социогенезе таких женщин есть травматическое впечатление, вызванное разводом родителей, связанное с тем, что в дошкольном возрасте ребенок вдруг усомнился в любви к себе самых близких ему людей. Травма порождает комплекс, основанный на чувстве неуверенности в своей привлекательности (в том числе — гендерной). Манипуляция же по типу Динамо — есть не что иное, как неосознанная попытка доказать себе свою гендерную полноценность, свою привлекательность, свое право на любовь окружающих мужчин.

Обычно сценарий Динамо выглядит так.

На какой-нибудь неформальной вечеринке, будь то день рождения, корпоративка или дискотека, девушка проявляет знаки внимания мужчине (жертве): она приглашает его на дамский танец, говорит комплименты и даже льстит, отмечая его многочисленные достоинства.

Мужчина, понятное дело, расправляет плечи и устремляется в атаку. Однако стоит ему сделать пусть даже невинную попытку физического контакта (на уровне объятий и поцелуев), как его обольстительница превращается в оскорбленную невинность. «За кого вы меня принимаете?!» — обида и слезы звучат в ее голосе. Роман заканчивается, не начавшись.

Вампир получает свои поглаживания, жертва остается в состоянии глубокой фрустрации.

2. Беспомощная личность. Эта разновидность психологического вампиризма распространилась в нашей стране в трудные годы перехода от социализма к капитализму. Суть манипулятивного сценария подобного типа проста: жалуюсь на обстоятельства, вампир «вытаскивает» у жертвы сочувствие, участие, которое находит выражение в советах, даваемых жертвой. Однако все советы, как аргументы в споре, оказываются бессмысленными: беспомощная личность нахо-

дид убедительные доводы, почему она не может им следовать. Диалог движется по кругу и приходит к начальному утверждению-жалобе. В результате вампир получает свою порцию психологических поглаживаний, уменьшая когнитивный диссонанс, а жертва «остается в дураках», испытывая фрустрацию из-за невозможности «помочь хорошему человеку».

Обычно диалог по сценарию «Беспомощная личность» строится так. Приведем запись десятилетней давности. Женщина, вузовский преподаватель, обращаясь к коллеге:

— *Вот вчера шла с дочерью по улице. Она мне: «Мама, купи мне банан». А у меня только на проезд денег.*

— *Ну, потом бы купили.*

— *Где денег взять? На нашу зарплату не разгуляешься. Стыдно перед ребенком.*

— *Надо еще где-нибудь работенку найти. На полставки. Или в школу.*

— *Да где найдешь? Кругом одни сокращения.*

— *Слушай, я знаю, в школе N спецкурс по психологии хотят ввести.*

— *Это слишком далеко от дома. Мне ж дочку в школу водить надо.*

— *А как насчет репетиторства? У меня есть знакомый.*

— *Да вы что! К занятиям готовиться надо. А мне времени для лекций едва хватает...*

Близкий к описанному выше, но все ж таки выделяемый нами в отдельную разновидность тип, который мы предлагаем назвать:

3. Кроткая страдальца (мученик). Отличие от предыдущего в почти осознанном использовании манипулятивных приемов для привлечения внимания к себе. Обычно вампир подобного типа проявляет свою природу в достаточно большой компании, где в разгар всеобщего веселья она (он) начинает невербально демонстрировать плохое настроение: уныние, скорбь и т. п. На вопросы окружающих следует ответ: «Ах, простите, я порчу вам своим плохим настроением праздник. Я сейчас уйду». После чего, естественно, все начинают выяснять причину, предлагать помощь, удерживать и т. д. Цель достигнута: вампир получает поглаживания.

Для примера опишем реальную ситуацию, свидетелем которой был автор этих строк.

День рождения аспиранта, на который собрались его многочисленные друзья, в числе которых был и автор. Обычное застолье с тостами, алкоголем, закусками, которое, опять-таки по законам гипержанра, перетекает в танцы, всевозможные игры и т. п. И вот довольно симпатичная девушка начинает разыгрывать сценарий кроткой страдальницы: кислая мина, блокирование общения, ответы невпопад и т. д. На какое-то мгновение внимание переключается на нее, но общее веселье продолжается, оставив ее в одиночестве.

Я с интересом следил за действиями девушки. Не замечая моего контроля, она сняла свои часики, положила их на столик в прихожей, быстро обулась и вышла. Мне было видно с балкона, как девушка отошла на какое-то расстояние от дома и остановилась за углом. Она ждала, что компания обнаружит ее уход и бросится ее догонять. Не дождавшись, она вернулась. Громко хлопнув дверью, обратила на себя внимание: «Ах, я хотела уйти незаметно, но я забыла часы».

И тут, наконец, всё закрутилось вокруг нее...

Приведенная разновидность психологического вампира может обретать маски Некрофила, Скорбящей дочери (сына), Неизлечимо больного (больной).

Некрофил — вампир, который строит сценарий по модели «а какой во всем этом смысл, когда все равно умрем». Это поведение свойственно подросткам. Часто поводом для демонстрации пассивности такого типа становится смерть близкого человека: как правило, родителей (отсюда сценарий — **Скорбящая дочь**). Иногда основанием для такого манипулирования может стать болезнь (иногда сильно преувеличенная) манипулятора (сценарий — **Неизлечимый больной**).

Понятно, что два последних мотива действительно заслуживают сопереживания и сочувствия. Но, забегая вперед, подчеркнем: вампир — личность ущербная в психологическом отношении. Удары судьбы — смерть близких, развод, потеря работы — только усиливают присутствующий в подсознании комплекс неполноценности, увеличивают когнитивный диссонанс. Личность зрелая активно борется с жизненными обстоятельствами, используя внутренние ресурсы своей психики. Рассмотрим еще две разновидности манипуляции по типу психологического вампиризма.

4. Указующий перст. Это сценарий, который строится по принципу «Попался, негодяй!». Иными словами, психологическое поглаживание вампир получает, указывая на ошибки, личностные несовер-

шенства жертвы. К сожалению, такого типа манипуляции довольно часто встречаются в общении родителей (бабушек) со своими детьми. Как это ни покажется странным, но самоутверждение за счет собственных детей — довольно распространенный способ преодоления своих комплексов. Еще чаще такое поведение встречается в педагогическом общении. Учителя или вузовские преподаватели демонстрируют свое превосходство над подопечными и тем самым уменьшают свой когнитивный диссонанс.

В вузовской практике вампиры такого типа — это преподаватели, которым трудно сдать экзамен. Зависимость студента от преподавателя создает у последнего ощущение властителя судеб, что усиливается возможностью карать, демонстрировать жертве ее ничтожество, тем самым показывая себе свою значимость.

5. Пророк, предсказывающий назад, или Мудрая теща.

Сценарий манипуляции подобного типа обычно свойственен поведению людей пожилых. Он строится на основе феномена социальной психологии, который называется «хидсайт», или разговор на лестнице, суть которого в преувеличенном представлении многих людей в своей прозорливости. Ключевая фраза, вокруг которой строится игра: «Я же вам говорил».

Психологический механизм, определяющий мотивацию вампиризма такого рода, объясним с позиции здравого смысла. Человек, занимающий прочное положение в обществе, после выхода на пенсию испытывает когнитивный диссонанс: с одной стороны, у него привычно высокая самооценка, основанная на профессиональной компетенции; с другой — смена социального статуса делает его никому не нужным. Появляется потребность преодоления диссонанса, потребность доказательства своей компетентности.

Проиллюстрируем ситуацию вампиризма этого типа примером.

Молодая семейная пара принимает решение совершить обмен квартиры. В момент обсуждения семейной проблемы мать жены (вампир «Пророк, предсказывающий назад») появляется на сцене:

— *Вы смотрите, как бы вас не обманули! А вдруг квартира «убитая» будет! Или соседи какие-нибудь пьяницы! А район, экология хорошая?...*

Однако решение принято, обмен состоялся, ордер получен, вещи перевезены. Усталые молодые люди осматриваются по сторонам, прикидывая достоинства и недостатки приобретенного жилья. И тут

вампир-теща появляется во втором акте своей драмы. Она уже узнала: в районе плохая экология, дом старый и т. д.

— *Я же вам говорила!* — с торжествующим видом произносит она. — *А вы меня не послушались. Ну, конечно, что мать слушать?*

Усталые дети с трудом сдерживают раздражение. Но вампиру мало полученных поглаживаний.

— *Надо было соглашаться на обмен в N-ский район...*

Иногда после таких слов взрывается дочь или зять. Игра заканчивается ссорой, переходящей в скандал...

Суть ролевой игры тещи в том, чтобы самоутвердиться на своих молодых родственниках, показав им (в который раз) свое моральное превосходство. Понятно, что ее жертвы не могут не испытывать раздражения, основанного на глубокой фрустрации по поводу невозможности выполнения рекомендаций «мудрого старого человека».

Облегченной разновидностью вампиризма подобного типа выступают нравоучения, которые постоянно читает своим взрослым детям представитель старшего поколения. Они, как правило, содержат сентенции самого общего типа («надо жить правильно», «надо следить за порядком», «разве ж можно такой хлев разводить», «за квартиру нужно платить вовремя», «на работу опаздывать нехорошо» и т. п.); их коммуникативная цель — демонстрация морального превосходства для того, чтобы получить психологическое поглаживание.

Разновидностей психологического вампиризма, воплощающего в себе, напомним, конфликтную форму речевой манипуляции, огромное количество. Наиболее интересные его случаи описаны в книгах практика психотерапии М. Е. Литвака [1992]. Он выделяет следующие типы: «Заботливая мать» — вампир, который строит игру с собственным сыном по принципу: «Я буду вечно любить тебя и заботиться о тебе, но с условием: ты будешь несчастен»; Алкоголик, Принцесса на горошине, Золушка и т. п.

Возникает вопрос: как же жить среди вампиров и агрессоров? И здесь психология обращается к особой форме манипуляторского воздействия, которую можно назвать контрманипуляцией.

Контрманипуляция: коммуникативное айкидо

В лесу рядом росли могучий дуб и слабый орешник. Дуб, похваляясь своей силой, с презрением глядел на хилое деревце у его корней.

Но вот по лесу пронесся ураган. Он был такой мощный, что с корнем вывернул дуб.

А слабый орешник только пригнулся к земле и, когда ветер стих, выпрямил свой гибкий ствол...

(Притча)

Существует довольно большое число разного рода рекомендаций, которые можно считать руководством по поведению в конфликтной ситуации. Наиболее эффективной техникой контрманипуляции нам представляется «психологическое айкидо», разработанное и описанное в книгах по практической психотерапии М. Е. Литваком, имя которого уже звучало на страницах нашей книги (см.: [Литвак 1992]). Поскольку мы ведем речь о манипуляции в межличностном общении, то вариацию на тему, заданную Литваком, мы будем называть коммуникативным айкидо.

Слово «айкидо» в обозначении этого способа борьбы против конфликтных воздействий находится совершенно неслучайно. Особенности айкидо хорошо иллюстрирует притча, приведенная нами в качестве эпиграфа к этому разделу главы. Айкидо как разновидность восточных единоборств строится по парадоксальному на первый взгляд принципу: «нападающему помоги». В руках опытного мастера он приобретает характер искусства использования энергии противника против него же.

Похожим способом дурная энергия собеседника в коммуникативном конфликте направляется против агрессора или вампира. Рассмотрим его психологический механизм более подробно.

В момент агрессивного (явного или скрытого) речевого действия основная цель нападающего — самоутвердиться за счет коммуникативного партнера. Когда кто-то оскорбляет нас, называя, к примеру, дураком, скрытое намерение, которое стоит за оскорблением, — снять внутреннюю фрустрацию путем принижения коммуникативного партнера. При этом цель достигнута в том случае, если собеседник уязвлен, обижен, ему стало плохо в психологическом смысле. То же

можно сказать и про скрытую агрессию: сказав колкость, произнеся злую шутку, манипулятор получает психологическое поглаживание только в том случае, если видит (чувствует) успех своего укола. «Я ее подколола, так она прямо винтом пошла», — говорит с чувством глубокого удовлетворения манипулятор.

А если агрессивный выпад не достиг цели и жертва не обидилась? Если колкость, заготовленная заранее, вызвала лишь усмешку? Если действия натываются на насмешливое высказывание? В этом случае в сознании обидчика не только не возникает психологического поглаживания, но — когнитивный диссонанс агрессора увеличивается, усиливается чувство внутренней фрустрации. Вот на этом-то принципе обманутого ожидания и строится коммуникативное айкидо. Он получил название **принцип амортизации**.

Интересно то, что амортизация довольно часто используется в общении современных подростков со своими родителями. Приведем пример.

Отец, обнаружив в дневнике сына двойку:

— *Ну что ты за придурок!*

Сын спокойно:

— *А я debil, идиот, олигофрен. Весь в папу.*

Существует несколько разновидностей амортизационного манипулирования. Самый простой из них — непосредственная амортизация. Она используется в конфликтной ситуации, когда коммуникативный партнер уже нанес свой укол.

Хороший пример такого воздействия приведен в книге все того же Литвака. В описанной ситуации контрманипуляцию проводила невестка против свекрови, которая под видом помощи появлялась в доме сына и, пользуясь его отсутствием, высказывала его жене претензии по поводу ее хозяйственных способностей.

Интересно, что, когда невестка сумела применить амортизацию, у свекрови случился гипертонический криз.

Механизм непосредственной амортизации прост: вас оскорбляют — вы усиливайте оскорбление; вам говорят колкость — вы полностью соглашаетесь и добавляйте оценочных высказываний в свой адрес. Но подобным способом можно вести себя в ситуации коммуникативного конфликта только в том случае, если вам не жаль агрес-

сора. Применяв айкидо в прямом контакте, вы наносите ущерб вашему коммуникативному партнеру. Между тем таким источником агрессии может быть близкий вам человек: муж / жена, родители, друзья. Наконец, им может быть ваш начальник.

Для того чтобы сделать контрманипуляцию безвредной, необходимо строить ее по **принципу качалки**. Подобная тактика погашения агрессивной энергии широко рекомендуется как способ усиления аргументации в споре. Это сценарий, который строится по принципу: «Да, но». Союз «но» в данном случае можно считать величайшим приобретением человеческой культуры. Он олицетворяет основную идею диалектики: в одном и том же явлении могут ужиться два диаметрально противоположных утверждения, две диаметрально противоположные правды, две диаметрально противоположные оценки и т. п. Первая часть речевого высказывания усиливает вектор агрессии, тем самым — гасит ее. Вам говорят: «Вы тупица». Вы отвечаете: «Да, я глуповат, но это со мной бывает только по пятницам, а по субботам я, пожалуй, могу сойти за гения».

В более серьезных, судьбоносных ситуациях использование тактики «Да, но» может погасить начавшуюся ссору.

Простой бытовой пример. Девочка-старшеклассница возвращается домой позже назначенного ей срока. На пороге ее встречает разъяренная мать.

— *Долго ты еще будешь издеваться над родителями? Ты когда должна была прийти?*

Дочь, используя тактику «Да, но», делает первый выпад:

— *Ой, мамочка, я такая бессовестная, мерзавка. Ты тут волнуешься, а я допоздна задержалась. Нет мне прощения.*

Она делает паузу:

— *Но ты понимаешь, ...*

Дальше текст в зависимости от особенностей адресата коммуникации.

Более сложная разновидность айкидо — **упреждающая амортизация**. Этот прием иррационального воздействия чрезвычайно важен для построения нормального цивилизованного межличностного общения. Дело в том, что, как мы уже говорили в начале предыдущей главы, конфликты — явление в жизни любого человека неизбежное. Их возникновение связано с разногласиями, которые могут затраги-

вать самые разные сферы нашей жизни. Более того, живя, совершая действия и поступки, мы неизбежно «заезжаем» на чужую территорию, вторгаемся в чужой индивидуальный мир. А вторгаясь, мы неизбежно фрустрируем нашего партнера по социальному взаимодействию. Так вот именно для того, чтобы смягчить результаты такого вторжения, уменьшить их разрушительную силу, и существует упреждающая амортизация. Ее эффективное применение возможно только в том случае, если субъект манипуляции может прогнозировать возможный негативный эффект своего поступка. Иными словами, мы должны предвосхищать возможные обиды, негативные реакции, вред, принесенный нами (иногда совершенно невольно). И просчитывая реакцию, не дожидаясь агрессивных проявлений, применять манипулятивные приемы. В качестве примера упреждающей амортизации приведем отрывок из книги М. Е. Литвака, в котором дается рассказ одного из слушателей его курсов.

Однажды после очередного позднего прихода домой я увидел в грозном молчании своей супруги «психологическую кочергу» и подготовился к бою. Диалог начался с крика:

— *Почему задержался сегодня?!*

Вместо оправданий я сказал:

— *Дорогая, я удивляюсь твоему терпению. Если ты вела бы себя так, как веду я, я бы давно не выдержал. Ведь, посмотри, что получается: позавчера пришел поздно, вчера — поздно, сегодня обещал прийти рано — как назло опять поздно.*

Жена (с гневом):

— *Брось свои психологические штучки!* (Она знала о моих занятиях.)

Я (виновато):

— *Да при чем здесь психология. Муж у тебя есть и в то же время практически его нет. Дети отца не видят. Мог бы и пораньше прийти.*

Жена (уже не так грозно, но все еще недовольная):

— *Ладно уж... [Литвак 1992: 29—30].*

Еще один пример. Однажды автор этой книги читал лекцию о манипуляции студентам одного из факультетов. Вдруг две девушки переглянулись, потом попросили разрешение выйти. Они вышли. Прошло минут десять, вдруг дверь буквально распахнулась и они вошли с радостным криком: «Сработало!»

Оказывается, вышли они, чтобы проверить действие контрманипуляции по типу упреждающего айкидо на... декане.

Дело было в том, что, в силу природного легкомыслия, девушки подвели руководство факультета тем, что не вымыли коридор учебного корпуса (это было поручение студсовета). А, как на грех, санитарное состояние пришел проверять проректор... Ну, и в результате декан получил устное замечание. Естественно, руководитель факультета рвал и метал. Он искал виновниц своего позора, чтобы расправиться с ними. Они искусно прятались.

И вот они ринулись в «самую пасть льва». И сразу начали амортизировать: они называли себя негодяйками, бессовестными, легкомысленными, мерзавками; предлагали снять их со стипендии, и даже — исключить из вуза...

Декан, который при их появлении пришел в ярость, постепенно, с каждым их словом остывал и, в конце концов, молвил:

— Идите, чтобы глаза мои вас не видели.

Девчонки были прощены...

Умение применять упреждающую амортизацию для предотвращения назревающего конфликта — важный показатель коммуникативной компетентности личности. При умелом его использовании буквально можно «уменьшить количество зла на земле», ибо в выигрыше оказываются и манипулятор, и его жертва. Когда уже фрустрированный нашим поступком партнер по социально-коммуникативному взаимодействию вдруг осознает свое превосходство, искусно подстроенное нами, его фрустрация уменьшается, резко снижается когнитивный диссонанс.

Прибегнем к образному сравнению. Представьте себе запаянный чугунный полый шар, до половины наполненный водой. Если шар постоянно нагревать, то рано или поздно произойдет разрыв: шар взорвется. При этом плохо будет всем: и шару, и тому, кто его упорно нагревает. Но если к шару приделать трубку и вентиль, и периодически выпускать пар? В этом случае можно предотвратить взрыв. Упреждающая амортизация — это и есть умелое «выпускание пара», снятие психологического напряжения собеседника.

Применение этого приема айкидо более всего уместно в ситуации, когда ваш потенциальный обидчик «сильнее»: не важно, что дает ему эту силу — статус ли, физическое превосходство, возраст, доминантность как черта характера. Многие женщины стихийно открывают

для себя искусство воздействовать на мужчину именно таким образом: они позволяют мужчине почувствовать себя умнее, энергичнее, переключая на него обязанности принимать решения и исполнять их.

Третья, последняя разновидность амортизационной манипуляции — это **опосредованная амортизация**. Этот способ построения айкидо использует воздействие, которое осуществляется, когда участники коммуникации находятся в разных континуумах. Главным здесь выступает пространственная вневходимость, которая чаще всего сопровождается вневходимостью временной. Понятно, что это, главным образом, письменное межличностное общение. Преимуществом письменной речи, о которой у нас уже шел разговор, является то, что она дает возможность сознательного выбора формальных средств общения. В отличие от непосредственного устного речевого взаимодействия, спонтанного по преимуществу, письменная речь дает субъекту воздействия время для размышления, корректировки высказывания.

Долгое время наибольшие возможности такого рода представляла эпистолярная переписка. Теперь же, в эпоху компьютеров и мобильных телефонов опосредованная амортизация получает все большее распространение. Степень суггестивного воздействия увеличивают параграфемические возможности, в которых феномен имажинированности (креолизованности) может играть едва ли не основную роль. Адресованное юной девушке покаянное амортизационное письмо ее друга, которое заканчивается картинкой, соответствующей ее личностным особенностям (например, *роза в огне; тюльпан, распотанная женской туфелькой; горящая свеча из льда; унылый смайлик* и т. п.), может предотвратить ссору, обиду, разрыв и т. п.

Опосредованная амортизация может строиться и на основе устной речи. Для этого выбирается парламентар, передатчик исходящей от субъекта манипуляции информации. Существует масса возможностей выразить некий амортизационный смысл, не вступая в непосредственный коммуникативный контакт с объектом манипуляции: от передачи просьбы «через друга» до распространения молвы и сплетен.

Применение коммуникативного айкидо предполагает у контрманипулятора искусности и творчества. Его использование может оказаться для человека судьбоносным. Нам известны примеры, когда манипуляции подобного рода позволяли человеку сохранить семью, работу и даже — жизнь: его буквально вынимали из петли.

Особенно подобные приемы эффективны в ситуациях, когда распадается семья. В соответствии с ролевыми особенностями гендерного поведения мужчины и женщины, инициаторы развода, как правило, руководствуются разными мотивами. Бытовая психология гласит: «Мужчины уходят к молодой, а женщины — к богатому». И в том и в другом случае развод можно предотвратить. Или очень существенно смягчить его последствия.

Продуктивная манипуляция в межличностном дискурсе

*Я часть той силы, что вечно хочет зла,
Творящей лишь благое.*

Мефистофель (Гете «Фауст»)

Как уже было сказано выше, продуктивная манипуляция — это манипуляция «во благо», когда скрытое воздействие не только не фрустрирует объект воздействия, но даже улучшает его эмоционально-психологическое состояние. В случае же инструментальной манипуляции — это побуждение к действию, которое совершается на фоне положительного эмоционального состояния.

Мы предлагаем делить продуктивную манипуляцию на (1) **эмоционально-психологическую** и (2) **инструментальную**.

Первая разновидность — это манипуляция, которая не служит побуждением к действию; ее цель — улучшить эмоциональное состояние коммуникативного партнера и тем самым вызвать хорошее отношение к субъекту манипуляции. Ее принципы наиболее последовательно выразил А. Ю. Панасюк:

1. Есть немало ситуаций, когда убедить человека... невозможно.
2. В таких случаях для достижения принятия собеседником Вашего тезиса выход один — добиться априорного принятия Вашего тезиса.
3. Априорное принятие собеседником тезиса возможно, если воздействовать на иррациональную сферу психики партнера по общению.
4. Для этого необходимо сформировать аттракцию — расположить собеседника к себе, притянуть его к себе на эмоциональном уровне [Панасюк 2002б: 165].

В подобном случае инициатор общения становится добровольным психологическим донором, ставя своего собеседника в ситуацию социального благополучия, статусного превосходства. Самым простым

способом манипулирования можно считать речевые жанры (субжанры) *одобрение, похвала, комплимент и лесть*.

Пример комплимента.

Преподаватель средних лет, обращаясь к секретарю деканата, симпатичной девушке:

— *Как приятно заходить в наш деканат! Вокруг прекрасные лица// Жить хочется!*

Пример высказывания, содержащего лесть.

Ученый-филолог рассказывает о конференции коллеге в присутствии докладчика N.

— *N, как всегда, сделал блестящий доклад!*

Речевые субжанры, имеющие своей целью положительную оценку лица, мы рассмотрим в разделе данной главы, в центре которой будет наиболее эффективный в российском повседневном общении жанр *комплимент*.

Подробнее остановимся на **инструментальной** продуктивной манипуляции.

Прежде чем перейти к описанию конкретных принципов и приемов инструментальной манипуляции, вспомним психологический механизм скрытого влияния. Для того чтобы человек, которого мы избрали объектом воздействия, сделал то, что хочется нам, нужно, чтобы он захотел этого тоже. Захотеть что-то сделать индивид может, кроме прочего, в том случае, если совершенное действие или поступок уменьшает его когнитивный диссонанс или дает чувство социальной полноценности, доставляя тем самым то, что носит название «психологического поглаживания».

Начнем с принципа, который можно назвать **принципом равновесия**. Этот принцип в американской психологии называют **правилом взаимного обмена** [Чалдини 2001] или — **правилом взаимности** [Зимбардо, Ляйппе 2001]. Манипуляция подобного типа строится на эксплуатации моральных обязательств, которые появляются у одного человека по отношению к другому.

Наиболее простой прием манипуляции, основанный на этом принципе, в старые советские времена в значительной степени определял отношения между людьми и гласил: «**я — тебе, а ты — мне**». Иными словами, для того чтобы некто что-то сделал для нас, нужно ему что-либо бескорыстно подарить. Психологическая природа дей-

ствия принципа заключается в следующем: получив подарок (даже не очень нужный), человек невольно оказывается в позиции неравновесия (диссонанса), и у него на бессознательном уровне появляется желание восстановить равновесие — что-то сделать для дарителя.

В качестве примера успешности действия приема «я — тебе, а ты — мне» Р. Чалдини [2001: 41—42] приводит продажу членами религиозного Общества Кришны и раздачу уличными торговцами бесплатных образцов всевозможных товаров (шампуни, моющие средства, дезодоранты).

Финансовое благополучие Общества Кришны заключается в доходах от продаж книг и благотворительных взносов. Обычные обыватели воспринимают кришнаитов, пристающих на улице к прохожим, как обычных уличных попрошайек и, как правило, отказываются жертвовать на их организацию. Тогда они стали использовать следующую тактику. Сборщик пожертвований в аэропорту подходил к пассажиру и дарил ему цветок. «Это наш подарок вам», — говорил кришнаит, отказываясь принять цветок назад. Применяемый прием позволил многократно увеличить количество пожертвований...

Описанный выше манипулятивный прием — довольно элементарный способ воздействовать на другого. Действительно, мы хорошо знаем, что человек, сделавший нам добро, — хороший человек. Но довольно часто добро, которое делают нам окружающие, не вызывает симпатии к дарителю. Свекровь, которая является к невестке с сумками продуктов, не всегда вызывает у последней чувство благодарности. Богатая благополучная девушка, которая дарит своей подруге не подошедшее по размеру платье (по принципу «не выкидывать же»), вызывает у объекта благодеяния не признательность, а неприязнь. И опять-таки здесь на первый план выступают психологические механизмы: благодеяния подобного типа не уменьшают, а увеличивают когнитивный диссонанс, подчеркивая неполноценность облагодетельствованного.

Гораздо более тонким способом манипуляции, который также строится на основе принципа равновесия, является прием, названный нами «**любовь к слабому**». Его суть заключается в том, что мы хорошо относимся к людям, которым мы сами сделали добро.

Психологический механизм действия этого манипулятивного действия в том, что в момент собственного благодеяния мы испытываем

чувство превосходства над нашим коммуникативным партнером, а это доставляет нам ощущение социальной полноценности. В самом деле, если мы можем кому-то помочь, значит, у нас — все хорошо. Этот прием без всякого научения стихийно используют женщины, манипулируя мужчинами, ибо умная женщина знает, что сила женщины — в ее слабости.

Расскажу две довольно правдивые истории¹.

В одном крупном университете, в диссертационном совете была защита кандидатской диссертации. Молодая красивая женщина защищала диссертацию по филологическим наукам. Защита прошла, как это принято обычно говорить, блестяще. А потом, в соответствии с традицией, был банкет. На банкете произносили тосты, поднимали бокалы и пили шампанское за успех молодого ученого. Но вдруг во время одного из тостов виновница торжества разрыдалась и выбежала из банкетного зала... По воле случая за банкетным столом оказался специалист по теории воздействия. Он решил узнать причину переживаний девушки и вышел вслед за ней в коридор.

Состоялся дружеский разговор, из которого стало ясно, что жизненная драма диссертантки заключается в невозможности совмещать научно-производственную и личную сферы жизни. Что за три года аспирантуры она «ничего, кроме библиотеки и компьютера не видела», что через три дня ей лететь в далекий сибирский город, где ей уже готово место преподавателя и заместителя декана, а личная жизнь «накрылась медным тазом». Кроме того, девушка поведала о том, что она не только времени на личную жизнь не имеет, но даже не знает как взяться за дело, как познакомиться с понравившимся ей мужчиной и т. п.

В ходе доверительной беседы, находясь под воздействием неформальной атмосферы, ученый-психологист дал своей собеседнице

---

¹ В книге «Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении», из которой взят этот параграф, Константин Федорович дает эти примеры оригинальнее и интереснее: сами примеры приводятся в предисловии к книге, «для затравки», а подробные разъяснения — только спустя двести с лишним страниц. Это настоящий риторический прием, можно сказать, *красивый*. При составлении этого тома избранных трудов Константина Федоровича мы хотели бы максимально сохранить лучшее из его прижизненных публикаций, но передать эффект от примеров в точно таком же виде было, конечно, невозможно. — *Прим. ред.*

два совета. Два совета о том, как воздействовать на мужчин, как нравиться мужчинам. Они вернулись в банкетный зал, праздник продолжился...

Прошло время. Новоиспеченный кандидат наук улетел в родной сибирский город. А через месяц, рано утром, в квартире психолингвиста раздался телефонный звонок. Молодой женский голос весело заявил:

— Вы знаете: а я из-за Вас, кажется, замуж выхожу!

Выяснилось следующее. Отправляясь на родину, в аэропорту Домодедово девушка вспомнила свой банкетный разговор. Оглядевшись, она обнаружила, что есть у нее попутчик — молодой человек приятной наружности лет тридцати. «Дай-ка я попробую», — подумала героиня нашего рассказа. <...>

Когда пассажиры покидали самолет, молодой человек упал к ногам своей спутницы:

— Мне еще никогда не было так легко в общении с девушками! — воскликнул он. — Не может быть, чтобы наша встреча — случайность!

Через полтора месяца они поженились...

История вторая.

В одной большой стране проходили выборы президента. В ней уже был Президент, точнее, президент этой страны уже отмотал один срок. И ему хотелось, чтобы его избрали еще раз. Задача была очень трудной. За время первого правления Президента были проведены непопулярные экономические реформы, в результате которых народ стал хуже жить; по вине Президента в стране возникли локальные войны и т. д. Казалось, шансов на победу у нашего героя не было никаких. Однако, в отличие от своих предшественников, Президент был не только умным, но и хитрым политиком; он доверял профессионалам. Глава страны пригласил к себе психолингвистов и социальных психологов и поставил перед ними задачу. Специалисты по воздействию разработали концепцию рекламы; сценаристы написали серию сценариев, режиссеры с актерами сняли несколько роликов; рекламы показали зрителям. И Президента избрали на второй срок...

Какие механизмы суггестии президент использовал в своей политической рекламе? Как девушке удалось так быстро и легко покорить сердце молодого человека и выйти замуж?

Использование своей слабости для того, чтобы понравиться мужчине, — это и был первый совет.

А дело было так. Когда после успешной защиты юная новоиспеченная обладательница степени кандидата наук отправилась в аэропорт, то уже после регистрации билетов она обратила внимание на симпатичного молодого человека лет тридцати. Он явно собирался на тот же рейс. И тут, вспомнив совет психолога, она решила попробовать. Когда объявили посадку, она, держа в руках объемную, но (что важно) не очень тяжелую сумку, ручную кладь, как бы случайно оказалась рядом с намеченной жертвой. Согнувшись в три погибели, она всеми доступными ей средствами пантомимы стала изображать, как ей тяжело. И моментально сработало: он подхватил ее сумку и, весело улыбаясь, предложил поднести. И нес ее до самого самолета. Когда они вошли в самолет, она, глядя ему прямо в глаза своими прекрасными голубыми глазами, сказала:

— Спасибо большое. Хорошо, что на свете еще не перевелись рыцари.

И пошла на свое место. Но не успела она забросить сумку на полку, как увидела, как ее кавалер проталкивается к ее месту и о чем-то говорит соседу, пожилому интеллигентному человеку. Оказалось, что он поменялся с ним местами, благо его место было не так далеко...

А потом она воспользовалась вторым советом, содержание которого мы дадим ниже...

Прием «любовь к слабому» по своей природе напоминает искусственный офсайд в футболе. Чтобы человек испытал положительные эмоции, он должен почувствовать свое статусное, моральное, физическое и любое иное превосходство. Но если он сам не может добиться этого чувства, надо ему помочь стать выше: пригнуться и искусственно принизить себя.

Кстати, тот же прием лежал в основе рекламной кампании президента.

На экранах телевизора зрители наблюдали рекламный ролик.

Под часами стоит молодой человек с букетом ромашек в руках. Он явно ожидает подругу. Однако проходит время, а девушки все нет. Юноша нервничает, но вдруг его взгляд устремляется на рекламное панно, где изображены три фотографии — три кандидата в президенты (и среди них фото действующего президента, в пользу которого рекламный ролик). Он видит ярко-красную надпись через все панно, очевидно сделанную губной помадой: «Дорогой, жду тебя на избирательном участке № 202. Целую. Твоя Наташа».

Казалось бы, при чем здесь избирательная кампания президента? Но вот появляется его лицо и звучит текст: «Дорогие сограждане, россияне! Я, старый человек, мне все надоело. Я прошу вас только об одном: придите на выборы. Если выборы сорвутся из-за малой активности избирателей, пропадут большие деньги. Я вас прошу...»

И когда рядовой избиратель приходит к избирательной урне, он вдруг, как бы против своей воли, голосует за того, кому делает услугу, — за президента...

Приведенные выше примеры иллюстрируют прием манипуляции, который при его осознании можно с успехом применять в межличностном общении. Сформулируем его как правило: Если вы хотите, чтобы человек стал к вам лучше относиться, дайте ему что-либо для вас сделать, но при условии, что услуга не потребует от него больших усилий.

Еще один прием, который также строится на принципе соблюдения равновесия, или правила взаимности, в американской психологии называется «**лбом в дверь**», «**отказ-затем-отступление**», «**открыть дверь, закрытую перед носом**». Опять-таки его применение в нашей стране было чрезвычайно распространено в советское время. Когда председателю колхоза нужно было получить от государства какое-нибудь финансирование, он делал запрос на сумму вдвое больше необходимой, зная, что ее непременно урежут до нужной.

В качестве забавного примера использования этого правила приведем письмо домой американской студентки, опубликованное в замечательной книге американского психолога Роберта Чалдини.

Дорогие мама и папа!

С тех пор как я уехала в колледж, я была небрежна в написании писем. Я сожалею о том, что была невнимательна, и о том, что не писала до сих пор. Я сообщу вам сейчас обо всем, что произошло, но перед тем, как вы продолжите чтение, пожалуйста, сядьте. Вы не будете читать, пока не сядете, хорошо?

Ну, сейчас чувствую себя вполне хорошо. Перелом черепа и сотрясение мозга, которые я получила, когда выпрыгнула из окна своего общежития в тот момент, когда то загорелось, вскоре после приезда сюда, теперь почти вылечены. Я провела две недели в больнице и теперь могу видеть почти нормально, и головные боли бывают только раз в день. К счастью, пожар в общежитии и мой прыжок увидел дежурный оператор газовой станции, расположенной рядом с общежитием,

и именно он позвонил в пожарный отдел и вызвал «скорую помощь». Кроме того, он навещал меня в больнице, и, поскольку мне было негде жить после пожара, он был достаточно добр, чтобы предложить мне разделить с ним его комнату. В действительности это полуподвальная комната, но она была довольно мила. Он чудесный парень, мы влюбились друг в друга и собираемся пожениться. Мы пока не назначили точную дату, но свадьба будет до того, как моя беременность станет заметной.

Да, мама и папа, я беременна. Я знаю, что вы мечтаете стать дедушкой и бабушкой и что вы радушно примете ребенка и окружите его той же любовью, преданностью и нежной заботой, какими окружали меня в детстве. Причина задержки заключения нашего брака состоит в том, что мой друг подхватил незначительную инфекцию, которая мешает нам сдать добрачные анализы крови, а я неосторожно заразилась от него. Я уверена, что вы встретите моего друга с расprostертыми объятиями. Он добрый, хотя и не очень образованный, но зато трудолюбивый.

Теперь, после того как я сообщила вам, что случилось, хочу вам сказать, что пожара в общежитии не было, у меня не было сотрясения мозга и перелома черепа, я не была в больнице, я не беременна, я не помолвлена, я не инфицирована и у меня нет друга. Однако я получаю низкие баллы по американской истории и плохие оценки по химии и хочу, чтобы вы смотрели на эти оценки с мудростью и снисходительностью.

Ваша любящая дочь Шэрон [Чалдини 2001: 29].

Применяя указанный прием, манипулятор резко нарушает равновесие между предлагаемой установкой (предлагаемым решением) и реальной действительностью (действием). В сознании жертвы (объекта) возникает существенный когнитивный диссонанс между представлением и поступком. Снижение требований — снижает диссонанс и тем самым вызывает одобрение.

Приведем пример применения этого приема теперь уже из нашей повседневной жизни.

Жена звонит мужу по мобильному телефону:

— *Слушай, тут такое случилось, даже боюсь сказать!*

— *Что случилось? Пожар?!*

— *Не совсем...*

— *Ты где, ты что, под машину попала? Твоя машина — в ДТП?*

- Почти. Но не совсем...
- Что-то с ребенком, говори быстро? Ребенок под машину попал? Да говори ты!!
- Понимаешь, я тут шубку купила песцовую. На те деньги, что ты на лодку надувную отложил...
- Уф, слава Богу! А я уж думал, что случилось чего...

Кстати сказать, прием «лбом в дверь» широко используют в торговле. У нас его с успехом применяют при распространении всевозможных БАД (биологически активных добавок). Выглядит это так. Сначала по радио и телевидению звучит реклама, где приглашенный эксперт убеждает слушателей / зрителей в том, что БАД поможет во всех болезнях. При этом дается телефон прямой линии, по которому можно заказать лекарство. Жертва рекламы звонит, и ей после длительного разговора называют жуткую по размерам цену. Человек пугается, но ему тут же сообщают, что именно для него (либо по причине его возраста, либо потому, что он позвонил раньше других, и т. п.) делается огромная скидка, к примеру 30 %. Одураченный клиент покупает лекарство.

Второй принцип, реализуемый в разных приемах манипуляции, носит название **принцип последовательности**. Он эксплуатирует чувство долга, которое заставляет человека быть последовательным в выражении своих установок, целей и последующих действий по их реализации.

Наиболее простым приемом манипуляции здесь оказывается «**публичное выступление**».

В данной ситуации, — отмечают в совместной работе по социальному влиянию Ф. Зимбардо и М. Ляйппе, — ключевым психологическим процессом является влияние ранее данного обещания на последующее поведение; в пьесе последовательности второе действие естественным образом следует за первым. Особенно это характерно для ситуаций, в которых первое проявление поведения является публичным и добровольным или, по крайней мере, человек питает иллюзии на этот счет [Зимбардо, Ляйппе 2001: 96].

Манипуляция такого типа осуществляется путем непрямого принуждения публично высказаться в пользу какого-либо лица, явления, факта.

Пример из практики наблюдений.

Вузовский преподаватель конфликтного типа (конфликтный манипулятор) попадает на факультете в «зону отторжения»: от него отворачиваются и его коллеги, и руководство (на место декана назначается другой претендент). Субъект манипуляции устраивает празднование своего дня рождения, куда любезно приглашается довольно широкий круг гостей с разных кафедр. Сценарий празднования строится таким образом, что после тронной речи именинника, где он говорит о своем факультетском патриотизме, потом слово поочередно представляется гостям-коллегам. Они вынуждены публично говорить о заслугах виновника торжества, о его роли в становлении факультета. Тем самым они как бы делают шаг в сторону агрессора, против своей воли меняя свое к нему негативное отношение на позитивное.

Второй прием манипуляции по принципу последовательности у американцев носит название «**подача низкого мяча**». Чаще всего он применяется в торговле и выглядит как «получение чьего-либо согласия на очень выгодную сделку, например, при продажах или деловых отношениях, а затем под каким-либо предлогом изменение условий, после которого сделка становится менее выгодной» [Зимбардо, Ляйппе 2001: 97].

В повседневной межличностной коммуникации такой тип манипуляции обычно выглядит как расхваливание каких-либо преимуществ покупаемого товара, места отдыха, условий проживания и т. п. с последующей демонстрацией недостатков, после принятия покупателем окончательного решения.

В реальном общении это выглядит так. Женщина заходит в магазин. Она видит товар, нужный ей, который к тому же продается за смехотворно низкую цену. Продавец показывает ей товар, собирается паковать... но вдруг выясняется, что кто-то перепутал ценники: товар стоит несколько дороже...

Как правило, покупательница не меняет своего решения о покупке...

Чрезвычайно тонким приемом манипуляции, основанным на принципе последовательности, является широко используемый в рекламе прием «**нога в дверях**».

Название происходит от высказываний мелких торговцев: «Если мне удастся хотя бы поставить ногу в дверь этого дома, я смогу договориться о продаже». Суть приема может быть сформулирована сле-

дующим образом: маленькая уступка порождает уступку в большом.

Чаще всего мы сталкиваемся с этим приемом манипуляции в случаях теле- и радиорекламы. Например, мы слышим по радио по одному из каналов рекламу лекарства или БАД и понимаем, что она в точности подходит нам, что если верить специалисту, то использование этой добавки — решение наших проблем со здоровьем. Мы звоним по названному телефону и спрашиваем о цене. Но наш собеседник не торопится ее называть. Он долго расспрашивает нас о наших недугах. Наконец, он называет цену. Как правило, она неимоверно велика. Но нам почему-то уже неудобно отказаться от принятого решения.

Названный прием успешно используется и в повседневном дискурсе.

В качестве примера приведем случай из собственных наблюдений. В одной семье с десятилетним стажем жена вдруг пожелала купить машину. Муж, зная о некоторых особенностях ее личности, резко воспротивился. К тому же в семейном бюджете не было лишних денег. Тогда упрямая женщина заявила:

— Я куплю подержанную «копейку» за десять тысяч. У моей подруги есть дедушка. Машина ему не нужна: она стоит в сарае и занимает место. А такая сумма — это мои карманные расходы, поэтому наш бюджет не пострадает.

Муж, человек демократичных взглядов, скрепя сердце, вынужден был согласиться на покупку. Спустя какое-то время, когда женщина отучилась в автошколе и получила права, она как бы невзначай за ужином начала рассуждать об автомобилях:

— Ты знаешь, оказывается, новую «шестерку» можно купить в кредит.

И, как это ни странно, муж вдруг принимает решение: покупаем не драную «копейку», а новый «жигуль» шестой модели. В кредит. Машина была куплена.

Когда пришло время окончательного погашения кредита, жена стала доносить супруга рассказами о том, с каким презрением на нее смотрят обладатели иномарок. И как, наверное, уже понял читатель: в кредит был куплен автомобиль «Форд».

Психологический механизм действия этого приема основан на все тех же законах когнитивного диссонанса. Сделав маленькую уступку, жертва воздействия преодолевает незначительный диссонанс, меняя свои убеждения, социальные установки. Тем самым манипулятор как

бы протаривает себе путь, дорожку, по которой ему уже легче двигаться в том же направлении: новое требование уступки опять создает диссонанс, но на бессознательном уровне уже выработана модель его преодоления.

Прием «нога в дверях» необыкновенно действенен в развитии интимных отношений. Чаще всего — это модель соблазнения девушек. Обычно выглядит это так.

На каком-либо мероприятии «тусовочного» характера, будь то вечеринка, день рождения, праздничная корпоративка и т. д., молодой человек начинает ухаживать за девушкой. Предлагая перейти на «ты», он выпивает с ней на брудершафт и непременно целует ее. Потом целует уже без брудершафта, а потом, медленно увеличивая меру интимности, соблазняет.

Последним в ряду принципов непрямой продуктивной манипуляции назовем принцип «**Адамова яблока**». Не побоимся назвать его самым универсальным и наиболее эффективным в межличностном общении.

Одним из приемов манипуляции, основанных на этом принципе, выступает **«прием Тома Сойера, или оплата права на деяние»**. Его суть в том, чтобы вызвать желание, заставив объект манипуляции платить за право выполнять работу. Название приема адресует к прекрасному роману Марка Твена «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна».

Сцена романа, в которой Том Сойер хитростью «заставил» своих друзей белить забор, может считаться образцом использования манипулятивного воздействия.

Читателям, которые не любят художественную литературу, напомним, как это было в романе. Тетушка Полли заставила своего племянника Тома Сойера, двенадцатилетнего мальчишку, белить забор в наказание за многочисленные проделки и шалости. И тут в сознании подростка совершается гениальное открытие принципа манипуляции. Друзьям, которые свободно и весело проводят время, Том начинает демонстрировать, что ему чрезвычайно нравится заниматься порученным делом. Когда же один из них хочет проверить на себе правдивость его слов, он поступает грамотно с точки зрения теории воздействия: он требует платы за право белить. Вот тут-то и начинает действовать принцип «Адамова яблока»: плод делается запретным, а стало быть,

весьма желанным. И после этого процесс побелки становится для приятеля Тома приятным и увлекательным занятием.

Через некоторое время эта процедура повторяется: выстраивается очередь желающих побелить забор.

«Сам того не ведая, он [Том Сойер] открыл великий закон, управляющий поступками людей, а именно: для того, чтобы человек или мальчик страстно захотел обладать какой-нибудь вещью, пусть эта вещь достанется ему возможно труднее».

Прием **«запрет на поступок»**, суть которого можно сформулировать так: «если хочешь, чтобы кто-то что-то сделал, запрети ему это делать». Особенно эффективен этот прием манипуляции в рамках педагогического воздействия. Автор этих строк в один из периодов своей биографии работал учителем в одной из школ крупного областного города. Мой опыт педагогической работы сделал меня ярким противником принципа принуждения в школьном и вузовском педагогическом процессе. Общаясь с коллегами, я иногда слышу утверждение: «Вот я их сейчас заставляю, а потом они мне спасибо скажут». Да не скажут ученики (будь то студенты или школьники) спасибо за принуждение к процессу познания, потому что насилие, обязателька неизбежно убивает живой интерес к познанию...

Приведем пример педагогического воздействия в семейном общении.

Вузовский преподаватель в разговоре со своим другом-психологом как-то пожаловался на своего тринадцатилетнего сына, который не желает читать книги (художественную прозу).

— Я всю жизнь собирал библиотеку. А теперь куда это все? Не знаю, что делать! Скажи как психолог.

— Есть способ.

— Какой?

— Очень простой: запрети ребенку читать.

— Да ты что?! Я, наоборот, заставляю, упрашиваю. А ты — запрети.

Между тем отец последовал совету товарища. И вот однажды в присутствии сына он, как бы невзначай взяв с полки книжку повестей Тургенева, перелистал и сказал:

— Жуть, одна эротика. Тебе это еще рано читать. Пока не читай Тургенева.

В этот же день книжка пропала с полки. А через пару дней за обедом сын между прочим бросил отцу:

— Ну, и где ты нашел эротику у Тургенева?

После этого запрет был наложен на Куприна, Бунина, Толстого.

В результате сын перечитал всю русскую прозу и стал читать запоем все подряд...

Похожим приемом манипуляции по типу «Адамова яблока» выступает **«сообщение об ограниченном количестве»**. Он строится на основе известного любому гражданину нашей страны старше сорока лет приема — «создания Дефицита» (частного случая проявления принципа «Адамова яблока»). Ничто не делает такой привлекательной какую-либо вещь, вид деятельности, личного транспорта и т. д., как дефицит: осознание того, что только ты, в отличие от множества других прочих, владеешь этим символом социального благополучия, будь то американские джинсы, итальянская обувь, импортная машина и т. п. Принцип дефицита с успехом применяется в межличностном общении.

Опять-таки приведу пример из собственной педагогической практики.

В советские времена школьники летом должны были заниматься общественно полезным делом. Разновидностью такого дела была «отработка в колхозе». Иными словами, учащиеся старших классов должны были три недели работать в сельской местности, помогая колхозу или совхозу (прополка, уборка урожая и т. п.).

И вот 8-й «б», где я был классным руководителем, летом должен был отправиться в лагерь труда и отдыха с веселым названием «Энтузиаст». Классный руководитель параллельного 8-го «а» заявил своим подопечным, что, если кто-либо не поедет в лагерь, к нему будут применены разные кары административного воздействия. И, несмотря на это, половина класса вдруг оказалась никуда не годной по здоровью: родители завалили школу справками, выписками из медицинских документов и т. п.

Я поступил иначе. Объявляя своим подопечным о перспективе лагеря, я сказал: «В лагерь мы возьмем не всех. Поедут только самые лучшие». Я намекнул ребятам, что в колхозе работают только первую половину дня, а вот вторая половина — это танцы, конкурсы... есть еще ночь, где можно «шухарить».

Возник синдром дефицита. Анемичные девочки со скандалом выбивали право поехать в колхоз. Ошалевшие родители ничего не могли понять. Ситуация доходила до абсурда: родители одного мальчика,

которого они отбили от колхоза по благу и который должен был три недели отдыхать с семьей на море, пришли ко мне с выражением дикого изумления на лице. Оказывается, их сын отказался от моря; он хотел в колхоз.

Не так давно мои «спиногрызы» отмечали очередную годовщину окончания школы, на которую пригласили меня. Дяди и тети, которым уже давно за тридцать, вспоминали о детских шалостях. Как вы думаете, о чем больше всего говорили эти почтенные мужи и жены? Вы угадали: они с подростковым блеском в глазах вспоминали, как «шухарили» в колхозе, о своих влюбленностях, розыгрышах и т. п.

Принцип «Адамова яблока» имеет большие возможности в тактическом варьировании. Оставляя список приемов открытым, закончим разговор приемом **«создание конкуренции»**.

Действие этого приема основано на бессознательном повышении ценности какого-либо предмета или явления в ситуации, когда к нему наблюдается интерес со стороны других людей. Этот феномен хорошо прослеживается при покупках, которые делают люди. Вещь, которая нам не нравилась, приобретает притягательность, если мы видим, что она нравится другим.

Указанный прием довольно хорошо «работает» в межгендерных отношениях. Девушка, которая делает нам знаки внимания, доставляет нам легкое психологическое поглаживание. Но — никак не стимулирует ответную активность. Но вот на наших глазах она сама становится объектом ухаживаний и отвечает взаимностью неожиданно возникшему кавалеру. Тут что-то происходит в нашем восприятии. Ценность и привлекательность девушки резко повышается. Мы устремляемся в атаку и т. п.

Можно продолжать перечисление приемов продуктивного манипулятивного дискурса. Общее, что их объединяет, — это положительный эмоциональный фон, на котором происходит принятие решения объектом манипулирования, отсутствие у него ощущения фрустрации, причиной которой мог бы стать манипулятор. В системе иных категорий можно сказать, что продуктивная манипуляция указывает жертве на возникший когнитивный диссонанс, но тут же предлагает пути его снятия, которые, как правило, оказываются выгодными и субъекту манипулирования.

Перейдем к примеру эмоционально-психологической разновидности продуктивной манипуляции.

Кооперативная актуализация как межличностная суггестия

*Возлюби ближнего твоего, как самого себя.
Иисус из Назарета (Евангелие Мф. гл. 22, 39)*

Выше мы настойчиво проводили мысль о том, что манипуляция — естественная составляющая нашей жизни, что ее продуктивная разновидность направлена во благо, а потому — не просто неизбежна, но и необходима для нормального протекания межличностного общения. Однако не следует забывать, что общий принцип построения манипулятивной суггестии заключается в скрытом воздействии на собеседника, т. е. во влиянии, которое осуществляется тайно, игнорируя волю человека. Такой тип речевого взаимодействия все же так и не является стопроцентно здоровой, полноценной коммуникацией.

В речевой манипуляции (пусть даже и продуктивной, направленной на принесение пользы партнеру по коммуникации) есть всегда момент неравенства, неуважения к человеку, к его личности. Манипуляторское высказывание ставит адресата речи в положение объекта, вещи, придавая ему статус существа неполноценного, не способного к равноправному общению. Добиваясь конкретной цели воздействия на собеседника, манипулятор на высшем, духовном уровне демонстрирует неуважение его личности.

Специалисты по неориторике давно пытаются разработать модель коммуникативного идеала, принципы межличностного общения, которые удовлетворяют этическим, риторическим, культурно-речевым и т. п. условиям. К примеру сказать, в нашей науке популярностью пользуется принцип кооперации, предлагаемый Г. П. Грайсом, который лежит в основе «стандартного канона речевого общения». Принципу кооперации соответствуют четыре категории, которые реализуются в постулатах общения: это категория количества (*Твое высказывание должно содержать не меньше и не больше информации, чем требуется для выполнения текущих целей диалога*), качества (*Старайся, чтобы твое высказывание было истинным*), отношения (*Не отклоняйся от темы*) и способа (*Выражайся ясно*).

Понятно, что список постулатов может быть дополнен. К тому же они далеки от реального общения, это скорее постулаты информативной интеракции.

В дополнение к концепции Грайса Дж. Лич [Leech 1983] предложил Принцип вежливости. Американский лингвист выделил шесть пра-

вил (максим) проявления вежливости, которые делают оптимальным соотношение уровней затрат и выгод участников коммуникации.

1. Максима **такта**, которая строится по принципу «уменьшай затраты других; увеличивай собственные затраты».

2. Максима **великодушия**; в ее основе принцип «увеличивай свои затраты; уменьшай собственную выгоду, увеличивай выгоду других».

3. Максима **одобрения** использует принцип «уменьшай порицание других; увеличивай одобрение других»

4. Максима **скромности**, принцип «меньше хвали себя, больше поощряй себя».

5. Максима **лояльности**, принцип «уменьшай разногласия, увеличивай согласие между собой и партнером».

6. Максима **симпатии**, принцип «уменьшай антипатию, увеличивай симпатию между собой и партнером».

Как и Принцип кооперации Грайса, Принцип вежливости Лича касается только формальной стороны общения и не может быть основанием эффективного цивилизованного коммуникативного взаимодействия между людьми.

По нашему глубокому убеждению, основным постулатом эффективного (кооперативно-актуализаторского) взаимодействия людей в социуме следует считать высказывание, приведенное в Евангелии, которое мы взяли в качестве эпиграфа к этому разделу книги. Более того, его можно считать основным принципом построения дискурса, который можно назвать христианским. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Это не просто расхожая морализаторская сентенция; это глубокая по этической энергоемкости мысль, которая содержит смысловое ядро метафизики эффективного межличностного общения. При этом, как это может ни показаться парадоксом, выраженная в этой фразе коммуникативная установка несет в себе мощный суггестивный заряд.

Радикальным отличием поведения актуализатора от манипулятора выступает уважение к личности собеседника, равенство и открытость приемов воздействия. В то же время неформальный интерес актуализатора к человеку, с которым он вступает в общение, принципиально отличается от внешней холодной (светской) демонстрации интереса, свойственной кооперативному конформисту. С другой стороны, в отличие от ассертивного воздействия, христианский дискурс не содержит неперемennого стремления в жесткой борьбе убедить собеседника.

В основе актуализаторского общения лежит неформальный интерес (любовь — в теологическом смысле слова) к коммуникативному партнеру, умение настроиться на его волну. При этом кооперативный актуализатор, уважая мнение другого участника общения, сопереживает его проблемам. Не анализируя рационально психологические особенности собеседника, он принимает его таким, какой он есть. Подобное отношение возможно только в истинно диалогическом взаимодействии. «Подлинная жизнь личности, — писал М. М. Бахтин, — доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя» [Бахтин 1972: 85].

Диалогический контакт с другим человеком позволяет сохранить уважение к его личности и одновременно выступает мощным способом влияния на нее. Кооперативно-актуализаторское общение строится на основе тонкого взаимодействия на вербальном и невербальном уровнях. В современной практической психологии общения разработаны приемы и упражнения, позволяющие в рамках межличностного общения настроиться на психологическую «волну» собеседника, встать на его точку зрения, постараться посмотреть на мир его глазами. Приведем семь постулатов актуализаторского воздействия, после чего прокомментируем каждый из них.

Постулат 1. Общаясь с человеком, старайся ему понравиться, изображай дружелюбие на своем лице. Гляди в овал лица собеседника и приветливо улыбайся.

Постулат 2. Меньше говори сам, больше слушай. Дай больше говорить коммуникативному партнеру.

Постулат 3. Вопросами направь сюжет разговора на тему, ему лучше всего известную и больше всего любимую: на него самого. Дай человеку поговорить о самом себе: о его эстетических вкусах, круге чтения, интересах, привычках, друзьях, родственниках, детстве и т. п.

Постулат 4. Найди среди интересов собеседника то, что интересует тебя. Это называется «поиск общего пространства интересов».

Постулат 5. Строя общение в «общем пространстве интересов», постарайся «взрастить» в себе неформальный интерес к другому участнику разговора.

Постулат 6. Гляди в лицо собеседнику. На невербальном уровне незаметно отзеркаливай позы, пантомимические, мимические, жестовые особенности речевого поведения коммуникативного партнера.

Постулат 7. На эмоциональном и рациональном уровне постарайся перевоплотиться в собеседника так, чтобы можно было как бы почувствовать то, что чувствует он, поглядеть на мир его глазами, из его индивидуального кругозора.

Тренинговая практика и довольно значительный опыт наблюдений за использованием описанных принципов в реальном межличностном общении (профессиональном и обыденном) показывает, что применение описанных постулатов следствием имеет резкий прилив симпатии собеседника к говорящему.

Рассмотрим психологические механизмы кооперативно-актуализаторской суггестии.

Первый постулат — улыбайся собеседнику — апеллирует к социальной природе межличностной перцепции. Здесь «работает» «закон зеркала», о котором мы уже вели речь. Случайная «встреча» глазами с другим человеком может вызвать у него эмоцию, которая отразится на его лице. Мы невольно «отражаем» своим лицом ту же мимическую игру.

Представьте, к примеру, что преподаватель идет по учебному корпусу на лекцию, поднимается по лестнице и вдруг ему навстречу идет его любимая ученица. Они встречаются взглядом, и девушка радостно и открыто улыбается педагогу. По «закону зеркала» бессознательно лицо профессора принимает точно такое же выражение: радостное и веселое. Моментально включаются механизмы эмоциональной сферы: изменившееся выражение лица, которое «включает» лицевые мышцы, передающие эмоции, меняет переживания субъекта, эмоциональные ощущения. Проще говоря, у него улучшается настроение. И опять-таки на бессознательном уровне он испытывает прилив симпатии к человеку, который так повлиял на его настроение. Такое притяжение со знаком плюс в психологии, как мы уже говорили, называется аттракцией.

В ситуации, диаметрально противоположно заряженной, наблюдается диаметрально противоположное отношение к потенциальному собеседнику. Представьте, что при встрече с профессором студент сводит брови, насупливается, старается проскочить не поздоровавшись. В этом случае настроение преподавателя ухудшается и на помимовольном уровне ухудшается отношение к студенту.

Второй постулат — меньше говори сам... — своей целью имеет стимулировать собеседника к общению. Этот постулат, он же — этап

в построении сценария разговора, позволяет отсечь элемент коммуникативной патологии, которая проявляется в активном эгоцентризме. Момент, затрудняющий общение, довольно распространен в радио- и телекоммуникации. Какое-то время его называли «синдром Ищевой»: журналист проводит беседу или берет интервью, в котором просто не дает что-либо сказать собеседнику, энергично перебивает, задает вопрос и отвечает на него, начинает пространно рассуждать, рассказывать о себе, ерничать и т. п. Это брак работы журналиста, я бы даже сказал: фактор, свидетельствующий о непрофессионализме.

Так вот, чтобы не случилась коммуникативная неудача, нужно помнить о необходимости на какое-то время «заткнуть» фонтан своей коммуникативной активности.

Но вот тут у неопытного журналиста часто случается осечка: он молчит, а его собеседник тоже молчит. Так вот они сидят и молчат, глядя друг на друга. Слушать — это не значит терпеливо ждать, когда закончит говорить другой. Слушание должно быть активным: встречаемыми вопросами, поддакиваниями, переспрашиваниями нужно показать коммуникативному партнеру интерес. При этом смысловое поле, на котором человек в коммуникативном отношении чувствует себя уверенно, — это разговор о нем самом.

Первые три постулата — это содержание риторического минимума, точнее — минимума риторической компетентности, необходимые для успешной работы журналиста, юриста, вузовского преподавателя. Но, конечно, это предпосылки успешности на поверхностном уровне межличностного общения.

Четвертый и пятый постулаты — это уже составляющие коммуникативного «джентльменского набора» педагога и психолога. Поиск общих тем и увлечений и попытка возбудить в себе «неформальный интерес» к собеседнику — это в огрубленном и приближенном виде первый шаг к собеседнику в соответствии с техникой «работы актера над ролью», по Станиславскому.

Пространство общих интересов — это та коммуникативная площадка, на которой начинается общение двух людей, испытывающих притяжение друг к другу. Общность увлечений приводит к появлению у субъекта актуализаторского общения неформального отношения к собеседнику. Искренний интерес имитировать человеку, не владеющему системой Станиславского, просто невозможно. А в основе работы актера над ролью, если очень огрубить, лежит перевопло-

щение, для чего нужно найти в герое какие-либо черты, имеющиеся у актера, и наоборот: попытаться обнаружить у себя, хотя бы в самом зачатке, черты, которые имеются у персонажа. Главный социально-психологический механизм, который лежит в основе неформального интереса, — это эмпатия, сопереживание собеседнику.

Неформальный интерес в душе своей, когда протекает межличностное общение, можно «вращивать», развивать, увеличивать. Как только он появляется у субъекта воздействия, на эмоционально-мотивационном уровне включаются мощные токи суггестии. У коммуникативного лидера появляется своего рода речевое вдохновение. При этом неформальный интерес запускает систему невербальных компонентов выражения: он проявляется в голосе суггестора, на уровне интонации, тембра и т. п., в глазах, мимике, жестике. Искреннее отношение к собеседнику выражается в построении сюжета разговора, в тактиках переспроса, уточнения деталей и т. п.

Овладение пятью (из семи) постулатами как техникой, доведенной до автоматизма, — свидетельство достаточно высокого уровня сформированности коммуникативной компетенции. Они составляют основу профессиональной компетентности педагогов и психологов.

Однако — это еще не предел совершенствования искусства общения. Последние два — шестой и седьмой — это финальные усилия, направленные на перевоплощение в коммуникативного партнера. Вглядываясь в собеседника, нужно отследить наиболее характерные для него невербальные способы выражения экспрессии и, незаметно и осторожно, отзеркаливать их на уровне позы, пантомимы, жестики, мимики и т. д. Может быть, у него есть характерная манера пожимать плечами, таращить (или, наоборот, суживать) глаза, двигать головой и т. п. Старательное отзеркаливание этих невербальных компонентов плюс те знания, которые уже получены о человеке в ходе разговора с ним, позволяют взглянуть на мир как бы его глазами. Такое отождествление с другим индивидом, как помнит читатель, называется идентификацией.

Выполнив все семь постулатов, пройдя семь ступеней алгоритма построения межличностного взаимодействия, субъект кооперативной актуализации вступает в диалогический контакт с субъективным миром собеседника, настраивается на его волну. В этом случае происходит инсайтное понимание, понимание без анализа, путем перевоплощения. На какое-то мгновение коммуникант, как хороший актер, как бы оказывается в шкуре собеседника, смотрит на мир его глазами,

оценивает других людей его мерками, заблуждается его заблуждениями, испытывает те же эмоции и т. п. Вот такой настрой, такое неосуждающее и неаналитическое понимание вызывает у коммуникативного партнера прилив благодарности и положительных эмоций.

Вспомним историю о двух советах психолога, которые помогли молодой женщине выйти замуж, рассказанную выше. Первым советом, как мы помним, был манипулятивный прием «любовь к слабому» (или «сила женщины в ее слабости»). Вторым советом были приведенные выше семь постулатов кооперативно-актуализаторского общения.

Когда девушка оказалась в самолете рядом с молодым (понравившимся ей) человеком, лететь до родного города оставалось ей около четырех часов. И вот тут, как послушная ученица, она улыбалась, сдерживала свою природную болтливость, задавала вопросы о жизни собеседника, о его музыкальных вкусах, круге чтения, папе-маме и т. п., искала общее пространство интересов, проявляла неформальную заинтересованность и т. п. ...Четыре часа пролетели незаметно. И когда самолет прилетел в N-ск, в аэропорту молодой человек вдруг буквально упал к ногам своей спутницы со словами:

— Мне никогда не было так легко в общении с женщинами. Не может быть, чтобы это была случайность...

Он отыскал потом свою случайную попутчицу и буквально завоевывал ее сердце...

Обращение к цитате из Евангелия в научной монографии может показаться нескромной и нецеломудренной данью моде. Между тем именно в сакральных текстах следует искать мудрость, выраженную сжато и точно. Более того, книги, которые несут смыслы, передающие суть той или иной религии, ориентированы на иррациональные суггестивные каналы общения. Однако довольно часто глубинное содержание фраз, выхваченных из священных христианских текстов, перестает восприниматься в его смысловой полноте. При цитировании фразы, которую мы рискнули привести в эпиграфе к этому разделу, акцент обычно делается на первой ее части «*возлюби ближнего твоего*». Вторая ее часть воспринимается как нечто малосущественное.

Между тем именно она — «*как самого себя*» — задает тональность восприятия. Сначала возлюби себя, т. е. ощути себя личностью, уважай в себе божье начало. Только после этого к другому относись «не как к ТЫ, а как к Я». В этом как раз и находит выражение сущность кооперативно-актуализаторского общения.

Глубже всего подобный тип взаимодействия понимали великий русский писатель Ф. М. Достоевский и столь же великий русский мыслитель М. М. Бахтин. По мнению ученого, Достоевский открыл принципиально новый, восходящий к русской православной традиции, принцип отношения к человеку. «...герой, — писал Бахтин, — интересует Достоевского как *особая точка зрения на мир и на себя самого*, как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности» [Бахтин 1979: 54].

Актуализация как способ построения речи требует от участников общения довольно значительных интеллектуальных и эмоциональных усилий. Не каждый человек может в своей речевой практике всегда придерживаться только эталонных, идеальных принципов построения коммуникации. Не всякая ситуация взаимодействия требует от ее участников соблюдения всех семи постулатов христианского дискурса. В реальном общении мы неизбежно ограничиваемся кооперативно-конформными или ассертивными тактиками. Для достижения успеха в многообразных ситуациях общения иногда мы прибегаем и к приемам продуктивной манипуляции.

Однако в сознании культурно развитого человека, обладающего высоким уровнем сформированности коммуникативной компетенции, должно присутствовать представление о коммуникативном идеале, о высшем пилотаже межличностного общения, об основных постулатах кооперативной актуализации. Оно задает направление совершенствования личности, а в иные минуты коммуникативно вдохновения позволяет в обычном повседневном общении нести добро, уменьшать количество зла и агрессии на белом свете.

2.2.3. Зависть*

Одна из ошибок казуальной атрибуции (попытка понять причины поведения другого человека) состоит в нашем стремлении «искать

---

* Седов К. Ф. Психология понимания и зависть // Вопросы этической психологии / Под ред. Т. В. Бесковой. Саратов: ИЦ «Наука», 2010. С. 46—58; Седов К. Ф. Зависть и стратегии построения межличностного общения // Психология социального взаимодействия в изменяющемся мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Саратов, 7—8 октября 2010 г. / Под ред. Р. М. Шамионова, Т. В. Бесковой. Саратов: ИЦ «Наука», 2010. Ч. II. С. 103—110.

умысел», преувеличивать степень осознанности совершаемых речевых действий. Понятно, что у любого высказывания есть замысел, и не менее верно утверждать, что оно начинается с коммуникативного намерения; но вот осознанность этих действий преувеличивать не следует. Преувеличение индивидуально-личностных мотивов коммуникации и недооценка роли ситуации называется фундаментальной ошибкой атрибуции. Другая сторона фундаментальной ошибки атрибуции проявляется в интерпретации собственных успехов и недостатков. В социальной психологии ее называют предрасположением в пользу собственного «я». Суть ее в том, что мы обычно свои успехи в той или иной сфере склонны объяснять нашими личностными качествами, а свои поражения и неудачи — списывать на неудачные обстоятельства. Так студент, получивший отличную оценку на экзамене, приписывает результат своим интеллектуальным усилиям; в том же случае, когда он отвечает неуспешно, результат объясняется невниманием, плохим билетом и т. п.

В свете проблем суггестивной психологии межличностного общения представляется важным влияние на процесс понимания установок, формирование которых связано с проявлением феномена социальной идентичности. Под социальной идентичностью понимается отождествление «Я» личности с какой-либо социальной общностью. К числу таких идентичностей относится гендерная, национально-этническая, территориальная, профессионально-ролевая и т. п. Общаясь с человеком, чья идентичность отличается от нашей, мы очень часто воспринимаем его через призму усредненных представлений о поведении и психологических особенностях членов именно этой группы. Такие представления получили название социальных стереотипов. К числу национально-этнических стереотипов можно отнести обобщение некоторых личностных черт людей разных национальностей: немцы — педантичные, аккуратные, лишённые чувства юмора; американцы — самоуверенные, предприимчивые, развязные, бескультурные; евреи — жадноватые, хитрые, неискренние; русские — ленивые, щедрые, бесшабашные, искренние, и т. п. Стереотипы позволяют людям экономить усилия в межличностной коммуникации. Однако некритичное отношение к ним приводит к появлению предрассудков и предубеждений — необоснованно негативных представлений о людях, принадлежащих к той или иной социальной общности.

Наиболее живучи гендерные и национальные предрассудки. Но для ощущения социальной полноценности важны и иные социальные сферы. Каждый из нас с детства стремится к ролевой идентичности: в школе мы ощущаем себя учениками, в вузе — студентами, в дальнейшем профессиональная роль дает нам чувство принадлежности к какому-либо сообществу — учительскому, военному, рабочему и т. п. Представитель профессии для того, чтобы испытать положительные эмоции, должен быть убежден в важности именно его деятельности. Если этого нет — нарушается гармония идентичности. Такая вера в важность своего дела приводит к недооценке социальной значимости иной профессии, а это — путь к кастовости, к ограничению своего научно-профессионального кругозора. Сталкиваясь с чужой и чуждой системой категорий, с непривычной формой теоретического мышления, представители разных областей знаний испытывают психологический дискомфорт — чувство некомпетентности.

В качестве защитной реакции, ограждающей ученого от подобных переживаний, возникает то, что в психоанализе называют комплексом «лисы в винограднике». В его основе лежит теоретический комплекс неполноценности, когда узость собственного научного мышления оправдывается демонстрацией мнимой слабости позиции собеседника, ущербностью научной школы, к которой тот принадлежит, или вообще — неполноценностью той науки, в рамках которой он существует. Стремление выдавать желаемое за действительное, как известно, называется *рационализацией*. Она ярче всего проявляет себя в действии комплекса «лисы в винограднике».

Вспомним содержание басни Эзопа, многократно пересказанной поэтами разных культур.

Лиса попала в виноградник. Увидев виноград, она захотела им полакомиться. Но гроздь висела слишком высоко. Тогда лиса успокоила себя:

— Он слишком зелен. Такой кислятиной оскомину набьешь.

Примером такого явления можно считать давнее противостояние «физиков» и «лириков»; оно проявляет себя в наивных попытках доказать большую «важность и нужность» именно своей профессии. Особенности взаимопонимания в социальном сообществе, к которому принадлежит автор, непосредственно связаны с обсуждаемой проблемой. Комплекс «лисы в винограднике», установка на

непонимание в общении ученых иллюстрирует важный феномен межличностного общения, который можно обозначить термином «профессиональная идентичность», т. е. стремлением сохранить чувство личностной целостности через идентификацию Я с каким-либо сообществом.

Межличностное общение ученых различной теоретической «ориентации» изобилует коммуникативными конфликтами.

— Ну что там ваша философия, — говорит в кулуарном общении психолог преподавателю философии, — это же сплошная болтовня. Прочел две книжки — пиши третью.

— Кто бы говорил, — возражает философ. — Современная психология — это же бюрократия, а так называемые психологи — начетчики, которые молятся на методики и коэффициент Стьюдента.

Психологи пикируются с филологами и социологами. Социологи критикуют философов. Но зато в одном они все едины: и те, и другие, и третьи терпеть не могут педагогов...

И вот здесь наконец-то на арену выходит основной объект нашего рассмотрения — **зависть**, феномен, действие которого протекает на иррациональном уровне: она определяет значительное количество переживаний и мотивов поступков, которые имеют отношение к сфере межличностной суггестии. В психологическом словаре зависть определяется как «чувство досады, вызванное благополучием, успехом другого; в крайнем выражении З[ависть] доходит до ненависти (злобы) по отношению к удаче др. и жажды его падения» [Большой психологический словарь 2004]. В межличностном общении даже образованных интеллигентных людей важную роль играет вариация на тему «лиса в винограднике», комплекс, который уместно назвать «комплексом Сальери», который проявляет себя в ситуациях черной (враждебной, злобной, конфликтной) зависти. Ее суть — в стремлении не столько получить то же, что имеет другой, сколько лишить его превосходства, унижить (опустить до собственного уровня или ниже). Проявление комплекса заключается в стремлении снизить успешного коллегу, интерпретируя факты его биографии, мотивы поведения, мысли и т. д. с непременным снижением, упрощением,

В основе зависти лежит социальное сравнение, психологический механизм которого хорошо объясняет индивидуальная психология А. Адлера (см.: [Адлер 1997]). Зависть — негативное переживание, возникающее, когда субъект хотел бы обладать чем-то таким, что есть у другого

человека, но не может реализовать свое желание. Отсюда — фрустрация и негативное отношение к фрустратору (см.: [Бескова 2010]). Разновидностью зависти можно считать чувство, направленное прежде всего на себя: чужой успех вызывает чувство тревоги, вызванной актуализацией комплекса неполноценности (если он лучше, значит, я — хуже, значит, я — ущербен, некомпетентен и т. п.). Он рождает когнитивный диссонанс, снять который можно либо собственными успехами, либо снижением значимости успеха другого человека (соперника). И тут рационализация становится великолепным средством защиты, преодоления когнитивного диссонанса, комплекса неполноценности.

В ситуации гендерной, национально-этнической и даже профессиональной идентичности зависть если и играет какую-либо роль, то — весьма незначительную.

Как совершенно справедливо отмечают специалисты по межличностному общению, возможности для сравнения ограничены определенными социальными рамками. Завистник, как правило, сравнивает свое положение, свои достижения с положением и достижениями тех, кто близок ему по социальному положению («гончар завидует гончару», «король завидует королю»). Жизнь людей, близких по статусу, более доступна для сравнения и анализа. Кроме того, непосредственное окружение чаще всего является референтной группой, той точкой отсчета, по отношению к которой субъект измеряет и оценивает свои достижения и приобретения, неудачи и потери. Таким образом, чем короче социальная дистанция, тем выше вероятность возникновения зависти [Знаков 2007: 226].

С точки зрения психолингвистических моделей понимания, идентифицируя логику поведения, констатируя последовательность совершаемых индивидом действий, обобщенно вербализуя основные события, субъект понимания переходит к их оценочной интерпретации, которая и содержит в себе ответ на вопрос «почему», т. е. определение мотивов поведения объекта восприятия. Истинное понимание одного человека другим предполагает объективность в поиске причин социальной активности, которая предполагает диалогический контакт, доброжелательное (любозное) отношение одного субъекта к другому.

Однако личность, на действия и речь которой направлена рефлексия, может быть объектом социального сравнения, принадлежащим к социальной группе субъекта понимания. Проще говоря, мы пытаемся

интерпретировать деятельность человека, с которым невольно себя сравниваем. И вот тут наше подсознание на помимовольном уровне запускает «комплекс Сальери», в основе действия которого лежит рационализация. Зависть искажает истинность понимания. Понятно, что зависть влияет на смысловое восприятие людей, ущербных в социально-психологическом отношении. Она проявляется и в оценке текстов, и в интерпретации мотивов поступков объекта понимания.

Приведем примеры высказываний ученых-завистников.

В разговоре о недавно защищенной диссертации.

— Ну и что нового N изобрела? Это все давно известно. Она просто термины новые придумала...

— Он, конечно, пишет много статей. Но чаще всего переливает из пустого в порожнее. Все об одном и том же.

А вот примеры оценок поведения, где присутствует снижение благородства мотивов поступков.

В ответ на рассказ о недавно вышедшей в печати книжке коллеги раздраженно выпаливает:

— Ой, можно подумать, что только ты один публикуешься в столичных изданиях!..

На кафедру заходит преподаватель, мужчина средних лет, сообщает коллеге:

— А у меня таки вышла новая книжка.

— Ох, вы наш графоман. Скоро все леса на ваши публикации переведут.

Реакция кандидата наук (профессора) на представлении чьей-то докторской на кафедру.

— Когда докторская вот так внезапно появляется, всегда сомнения возникают: а кто автор?

Суждение о недавно заключенном браке.

— Что Вы все «любовь, любовь». Разведенка отыскала себе брошенного мужа — вот они и снюхались.

Примеры можно было бы множить в неограниченном количестве. Еще раз подчеркнем: снижение другого — способ снизить его достижения, чтобы оказаться выше. Здесь мы наблюдаем зависть в ее чи-

стом виде, суждение, основанное на рационализации, универсальном механизме межличностной перцепции, объясняющей многие нюансы понимания. Она строится как с а м о о б м а н, искажение истины, которое имеет характер успокоительной аутосуггестии (самовнушения). Разумеется, понимание такого рода не просто искажает истину, но и нарушает нормы человеческой морали. Проявления зависти — безнравственны.

Зависть и стратегии построения межличностного общения

Пространством, где наиболее ярко проявляются самые различные формы рассматриваемого явления, становится повседневная коммуникация. Проблема зависти очень хорошо вписывается в суггестивную модель межличностного общения, которая исследует иррациональные формы воздействия в обычной разговорной речи. Наряду с осознаваемыми способами влияния, в повседневной коммуникации присутствуют и скрытые импульсы, действие которых протекает на иррациональном уровне. Как показывают многочисленные наблюдения, в межличностном воздействующем дискурсе огромную роль играет то, что не контролируется нашим разумом. В каждодневном общении рациональная передача информации, как равно и убеждение, апеллирующее к разуму собеседника, составляет лишь видимую часть айсберга — целостного континуума межличностного общения. Внизу, под водой, невидимый глазу, располагается недоступный сознанию огромный массив помимовольных стимулов, неосознанных реакций, подсознательных мотивов, которые, наряду с проявлением зависти, находят выражение в таких социально-психологических феноменах, как высокомерие, тщеславие, самолюбие, властолюбие, корыстолюбие, хвастовство, мстительность, ревность, манипуляция, агрессия и мн. др. Все эти проявления в той или иной мере имеют отношение к внушению (суггестии).

Схему проявления зависти не следует упрощать. Возникая в глубине сознания, она попадает в тигель, где кипят сложные осознаваемые и бессознательные переживания, которые затрагивают разные уровни эмоциональной и рациональной сфер. Они включают самые разнообразные защитные механизмы, в числе которых наиболее очевидны рационализация, позволяющая восстановить когнитивный консонанс. Зависть становится причиной формирования многих черт характера человека, которые определяют особенности межличност-

ной перцепции и лучше всего проявляют себя в межличностном общении. В совокупности зависть и порождаемые ею личностные особенности образуют нечто вроде пространства, которое строится по полювому принципу. Рис. 1 хорошо иллюстрирует поле зависти.

Рисунок 1

К числу таких черт характера относятся:

- злорадство (лучше всего его выражает приговорка: «У соседа коза сдохла: мелочь — а приятно»);
- хвастовство (стремление в разговоре солгать, нереалистично превышая свои достоинства, материальное благополучие и т. п.);
- страх несоответствия как черта характера (фобия, которая проявляется в постоянном опасении продемонстрировать свою несостоятельность в профессиональном или каком-либо ином отношении);
- принижение чужих достижений (особенность структуры личности, которая получила образное обозначение «комплекс "лисы в винограднике"»), суть проявления которого заключается в стремлении снизить успешного коллегу, друга, родственника и т. д., интерпретируя факты его биографии, мотивы поведения, мысли с непременным упрощением (подробнее см.: [Седов 2004б; 2011]);

- преувеличение чужих успехов (эта черта хорошо может быть иллюстрирована приговоркой: «В чужих руках рубль всегда кажется больше»);
- устойчивое представление о зависти, которую испытывают другие (устойчивый комплекс «мне все завидуют» возникает по принципу проекции: приписыванию своих переживаний другим людям);
- стремление вызвать зависть у других (например: *поеду за границу только лишь для того, чтобы все мне завидовали* и т. д.).

Во многих словарных определениях рассматриваемого понятия присутствует некоторая двойственность, намечающая две разновидности переживания. Так, например, в учебнике по межличностному общению зависть определяется как «чувство, возникающее, когда индивид не имеет того, чем обладает другой человек, и страстно желает иметь этот предмет (качество, достижение, успех) либо лишить предмета зависти другого человека» [Куницына и др. 2001: 225]. Уже в этой дефиниции есть основание для того, чтобы выделить две разновидности зависти. Подобная дифференциация присутствует практически во всех работах, посвященных изучаемому явлению (см.: [Бескова 2010; Знаков 2009; Лассан 2005; Мишучкова 2009; Муздыбаев 1997] и др.).

Обычно противопоставляются **незлобная** (она же: **белая, восхищенная, невраждебная**) / **злобная (враждебная, черная, враждебная)**. Каждая номинация имеет свой семантический нюанс, но в ней обязательно присутствует оценочность: хорошая / плохая. Первый тип переживаний характеризуется тем, что человек не желает зла объекту зависти: он просто хочет иметь то же, что и другой человек; второй — базируется на стремлении не столько получить то же, сколько лишить объект зависти его превосходства. В первом случае человек желает возвысить себя (стать таким же, как другой человек), во втором — унижить другого (опустить до собственного уровня или ниже). Кстати, еще Аристотель предлагал завистью называть только вторую разновидность чувства, полагая, что первая «есть печаль по поводу отсутствия у некоего лица X благ, которыми обладает Y. Такое чувство должно, по Аристотелю, побуждать к достижению благ — это та сила, которая, видимо, движет сегодня общество потребления, заинтересованное в растущем и обновляющемся спросе и возможности его удовлетворения» [Лассан 2005].

Отметим, что два вида зависти различаются по направленности переживания: в первом случае — на самого себя, во втором — на объект зависти. Поэтому уместно ввести еще одну дифференциацию: **эгоцентрическая зависть / конфликтная зависть**.

Обычно в психологии выделяются три уровня указанного переживания: уровень сознания; уровень эмоционального переживания; уровень реального поведения (см., например: [Каропова 2009; Мишучкова 2009]). Достигая последнего уровня, зависть эксплицируется, становится мотивом реального поведения. В своем крайнем выражении такое поведение приобретает характер агрессивного физического действия, наносящего вред здоровью субъекта зависти (библейский Каин убивает своего брата Авеля; пушкинский Сальери отравляет Моцарта и т. д.). Это, разумеется, запредельные формы проявления чувства; гораздо чаще оно выражает себя в речевой деятельности, в межличностном общении. Завистливое отношение к человеку часто становится причиной возникновения вербальной агрессии, побуждает к мести, стремлению вредить другому.

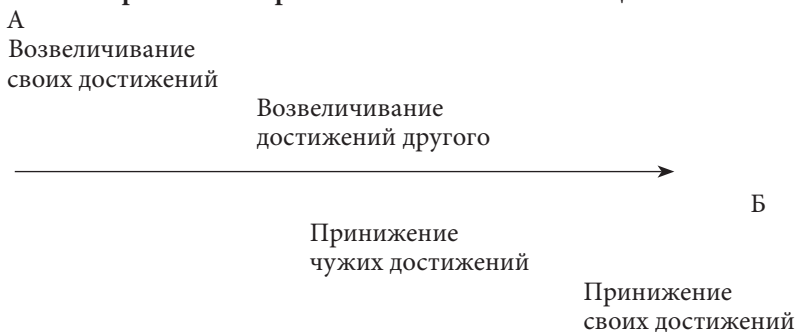
Главная цель, иллюкутивный вектор речевого поступка, спровоцированного чувством зависти, состоит в стремлении снять когнитивный диссонанс, достичь внутреннего равновесия, уравнивания себя и объекта зависти. В иных случаях для преодоления состояния фрустрации равновесия бывает недостаточно; тогда возникает необходимость усилить в глазах собеседника свою позицию или же понизить позицию объекта зависти. В зависимости от направленности переживания (эгоцентрическое / конфликтное), а также — от индивидуальных особенностей личности возможен выбор стратегии построения межличностного общения.

Для наглядности изобразим эти стратегии на схеме 6. Шкала А демонстрирует оппозицию возвеличивание / принижение; шкала Б — направление переживания: на себя / на другого. В результате можно выделить четыре так или иначе коррелирующие друг с другом стратегии:

- 1) возвеличивание своих достижений;
- 2) принижение своих достижений;
- 3) возвеличивание достижений другого;
- 4) принижение достижений другого.

Схема 6

Стратегии построения межличностного общения

Охарактеризуем каждую из названных стратегий.

Стратегия **возвеличивания своих достижений** направлена на реализацию цели: вызвать чувство зависти в сознании коммуникативного партнера. Ярче всего она проявляется в хвастовстве — «неумеренном восхвалении своих достоинств, часто мнимых, преувеличенных» [Муздыбаев 1997: 847]. Предметом хвастовства могут быть и факты материального благополучия, и личностные качества (как самого субъекта речи, так и его близких родственников). В данной стратегии речевого поведения чаще всего присутствует искажение реальности при помощи разновидности лжи, которую В. В. Знаков называет враньем.

Во вранье, — по мнению исследователя, — всегда есть некоторый элемент самолюбования и самовозвеличивания: врущий человек хочет хотя бы на время стать объектом всеобщего внимания, почувствовать себя более значительным, ценным в глазах окружающих. Главное, чего хочет враль, — восторженного внимания публики. Жизнь отражается в искусстве, и поэтому в русской литературе в изобилии представлены вдохновенные враны — один Хлестаков чего стоит! [Знаков 2009: 249].

Стратегия **принижения своих достижений** мотивирована боязнью вызвать чужую зависть и возникающую вместе с ней неприязнь. В некоторых случаях она является следствием такой черты личности говорящего, как деликатность: нежелание доставить собеседнику дискомфорт, продемонстрировать его ущербность и т. п. заставляет снижать уровень своих доходов, величину достижений. В этом случае довольно часто используется такая форма лжи, как умолча-

ние, сокрытие правды (например, чтобы не обидеть свою завистливую начальницу, брошенную мужем, ее подчиненная избегает говорить о своей личной жизни).

В обыденном метаязыковом сознании указанная стратегия речевого поведения связана с распространенным предрассудком о «сглазе», о негативном воздействии человека, испытывающего черную зависть. Именно поэтому «из суеверия» огородники снижают данные об урожае («*Да что там, ничего не уродилось в этом году*»), рыболовы — о добычливости прикормленного места («*Никакого клева*») и т. д. В этом случае наблюдается такая разновидность лжи, как обман.

Цель обмана, — пишет В. В. Знаков, — в том и состоит, чтобы направить мышление собеседника по пути актуализации знакомых ситуаций. Обманутый всегда является невольным соучастником обмана: он жертва собственных неадекватных представлений о действительности и неполноты информации [Знаков 2009: 252].

Стратегия **возвеличивания достижений другого** менее других напрямую связана с интенцией зависти. Она имеет сугубо манипуляторскую цель: скрыто воздействовать на собеседника, чтобы создать в его сознании переживание, которое можно назвать «антизависть». Ярче всего указанная стратегия проявляется в речевом жанре *лесть*:

Пример высказывания, содержащего лесть.

Аспирант обращается к научному руководителю, выступившему на конференции:

— *Вы, как всегда, сделали блестящий доклад! Все были в восхищении!*

Льстящий всегда находится в позиции статусно более низкой; говоря льстивые слова, он как бы пригибается перед объектом восхваления. Коммуникативная цель лести — доставить эмоциональное поглаживание адресату путем преувеличенной положительной оценки каких-то свойств его личности. При этом лесть представляет собой разновидность лжи, т. е. «умышленную передачу сведений, не соответствующих действительности» [Там же: 254].

Реже и не так ярко указанная стратегия проявляется в речевом жанре *комплимент*, где тоже присутствует некоторая гиперболизация достоинств объекта воздействия. Особенно наглядно желание

восстановить равновесие прослеживается в комплименте, который специалист по психориторике А. Ю. Панасюк считает высказыванием стопроцентного воздействия.

Эффект любого комплимента, любой похвалы, — пишет ученый, — определяется тем, что говорящий как бы приподнимает статус, личностную или социальную значимость того, кому эти слова адресованы. И это приятно потому, что каждый человек (за редким исключением) стремится быть лучше, выглядеть в глазах других людей лучше. ...Ну, а если говорящий при всем этом принижает себя в его глазах: «*Знаете, я завидую Вашему умению!..*» или: «*Что Вы, у меня так никогда не получится!*» — тогда эта «дистанция» возрастает еще больше, а чувство «законной гордости» становится еще сильнее, еще ярче! [Панасюк 2002б: 219].

Стратегия **принижение чужих достижений** из числа рассматриваемых представляется мне наиболее интересной. Она более других неявно, но очень прочно связана с переживанием зависти. Здесь присутствует чрезвычайно важный механизм понимания текста, который лежит в основе интерпретации его смысла: упрощение информации, происходящее в результате неосознанного желания снизить значимость мыслей собеседника. Особенно наглядно это проявляется на уровне межкультурной коммуникации.

При восприятии отфильтрованной информации, — пишет известный специалист по межкультурному общению О. А. Леонтович, — коммуникант пытается упростить ее, чтобы она стала более доступной для понимания. Как стремление к экономии усилий, эта закономерность может считаться положительной, способствующей ориентировке личности в сложном коммуникативном пространстве.

Но упрощение информации может иметь и отрицательные последствия. Неноситель лингвокультуры, упорядочивший «свой мир» на основе предшествующего опыта, неохотно отказывается от этого устройства мира и избегает сложностей, вступающих в противоречие с его устоявшимися представлениями. Поэтому он интуитивно старается свести новую информацию к минимальному числу знакомых стимулов так, чтобы она подтверждала его видение мира, и избежать всего того, что нарушает это равновесие. В случае переработки информации с этих позиций существует опасность восприятия чужой культуры как более примитивной, чем она есть на самом деле [Леонтович 2009: 33].

Приведенное суждение еще больше справедливо для повседневного общения в рамках одного этноса. Его следует считать одним из наиболее ярких проявлений аутосуггестии в межличностной перцепции, цель которого ложь особого типа — самообман. Стремление снизить и оглушить чужие мысли или поступки определяется все тем же комплексом «лисы в винограднике», о котором мы уже вели речь. Завистливые ученые, движимые переживаниями подобного типа, склонны оценивать достижения коллег фразами: «нехитрая мысль», «суждения претенциозные, но давно известные», «что же здесь оригинального», «не вижу здесь ничего нового» и т. д.

Представленные выше стратегии речевого поведения объединяет стремление изменить (в свою или чужую пользу) равновесие, которое отражает соотношение успехов коммуникативных партнеров. Их использование базируется на осознанном или бессознательном искажении правды — на лжи в разных формах ее существования. Понятно, что такой принцип организации межличностного общения не может считаться продуктивным: следование ему приводит к засорению, зашлачиванию канала коммуникации, которое само по себе затрудняет социальное взаимодействие людей. Это, в свою очередь, приводит наши размышления к проблеме соотношения зависти и факторов затрудненного общения, в разработке которой пока еще сделаны первые шаги (см., например: [Архангельская 2004]).

Основные выводы позволяют еще раз соотнести тему зависти с комплексом проблем этической психологии. Переживания своей ущербности, которые возникают у всех социально полноценных граждан нашего общества, естественны и закономерны. Однако слабые ростки черной, злобной зависти могут стать стимулом развития личности. Энергия негативных эмоций может сублимироваться в потребность к самоактуализации. Основной же прививкой, дающей иммунитет против «комплекса Сальери», будет система твердых нравственных устоев, которыми человек руководствуется в своей жизни.

3. ЖАНРЫ РЕЧИ

3.1. Социопрагматический аспект теории речевых жанров*

Как известно, впервые проблему жанров речи поставил крупнейший философ-филолог XX века Михаил Михайлович Бахтин (см.: [Бахтин 1996; 2007]). Учение о жанрах речи составляет один из аспектов бахтинской философии языка, которая, в свою очередь, отражает лишь одну из граней его целостной концепции культуры. Речевой жанр Бахтин считал категорией, которая позволяет связать социальную реальность с реальностью языковой. Жанры речи он называл «приводными ремнями от истории общества к истории языка» [Бахтин 1996: 165].

Богатство и разнообразие речевых жанров, — отмечал исследователь, — необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере человеческой деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы. Особо нужно подчеркнуть крайнюю разнородность речевых жанров (устных и письменных). В самом деле, к речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога (причем разнообразие видов диалога в зависимости от его темы, ситуации, состава участников чрезвычайно велико), и бытовой рассказ, и письмо (во всех его разнообразных формах), и короткую стандартную

---

* Главы из коллективной монографии: *Седов К. Ф.* Человек в жанровом пространстве современной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 7—38; *Седов К. Ф.* Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 124—136.

военную команду, и развернутый и детализованный приказ, и довольно пестрый репертуар деловых документов (в большинстве случаев стандартный), и разнообразный мир публицистических выступлений (в широком смысле слова: общественные, политические); но сюда же мы должны отнести и многообразные формы научных выступлений и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа) [Бахтин 1996: 159—160].

Следуя духу концепции ученого, мы определяем речевые жанры как вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей. Главное, что подчеркивает данное определение, — это первичность в предлагаемом подходе социально-психологического бытия людей. Однако подобная дефиниция слишком обща: она соответствует принципам бахтинской философии языка, но для решения конкретных задач типологии речи нуждается в дополнительной разработке. Приведенные рассуждения с неизбежностью влекут за собой вопрос о критериях разграничения, построения классификации речевых жанров.

В своем исследовании мы выводим за пределы рассмотрения жанры художественной речи: они давно и плодотворно изучаются в рамках теории литературы и лингвистической поэтики. Объектом нашего анализа будут речевые жанры, которые входят в обширный континуум повседневного общения людей.

Еще в 50-е годы Бахтин указывал на необходимость создания типологии речевых жанров по сферам человеческой деятельности. Для их первичной дифференциации имеет смысл говорить о разной коммуникативной природе жанров, тяготеющих к разным видам и сферам коммуникации. Так, традиционно речевое поведение людей разделяется по следующим параметрам: письменный / устный, официальный / неофициальный, публичный / непубличный.

Оппозиция **устный / письменный** связана с формой передачи информации в речевой коммуникации. Устная коммуникация предполагает ситуативность речи, непосредственный контакт участников общения, возможность использования невербальных средств коммуникации и т. п. Письменная коммуникация — это, как правило, речь без собеседника, опирающаяся на максимально полное использование лексических и грамматических средств языка, но при этом речь, не знающая временного дефицита, что позволяет вносить исправления, корректировать написанное и т. п. Структура пись-

менных жанров тяготеет к более жесткой монологической форме речевых произведений. Устные (особенно разговорные) жанры допускают значительно большую вариативность в использовании языковых средств.

Официальность / неофициальность стоит близко к используемой в социальной лингвистике оппозиции формальный / неформальный. Под формальными подразумеваются отношения, закрепленные в рамках социально значимых институтов общества; неофициальные — отношения, возникающие вне формальных социальных структур. Жанры, характеризующие официальное общение, имеют большую степень конвенциональности и стереотипичности, нежели жанры неофициальной коммуникации.

Определенную роль в создании типологии жанров по сферам коммуникации может играть фактор **публичности / непубличности** общения. Эта характеристика коммуникативного пространства связана с особенностями обстановки протекания общения. Публичность понимается обычно как присутствие массового адресата речи. По справедливому мнению В. Барнета, «фактор публичности — непубличности не имеет характера бинарного противопоставления, а скорее представляет собою два крайних полюса, между которыми признак публичности может проявляться с нарастающей или убывающей силой» [Барнет 1985: 89]. Жанры публичного общения предполагают более высокую степень осознанности в употреблении языковых средств, нежели жанры речи непубличной.

Для создания научной классификации речевых жанров немало важно определить соотношение этой категории речи с понятием *стиля* и некоторыми стилевыми образованиями. По мнению К. А. Долинина, функциональные стили — «это не что иное, как обобщенные речевые жанры, т. е. речевые нормы построения определенных, достаточно широких классов текстов, в которых воплощаются обобщенные социальные роли» [1978: 60]. Однако некоторыми исследователями высказывается мысль о сквозных (вертикальных) жанровых формах, способных, сохраняя свою жанровую природу, проявляться в различных стилях речи [Орлова 1997]. С нашей точки зрения, подобной полифункциональностью обладают не жанры в узком значении термина, а минимальные жанровые единицы (субжанры), которые способны выступать во внутрижанровой интеракции на правах речевых тактик, равных одному речевому акту.

Соотношение понятий *стиль* и *жанр* в настоящее время в науке о языке становится своего рода камнем раздора. Наиболее радикальной точкой зрения здесь выступает попытка заменить функциональную стилистику теорией дискурсно-жанрового членения речи. «Стилистика умерла! — восклицают сторонники этой концептуальной позиции. — Да здравствует альтернативная стилистика — генристика!» Подобному подходу противится отечественная традиция изучения стилей языка и речи (см., например: [Костомаров 2005]). Окончательное решение проблемы «стиль — жанр» — дело будущего.

В создании общей теории жанров необходимо разграничивать понятия жанр / текст. По нашему убеждению, они принадлежат к различным плоскостям исследования общения. Текстовый подход рассматривает речевое сообщение в аспекте его внутреннего строения, с точки зрения тех языковых единиц, которые обслуживают межфразовые связи, выполняют композиционную функцию и т. п. Жанр есть вербальное отражение интеракции, социально-коммуникативного взаимодействия индивидов. Поэтому уместно говорить о монологических и диалогических жанрах. Для изучения средств речевого оформления жанровой интеракции больше подходит термин *дискурс*.

Понимание речевого жанра как элемента дискурса, который отражает особенности социальной интеракции, хорошо коррелирует с выделением институциональных и неинституциональных дискурсов (см.: [Карасик 2002]).

Дискурс представляет собой семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание данной коммуникативной сферы, а также тезаурус прецедентных высказываний и текстов. В потенциальное измерение дискурса включается также представление о типических моделях речевого поведения и набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа коммуникации [Шейгал 2000: 11].

Подобный подход к типологии сфер общения и коммуникативных ситуаций опирается на противопоставление личностно-ориентированного / статусно-ориентированного типов дискурсов.

В первом случае нас интересует человек говорящий (пишущий) во всем богатстве его личностных характеристик, во втором случае — он же, но как представитель той или иной группы людей.

Личностно-ориентированный дискурс представлен в двух основных разновидностях — обиходное и художественное общение, статусно-ориентированный дискурс — во множестве разновидностей, выделяемых в том или ином обществе в соответствии с принятыми в нем сферами общения и сложившимися общественными институтами (политический, деловой, научный, педагогический, медицинский, военный, спортивный, религиозный, юридический и другие виды институционального дискурса) [Карасик 1999: 4].

Рассматривая речевой жанр как составляющую дискурса, нужно указать на связь жанрового взаимодействия со статусно-ролевой природой коммуникации [Карасик 1992]. **Социальная роль** — это нормативный, одобряемый обществом образец поведения, который соответствует конкретной ситуации общения и социальной позиции говорящего. Социальная позиция, или **статус**, — формально установленное или молчаливо признаваемое место индивида в иерархии социальной группы. Понятия *роль* и *статус* взаимосвязаны. Статус характеризует место человека на вертикальной оси: высокое или низкое положение занимает личность в обществе. Статус как бы отвечает на вопрос «кто есть личность?», а роль — «что она делает?». Как и любое другое поведение, речевое поведение в рамках межличностного общения подчиняется и законам статусно-ролевого взаимодействия.

Общая теория речевых жанров не может игнорировать психолингвистическую природу внутрижанровой коммуникации (подробнее: [Седов 2002]). В этой связи очень важно понимать, что жанры речи не являются внешним условием коммуникации, которое говорящий / пишущий должен соблюдать в своей речевой деятельности. Жанры речи присутствуют в сознании языковой личности в виде фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово. При этом формирование дискурса уже на стадии внутреннего планирования использует модель порождения речи, которая соответствует конкретной ситуации общения и которая диктуется жанровым фреймом. Дискурсивное мышление, обслуживающее задачи создания многообразных речевых произведений, имеет принципиально жанровый характер. Овладение навыками жанрового мышления предполагает довольно долгий путь обучения. В ходе своего социального становления личность «вращается» в систему жанровых норм. В свою очередь эта система «вращается» в сознание говорящего индивида по мере его со-

циализации, определяя уровень его коммуникативной (жанровой) компетенции, влияя на характер его дискурсивного мышления.

Универсальность категории речевого жанра выдвигает задачу разграничения речевых интеракций, разных по объему. Попытки такой дифференциации встречаются в работах современных генристов. Так, например, М. Ю. Федосюк предлагает различать «элементарные» и «комплексные» жанры [1997: 104].

Речевой жанр в узком значении термина — центральная единица предлагаемой нами типологии. Это микрообряд, который представляет собой вербальное оформление взаимодействия партнеров коммуникации, т. е. обычно это достаточно длительная интеракция, порождающая диалогическое единство или монологическое высказывание, которое содержит несколько сверхфразовых единств. К числу речевых жанров можно отнести разговор по душам, болтовню, ссору, светскую беседу, застольную беседу, анекдот, флирт и т. п. Для обозначения жанровых форм, представляющих собой отдельные высказывания, мы предлагаем термин *субжанр*.

Субжанры — минимальные единицы типологии речевых жанров и равны одному речевому акту. В конкретном внутрижанровом взаимодействии они чаще всего выступают в виде *тактик*, основное предназначение которых — менять сюжетные повороты в развитии интеракции. Нужно особо отметить способность субжанров к мимикрии в зависимости от того, в состав какого жанра они входят. Так, *колкость в светской беседе* отлична от колкости в *семейной ссоре* и т. п.

Логика подобной терминологической дифференциации жанровых форм подталкивает к выделению в общем пространстве жанров бытового общения макрообразований, т. е. речевых форм, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров. Такие образования мы предлагаем называть **гипержанрами**, или **гипержанровыми формами**. Так, например, можно выделить гипержанр *застолье*, в состав которого войдут такие жанры, как *тост*, *застольная беседа*, *рассказ* и т. п. Другая гипержанровая форма — *семейный гипержанр*; он включает в себя такие жанры, как *семейная беседа*, *ссора* и т. п. В рамках гипержанра *дружеское общение* можно выделить такие жанры, как *болтовня* и *разговор по душам* и т. д.

Единый континуум повседневного общения представляет собой систему текучих, меняющихся во времени и в пространстве форм речевого поведения, которые способны мгновенно реагировать на любое изменение в структуре социального взаимодействия внутри того или иного этноса. Явления «житейской идеологии» (М. М. Бахтин), бытового социума, которые исчезают из жизни, заставляют отмирать или видоизменяться речевые жанры, отражающие эти типические социально-коммуникативные ситуации прошлого. Например, на периферию жанрового пространства уходит когда-то весьма актуальный гипержанр *общения на общей кухне* в коммунальной квартире; зато формируются новые жанры, связанные с новыми социально-типическими ситуациями, например жанр *разборки при автомобильной микроаварии*, вызванной столкновением машин. Подобная текучесть, незавершенность норм внутрижанрового поведения позволяет выделить в рамках предлагаемой типологии переходные формы, которые осознаются говорящими как нормативные, но располагаются в межжанровом пространстве. Такого рода жанровые образования мы предлагаем называть **жанроидами**. Так, можно, например, выделить жанроид, представляющий собой *гибрид болтовни и разговора по душам*, жанроид, сочетающий в себе элементы *ссоры и семейной беседы* (*конфликтная семейная беседа*) и т. п.

Притом что жанр предписывает языковым личностям определенные нормы коммуникативного взаимодействия, каждое такое жанровое действие уникально по своим свойствам. Разные жанры дают участникам общения неодинаковый набор возможностей: так, одна степень языковой свободы — в *разговоре по душам* и совершенно другая — в *семейной ссоре*. Вариативность в выборе речевых средств выражения внутри жанра предопределяется **стратегиями и тактиками** речевого поведения.

Под **внутрижанровой тактикой** мы понимаем речевой акт, обслуживающий транзакцию (в монологическом жанре это сверхфразовое единство, выступающее в роли минимальной текстовой единицы — микротекста), который обозначает сюжетный поворот в рамках внутрижанровой интеракции. В том случае, когда тактика существует в общении вне жанровой формы, она становится самостоятельным жанровым образованием — *субжанром*.

Стратегии внутрижанрового поведения определяют общую тональность внутрижанрового общения. Они зависят от индивидуальных особенностей языковых личностей, вступающих в общение, и влияют на тактические предпочтения говорящего.

Нужно сказать, что различные ситуации социального взаимодействия людей предоставляют говорящим разную степень стратегической и тактической свободы. Здесь прежде всего различаются **письменные и устные** жанры речи. Устный и письменный тексты находятся как бы на разном расстоянии от их создателя. Письменная речь вынуждена опираться на наиболее формальный, технический способ разворачивания мысли в слово, потому письменные жанры дают автору сообщения значительно меньшую свободу для языкового варьирования, нежели жанры речи устной, широко использующей преимущества и недостатки непосредственного общения. Так, в речевых жанрах *заявления, объяснительной записки*, даже письменного *научного отчета* значительно меньше проявляется индивидуальный стиль личности, чем, скажем, в жанре *светской беседы* или *публичной лекции*. Особенно стандартизированы жанры делового дискурса.

В еще большей степени сказанное можно отнести к особой разновидности устного общения — к речи разговорной, спонтанной по преимуществу.

У нормального человека, — пишет Е. С. Кубрякова, — навыки речи настолько автоматизированы, что переходных этапов между мыслью и речью может и не быть и что преобладающей формой в живой коммуникации является спонтанная речь, представляющая собой симультанное разворачивание речемысли. Его же мы нередко наблюдаем и при обдумывании чего-либо и «про себя», когда поток сознания не отделим от потока мыслей в речевой форме и когда активизация сознания равна активизации речевых механизмов, хотя последние и не подают речь «на выход», а создают достаточно оформленные и целостные высказывания во внутренней речи [Человеческий фактор в языке 1991: 76].

Сказанное позволяет противопоставить по степени вариативности (жанровой свободы) жанры **официальной (публичной) / неофициальной (бытовой)** речи. Можно, к примеру, говорить о раз-

ных стратегических возможностях у *научного доклада* или *интервью* и *болтовни* или *бытовой ссоры*.

Разработка общей теории речевых жанров неизбежно сталкивается с целой серией вопросов о существовании и функционировании жанровых норм речевого поведения людей. Что такое норма речевого жанра и как можно квалифицировать ошибки, нарушения в ее соблюдении? Как связана вариативность внутрижанровой интеракции с уровнем коммуникативной компетенции? Какие жанровые критерии характеризуют «хорошую речь», т. е. речь эффективную и результативную, речь, которая отвечает представлению об элитарном типе речевой культуры? И т. п.

Прежде всего необходимо отметить, что жанровые нормы в меньшей степени подчиняются формализации, нежели ортологические нормы литературного языка. Речевые жанры отражают самые разнообразные ситуации социального взаимодействия людей, и нормативность жанров общения в значительной степени зависит от нормативности такого взаимодействия. Как справедливо отмечает Е. Ф. Тарасов, поведение членов социума «определено социально-кодифицированными и некодифицированными нормами. Знание этих норм характеризует личность как общественное существо, и следование этим нормам составляет одну из существенных сторон бытия личности» [Тарасов 1974: 272]. Важнейшей характеристикой жанровой нормы и должно быть соответствие речевых форм социальной ситуации взаимодействия людей.

Здесь мы сталкиваемся с различной мерой нормативности речевого поведения в разных жанрах. Она зависит **от степени жесткости, формализованности социальных отношений** в разных сферах общения. Мы можем говорить о жестко нормативных коммуникативных ситуациях и ситуациях, предоставляющих говорящим широкие возможности в выборе вербальных способов оформления интеракции. К числу первых можно отнести многочисленные ситуации делового, военного и т. п. институционального общения. Речевые жанры, входящие в военный и деловой дискурс, характеризуются жесткой степенью нормативности. Менее стандартизованы, но все же достаточно жестко нормативны жанры научного общения. Уровень речевой компетенции в использовании такого рода жанров характеризуется знанием жанровых норм и построением своего речевого поведения в соответствии с этим знанием. Чем большее число жанровых стерео-

типов (фреймов) официальной (институциональной) коммуникации включает в себя сознание языковой личности, тем выше его коммуникативная компетенция.

Ненормативные ситуации социального взаимодействия индивидов (и прежде всего — многообразные ситуации повседневного бытового общения) предоставляют говорящему большую свободу в построении внутрижанровой интеракции. При этом категорию ненормативности следует понимать как относительную: разные ситуации устной коммуникации характеризуются неодинаковой степенью жесткости, и эта степень может расширять или сужать меру вариативности в рамках нормативного речевого поведения. Здесь нужно иметь в виду только одну закономерность: чем больший спектр языковых возможностей предоставляет речевой жанр говорящему, тем больше языковая личность может проявить индивидуальные особенности в пределах нормативного речевого поведения.

Более того, в рамках нежестких ситуаций речевого общения необходимо соблюдать общую тональность, задаваемую гипержанром, использовать разнообразные жанры речевого взаимодействия в рамках общего события, определяющего гипержанр, и, наконец, гибко применять тактики внутрижанровой интеракции в ходе развития коммуникации. Результативное и эффективное разворачивание интеракции в типических ситуациях устного публичного официального общения предполагает использование многообразных тактик **риторического общения** (к их числу, например, можно отнести знаменитые топики красноречия).

Особые умения предполагает нормативное (результативное и эффективное) общение на тактическом уровне в рамках таких наименее формализованных ситуаций социального взаимодействия, которые отражают многочисленные жанры бытовой нериторической коммуникации. Здесь степень нормативности внутрижанрового взаимодействия тесно связана с соответствием жанровых и этических норм. Уровень культуры владения жанровыми нормами бытового общения зависит от умения строить внутрижанровую интеракцию в соответствии с принципами кооперативного общения, чего можно добиться последовательным исключением конфликтных жанров из речевого репертуара и использованием кооперативных тактик в рамках нейтральной коммуникации.

Обширная область повседневного общения предстает в виде неофициального, непосредственного, спонтанного по преимуществу

коммуникативного пространства. Эта сфера речи отражает в себе большое количество нежестких по характеру нормативности ситуаций социального взаимодействия людей, что затрудняет определение норм и идеалов речевого поведения. Жанровая дифференциация становится основным способом структурирования различных видов этого личностно ориентированного, бытового по преимуществу дискурса.

Жанры разговорной речи М. М. Бахтин относил к области «жизненной, или житейской идеологии».

Он подчеркивал, что в этой сфере жанровое завершение <...> отвечает случайным и неповторимым особенностям жизненных ситуаций. Об определенных типах жанровых завершений в жизненной речи можно говорить лишь там, где имеют место хоть сколько-нибудь устойчивые закрепленные бытом и обстоятельствами формы жизненного общения. <...> Каждая устойчивая бытовая ситуация обладает определенной организацией аудитории и, следовательно, определенным репертуаром маленьких житейских жанров. Всюду житейский жанр укладывается в отведенное ему русло социального общения, являясь идеологическим отражением его типа, структуры, цели и социального состава [Бахтин 1998: 106—107].

Как неоднократно было замечено различными учеными (см., например: [Федосюк 1997]), жанровое пространство общения имеет полевую структуру. Однако еще более удачным, на наш взгляд, будет сравнение континуума бытовой коммуникации с живым телом — телом, которое живет, развивается, стареет и т. п. Причем если социальное бытие — плоть жанра, то словесное оформление типических ситуаций — это его кожа. Продолжая метафору, можно назвать предлагаемую типологию анатомией жанров повседневного общения.

М. М. Бахтин предлагал деление всего корпуса жанров речи на **первичные** и **вторичные** речевые жанры. В предлагаемой нами системе дифференциальных признаков маркированным членом данной оппозиции будет первичный речевой жанр, т. е. жанровый фрейм, овладение которым происходит бессознательно, подобно овладению родным языком. Первичные жанры можно отнести к нижнему, бытовому слою общего континуума повседневной коммуникации, к «житейской идеологии». Такого типа жанрами следует считать *болтовню*, *ссору* и др. Жанры вторичные — это как бы верхний уровень речевого пространства. Они тяготеют к официальным и публичным видам коммуникации.

Первичные и вторичные жанры в системе координат классификации жанровых форм намечают ее нижний и верхний полюса.

По мнению отечественного культуролога и семиотика Ю. М. Лотмана, в каждом коллективе с относительно развитой культурой поведение людей организуется основным противопоставлением:

1) обычное, каждодневное, бытовое, которое самими членами коллектива воспринимается как «естественное», единственно возможное, нормальное;

2) все виды торжественного, ритуального, внепрактического поведения: государственного, культового, обрядового, воспринимаемые самими носителями данной культуры как имеющие самостоятельное значение.

Первому носители данной культуры учатся, как родному языку, — погружаясь в непосредственное употребление, не замечая, когда, где и от кого они приобрели навыки пользования этой системой. <...> Второму типу поведения учатся, как иностранному языку, — по правилам и грамматикам, сначала усваивая нормы, а затем уже, на их основе, строя «тексты поведения» [Лотман 1992: 249].

По тяготению к верху и низу весь жанровый континуум повседневной коммуникации можно разделить на риторические речевые жанры и жанры нериторические.

Риторические жанры — это способы оформления публичного, по преимуществу «внепрактического», социально значимого взаимодействия людей.

Нериторические жанры обслуживают типические ситуации неформального, непубличного, бытового по преимуществу поведения, которые имеют характер естественного, бессознательного (помимовольного) взаимодействия членов социума.

Соотношение риторических и нериторических жанров в общих чертах соответствует тому, что М. М. Бахтин называл вторичными и первичными жанрами. При этом в ряде случаев один и тот же жанр, в зависимости от степени осознанности (риторичности) речевого поведения, может выступать в качестве риторического и нериторического. Так, например, субжанр *рассказа* в рамках разговорной *болтовни* имеет характер бессознательного дискурса, в то время как в светском общении он приобретает формы утонченной риторичности. Другие жанры верхнего и нижнего уровня континуума могут соотноситься по чертам сходства в построении речевой интеракции. Такие,

например, нериторические жанры, как *болтовня*, *ссора*, *сплетня*, превращаются в зоне риторического общения в жанры *светской беседы*, *спора*, *анекдота* и т. п.

Однако между понятиями *риторический* и *вторичный* нельзя поставить знак равенства. Жанр может относиться к области вторичных, но не быть риторическим. Примером такой жанровой формы может быть *разговор по душам*, который, не отражая публичных форм коммуникации, все же предполагает определенную искусность в построении интеракции.

Важнейшим принципом разделения жанров бытового общения следует считать выявление Т. Г. Винокур для всего пространства речевого поведения полюсов **информатики** и **фатики**. Информатика, по мнению ученого, включает в себя общение, имеющее целью сообщение о чем-либо. Под фатикой в широком смысле она понимает коммуникацию, имеющую целью само общение. Генеральной фатической интенцией является удовлетворение потребности в общении — кооперативном или конфликтном, с разными формами, тональностью, отношениями (степенью близости) между коммуникантами [Винокур 1993; Дементьев 1999; 2006; Дементьев, Седов 1999]. Каждый из этих двух общих видов речевого взаимодействия обслуживает более частные коммуникативные интенции.

Если деление на риторические и нериторические жанры намечают верх и низ континуума повседневной коммуникации, то по горизонтали он подразделяется на информатику и фатику. К сказанному нужно добавить лишь то, что маркированным членом оппозиции здесь выступает информатика, к области которой мы относим виды общения, направленные на передачу (получение) какой-либо информации. Термин «фатика» используется нами для обозначения неинформативной речи, ориентированной главным образом на иллокуцию установления, поддержания и продолжения речевого контакта (подробнее см.: [Дементьев 1999; Дементьев, Седов 1999]). Необходимо подчеркнуть, что в повседневной коммуникации жанров неинформативного (по нашей терминологии — фатического) общения значительно больше, нежели жанров общения информативного. Кроме того, важно понимать, что в реальной речевой практике информативная и фатическая иллокуция тесно переплетена в рамках любого жанра. Поэтому, классифицируя речевые жанры, мы можем говорить лишь о их тяготении

к информатике (информативные по преимуществу) или — фатике (фатические по преимуществу).

Классическим информативным жанром можно считать жанр *общения (рассказа)*, который в системе семантических примитивов А. Вежбицкой описывается следующим образом:

думаю, что ты не знаешь X
 думаю, что ты хотел бы это знать
 говорю: ...
 говорю это, потому что хочу, чтобы ты это знал [Вежбицкая 1997: 107].

Повседневное, бытовое по преимуществу, общение (персональный дискурс) обслуживает сценарии социального взаимодействия, которые можно уподобить принципам комедии *dell'arte*, где при достаточно четкой определенности характеров действующих лиц актерам предоставляется значительная свобода в содержании реплик. Эта особенность неофициальной коммуникации на первый план выдвигает проблему вариативности в построении внутрижанровой интеракции.

Вариативность в построении **информативной речи** обусловлена различными стратегиями говорящего, которые, в свою очередь, связаны с разными формами дискурсивного мышления языковой личности. Мы выделяем прежде всего две глобальные коммуникативные стратегии речевого поведения: **репрезентативную**, или изобразительную, и **нарративную**, или аналитическую. Репрезентативная стратегия построения дискурса в своем целеполагании имеет установку на изображение в дискурсе неязыковых ситуаций. Здесь мы сталкиваемся с наименьшей степенью авторизации текста, отсутствием аналитизма и оценки. Репрезентативная стратегия подразделяется на подтипы: репрезентативно-иконический и репрезентативно-символический.

Репрезентативно-иконическая стратегия речевого поведения предполагает передачу информации путем изображения фактов и событий, для чего обычно используются иконические коммуникативные элементы: невербальные компоненты общения, звукоизобразительные средства общения, дейксисы и т. п. Рассказ в этом случае обычно строится таким образом, будто говорящий и адресат речи одновременно созерцают изображаемые события, находясь внутри сюжетного хронотопа.

Аналогичный тип дискурсивного мышления был описан в исследованиях языковой личности носителя диалекта.

В. Е. Гольдин называет его принципом совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения. Он указывает, что этот принцип обнаруживается в хорошо известном диалектологам стремлении рассказчиков по возможности показывать упоминаемые ими предметы, в крайнем случае — представлять их посредством других предметов (изображать, например, укладки снопов с помощью щепок, спичек — всего, что имеется под рукой), совершать при рассказе упоминаемые действия: наклоняться и захватывать воображаемые стебли, как при жатве серпом, взмахивать и ударять цепом, налегать на воображаемую соху, двигать к себе и от себя «набилки», перебирая одновременно ногами «подножки», при описании работы за ткацким станом и т. д. Рассказ и демонстрация часто сопровождается звукоподражанием... причем характерно, что диалектные звукоподражания отличаются, как не раз отмечалось (А. Б. Шапиро), особой яркостью: говорящий отождествляет себя со звучащим предметом и издает звуки за него, как бы «от его имени». И точно так же воспроизводится носителями диалекта и чья-то речь: говорящий передает ее эмоциональный настрой, тембр, ритм, интонацию, часто — индивидуальные особенности, драматизирует свое повествование [Гольдин 1997: 26].

Репрезентативно-символическая стратегия ориентирована на моделирование действительности сугубо языковыми средствами, с опорой главным образом на произвольные знаки разных языковых уровней. Здесь уже нет погруженности в моделируемую ситуацию; однако при детальном изображении действительности отсутствуют какие-либо элементы ее анализа и оценки изображаемых фактов.

Нарративная стратегия формирования текста несет в себе языковое отражение действительности на более высокой степени абстрагированности. Выполнение коммуникативного задания здесь строится с использованием установки на передачу информации об увиденном в перекодированном виде, а не на изображении ситуации языковыми средствами. Она тоже подразделяется на два подвида: объектно-аналитический и субъектно-аналитический.

Объектно-аналитическая стратегия предполагает информирование о реальных фактах таким образом, что точка зрения автора (слушателя) находится вне хронотопа рассказа. Здесь имеет место не толь-

ко передача некоторой информации, но и рефлексия по поводу изображаемой действительности, которая подается слушателю через призму таксономической обработки. Однако в этом способе построения текста не присутствует субъективная оценка от автора (говорящего).

Субъектно-аналитическая стратегия разворачивания дискурса представляет не столько сами события, сколько субъективно-авторский комментарий к ним. Такой принцип построения речевого произведения обычно приводит к образованию в одном дискурсе двойной структуры — текста в тексте (или текста о тексте). Это наиболее «прагматизированная» форма моделирования действительности, отражающая в своем строении особенности авторского субъективного начала и максимально учитывающая потенциал перцепции, т. е. фактор адресованности речи.

Основным параметром успешности информативной речи является эффективность внутрижанровой интеракции, т. е. то, насколько адекватно осуществляется реализация замысла говорящего. Проще говоря, хорошей речью следует считать текст, максимально полно доносящий до слушателя заложенную в нем информацию. Здесь важной характеристикой речи выступает наличие большого прагматического потенциала высказывания, т. е. учитывается в построении речевого произведения фактор адресата. Рассказ, созданный только на основе нериторических репрезентативно-иконических стратегий, минимально учитывает апперцептивную базу собеседника и жанровым образцом в построении текста служить не может. В качестве примера такой речи может служить описание картинки, сделанное младшим школьником.

*Тут мальчик/ на лесенке стоит// яблоки собирает// А девочка
корзинку несет// А вот собачка/ она лает// И бабушка тут/ сто-
ит// Яблоки собирает//*

Другой пример — фрагмент рассказа о фильме, сделанный другим ребенком того же возраста.

*Она такая шла/ по речушке шла// Прямо как по мелкой// Она
такая (жест) виц-виц-ить/ в воду// Она такая/ только к ней под-
плыл// Она такая (жест) джж-жж-ить// Да/ поднялась вот так
(жест)// Он говорит вот так/ говорит/ Стой// Она такая (жест)
дж-ж-ж/ на землю там//...*

Иногда изобразительная иконичность, используемая в разумных пределах, может стать фактором украшения рассказа, повышения его экспрессивности. Однако строить весь текст таким образом недопустимо. Моделирование действительности в подобном дискурсе полностью игнорирует апперцептивную базу адресата высказывания. Ситуативность речи затрудняет (а подчас делает невозможной) передачу информации в соответствии с иллокутивными намерениями говорящего. Важнейшим требованием к хорошей информативной речи является установка на слушателя, учет уровня его информированности.

Второе требование — последовательность и логичность в разворачивании замысла высказывания. В этой связи необходимо остановиться на базовом для успешного построения информативных жанров феномене психолингвистической нормы текстовости.

Психолингвистическая норма текстовости — соответствие внешнего строения дискурса динамике порождения высказывания во внутренней речи (подробнее см.: [Седов 2004а]). Иначе говоря, в структуре текста как бы отражены стадии разворачивания замысла в речевое произведение, перехода мысли в высказывание. В самом общем виде такой эталон текстового строения предполагает формулировку темы будущего высказывания в инициальной фразе (текстовом зачине), а затем последовательное и логичное раскрытие темы (замысла) по принципу ветвления, выделения в обобщенной формуле семантической программы подтем, субподтем, микросубподтем и т. д. с обобщением, сужением информативного множества текста в концовке текста. Опять-таки в качестве примера приведем фрагмент описания той же картинки, но сделанного старшеклассником:

*На картинке/ мы видим сцену работы детей в школьном саду//
Ребята собирают урожай яблок// Мальчик стоит на лестнице/
срывает яблоки/ и укладывает их в корзину// Девочка несет пустую
корзину// Она собирается отдать ее мальчику// Рядом с ними/ соба-
ка// Она радуется вместе с ребятами// Работой детей руководит
старик-садовник// Все это дело происходит осенью//*

Сделаем важную оговорку: психолингвистическая норма текстовости — это не образец для тиражирования в речи, а базовая модель, риторическое умение, опираясь на которое можно строить информативные тексты, иногда и осознанно нарушая усвоенный стереотип.

Однако, даже отходя от эталона модели, необходимо иметь его в сознании в ходе построения речевого произведения.

Психолингвистическая норма текстовости в полной мере отражается в речевой деятельности, которая соответствует репрезентативно-символическому типу речевого мышления. Однако наиболее успешными риторическими способами организации информативной речи в жанре сообщения (рассказа) являются дискурсы, в которых последовательное, логичное разворачивание замысла в текст сопровождается элементами авторского анализа и оценки. Подобные способы построения речевого произведения, как уже было сказано, соответствуют нарративным коммуникативным стратегиям. Дискурсы «хорошей речи», включающие в себя информативные жанры, должны представлять собой не только моделирование реальности языковыми средствами, но и анализ изображаемых фактов, разъяснение неясных отношений между излагаемыми событиями, обобщение, выделение элементов сходства и отличия и т. п. Подобная метатекстовая обработка информации предполагает осознанное использование риторических топик, тропов и других риторических приемов.

Иная картина предстает при анализе жанровых форм **фатического** общения. Фреймы речевой фатикой в значительной степени определяются традициями той или иной культуры, и овладение ими — главным образом результат воспитания, следствие социального опыта говорящего. Потому здесь большую роль играют социально-культурные стереотипы речевого поведения носителей языка, которые мы называем **внутрижанровыми стратегиями фатического общения**. Отчетливее всего стратегические предпочтения проявляются у языковой личности в нериторических жанрах, отражающих конфликтный характер интеракции (например, в жанре ссоры; подробнее см.: [Седов 1998]).

Мы выделяем три типа речевых стратегий в коммуникативном конфликте и, на их основе, три типа языковых личностей: **инвективный** (демонстрирует пониженную семиотичность речевого поведения: коммуникативные проявления здесь выступают отражением эмоционально-биологических реакций), **куртуазный** (отличается повышенной степенью семиотичности речевого поведения, которая обусловлена тяготением говорящего к этикетным формам социального взаимодействия) и **рационально-эвристический** (в ситуации конфликта опирается на рассудочность, здравомыслие; негативные

эмоции выражает косвенным, непрямым способом, обычно — в виде иронии) (подробнее см.: [Горелов, Седов 2001]).

Особенности идиостиля говорящего отчетливее всего проявляются в жанрах *нериторических*, где речевое поведение участников общения не предполагает заданности, осознанности, контроля над использованием языковых средств общения. «Низкая» жанровая стихия, куда можно отнести гипержанры *дружеского* и *семейного* бытового общения, обслуживает наименее жесткие с точки зрения следования нормам ситуации социального взаимодействия. В *нериторических* жанрах допустимы вариации, обусловленные стратегическими предпочтениями говорящего, в которых отражаются особенности его идиостиля.

Важнейшим требованием к успешной фатической коммуникации является степень владения языковой личностью *риторическими* жанрами. Именно риторические жанры составляют основу цивилизованного публичного общения, поэтому они должны стать одним из центральных предметов школьной и вузовской риторики. Строя риторические жанры, говорящий обязан осознанно контролировать языковые способы оформления социального взаимодействия людей по их соответствию коммуникативной ситуации. Риторические жанры повседневного общения главным образом обслуживают неофициальные, но публичные коммуникативные ситуации. Поэтому они в меньшей степени зависят от индивидуальных особенностей языковой личности говорящего. Степень владения риторическими жанрами определяется степенью умения языковой личности вне своих стратегических предпочтений подлаживаться, приспосабливаться к другим участникам коммуникации.

Один из показателей принадлежности языковой личности к элитарному типу речевой культуры — способность переходить от первичных к вторичным, близким по иллюзии жанрам. Сюда, например, нужно отнести переход от «низкого» жанра *ссоры* к «высокому» — *спора*. Кроме умения строить интеракцию в жанровых стереотипах *болтовни*, *семейной беседы*, *разговора по душам* и т. п., человек, претендующий на действительное владение языком, должен научиться вести *светскую беседу*, освоить застольные жанры, жанры *комплимента*, субжанры, составляющие основу русского этикета, и т. п.

Примером такого жанра (субжанра) является *комплимент*. Комплимент представляет собой «малую форму» эпидейктического

красноречия, которая восходит к речевой культуре Средневековья, к традиции восхваления рыцарем своей прекрасной дамы. Это «виртуозное изобретение новых и новых вариаций, импровизация на заданную тему с использованием условных риторических приемов... и традиционных средств...» [Михальская 1996: 344]. Compliment требует от говорящего осознанных речевых усилий, он предполагает установку на художественность, творчество в речи. Разумеется, разные языковые личности в построении комплиментов придерживаются неодинаковых речевых стратегий, и выбор этих стратегий коррелирует с типами индивидуальных стилей говорящих. Однако, как показали наблюдения за живым общением, значительно большую роль в выборе внутрижанровых стратегий играет тип языковой личности адресата речи. Не случайно основной риторической рекомендацией в этом жанре выступает установка на «любственное внимание к адресату и изящество» [Там же: 345]. Действительно, комплимент продиктован желанием сделать приятное собеседнику. А чтобы вызвать у человека положительные эмоции, нужно знать его личностные особенности и, в том числе, особенности его языковой личности. Поэтому главное риторическое требование к комплименту — соразмерность (разным людям в зависимости от возраста, степени знакомства с ними говорящего и т. д. комплимент говорится по-разному) и ситуативность (в некоторых случаях можно похвалить внешность, в других — ум, в третьих — вкус и т. д.). Кроме того, комплимент должен быть искренним и нетривиальным, что соответствует канонам кооперативного общения.

Установка на **кооперативную коммуникацию** — один из необходимых компонентов эффективности общения и в рамках нериторической фатика. В ее основе лежит соответствие речевых норм нормам этикетным. В этой связи многообразие форм фатического общения можно, вслед за В. В. Дементьевым [1999], представить на оси между полюсами положительных и отрицательных интенций (ухудшение, улучшение и сохранение межличностных отношений).

Фатика отрицательная	Фатика нейтральная	Фатика положительная
диссонанс (-)	0	унисон (+)

Хорошая речь в рамках фатического общения — это, разумеется, речь с установкой на улучшение межличностных отношений, речь с установкой **на** (а не **против**) собеседника. По характеру гармониза-

ции / дисгармонизации коммуникативного взаимодействия, по способности / неспособности говорящего к согласованию своего речевого поведения с речевым поведением коммуникативного партнера мы выделяем три уровня коммуникативной компетенции языковой личности: **конфликтный**, **центрированный** и **кооперативный** (каждая разновидность имеет по два подтипа). В качестве единого основания для построения типологии здесь выступает установка по отношению к коммуникативному партнеру. Так, конфликтный тип общения характеризуется **установкой против** собеседника, центрированный — его **игнорированием**, кооперативный — **развернутостью на** другого участника коммуникации (подробнее см.: [Седов 2004а; 20076]).

Основой цивилизованного способа построения коммуникации является **кооперативный тип** речевого поведения. Это способ построения общения, который соответствует представлению о хорошей речи по критерию соответствия речи этическим нормам социального взаимодействия. Эталону эффективной коммуникации больше всего соответствует **кооперативно-актуализаторский** принцип построения речевого поведения языковой личности в рамках внутрижанровой интеракции. Именно он свидетельствует о самом высоком уровне коммуникативной компетенции человека по способности к речевой кооперации. В основе подобного типа общения лежит **стремление поставить себя на точку зрения собеседника**, взглянуть на изображаемую в речи ситуацию его глазами.

В этом смысле можно бегло сформулировать требования, которые предъявляет жизнь человеку говорящему. Во-первых, это требование соответствия вербального оформления характеру социальной ситуации взаимодействия участников общения: высказывание, которое строит говорящий, должно отвечать цели коммуникации. Второе условие связано с учетом фактора адресата. В информативной речи оно должно побуждать к установке на апперцептивную базу слушателя, к стремлению разворачивать замысел (тему сообщения) в соответствии с каноном психолингвистической нормы текстовости и участием автора (при помощи создания разъясняющего информацию метатекстового слоя) в облегчении восприятия сообщения. В фатическом общении фактор адресата предполагает прежде всего соответствие речевых способов разворачивания интеракции этическим нормам. Говоря проще, строя общение в повседневных жанрах с установкой на улучшение коммуникативного взаимодействия между его

участниками, необходимо уважать своего собеседника и всячески проявлять уважение в речевом поведении. Это проявляется в последовательном стремлении избегать или предотвращать конфликтные ситуации (конфликтные жанры), в использовании кооперативных субжанров и тактик внутрижанровой интеракции.

3.2. Материалы к энциклопедии речевых жанров

3.2.1. *Разговор**

*Разговоры, разговоры —
Слово к слову тянется...*

(Русская песня)

Центральным жанром межличностного дискурса следует считать *разговор*. Это комплексный речевой жанр (в нашей терминологии — гипержанр), который включает в себя большинство жанров нейтрального повседневного общения. Некоторые из жанров, составляющие разговор, можно отнести к информативному дискурсу (например, *рассказ* и *сплетню*): их целью является сообщение информации, неизвестной слушателю. Однако подавляющее большинство жанровых форм, входящих в рассматриваемый гипержанр, имеют неинформативную природу. Сюда можно отнести и жанры нейтральной фатики (*анекдот*, *шутка*), и жанры, имеющие положительную (*одобрение*, *похвала*, *комплимент*) и отрицательную (*колкость*, *инвектива*, *упрек*) иллюкуцию, т. е. воздействие, призванное изменить эмоционально-психологическое состояние собеседника. Основное коммуникативное намерение, которое руководит развитием интеракции разговора, — это само желание общаться, т. е. фатика.

Гипержанр РАЗГОВОР — феномен, сопоставимый с тем, что в западной традиции получило наименование *small talk*. В. В. Фенина, по-

---

* *Седов К. Ф.* Разговор // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 220—230; *Седов К. Ф.* Нейтральные жанры в коммуникативном пространстве современной России // *Stylistyka XV*. 2006. Opole, 2006. S. 135—151.

святывшая диссертационное исследование сопоставлению российских и английских жанров нейтральной фатики, определяет *small talk* как «условный лингвистический термин, замещающий имена речевых жанров — *светская беседа, болтовня, сплетничанье, small talk, gossip* и т. д., а также другие (нежанровые) личностно нейтральные фатические высказывания в русском и английском языках» [Фенина 2005: 48]. Однако, по нашему мнению, для исследования повседневного дискурса (как российского, так и иностранного) лучше оперировать термином *разговор*, ибо его структура представляет собой открытую модель, позволяющую исследовать многообразие форм коллективного и индивидуального языкового сознания.

А. Вежбицкая дает следующее описание гипержанра *разговор* (*rozmowa*):

говорю: ...

говорю это, потому что хочу, чтобы мы говорили разные вещи друг другу

думаю, что и ты хочешь, чтобы мы говорили разные вещи друг другу [Вежбицкая 1997: 106].

РАЗГОВОР представляет собой инвариант нескольких речежанровых форм: *бытового разговора (болтовни), разговора по душам, светского разговора (светской беседы) и разговора в компании*. Все названные жанры, как уже было сказано, объединяет общность коммуникативного намерения — стремление к коммуникативному контакту. Отличия между жанрами затрагивают иные уровни коммуникации: во-первых, характер коммуникативной ситуации, во-вторых, тематическое содержание дискурса, в-третьих, тактические повороты в разворачивании сюжета, наконец, в-четвертых, разное концептуальное наполнение общения. Говоря о концептуальном наполнении, мы имеем в виду то, что общая семантика речевого жанра зависит от той модальности, которая в коллективном этнокультурном сознании нормативно закреплена за той или иной типической ситуацией социального взаимодействия и представлена в виде концепта, т. е. «дискретного ментального образования, являющегося базовой единицей мыслительного кода человека» [Попова, Стернин 2001: 24]. Как уже было сказано в предыдущих разделах главы, концептуальное содержание жанра проявляется в процессе речепождения уже на стадии коммуникативного намерения, оно задает

тональность речезанровой интеракции, которая отражает представление говорящих о норме того или иного жанра общения.

Обратимся к более подробному рассмотрению разновидностей жанра РАЗГОВОРА.

Болтовня (бытовой разговор) по отношению ко всем другим вариантам РАЗГОВОРА выступает базовым — первичным — речевым жанром. В нем запечатлен наиболее легковесный и, если так можно сказать, легкомысленный вид повседневной коммуникации, который осуществляется с наименьшей степенью заданности. Если взглянуть на него через призму концепции Э. Берна, то внутрижанровая интеракция здесь развивается по модели ДИТЯ — ДИТЯ.

Дополняя определение *разговора*, данного А. Вежбицкой, мы определяем болтовню следующим образом:

говорю: ...

говорю это, потому что хочу, чтобы мы говорили разные вещи друг другу

думаю, что и ты хочешь, чтобы мы говорили разные вещи друг другу
думаю, что мы не хотим говорить о серьезных вещах.

Социально-психологический фон, на котором протекает болтовня, настраивает говорящих на легкое, поверхностное, скользкое по ассоциативному принципу дискурсивное поведение. Правила игры, которыми руководствуются коммуниканты, владеющие этим жанром, заключаются в том, чтобы не углубляться в намечаемые темы, а, легко коснувшись, перескакивать на другие. Это связано с глобальными неосознанными коммуникативными намерениями, общей иллюкативной модальностью говорящих: разговор идет не столько ради получения информации, сколько ради утверждения социальной полноценности, воздействия на собеседника с целью получения психологических поглаживаний иногда *от*, иногда *за счет* коммуникативного партнера. Иными словами, темы и конкретные мотивы участников общения не вполне ими осознаваемы. Основной тональностью тематического движения здесь выступает *п р и н ц и п и а л ь н а я н е з а д а н н о с т ь о б щ е н и я*. Темы меняют одна другую по ассоциативному принципу. При этом говорящий не вполне знает, что он будет говорить в следующую минуту.

Для иллюстрации приведем небольшой фрагмент болтовни, записанной при помощи скрытого магнитофона.

[Пресуппозиция: общаются две тридцатилетние женщины, которые не виделись около трех месяцев. А (коммуникативный лидер) приехала в гости к Б, чтобы посмотреть новую квартиру. Фрагмент представляет собой продолжение диалога, начатого на кухне.]

А — (входя из кухни в комнату) *У вас что/ кресло новое? Вроде бы/ одно было раньше//*

Б — *Да нет/ оно просто/ в другом месте стояло//*

А — (подходя к окну) *Ой/ глянь-ка/ у вас из окна что.../ кино.../ кино-театр? Да кстати/ а Наталья Ш./ она что/ как у нее с квартирой?*

Б — *Они сейчас/ изо всех сил обменом занимаются// Варианты отрабатывают//*

А — *Интересно/ откуда деньги у них?*

Б — *Да это мать мужа В./ дала...*

А — *Ну/ не знаю/ не знаю// Да/ ты знаешь/ кого я недавно встретила?// Сережку/ Лилькиного мужа//* [Пресуппозиция: Сережка — общий знакомый А и Ш.] *Представляешь/ в поликлинике// Иду по коридору/ смотрю/ лицо знакомое// Сережка// Ба...// Лилька бедная// Она так второго ребенка и не родила// Он не хочет// (...)* (поднимает глаза на картину, висящую на стене) *А эта сейчас где?* [Пресуппозиция: имеется в виду автор картины, художница Л, подруга Б] *Она говорят/ в Москву переехала// С мужем вроде разошлась// Там говорят/ молодого нашла// Правда что ль?*

Б — *Правда//*

А — *Ба!!! Некрасивая такая// Кто бы подумал// Роковая женщина// И что/ картины ее покупают?*

Б — *Не то слово// Не за рубли/ за баксы//*

А — *Да ты че?! А что эт у тебя/ новая (показывает на сумочку, висящую на стуле)// Я раньше не видела// Давно купила?*

Б — *Да она у меня уже сто лет// Я ее просто не ношу// Она по цвету ни к чему не подходит//...*

Приведенный дискурс наглядно показывает природу формирования высказывания и логику тематического развития интеракции. Разговор начинается с тактики вопроса по поводу предметов, присутствующих в поле зрения (кресла, кинотеатра, увиденного из окна комнаты), затем по ассоциации с видом из окна новой квартиры — новая тема (возможность приобретения квартирой общими знакомыми). Появляется иная внутрижанровая тактика — рассказ об отсутствующем лице. Далее опять-таки — ассоциативный переход к следующей тактике (новому субжанру) — рассказу о событии,

участником которого стала А. (о встрече с Серезжкой, Лилькиным мужем). Следующий субжанр рождается от случайного взгляда, который коммуникативный лидер бросает на стену, где висит картина Л., тактику рассказа меняет тактика сплетни о женитьбе и разводе художницы (информация из недостоверных источников). И опять — быстрый переход к вопросу о визуально зримом предмете (сумочке). Каждая тема возникает в болтовне случайно; с той же долей вероятности ход разговора мог изменить свое течение, затронуть другие столь же необязательные темы. Ядерными субжанрами болтовни, определяющими ее основные тактики, следует считать *вопрос, рассказ об увиденном, рассказ об отсутствующем лице и сплетню* и т. п. К ним можно добавить такие факультативные субжанры, как *комплимент, колкость, просьба, утешение, подтверждение, инвектива, поучение, совет* и т. п.

Еще раз подчеркнем: болтовня (бытовой разговор) — фатический по преимуществу, первичный (нериторический) речевой жанр. Это форма организации дискурса, которой говорящего специально никто не обучает. Такое общение не предъявляет больших требований к соблюдению норм, а строится по принципу экономии языковых усилий, где эмоциональное заражение собеседника играет едва ли не более важную роль, нежели адекватная передача информации.

Болтовня — речевой жанр, реализация которого в дискурсивном поведении дает самые широкие возможности для самопрезентации говорящего. Иными словами, как показывают наши наблюдения, в болтовне личность максимально отчетливо раскрывает особенности своего идиостиля: и по степени кооперации (конфликтная, централизованная или кооперативная), и по критерию поведения в конфликтной ситуации (куртуазная, рационально-эвристическая, инвективная). Бытовой разговор на уровне порождения высказывания не имеет четко определенной оценочной установки. Градус и направленность воздействия может меняться: колкость сменяться похвалой. Именно эта черта русской болтовни не дает возможности четко определить ее концептуальное наполнение.

Принципы развития болтовни становятся строительным материалом для формирования норм жанров вторичных, среди которых классическим образцом риторического жанра следует считать речевой жанр *светский разговор*.

В современной неориторике сейчас появляется интерес к светскому общению (см.: [Дементьев 2010; Милехина 2001; Седов 2007а; Стернин 2001; Фенина 2005]). Отчасти он закономерен: изменение общественных отношений в нашей стране, стремление возратить утраченные духовные ценности ведет к попыткам вернуть стереотипы поведения (в том числе — речевого), которые соответствовали представлениям о цивилизованных формах социального взаимодействия людей. Однако почва современной лингвокультурной ситуации российского этноса оказывается для этого жанра плохо пригодной. Здесь он приживается с большим трудом.

Термин *светский разговор* используется нами за неимением другого. Он неоднократно подвергался критике на том основании, что в социуме, где нет «света», не может быть светского разговора. В качестве возражения обычно приводится аргумент, что словосочетание «светское общение» (светская беседа) образовано не от слова «свет», а от прилагательного «светский». Как бы там ни было, но феномен, обозначаемый термином *светский разговор*, сейчас проявляется в разных сферах полуофициального публичного общения. Он нуждается в исследовании, результаты которого имеют практическое значение. Сюда можно с той или иной долей спорности отнести кулуарное общение на научной конференции, неофициальный разговор на разного рода презентациях и торжественных собраниях, телевизионное общение и т. п.

Прежде всего, *светский разговор* — риторический жанр (вторичный по сравнению с первичным жанром *болтовни*).

По определению И. А. Стернина, светское общение представляет собой ритуальную беседу, которую этикет предписывает вести людям в официальной обстановке, в официальных ситуациях, когда они выступают в официальных ролях — официальных участников какого-либо приема, собрания, мероприятия, официальных гостей либо в роли только что представленных друг другу и еще мало знакомых друг с другом людей [Стернин 2003: 279].

Здесь мы позволим себе внести уточнение: не только (и не столько) в официальных, но и — полуофициальных ситуациях.

Это тип закрытого общения, когда предметные позиции коммуникантов не имеют принципиального значения, не они определяют характер общения. При закрытом общении содержание разговора

в значительной степени отходит на второй план, оно как бы оказывается малосущественным. При закрытом общении важно придерживаться темы и соблюдать форму и правила, принятые для данного типа общения в этой социальной среде или группе.

Светское общение преследует несколько целей:

- 1) заполнение времени беседой;
- 2) демонстрация принадлежности общающихся к одной группе;
- 3) соблюдение принятого в обществе для данного типа ситуаций ритуала [Стернин 2003: 279].

К прагматическим параметрам этого жанра нужно отнести публичный характер общения. Публичность понимается обычно как присутствие массового адресата речи. Светский разговор характеризуется признаками достаточно высокого уровня публичности, что предполагает более значительную меру осознанности в употреблении языковых средств, нежели жанры речи непубличной.

Квалифицируя рассматриваемый речевой жанр в системе категорий транзакционного анализа, мы можем утверждать, что здесь представлена модель РОДИТЕЛЬ — РОДИТЕЛЬ.

В качестве примера, иллюстрирующего жанр светской беседы, приведем фрагмент записи радиointервью А. Агамирова с Игорем Моисеевым.

А. А. Когда Вас посетила мысль/ создать Ваш ансамбль? ...Были года/ которые не располагали к этому//

И. М. Подъем нашего балета/ как и в других областях/ он поднимался по ступенькам неудач// каждая неудача/ это и урок//

А. А. Игорь Алексаныч/ Вы не будете возражать/ если я переменю форму беседы? Послушаем/ что хотят спросить радиослушатели...

Слушатель: Добрый вечер/ здравствуйте// Это Екатерина Владимировна Вас беспокоит// Как обстоят дела сейчас с нашим балетом?

И. М. Я думаю/ что положение дел таково// Русские исполнители сейчас считаются лучшими в мире...

А. А. Я имел счастье видеть спектакли Вашей школы-студии... [Цит. по: Голанова 1996: 433].

Овладение нормами светского разговора требует специального обучения, результатом которого становится некоторая искусность в использовании языковых средств (сюда мы отнесем знание ортологических, стилистических и этикетных норм, умение использовать в ин-

теракции тропы, элементы языковой игры, шутки и т. п.). И. А. Стернин сформулировал основные признаки светского общения, которые реализуются в светском разговоре:

Участие в общей беседе всех членов группы, приветствие каждым каждого, знакомство всех со всеми, организация и поддержание общего разговора.

Краткость и равномерность объема общения каждого с каждым из остальных членов группы.

Демонстрация положительного настроения, взаимного удовлетворения от общения.

Обсуждение нейтральных тем, которые не могут вызвать столкновения мнений (дети, животные, отдых, путешествия, хобби, климат и погода и др.). Демонстрация интереса ко всем собеседникам, приветствие всех знакомых, вопросы к собеседникам о том, как обстоят их дела.

Высокая комплиментарность общения, частотность одобрения слов и действий собеседника.

Частотность выражения согласия с собеседником; исключение выражения неодобрения или несогласия в ходе общения.

Доброжелательное выслушивание, исключение перебивания собеседника.

Демонстрация коммуникативной скромности, исключение привлечения к себе повышенного внимания в процессе общения; минимизация информации о себе в процессе общения, сообщение информации о себе преимущественно в форме ответа на вопрос.

Избегание споров, затрагивания неприятных и конфликтных тем обсуждения.

Некатегоричность высказывания своей точки зрения, исключение настаивания на своем мнении.

Доброжелательное признание в ходе беседы правомерности разных точек зрения на любую обсуждаемую проблему.

Умеренная мимика и жесты, конвенциональные позы, достаточно большая дистанция общения, невербально выраженная доброжелательность, сдержанная положительная эмоциональность.

Стремление помочь собеседнику *сохранить лицо*, выйти из неприятной ситуации; использование в конфликтных ситуациях примирительной тактики «все по-своему правы», «в каждом деле есть две стороны».

Выражение неодобрения словам собеседника молчанием, косвенными способами (например, вопросами), переводом разговора на другую тему.

Умеренное использование юмора, шуток.

Высокая культура речи, исключение просторечных и грубых слов и выражений, слов с крайней степенью оценки.

Соблюдение временных рамок общения (время приглашения, время ухода, необходимость отдыха и др.).

Обсуждение в общем виде следующих контактов после завершения общения [Стернин 2003: 282].

Важной социолингвистической чертой светского разговора (и светского гипержанра в целом) является то, что это фатическое общение людей, которые принадлежат к образованным социальным слоям общества. Рискнем в качестве необходимого компонента коммуникативной ситуации светского общения ввести установку на коммуникативного партнера — интеллигентную (светскую) даму. Указанный параметр позволяет отличать исследуемый жанр от разговора в компании (например, разговора в пивной или в бане).

К психолингвистическим характеристикам жанра *светского разговора* следует отнести высокую степень заданности в порождении речи. При том что интеракция в рамках жанра развивается на основе спонтанного ассоциативного политематического полилога, говорящие должны осознанно контролировать свою речь на уровне тематического отбора (исключаются скабрзные, интимные, профессиональные и т. п. темы). Не менее важным условием выступает требование соответствия речевых норм нормам этическим (оно должно проявляться главным образом в стремлении избегать конфликтных речевых тактик: оскорблений, обвинений, упреков, колкостей и т. д.).

В качестве основного концепта светского разговора (беседы) мы предлагаем считать концепт **«вежливость»**.

О вежливости применительно к речевому этикету у нас еще не раз будет идти речь. Вежливость как основной семантический принцип светского общения строится на основе демонстрации «уважения к партнеру по коммуникации, которое выражается в доброжелательном отношении к нему и уместном обращении, соответствующем его личностным и статусным позициям» [Шамьенова 2001: 181]. Приведем еще один пример проявления светскости в дискурсе СМИ. На этот раз — это фрагмент телепередачи «Дневной киносеанс».

А. — В этом фильме / в эпизоде / правда / впервые/ по-моему/ снялся Женя Урбанский/ как всегда такой страстный /...И я знаю /

что ты имела большое отношение к Жене Урбанскому / Вот расскажи / если это возможно / каким он был в жизни вообще //

Б. — Ну / Наташенька / большое значение / это брак //

А. — Ну да / я просто не смела это называть //

Б. — ...Знаешь / как говорила древняя нация англичане / актриса это чуть больше чем женщина / а актер это чуть меньше чем мужчина / я не знаю / так не так / я не хочу никого обидеть... / Но вот Женя был [мужественный человек]... / и такое самоутверждение Жени / это стремление все самому делать в жизни...

А. — ...Спасибо / Танюша / и я хочу пожелать тебе здоровья еще на долгие годы / хоть мы в России проживаем один год за несколько / у нас все так быстро меняется... / чтобы актриса такого масштаба как ты все-таки нашла [место в современной жизни] — здесь и далее в квадратных скобках помещено то, что было сказано неразборчиво.

Б. — Ну ты совсем меня захватила / и я тоже не могу не воспользоваться этой минутой / Наташенька / когда я вижу тебя на экране / я магнитизируюсь / как кролик / я смотрю на тебя не отрываясь / и тоже хочу тебе / тоже самого пожелать //

А. Ну я не ставлю точку на своей карьере / и надеюсь / что / хотя и сомневаюсь иногда

Б. Ну сомневаться / это естественно... и т. п (цит. по: [Шамьенова 2001: 183]).

Попытаемся дать определение светского разговора в категориях семантических примитивов А. Вежбицкой.

говорю: ...

говорю это, потому что хочу, чтобы мы говорили разные вещи друг другу

думаю, что и ты хочешь, чтобы мы говорили разные вещи друг другу

думаю, что мы оба хотим вежливо общаться и соблюдать приличия.

Жесткие коммуникативные рамки, которые накладывает на личность светский разговор, ограничивают его возможности для самопрезентации личности. Нормативно-ритуальное светское общение может быть реализовано лишь в типе дискурса, который обозначен нами как кооперативно-конформный (см. выше). Однако коммуникативное пространство светского общения дает широкие возможности для использования манипуляции — скрытого воздействия на суггестивном уровне, о чем у нас еще пойдет разговор чуть позже.

Если *болтовня* и *светский разговор* представляют собой рифмующиеся по принципу первичных и вторичных жанров модели построения дискурса, то жанровое образование, которое получило название *разговора по душам*, противостоит им обоим на основе другого параметра. Центральным концептом, отражающим семантику русского разговора по душам, будет концепт «*искренность*». Это модель общения, которую трудно (прежде всего по этическим соображениям) зафиксировать средствами аудиовизуальной аппаратуры.

Жанр *разговор по душам* нельзя отнести к разряду риторических жанров. Основные характеристики коммуникативной ситуации, в которой происходит его реализация, — неофициальность и непубличность — в целом соответствуют ситуации болтовни. Так же как и болтовня, разговор по душам, как правило, — диалог, в котором принимают участие двое. Более того, два рассматриваемых нами жанра могут полностью совпадать по тематическому содержанию разговора. Однако любой представитель русского этноса укажет на различия в смысловой и эмоциональной природе протекания интеракции в рамках этих фатических жанров.

Рассматриваемый речевой жанр является вторичным (по сравнению с болтовней) жанром. Так же как и светский разговор, он строится на материале болтовни. Главное отличие от первичного жанра — в том, что в основе разговора по душам лежат принципы, названные нами кооперативно-актуализаторскими. В этом случае говорящий руководствуется основной установкой в общении, которую можно определить как стремление поставить себя на точку зрения собеседника, взглянуть на изображаемую в речи ситуацию его глазами.

Интерпретация разговора по душам в ракурсе транзакционного анализа позволяет говорить о том, что здесь более всего актуализирована модель ВЗРОСЛЫЙ — ВЗРОСЛЫЙ.

Забегая вперед, отметим, что именно *разговор по душам* выступает речевым фреймом, с которым в русском языковом сознании связано представление о коммуникативном идеале в рамках повседневной коммуникации. Такого типа коммуникации часто становятся предметом изображения в русской классической литературе. Их можно проиллюстрировать словами героя романа Ф. М. Достоевского «Бесы» Шатова, которые он обращает к Ставрогину: «*Мы два существа и сошлись в беспредельности... в последний раз в мире. Оставьте ваш тон и возьмите человеческий*».

Анализ конкретного речевого материала показывает, что разговор по душам, соответствующий этому уровню коммуникативной компетенции, тоже довольно отчетливо различается по идиостилевым особенностям. При этом критерием такого различия выступает и довольно сложное соотношение языкового своеобразия речевого поведения как адресанта, так и адресата коммуникации.

- *Слушай/ я в шоке/ мне не приходит утверждение!*
- *Ну/ ты подожди// Рано паниковать// Оно не сразу приходит// Ирка вон/ целый год ждала// А сейчас и вовсе/ в ВАКе там сейчас/ все меняется//*
- *Ой/ не знаю// У меня всегда все не по-людски// Всем приходит/ а меня могут не утвердить//*
- *Да нет// Так не бывает// Успокойся// Ты уже кандидат// Степень не ВАК/ а совет присуждает//*
- *Ты думаешь?..*
- *Ну хочешь/ я позвоню в ВАК?// Я спрошу у О. Б. телефон...*

Главное отличие разговора по душам от сходных речевых жанров — это неформальный характер коммуникации. В качестве основных тактик, определяющих повороты в развитии сюжета интеракции, можно указать на *исповедь, сочувствие, сопереживание, одобрение, критику, построение силлогизмов* и т. д.

В категориях семантических примитивов А. Вежицкой разговор по душам будет иметь следующий вид:

- говорю: ...*
- говорю это, потому что хочу, чтобы мы говорили разные вещи друг другу*
- думаю, что и ты хочешь, чтобы мы говорили разные вещи друг другу*
- думаю, что мы будем говорить искренне о том, что каждого из нас по-настоящему волнует.*

Еще раз подчеркну, что разговор по душам открывает возможности суггестии особого рода — кооперативной актуализации. Мы подробно говорили о психологическом механизме такого воздействия в § 2.2.2 нашей книги.

Особое место в системе вариантов речевого жанра РАЗГОВОР занимает его форма, которую мы предлагаем назвать **разговор в компании**. Если, как справедливо отмечал И. А. Стернин [2003], русские

люди не любят светский разговор, то разговор в компании — жанр, чрезвычайно распространенный в межличностном общении наших соотечественников. Более того, то место, на которое безуспешно пытаются поставить светскую беседу как эталонный, цивилизованный вид нейтрального общения без усилий занимает именно этот жанр. По нашему мнению, это — центральный жанр нейтрального общения, распространенность которого выходит далеко за пределы одного этноса: разговор в компании — интернациональный речевой жанр, поддерживаемый многими лингвокультурами.

Итак, разговор в компании — это, как правило, полилог, в котором принимают участие более двух коммуникантов. Это обычно неофициальное, но публичное коммуникативное взаимодействие людей, достаточно хорошо друг с другом знакомых. Этот жанр оформляет и нормативно упорядочивает обширное пространство повседневной коммуникации, куда входит неофициальное общение, и людей, объединенных одной профессией (например, разговор в школьной учительской или на кафедре в вузе), и индивидов, связанных общим увлечением (автомобилистов, рыбаков, любителей бани и т. п.). Сюда же следует отнести многие формы речевого взаимодействия родственников и друзей (например, застольное общение).

Разговор, записанный в московских Селезневских банях. Три голоса: бас (Б), сиплый (С), дискант (Д).

С — *Вчера домой пришел// Литрушку пива взял// Водочки грамм сто пятьдесят [писят]//*

Б — *Грамотно//*

С — *Все употребил/ прилег// Ну/ че мне? И не пошел в гараж//*

Б — *Ну это можно/ конечно... Но мы ж не пить... Мы посидеть/ поговорить/ пообщаться//*

Д — *У нас один есть мужик// У него чет там/ с печенью/ не помню/ как зовут... Он приходит/ мы как полагается/ выпиваем// Так он грип/ Вы мне тоже налейте// Пить не буду/ я просто/ посижу...*

Б — *Да// Компания...*

Д — *И ты знаешь/ мы пьем/ а он пьянеет// Смотрит на нас/ и косеет// Представляешь?*

Б — *Это бывает...*

Тематические ограничения в этом варианте разговора не так строги, как в общении светском. Более того, допускается умеренная конфликтность, но исключаются проявления прямой агрессии (можно

спорить, но нельзя переходить на личности; можно говорить колкости и подшучивать, но нельзя оскорблять).

Общую семантику *разговора в компании* воплощает концепт «**дружелюбие**».

Анализ речевого материала, представляющего речевой жанр *разговор в компании*, не позволяет однозначно отнести его к одной из горизонталей транзакционного анализа Э. Берна. Здесь можно обнаружить практически все виды параллельных симметричных транзакций: и РОДИТЕЛЬ — РОДИТЕЛЬ; и ВЗРОСЛЫЙ — ВЗРОСЛЫЙ; и ДИТЯ — ДИТЯ. В этом смысле рассматриваемый вариант жанра РАЗГОВОР уникален.

Обращение к лингвокультурной практике представителей разных этносов, основанное на существующих в науке сведениях, и собственный опыт общения автора позволяет говорить о несовпадениях в речежанровой идентичности. Представим их в таблице 3.

Таблица 3

**Речежанровая идентичность вариантов жанра
РАЗГОВОР в бытовом метаречевом сознании
представителей разных лингвокультур**

Этносы	Варианты речевого жанра РАЗГОВОР			
	Р бытовой	Р в компании	Р светский	Р по душам
Русские	+	+	–	+
Поляки	+	+	+	–
Немцы	–	+	–	+
Англичане	–	+	+	–

Отличия в эмоционально-концептуальном наполнении жанровой лингвокультурной картины мира Г. Г. Слышкин предлагает называть **концептуальным диссонансом** [Слышкин 2005: 53]. Он влияет на формирование этнического сознания и проявляется в оценках поведения представителей чужого этноса. В лингвокультурологии эта проблема разрабатывается достаточно давно и обычно обозначается как «русские глазами англичан, немцев, поляков и т. п.» и, наоборот, «англичане, немцы и т. п. глазами русских» и т. п.

Приведем несколько высказываний, содержащих рефлексию о речевом поведении представителя не своего этноса.

Русские о поляках

Русская девушка о своем друге-поляке.

— *Он никогда не говорит/ что думает// Он все время закрыт/ не ясно/ что у него в душе// Вообще все поляки такие// Вроде вежливые/ галантные// Но холодные и неискренние//*

Русские студенты о приятеле-поляке.

— *Мы знаем Г. уже три года/ он хороший друг/ с ним хорошо пивка попить// Он легкий в общении// Но он никогда не бывает искренним// Даже когда пьяный//*

Русские о немцах

Молодой человек, проживший в Германии шесть лет.

— *Немцы любят поговорить по душам// Но с ними тяжело// Если немец к тебе плохо относится/ он не успокоится/ пока все тебе не выскажет// Все/ что о тебе думает// Причем выскажет безо всякой злобы/ спокойно так// И при этом/ они такие зануды// Скажешь в шутку че-нибудь/ привяжется/ Скажи/ что ты имел в виду?*

Поляки о русских

Тридцатилетний поляк, проживший в России пять лет.

— *Русские не умеют общаться с женщинами// Они все говорят грубо// Не вежливо// Надо все делать так/ чтобы не обидеть человека// Не обязательно девушке знать/ что я думаю о ней/ главное/ чтобы ей было приятно//*

— *Вы русские все время хотите знать/ что человек чувствует// А может он не хочет/ чтобы все знали// И сами все про себя говорите// А я не хочу влезать в душу// И все вы делаете грубо/ бестактно// Не вежливо//*

Немцы о русских и поляках

Тридцатитрехлетний немец своему русскому другу.

— *Вы русские/ конечно непунктуальные/ неаккуратные// Но лучше поляков// С вами поговорить можно// О жизни/ о душе// А поляки скользкие как лягушки// С ним говоришь/ а он так/ болтает что попало// В глаза тебе не смотрит// Не поймешь/ о чем думает//*

Поляки о немцах

— Я с немцами был/ тусовался// Так/ обычно/ все с русскими/ а тут немцы приехали/ по путевке// Так трудно с ними! Хуже чем с вами/ в смысле/ с русскими// Пошутишь/ а он серьезно спрашивает/ А зачем ты это сказал? Все время неприятное/ норовит сказаться// И не так как вы// Вы орете/ ругаетесь// А они спокойно так/ Ты Г. не прав/ ты делаешь неправильно// Просто устал от них//

У меня нет собственных наблюдений за рефлексией англичан о русских и русских об англичанах. Но суждений, подтверждающих правоту моих соображений, довольно много в лингвокультурологической литературе. Большой объем речевого материала обыденной рефлексии русских и англичан, характеризующей речевое поведение представителей не своего этноса, представлен в интересной и содержательной книге Т. В. Лариной [2009]. Вот, к примеру, высказывания молодого русского эмигранта, прожившего некоторое время в Лондоне:

Конечно, они [англичане] собираются в компании... но каждый платит за себя. И разговоров «за жизнь», столь необходимых русскому человеку, в таких компаниях Вы не услышите. О том, что «последнюю рубашку отдать» — такого выражения даже не существует на английском языке. После работы — «See you tomorrow!» — и ВСЕ... Как они волками по вечерам не воют — не знаю. Зато, пожив пару месяцев по-английски (я же высокомерно уезжал от российской грязи, пьянства и быдла в чистую страну прекрасных людей), завыл я. И убежал бегом без оглядки с берегов Туманного Альбиона (цит. по: [Ларина 2009: 87—88]).

Этноречевая идентичность проявляется, к примеру, в том, что англичане считают русских или грубыми ((-) в жанре *бытовой разговор*), или навязчивыми ((-) в жанре *разговор по душам*); поляки приписывают нашим соотечественникам неумение строить «вежливое общение» и излишнюю откровенность ((-) в жанре *разговор по душам*); немцы считают нас излишне легкомысленными ((-) в жанре *бытовой разговор*). Соответственно, англичане кажутся нам отчужденными и фальшивыми ((-) в жанре *светский разговор*), поляки — неискренними и хитроватыми ((-) в жанре *светский разговор*), немцы — мнительными и ригидными (несовпадение в жанре *бытовой разговор*).

Речежанровая идентичность, как уже было сказано, проявляется в обыденной лингвистической рефлексии по поводу речевого поведения представителей своего этноса.

Рефлексия, порождаемая речежанровой идентичностью в отношении к этому жанру, часто направлена на определение смысла коммуникативного намерения участников общения. Как правило, обыденная лингвистическая рефлексия в метаречевом сознании возникает в ситуациях нарушения жанровых норм речевого поведения и проявляется в оценочных суждениях. Для иллюстрации еще раз обратимся к банному дискурсу.

Приведем небольшой полилог (записан в одной из бань г. Саратова), состоящий из трех голосов (К., В., М.), на этот раз принадлежащих коммуникантам с высшим образованием.

К — ...Ты чушь несешь! Обычную чушь!

В — Это не аргумент/ понятно...

М — Ребят/ вы че/ ругаться сюда пришли? К./ ты че/ ругаться пришел? Ну вас на хер!!! Мы че/ в баню ругаться ходим?

К — Ладно/ погорячился// Беру слова назад// Был не прав//

М — Ну вот// Баня/ не место для ругани// Забудь все/ что может повредить компании// Шутить можно/ оскорблять... не годится// Понятно? Давай так/ О женах/ и о политике/ ни слова// О женах/ как о покойниках/ или хорошо/ или ну их на хер//...

Четыре описанных варианта речевого жанра РАЗГОВОР, разумеется, не исчерпывают все разновидности представленной формы межличностного общения. Его разработка — одна из насущных задач современной генристики.

3.2.2. Комплимент*

Комплимент — речевой жанр, который может претендовать на первенство по обилию литературы, ему посвященной. О нем написано довольно много статей и практических пособий, где дано много советов (в том числе — дельных), как мужчина может понравиться девушке, женщине. В науке существуют и попытки исследования лингвистической природы этого способа воздействия (см., например:

---

* Седов К. Ф. Комплимент — речевой жанр суггестивного дискурса // Жанры речи. Вып. 7. Жанр и языковая личность. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. С. 225—235.

[Зверева 1995; Иссерс 2009; Михальская 2007; Панасюк 2002б; Хорешко 2005] и др.). Однако в изучении этого жанрового образования есть еще над чем поразмыслить.

Для понимания социально-психологической природы указанного феномена продуктивно обращение к суггестивной модели межличностного общения. Основная особенность указанного подхода состоит в том, что межличностное общение рассматривается как взаимовлияние участников коммуникации, которое протекает на иррациональном уровне. В реальном социальном взаимодействии людей осознанный процесс передачи информации составляет лишь видимую часть айсберга — целостного континуума межличностного дискурса. Невидимым глазу, недоступным сознанию остается огромный массив помимовольных стимулов, неосознанных реакций, подсознательных мотивов, к числу которых можно отнести агрессию, манипуляцию, симпатию, неприязнь, ненависть, любовь, зависть, хвастовство, ревность, лесть и мн. др.

Начнем с того, что слово *комплимент* — европейского происхождения; причем этимологи не едины во мнении о том, откуда оно пришло в русский язык: то ли из французского, то ли из немецкого, то ли из итальянского. Известно, что зарождение этого жанра восходит к куртуазным традициям поэзии средневековых трубадуров. Причем поначалу комплимент был исключительно восхвалением прекрасной дамы. Позже искусство комплимента стало составляющей утонченного светского общения. По мере появления в нашей стране света, светскости комплимент прижился на почве российской культуры. Но, как пишет А. К. Михальская, после революции «скромный цветок обычного комплимента увял, так как воспринимался как нечто салонное, дворянское, буржуазное, а значит — опасное» [2007: 406]. По нашим наблюдениям, в настоящее время происходит некоторая демократизация жанра *комплимент*: он все чаще используется в качестве внутрижанровой тактики (субжанра) в таких разновидностях речевого жанра *разговор*, как *разговор в компании* и даже — *болтовня (бытовой разговор)*.

Для понимания коммуникативных границ описываемого нами речевого феномена необходимо отграничить рассматриваемый речевой жанр от сходных явлений: жанров *похвала* и *лесть*.

С похвалой комплимент находится в отношениях первичности — вторичности: *похвала* — первичный жанр, составляющий ячейку

низшего уровня континуума повседневной коммуникации; *комплимент* — риторический жанр, предполагающий специальные умения, искусность в построении общения. (См. другую точку зрения в: [Федосюк 1997; Леонтьев 1999].) В системе семантических примитивов А. Вежбицкой *похвала* может быть описана следующим образом:

*знаю, что ты совершил X
считаю, что это хорошо
говорю тебе, что это хорошо*

Приведем несколько примеров похвалы:

- *Мама! А я пятерку по химии получил!*
- *Умница!*
- *За здоровьем надо следить. Вот я каждый день пробежку делаю!*
- *Это я одобряю. Это правильно.*
- *Я пять книг прочла за лето. По психологии.*
- *Это хорошо. Это ты молодец.*

Цель похвалы — оценка поступка, цель комплимента — изменение эмоционально-психологического состояния адресата; тема высказывания здесь может быть любой. Более того, говоря комплимент, человек ищет повод для восхваления; оцениваемый объект подбирается для манипулятивной цели. Комплимент — это как бы упреждающая похвала; он содержит преувеличенную положительную оценку того, что собеседник более всего хотел бы иметь в своем личностном наборе.

Еще одно важное отличие. Похвала — это всегда *пристройка сверху*. Хвалить может только человек, статусно, интеллектуально и т. п. стоящий выше. Похвала равного или стоящего ниже по статусу может быть воспринята негативно. Она может создать элемент фрустрации, унижать.

В качестве примера приведем ситуацию. На корпоративном застолье член коллектива, имеющий статус руководителя, произносит тост. Его коллега, равный по возрасту, но несколько ниже по статусу, произносит:

- *Молодец. Хорошо сказал.*
- *Я не нуждаюсь в оценках. Нечего меня оценивать. Себя оценивай.*

Комплимент же — это *пристройка сбоку*, это общение, предполагающее некое равноправие. Именно поэтому трудно реализовать этот жанр в статусно неравноправном, асимметричном общении: если комплимент говорит подчиненный, он часто сбивается на лесть; если начальник подчиненному — он воспринимается как похвала. Когда же старший по возрасту и статусу, например профессор в летах, произносит комплимент молодой женщине, например лаборанту кафедры, то на уровне гендерных отношений возникает элемент равенства: говоря комплимент, мужчина как бы посылает сигнал: «Я рассматриваю тебя как гендерного партнера и ценю в тебе это качество». То же самое происходит, когда комплимент произносит человек моложе и статусом ниже.

Лесть, так же как и комплимент, — речевой жанр манипуляторского воздействия. Это тоже риторический жанр, которому человек учится специально и применяет для манипуляции.

В отличие от комплимента, лесть — это *пристройка снизу*. Льстящий всегда находится в позиции статусно более низкой, говоря льстивые слова, он как бы пригибается перед объектом восхваления. Именно поэтому попытка произнести комплимент начальнику довольно часто оборачивается лестью. Коммуникативная цель лести точно такая же, как и комплимента, — доставить эмоциональное поглаживание адресату путем преувеличенной положительной оценки каких-то свойств его личности. Однако более существенное отличие в том, что *лесть* представляет собой разновидность лжи, т. е. осознанного искажения фактов реальной действительности; это манипуляция, при которой человек преувеличивает, вплоть до гиперболоизации, достоинства, качества личности, возможности и успехи «значимого другого».

В системе семантических примитивов А. Вежбицкой лесть может иметь следующее описание:

*хочу, чтобы тебе было приятно
говорю неправду о чем-то хорошем про тебя
чувствую, что тебе это будет приятно*

Приведем пример:

После конференции аспирант подходит к профессору.
— *Вы как всегда сделали просто блестящий доклад. Все были просто в восхищении!*

Лесть — речевой жанр, который не поддерживается российской этнокультурой (как и многими другими). Конечно, есть люди, воспринимающие лесть благосклонно. Но, как правило, это ущербные или неразвитые в культурном и коммуникативном отношении личности. На подавляющее большинство обычных представителей русского этноса лесть оказывает негативное, «тошнотворное» воздействие. Именно поэтому льстящий человек часто не достигает коммуникативной цели: вместо положительных эмоций адресат лести начинает подозревать льстеца в неискренности, а как следствие — в негативном отношении к себе.

Неискренность льстеца выдают невербальные компоненты общения. Эксперименты психолингвистов позволяют сделать важный вывод: невербальные компоненты первичны в процессе порождения речи. Иными словами, в тот момент, когда в мозге только начинает зарождаться коммуникативное намерение (установка на ту или иную тональность и модальность сообщения), электрохимический импульс идет не к мышцам, отвечающим за речевую моторику, а к тем тонким мышцам, которые окружают наши глаза, к мышцам, которые отвечают за мимические проявления, к мускулатуре рук и всего тела.

Как справедливо отмечает известный специалист по невербальному общению В. П. Морозов, при речевом общении человек прежде всего озабочен восприятием смысла слов. Интонационно-тембровый «аккомпанемент» звуковой речи является как бы вторым планом нашего сознания и в большей степени подсознания. Это вызвано тем, что невербальные средства общения имеют более древнее эволюционное происхождение и, соответственно, более глубоко расположенные области мозгового представительства. Так, например, помимо центров в правом полушарии, мощнейший центр регулирования эмоционального поведения находится в лимбической системе мозга. Непроизвольность и подсознательность невербального поведения человека (не только голосового, но и двигательного — жест, поза, мимика) часто выдает истинные намерения и мнения говорящего, противоречащие его словам [Морозов 1998: 20].

Именно поэтому человека по его невербальным проявлениям можно читать «как открытую книгу».

Не менее важно то, что в ходе устного межличностного общения собеседники на полуосознанном и бессознательном уровне испытывают воздействие невербальных сигналов друг друга. Это дает большие возможности для организации скрытого воздействия на собеседника, и прежде всего — для построения самопрезентации.

Поскольку льстец лжет, причем сознательно, то интонационный рисунок его дискурса, мимика, жестика — все вступает в конфликт с содержанием высказываемого восхваления. Голос становится фальшивым, взгляд скользит в сторону и т. д.

Вернемся, однако, к комплименту.

А. Вежбицка дает следующее описание этого жанра:

КОМПЛИМЕНТ

говорю: о тебе можно сказать нечто хорошее

чувствую, что тебе это будет приятно

говорю это, так как хочу, чтобы тебе было приятно [2007: 241].

Коммуникативная цель комплимента (согласно модели Т. В. Шмелевой) — продуктивная манипуляция, направленная на улучшение эмоционально-психологического состояния адресата. Ср.:

- 1) человек услышал в свой адрес комплимент по поводу определенного качества его личности;
- 2) благодаря функционированию установки на желательность этого качества, оно на уровне подсознания принимается за реальность;
- 3) возникает чувство удовлетворения;
- 4) чувство удовлетворения всегда сопровождается возникновением положительных эмоций (чувство приятного);
- 5) возникшие положительные эмоции связываются по закону ассоциаций с их источником и переносятся на того, кто их вызвал;
- 6) в соответствии с законом максимизации награды возникает притяжение к этому человеку, т. е. аттракция [Панасюк 2002б: 223].

Таким образом, комплимент — это не только средство доставить удовольствие собеседнику, но и средство понравиться, вызвать у собеседника положительные эмоции по отношению к автору высказывания.

Взаимоотношения автора и адресата в рамках внутрижанрового взаимодействия, как уже было сказано, предполагают определенный момент статусного равноправия. Причем это не обязательно равно-

праве официально-делового типа. Чтобы произнести комплимент, автор должен почувствовать, что он равен адресату на одной из плоскостей бытия, в одной из социальных сфер: интимно-личностной, профессиональной, бытовой и т. п. Еще раз подчеркнем, что комплимент — это воздействие, которое начинается путем *пристройки сбоку*.

Чтобы вызвать у собеседника положительные эмоции, нужно хотя бы в общих чертах представлять себе его личностные особенности, в том числе — особенности его речевого портрета. Наблюдения показывают, что один и тот же человек разным адресатам говорит комплимент по-разному. Приведем примеры комплиментов, сказанных одним и тем же мужчиной (принадлежащим к рационально-эвристическому типу языковой личности) в однотипных ситуациях различным женщинам:

1. (Адресат — инвективная личность) — *Ну/ ты красотка/ просто класс!//*

2. (Адресат — рационально-эвристическая личность) — *Да/ ты сегодня хорошо выглядишь!//*

3. (Адресат — куртуазная личность) — *Вот смотрю я на тебя/ и люблюсь!// Просто глаз радуется!//*

Можно отметить, что если в первом комплименте говорящий использует эмоциональную лексику, во втором — он ограничивается констатацией факта, а в третьем — облакает похвалу в форму косвенного высказывания.

Событийное, иначе — тематическое, *содержание* текста комплимента — сфера личностных особенностей адресата.

1. Самая распространенная тема комплиментов — *внешняя привлекательность адресата*:

— *Вы, как всегда, безупречно элегантны.*

2. Констатация несоответствия внешнего вида возрасту:

— *Вас трудно отличить от студенток.*

3. Наличие обаяния, вкуса:

— *Сразу видно женщину со вкусом.*

4. Коммуникативная компетентность:

— *Только вы умеете так легко находить общий язык с детьми.*

5. Уровень интеллекта:

— *До чего же приятно поговорить с умным человеком.*

6. Профессиональные качества:

— *Сразу видно мастера своего дела.*

7. Черты характера (доброта, чуткость, отзывчивость):

— *Не знаю, как у вас получается каждому что-то хорошее сказать.*

На оси времени можно выделить **инициативные** и **реактивные** комплименты. Первые — манипуляция первого порядка, вторые — комплимент в ответ на комплимент, например:

— *Вы так чудесно выглядите!*

— *Спасибо. Вы тоже.*

По своему языковому воплощению комплимент может быть безгранично разнообразен: от комплимента в форме прямой похвалы, похвалы с употреблением сложных риторических тропов (сравнений, метафор и т. п.) до намеков и утонченных параллелей:

— *Это ваша дочь. Простите, я решил, что вы сестры!*

На основании критерия «способ построения манипуляции» можно выделить следующие типы комплиментов. Все комплименты находятся между двумя полюсами «прямой / косвенный». Прямое высказывание — выказывание, которое содержит прямую оценку кого-то или чего-то; косвенное — непрямую оценку.

1) Комплимент-похвала. Прямая:

— *Что-то ты сегодня чудо как хороша.*

Здесь аттракция строится на основе прямой похвалы. Большинство приведенных выше примеров иллюстрирует эту разновидность жанра.

Косвенная. Эта разновидность комплимента чаще всего представляет собой описание впечатления, которое возникает при восприятии адресата:

- *Вот гляжу на тебя, и просто глазам больно: до чего хороша!*
- *Вот всегда, когда с тобой пообщаюсь, иду, прямо на крыльях лечу.*

2) Опосредованный комплимент (прямой и косвенный).

Разновидность комплимента, в котором манипуляция строится на основе похвалы не самого адресата, а — близких ему людей (чаще всего — детей) или животных.

Прямой:

- *У вас такие милые воспитанные дети. И такие красивые.*

Косвенный:

- *Ничего удивительного, что у такой мамы такие красивые и умные дети.*

3) Комплимент-перевертыш.

Здесь используется только косвенное воздействие путем применения форм жанров негативной фатики (обвинение, упрек и т. п.):

- *Ну знаешь, это просто безобразие... Быть такой красивой!*

4) Комплимент путем самоунижения.

А. Ю. Панасюк считает такой тип комплимента комплиментом стопроцентного действия:

Эффект любого комплимента, любой похвалы, — пишет ученый, — определяется тем, что говорящий как бы приподнимает статус, личностную или социальную значимость того, кому эти слова адресованы. И это приятно потому, что каждый человек (за редким исключением) стремится быть лучше, выглядеть в глазах других людей лучше. <...> Ну, а если говорящий при всем этом принижает себя в его глазах: «Знаете, я завидую Вашему умению!...» или: «Что Вы, у меня так никогда не получится!» — тогда эта «дистанция» возрастает еще больше, а чувство «законной гордости» становится еще сильнее, еще ярче! [Панасюк 2002б: 219].

Опять-таки высказывание может иметь прямой и косвенный вид.

— Ну, куда мне новую специальность открывать! У меня не тот размах, не то что у вас!

Можно сформулировать несколько ключевых признаков, наличие которых делает комплимент комплиментом.

а) **Достоверность.** Содержание фразы-комплимента должно в целом соответствовать действительности. Преувеличение достоинств адресата превращает комплимент в лесть.

б) **Искренность.** Говоря комплимент, нужно верить в то, о чем говоришь. В противном случае он становится либо неумелой лестью, либо неискренней похвалой.

в) **Ситуативность.** Произнося комплимент, хвалить надо то, что соответствует ситуации общения. Если девушка-студентка, выступившая на конференции с докладом, на свой вопрос «ну как?» услышит «ты была прекрасна», она может принять комплимент за колкость.

г) **Уместность.** Этот критерий касается статусно-ролевых отношений, которые определяют, насколько уместен комплимент одного человека другому. Так, например, юному студенту «не по чину» говорить комплимент женщине-декану. А вот, к примеру сказать, девушка-студентка может вернуть фразу о внешности мужчины-преподавателя.

д) **Индивидуальность.** Этот критерий необходим для того, чтобы комплимент достиг своей коммуникативной цели. Он может быть выражен просто: разным людям комплимент надо делать по-разному. Мы уже говорили о том, что в реальном общении люди меняют свой стиль комплимента, обращаясь к разным людям.

Учет индивидуально-личностных особенностей — это не просто риторическая рекомендация, это важные критерии жанровой чистоты. Комплимент — речевой жанр, в основе которого лежит очень тонко организованная манипуляция сознанием адресата. В сущности, содержанием комплимента могут быть только те качества, которые имеются у человека в недостаточном, по его мнению, количестве. Что толку говорить фотомодели, чьи фотографии заполняют журналы, о ее красоте. Это все равно что хвалить филолога с высшим образованием за умение писать без ошибок. Комплимент должен быть устремлен в зону ближайшего развития; он должен содержать положительную оценку того, в чем адресат не совсем уверен. А узнать это

можно, только пристально вглядываясь в партнера по коммуникации, проявляя идентификацию и эмпатию.

Еще раз подчеркну: комплимент — речевой жанр, который воплощает в себе продуктивную манипуляцию. Стоит чуть-чуть нарушить основные требования к нему, и он начинает восприниматься как жанр противоположной (отрицательной) манипуляции — колкость. Чтобы это понять, отметим и то, чего не должно быть в комплименте помимо того, о чем уже шла речь.

- Комплимент не должен содержать двусмысленности.

Однажды молодой человек написал СМС-сообщение в форме комплимента очень мнительной девушке: «Ты столь же прекрасна, сколь умна!» Девушка, как рассказывала ее подруга, две недели мучилась мыслью: «Что он хотел сказать: что я страшная дура или умная красавица?»

- Комплимент не должен содержать поучений и рекомендаций. Любое назидание разрушает психологические поглаживания.
- Банальный комплимент не достигает цели.
- Гиперболизация превращает комплимент в лесть.
- Ядовитая добавка превращает комплимент в колкость.

Существует масса рекомендаций по поводу того, как нужно говорить (писать) комплименты. В значительной мере умение делать комплименты можно считать показателем уровня коммуникативной компетенции человека.

3.2.3. Анекдот*

Анекдот в пространстве российской словесности располагается в диффузной зоне между повседневным общением и художественной речью. Это своего рода жанровый кентавр, который совмещает в себе признаки фольклора и разговорной речи. По отношению к авторскому литературному творчеству анекдот играет роль лаборатории, где происходит кристаллизация форм эстетики словесного творчества, и одновременно почвы, которая питает «большую» литературу. И потому вполне уместна постановка проблемы поэтики анекдота

---

* Седов К. Ф. Анекдот // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 137—148; Предисловие к книге: Седов К. Ф. Психоллингвистика в анекдотах. М.: Лабиринт, 2005. С. 5—15.

как элемента художественной словесности [Чиркова 1997]. Не менее справедливым будет и иной аспект рассмотрения этого интереснейшего объекта филологического изучения: анекдот как специфический речевой жанр, как составляющая обширного тела бытового социально-коммуникативного взаимодействия наших современников. В связи с этим сразу возникает серия вопросов: как и в каких коммуникативных условиях рождается анекдот? кто и где рассказывает его? какие цели при этом преследуют говорящий и слушающий? какие психологические механизмы вызывают в памяти тот или иной сюжет? и т. д. и т. п.

Анекдот всегда пуповиной связан с реальным фактом. Даже если основные события его сюжета вымышлены, они проверяются действительностью: так могло бы быть. Даже если в нем действуют фантастические герои, звери; даже если его действие происходит в ирреальных пространствах — на том свете, в космосе, на Луне и т. д., — в изображаемых поступках героев угадываются знакомые контуры обыденных повторяющихся ситуаций социального взаимодействия людей. В идеале факты реальной действительности, которые находят отражение в анекдоте, проверяются в жанрах рассказа и сплетни. Только после этого, выдержав испытание по признаку типизации, они становятся фабульной основой анекдота. Реальность, которая рождает фабулу анекдота, — это реальность особого рода: она тяготеет к крайним, экзистенциально-смеховым проявлениям бытия. Только типичный и запредельный в своей забавности случай может лечь в основу анекдота. При этом важно понимать, что тот, кто в первый раз рассказывает анекдот, — не автор, а медиум, чьими устами говорит коллективное бессознательное этноса.

Анекдот — жанр фатической коммуникации. Его прагматический смысл в том, чтобы повеселить окружающих. А. Вежбицкая таким образом описывает анекдот а системе категорий элементарных смысловых единиц:

*говорю: я хочу, чтобы ты себе представил, что случилось X
думаю, что ты понимаешь, что я не говорю, что это случилось
говорю это, потому что хочу, чтобы ты смеялся
думаю, что ты понимаешь, что люди говорят это друг другу, чтобы
смеяться [Вежбицкая 1997: 108].*

Действительно, желание насмешить — основная цель, которую преследует говорящий в этом жанре. И, как совершенно справедливо замечает Вежицкая, анекдот предполагает соучастие слушателя: анекдот нужно не только уметь рассказывать, но и уметь слушать. Он предполагает определенную культуру восприятия, основанную на элементах речевой компетенции. Как справедливо отмечают в своей совместной статье А. Д. Шмелев и Е. Я. Шмелева, «рассказывание анекдота — это не повествование, а представление, производимое единственным актером» [Шмелев, Шмелева 1999: 133]. Для того чтобы состоялась внутрижанровая интеракция в рамках жанрового сценария, говорящий и слушающий должны знать и принимать определенные условия игры. Главное здесь — ориентация на особый тип прагматической ситуации, который представляет реализацию особого типа вербального мышления — репрезентативно-иконического. Подобная разновидность общения относится к наиболее древним формам коммуникации, включающим в себя не только сугубо языковые, но и невербально-изобразительные знаковые формы — жесты, звукоизобразительные элементы и т. п. Наиболее часто такой тип речевого взаимодействия можно встретить в общении дошкольников и младших школьников или же в бытовой речи сельских жителей. Основная особенность такой прагматической ситуации в том, что коммуникация строится таким образом, будто говорящий и слушающий в момент порождения речи одновременно созерцают изображаемые события. Реалии пространства и времени здесь сведены к минимуму. Особенно это относится к временным характеристикам: они либо редуцируются (и тогда ясно, что действие происходит в наши дни), либо обозначают некую исторически конкретную точку отсчета.

Мужик заходит в трамвай:

— Кто на меня?

Встает здоровый амбал:

— Ну, я!

— А тебя как зовут?

— Ну, Миша!

(жест, обозначающий стремление приобнять)

— Кто на нас с Мишей?!

Тысяча девятьсот сорок третий год. Сталин пишет в своем дневнике: «Теперь я понял: немцы не за нас!»

Репрезентативно-иконический тип общения обуславливает лаконичность анекдотного дискурса. Стоит хоть немного изменить тональность, добавить нарративно-аналитических элементов, и обаяние рассеивается. Именно в этой артистической изобразительности состоит талант рассказчика, когда говорящий не столько рассказывает, сколько показывает. В наибольшей степени таким талантом обладал великий анекдотчик советского времени Юрий Владимирович Никулин. Кстати сказать, в многочисленных сборниках анекдотов, которые наполнили сейчас книжный рынок, исконный дискурс чаще всего невольно олитературируется составителями, что убивает вкус, обаяние анекдота.

Не раз отмечалось, что анекдот как речевой жанр непосредственно связан с ситуацией общения и темой разговора. Эффектнее всего звучит анекдот, рассказанный кстати, по ассоциации. Ассоциативный принцип возникновения в сознании рассказчика темы анекдота выступает одной из главных психолингвистических черт его функционирования. Иначе говоря, анекдот, как правило, рассказывается «кстати», по случаю. Причем в реальном бытовом общении анекдот становится жанром в жанре, он как бы сопровождает другие виды повседневной коммуникации — болтовню, дружеское общение, застолье и т. п. Вот, к примеру, болтовня — жанр, предполагающий ассоциативное соскальзывание с одной темы на другую. Предположим, разговор заходит о вчерашнем выступлении по телевизору премьера, предлагающего очередную экономическую программу. И сразу, по ассоциации, «на эту тему есть анекдот»:

Нищий заходит в булочную, спрашивает у продавца:

— У вас булочки свежие?

— Свежие.

— Правда свежие?

— Правда.

— А с изюмом есть?

— Есть.

— А изюм свежий?

— Свежий.

— Подайте, Христа ради, булочку.

Другой пример. Кто-то из собеседников жалуется на здоровье: все, дескать, болит, старость, дескать, не радость. И тут же, по ассоциации, анекдот.

Мужик заходит к врачу.

— *На что жалуетесь?*

— *Понимаете, доктор, все болит, все тело (тыкает себя пальцем): вот тут (в голову) болит, вот тут (в живот) болит, вот тут (в ногу) болит — все болит.*

Врач посмотрел:

— *Слушай, мужик, да у тебя же палец сломан.*

Ассоциативный принцип может «работать» по-разному. Иногда анекдот выступает в единственном числе, сопровождая и иллюстрируя намеченную в разговоре тему. Но бывает и так, что, рассказанный по ассоциации, анекдот сам становится пусковым механизмом для других анекдотов. Тогда собеседники начинают «травить анекдоты», т. е. анекдоты составляют основное содержание разговора. В качестве примера приведу начало подобного разговора:

А. — Хорошо на даче. Комары только замучили, черти.

Б. — Кстати о комарах. Анекдот.

Летят два комара. Смотрят: слон. Один другому:

— *Смотри, сколько мяса.*

— *Нам бы его только завалить, а там — до смерти запинаем.*

А. — Кстати о слонах. Анекдот.

Слон сидит дома, телевизор смотрит. Вдруг звонок в дверь. Он выходит: за дверью никого. Только опять уселся — опять звонок. Он опять выходит: никого. Что за черт. Пригляделся: на кнопке звонка маленький комар сидит и ногой на нее давит.

— *Ты чего?*

— *Слониха дома?*

— *Нет.*

— *Ну тогда передай ей, что прилетал Эдуард.*

Дальше идут анекдоты из семейно-интимного цикла «муж — жена — любовник» и т. д.

Ассоциативный механизм порождения анекдотных дискурсов облегчается тем, что текст анекдота всегда группируется вокруг ключевой фразы. Такие фразы обычно заносятся любителями этого жанра для памяти в записную книжку. Вот, например, запись: «Анекдот о французских женщинах. Это не повод для знакомства». А теперь — полный текст анекдота.

Встречаются в Брюсселе англичанин и француженка.

— *Здравствуйте, мадам!*

— *Простите, мсье, я вас не знаю.*

— *Как же так, разве вы не помните: месяц назад в Париже мы с вами провели вместе восхитительную ночь?!*

— *Возможно, но это не повод для знакомства.*

Важно понимать то, что анекдот не просто воспроизводится рассказчиком в качестве готового речевого произведения: отталкиваясь от ключевой фразы, говорящий каждый раз заново творит текст. И характер, успех этого творчества зависит и от настроения собеседника, и от ситуации, которая вызвала в его сознании ассоциацию, и от аудитории. Приведенный выше анекдот мог выглядеть и несколько иначе: в мужской аудитории он мог быть более откровенен (и даже скабрёзен), вместо англичанина одним из героев мог быть и русский турист, и встретиться герои могли не в Брюсселе, а, скажем, в Москве и т. д. и т. п. Рассказчик анекдота может быть уподоблен джазисту, импровизирующему на заданную тему. Кстати, именно этим объясняется бесчисленное множество вариантов, которые приводятся в разных сборниках.

Нужно сказать, что именно ключевые фразы анекдотов входят в языковые сознания носителей того или иного языка на уровне клишированных приговорок, составляющих речевую субкультуру, о которой у нас уже шла речь в первом разделе статьи.

Особо нужно остановиться на психолингвистическом механизме смыслового восприятия анекдотов. Как уже было сказано, адекватное понимание анекдота предполагает наличие особого рода речевой компетенции, где, кроме чувства юмора, неизбежно предполагается умение распознавать неявно выраженный смысл. Как никакой другой жанр, анекдот ориентирован на встречную мыслительную активность воспринимающего, адресата. В анекдоте всегда есть элемент недосказанности, требующей усилия по реконструкции изображаемой ситуации. Только после такой реконструкции обнажается нелепость, противоречивость, алогичность ситуации, что, собственно, и вызывает смех. Приведем пример.

Старик приходит домой. Говорит бабке:

— *Слушай, как новые русские изменились, какие вежливые стали.*

— *С чего ты решил?*

— *Да иду сегодня через дорогу, вдруг в метре от меня — машина, «мерседес». Оттуда здоровый мужик в красном пиджаке выскочил*

и говорит: «Для вас, козлов, подземных переходов наделали, а вы через дорогу прете!»

— Ну, и где тут вежливость?

— Как где? Во-первых, он ко мне на «вы» обратился, во-вторых, по фамилии назвал.

Чтобы понять суть этого анекдота, слушатель должен, поочередно встав на точки зрения разных героев, выяснить, что здесь налицо коммуникативное недоразумение: что старик и обладатель «мерседеса», вообще говоря, имели в виду разные вещи. Еще пример.

Женщина пришла к гадалке. Та раскинула карты.

— Вы знаете, вас ждет страшное событие: у вас завтра умрет муж!

— Это-то я знаю. Вы лучше скажите: меня поймут?

Понимание анекдота такого типа требует от слушателя дополнительных речемыслительных усилий по реставрации пропущенного логико-смыслового звена.

Переходя к социолингвистическому аспекту рассмотрения феномена анекдота, нужно прежде всего указать на то, что В. С. Елистратов называл «герметическим комплексом», т. е. потребность людей делиться на большие и малые социальные группы. И в самом деле: анекдот способен выполнять роль пропуска, лакмусовой бумажки, отличающей «наших» от «ненаших» (см.: [Елистратов 1995]).

Особенно успешно подобную роль играл политический анекдот, расцвет которого наметился в брежневские застойные времена. На пример.

Армянскому радио задают вопрос:

— Почему стали падать советские космические корабли?

— Они цепляются за возросшее благосостояние советских людей.

Кроме деления по политическому принципу, анекдот может обслуживать интересы малых социальных групп. К примеру сказать, существуют анекдоты про студентов, медиков, про школу и т. п. Пример медицинского анекдота.

На экзамене профессор спрашивает студентку:

— Может ли родить женщина, у которой отсутствует евстахиева труба?

— *Н-нет?*

— *Правильно, кому она, глухая, нужна.*

Строго говоря, анекдот — жанр по преимуществу мужского общения. Женщины, как правило, анекдоты рассказывают плохо. Главным образом это связано с ориентацией женщин в бытовом общении на жанр болтовни, содержащей такие субжанры, как сплетня, рассказ об увиденном и т. д. Рискну объяснить такое жанровое пристрастие и особенностями дискурсивного мышления представителей слабого пола: тяготением к конкретным фактам, а не к обобщающим образам. Да и не все, по правде сказать, анекдоты можно рассказывать при женщинах. Это обусловлено фундаментальной особенностью этого жанра, который в своих ядерных формах непечатен. С этим, кстати сказать, связана сама этимология слова *анекдот* — неизданный (а точнее, то, что не может быть напечатано). Мужская природа анекдота, к примеру, может быть подтверждена тем фактом, что существует огромное количество анекдотов про тещу и мизерное — про свекровь.

В юридическом институте. Преподаватель спрашивает студента:

— *Какое наказание предусмотрено за такое правонарушение, как двоеженство?*

— *Две тещи.*

Забавно то, что содержанием анекдота может быть коммуникативная ситуация другого жанра. Так, например, излюбленный объект изображения в анекдоте — жанр бытового общения, который может быть обозначен как *колкость*. Известно, что люди иногда говорят друг другу колкости («гадости»). В анекдотах такая способность выглядит как примета сугубо женской речи. Можно даже выделить особую рубрику под условным названием «Беседуют подруги».

Две старые подруги разговаривают:

— *Какие мы были с тобой когда-то красивые, особенно я...*

— *А теперь мы такие страшные, особенно ты...*

Отмеченная особенность рассматриваемого речевого жанра связана с другой его приметой, с тем, что все тот же Елистратов (применительно к аргю) называл кинетическим комплексом. Кинетический комплекс — явление, противоположное отмеченному выше комплексу герметическому. Он характеризует анекдот как средство единения

людей на основе общего противостояния официальной (точнее, официозной) культуре.

Интерфункция анекдота — в противоборстве давлению насаждаемой сверху идеологии. Чем сильнее противостояние «верха» и «низа» в конкретный момент общественного развития, тем ярче проявляет себя неофициальное, народное творчество. Оптимальная для расцвета жанра анекдота культурная ситуация сложилась у нас в России в постсталинский период. Хрущевская «оттепель», значительно ослабив гайки механизма подавления личностного начала, самой государственной тоталитарной машины сломать не смогла. Если до этого страна напоминала нечто среднее между казармой и гигантским концентрационным лагерем, то теперь она стала смахивать на столь же огромный сумасшедший дом, обитатели которого все чаще осознавали абсурдность собственного бытия. Ситуация двоемыслия, которая уже наметилась в культуре раньше, теперь становилась очевидной для все большего числа граждан. При этом принципиально сменилась тональность в соотношении сил противостояния: на смену страху пришел смех. Именно в это время мы можем констатировать апогей развития жанровых форм анекдота.

И здесь мы подходим к фундаментальному свойству анекдота как речевого жанра — принадлежности его к народному смеховому началу. Именно смех составляет основу анекдота и его главную иллюкутивную силу. В этом смысле никак нельзя согласиться с утверждением Ефима Курганова о том, что анекдот «не относится к области юмористики» [Курганов 1997: 25]. Анекдот — речевой жанр, основная функция которого веселить. Непонимание этого продиктовано непониманием мирозерцательной, возрождающей функции смеха как явления культуры.

Настоящий смех, — пишет М. М. Бахтин, — амбивалентный и универсальный, не отрицает серьезности, а очищает и восполняет ее. Очищает от догматизма, односторонности, окостенелости, от фанатизма и категоричности, от элементов страха или утрашения, от дидактизма, от наивности и иллюзий, от дурной одноплановости и однозначности, от глупой истошности. Смех не дает серьезности застыть и оторваться от незавершимой целостности бытия [Бахтин 1990: 137].

Смех, явленный в современном народном анекдоте, восходит к смеховой философии, составляющей основу народного карнаваль-

ного мироощущения, концепцию которого, как известно, разработал Бахтин. Кроме прочего, карнавальный смех связан с «неофициальной народной правдой», с преодолением страха перед господствующей в обществе авторитарной силой: «все грозное становится смешным». Такой смех, «победивший страх перед тайной, перед миром и перед властью, безбоязненно раскрывал правду о мире и о власти. Он противостоял лжи и восхвалению, лести и лицемерию. Эта правда смеха снижала власть, сочеталась с бранью — срамословием» [Бахтин 1990: 106]. И в этом смысле современный народный анекдот предстает в виде ярких осколков, в которых сверкает и переливается оптимистическое карнавальное мироощущение. Сложенные вместе осколки эти дают особое отражение — целостную картину мира. Модель мира, созданная в современном народном анекдоте, выглядит как смеховой антимир, перевертыш, в котором все иначе, чем в мире официальных догм. Официально-лживой серьезности тоталитарно-некрофильской идеологии противостоит веселая, неистребимая жизнеутверждающая энергия коллективного бессознательного, которая направлена на праздничное единение людей, которая несет в себе ощущение бессмертия, непрекращающейся жизни коллектива, этноса. Она создает тип коммуникации, который предполагает «особый коллектив — коллектив посвященных в фамильярное общение, коллектив откровенных и вольных в речевом отношении» [Там же: 107]. Потому совершенно не случайно то, что в застойные времена расцвел анекдот политический, осмеивающий косность и тупость системы. Реальные руководители государства в нем становились развенчиваемыми карнавальными королями.

После смерти К. У. Черненко в Кремле раздается звонок.

— Алло, вам, случайно, генсеки не нужны?

— Вы что, гражданин, дурак?!

— Да, и дурак, и старый, и больной.

Энергия карнавального мироощущения, скрытая как в мощном аккумуляторе в современном народном анекдоте, становится энергией, которая питает высокую словесность, и одновременно влияет на формирование национальной языковой картины мира. Если для художественной литературы анекдот стал главным образом поставщиком сюжетов, то его влияние на развитие национального языка проявлялось, как правило, в том, что ключевые предложения и целые

сферхфразовые единства уходили из анекдотов в сферу паремии. Удаляясь от ситуации общения, они, как мы уже говорили, сначала употребляются в виде фраз-приговорок, которые еще несут в себе память о контексте, их породившем. Позже эти контекстные значения кристаллизуются в значения фразеологические и т. п., воздействуя на развитие лексико-семантической системы языка.

Нужно подчеркнуть, что смех в современном народном анекдоте — это в подавляющем большинстве отнюдь не бичующий смех сатиры. Юмор в анекдоте часто построен на смехе над самими участниками общения. Это то, что Бахтин называл карнавальным самоосмеянием. Потому современный народный анекдот предпочитает тематику, связанную со сниженной сферой бытия: низкую эротику, семейные конфликты, пьянство, обжорство и т. п. Поэтому же в центре анекдота фигурирует герой-простак, в котором угадываются черты народного любимца Иванушки-дурачка, будь то Василий Иванович Чапаев, Штирлиц, чукча или Вовочка.

Встречает Петька Василия Ивановича.

— Ты че, Василь Иванович, такой грустный?

— Меня Анка опозорила.

— Да ты что! А как?

— Иду по улице, смотрю: она из окна бани мне голой ручкой машет. Захожу, раздеваюсь в предбаннике, прохожу в моечное отделение... а там комсомольское собрание.

Необходимо упомянуть еще об одной особенности смеховой модели мира, которая предстает в российском современном народном анекдоте. Дело в том, что российская смеховая традиция несколько отличается от традиции, возникшей в европейской культуре. Как справедливо отмечали в своей совместной статье Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, в русских культурных текстах наряду со смехом карнавальным — амбивалентным и жизнеутверждающим — иногда звучит и иная тональность: смех, в котором чувствуется печаль и страх. Если «в западноевропейском карнавале действует формула “смешно — значит не страшно”, то в русской смеховой традиции... — “смешно и страшно” одновременно» [Лотман, Успенский 1977: 156]. Эта традиция порождает анекдоты, основанные на так называемом черном юморе. Здесь мы сталкиваемся с имитацией кощунственного колдовского хохота. В своем «чистом» виде колдовской кощунственный смех

не смешон, а ужасен. В своих истоках он восходит к русскому средневековью, к представлениям средневекового человека о мире сатаны, о царстве грешников, стонущих в аду.

Кощунственный смех в современных народных анекдотах представлен в особом, достаточно, впрочем, многочисленном, цикле. Цикл этот включает в себя и садистские анекдоты, и анекдоты про концлагерь, и детские стихи-страшилки и т. п. Эстетическая функция таких анекдотов парадоксально состоит в объединении людей по принципу «от противного»: рассказывая анекдоты-страшилки, люди как бы объединяются в понимании ненормальности, аномальности изображенной в дискурсе реальности.

Вторая мировая война. Бухенвальд. Очередь в газовую камеру.

Маленький мальчик обращается к здоровенному эсэсовцу:

— Дяденька, а можно я с собой кошечку возьму?

— Ну, ты и садист, — сказал эсэсовец и заплакал.

Другое «отклонение» от веселого карнавального смеха — смех абсурдистский, представленный в так называемых абстрактных анекдотах. В текстах такого типа мы также имеем дело с утверждением нормы путем ее нарушения. Именно потому анекдот любит изображать нелепые несочетаемые факты.

В поезде. Мужик достает из сумки банан, солит его и выбрасывает в окно. Достает другой, солит и тоже выбрасывает. Так — третий, четвертый.

Его спрашивают:

— Что вы делаете? Зачем вы выбрасываете бананы?

— Дело в том, что я не люблю соленые бананы.

Абсурдистские анекдоты часто построены на моделировании языковых сознаний наиболее косной и тупой части населения — сознания военных. Кстати сказать, такие тексты иногда основаны на реальных высказываниях.

Преподаватель-офицер читает лекцию:

— Снаряд, вылетая из ствола орудия, описывает дугообразную траекторию.

Студент перебивает:

— Товарищ капитан, разрешите вопрос?

— Спрашивай.

— Раз снаряд летит по дуге, значит, если пушку на бок положить, то можно за угол стрелять?

— Теоретически возможно, но на практике не используется.

Притом что фабульным материалом анекдота служит реальная действительность, своеобразие его эстетического воздействия кроется в жанровой памяти, которая определяет суть поэтики анекдота, протягивая его корни к мифопоэтическим архетипам первобытной культуры, к древним ритуалам, в основе которых лежит агональное начало (подробнее см.: [Фрейденберг 1997: 163—170]).

Эти смеховые формы во многом порождения кризисных моментов в истории человечества, защитные механизмы, включающиеся в действие, как только система дает сбой. А в мифологическом понимании агон есть словесно-действенный поединок, противоборство двух сторон, стихий, ипостасей, где одна сторона олицетворяет аспект «неба», другая — аспект «преисподней». Это опасная в своей сакральности игра: победа в ней — жизнь, поражение — смерть [Чиркова 1997: 7].

Ритуально-магическая семантика древней культуры формировала карнавальное мироощущение средневековья и Ренессанса. Она же просочилась в наше время и вылилась в формы народно-поэтического творчества, наиболее ярким воплощением которых стал современный народный анекдот. Состязательность, противоборство древних обрядов определили строение текста анекдота: он основан на семантическом контрасте, смысловом сдвиге, которые обеспечивают внутреннюю конфликтность текста, необходимую для динамики его восприятия, для создания смехового эффекта. Восприятие анекдотного дискурса предполагает эффект «короткого замыкания», внезапного открытия несообразности изображаемого в речи.

Анекдот, — пишет известный специалист по русскому фольклору В. Я. Пропп, — вызывает у нас смех своим неожиданным остроумным концом. Но этот же анекдот, услышанный во второй, или в третий, или в четвертый раз, смеха не вызывает, так как неожиданности уже нет. Взрыв смеха есть некоторый скачок [Пропп 1976: 149].

Отмеченная особенность связана с важной социально-эстетической функцией анекдота — функцией эмоциональной разрядки, необходимой личности, которая испытывает психологическое воздействие (давление) официальной власти. Психологический механизм

такого рода разрядки подобен тому, что Аристотель называл катарсисом, т. е. переживанию, в результате которого происходит внутреннее очищение, духовное обновление человека. Однако катарсис, который лежит в основе восприятия анекдота, — это катарсис особого рода — катарсис смеховой. Именно он, по мнению В. И. Жельвиса, лежит в основе карнавального мироощущения.

Карнавализация жизненного уклада, — отмечает исследователь, — приводит к установлению связей особого типа, в основе которых лежит отступление от правил и норм как социальных, так и моральных, этических. <...> Перед участником «карнавального действия» открываются возможности самого фамильярного обращения с наиболее священными понятиями и нормами, принятыми в коллективе. В обстановке такого действия в контакт могут вступать абсолютно «несочетаемые» предметы и символы, самые почитаемые вещи и явления могут оказываться в шокирующем соседстве с самыми профанными. В результате нарушаются строгие, обязательные для некарнавальных будней табу, в том числе — и не в последнюю очередь — табу на употребление определенных слов [Жельвис 1997: 31].

Подобные особенности карнавального мироощущения, выражением которого, вне всякого сомнения, выступает современный народный анекдот, позволяют понять его непристойный, инвективный характер. Непристойность (непечатность) анекдота — это непристойность праздничной карнавальной площади, где отменяются запреты на брань и сквернословие.

4. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

4.1. Принципы речевого портретирования*

Одна из наиболее насущных задач, которые стоят перед современной антропоцентрической лингвистикой, — создание типологии языковых личностей, способной отражать индивидуальные особенности речевого поведения носителей языка.

Как совершенно справедливо пишет Б. М. Гаспаров, «всякое знание языка — так же индивидуально, как жизненный опыт» [1996: 99]. К настоящему времени в отечественной науке уже разработан достаточно большой набор критериев по дифференциации коммуникативной компетенции людей. Однако нужно признать, что основные открытия в этой области языковедения еще впереди. Настоящее исследование намечает новый ракурс поставленной проблемы: автора интересовали не только (и не столько) принципы описания идиостиля конкретного *homo loquens* (человека говорящего), но и (главным образом) подходы к изучению формирования речевого портрета человека, процесса становления уникального облика языковой личности.

При общности процессов становления дискурсивного мышления, путь овладения системой коммуникации у каждого индивида — уникален. Притом что объектом изучения в данном случае выступают идиостили людей, вполне сформировавшихся в языковом отношении, одна из целей анализа — рассмотрение своеобразия эволюции языковых личностей, выявление факторов, влияющих на развитие

---

* Глава из книги: *Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции*. М.: Лабирифт, 2004. С. 244—275.

тех или иных особенностей речевого поведения конкретных носителей языка, которые определяют неповторимость их коммуникативного облика. Подобный подход представляется нам правомерным и продуктивным: он позволяет показать влияние индивидуального социального опыта языковой личности на становление ее дискурсивного мышления.

Для достижения поставленной цели было предпринято исследование, которое включало в себя три этапа: 1) на основе существующих в науке и разработанных автором параметров изобразить портреты трех языковых личностей; 2) попытаться выяснить причины формирования типов речевого поведения путем создания проекции отличительных черт идиостилей на речевую биографию каждого из объектов изображения; 3) сравнить выявленные особенности с целью определения в самом общем виде универсальных тенденций становления коммуникативной компетенции. Подобный подход представляется нам правомерным и продуктивным: он позволяет показать влияние индивидуального социально-психологического опыта языковой личности на своеобразие ее языковой личности.

Число объектов исследования в этом случае ограничено тремя языковыми личностями. Речевые портреты, нарисованные нами в данном разделе, не претендуют на исчерпывающую полноту; они представляют собой своего рода контурные наброски наиболее показательных особенностей речевого поведения носителей языка. Описания были сделаны на основе довольно длительного (около года) наблюдения за речевым поведением изображаемых личностей и опыта многолетнего знакомства с ними автора, позволяющего с достаточной долей объективности создавать проекцию черт языковой личности на факты речевой биографии. Все три «объекта» изображения (обозначим их буквами X; Y; Z) характеризуются некоторыми общими признаками: это, во-первых, индивиды женского пола, во-вторых, по своему образованию — выпускницы филологического факультета вуза, и, наконец, в-третьих, все трое по роду своей деятельности имеют отношение к преподаванию в системе образования. Наличие общих черт дает, на наш взгляд, возможность выявления отличий, обусловленных факторами социолингвистического и социально-психологического характера. Критерии, на основе которых дается изображение языкового портрета, описаны в § 1.3 монографии.

4.2. Речевые портреты

4.2.1. Речевой портрет X

Рассмотрим портрет первой из избранных нами для анализа языковых личностей — X. К числу важных социальных параметров, которые могут понадобиться нам для мотивации тех или иных особенностей ее речевого поведения, добавим возраст — 46 лет и семейное положение — замужем (имеет двоих детей разного пола).

Прежде всего остановимся на некоторых социально-психологических характеристиках личности, влияющих на ее дискурсивное мышление. X — по своему темпераменту ярко выраженный сангвиник (или, по И. П. Павлову, — человек, обладающий сильным типом нервной системы, уравновешенным и подвижным) и столь же очевидный экстраверт (по классификации К. Г. Юнга). Сюда следует добавить еще некоторые коммуникативные показатели характера, которые проявляются в повседневной коммуникации, как то: доминантность (X чаще выступает в качестве коммуникативного лидера) и мобильность, пластичность в овладении новыми ситуациями и сферами общения. Анализ особенностей речевого поведения X позволяет предположить доминирование в ее мышлении левого полушария головного мозга.

По особенностям речевой культуры X можно отнести к среднелитературному типу, в котором присутствует некоторый разговорно-фамильярный субстрат. В целом X владеет основными ортологическими нормами русского литературного языка и даже выступает их ревнителем. Однако некоторые нечастотные случаи нарушения у нее встречаются.

- (Дочери) Долго я буду ждать/ когда ты **оденешь** куртку//;
- Зашла я в ваш магазин «**Торты**»//;
- Факультет наш пока не очень/ **обеспечение** слабенькое//...

К активным средствам литературного языка в речевом поведении X относятся разговорная речь плюс устная и письменная формы речи научной (научного стиля). Использование разных речевых форм довольно четко дифференцируется в соответствии со сферами общения: научный стиль — на лекциях и в письменных текстах (научных статьях); РР — в неформальном повседневном общении. В качестве черты речевого портрета X можно отметить отражение профессио-

нальных речевых навыков в бытовом общении: в речи сугубо неофициальной появляются элементы устной публичной речи: развернутые синтаксические формы (*Так// Маша/ встала/ и быстренько убрала в своей комнате//; Я считаю/ что в данном случае В. И. была не права// Ей никто не давал права/ передавать информацию/ которая ее не касается//*). Еще одна особенность: в некоторых ситуациях бытового общения в речи Х проявляются элементы делового стиля, сильно отдающие канцеляритом. Обычно это происходит в том случае, когда разговор затрагивает научные или профессиональные темы (*Я возьму эту методичку/ на вооружение в своей работе//; В этом случае// я встаю на позиции традиционной школы//; Мы как-нибудь решим этот вопрос/ и без твоей помощи// и т. д.*).

Показательной особенностью речевого поведения Х можно считать тяготение к просторечию, элементы которого она использует в самых разных сферах общения. При этом мы отметили два наиболее распространенных типа включения просторечной лексики в дискурс: во-первых, осознанное использование просторечных слов для усиления экспрессивного эффекта воздействия. Как правило, это просторечные экспрессивы с негативным значением (*гад, подлец, стерва, сволочь, скотина* и т. д.: *Ох Аленка/ ну ты и стерва!; Ну ты совсем обалдел// Ты бы еще в передний угол/ штормовку свою задрипанную/ выпер//; Пусть обратятся еще// Я их пошлю подальше// Было бы из-за чего корячиться//*); во-вторых, употребление просторечных элементов для создания эффекта языковой игры (*А что эт за мамзель была?!// Неужто евойная супружница//; (В театре) Эт что за мужик? Хорошо поет// Дай-ка [бинокль] посмотрю морду лица//; Эт ты чай поди по заграницам// А нам/ простым людям... и т. п.*). В последнем случае мы имеем дело с игрой на ролевом уровне: Х как бы играет роль «простецкой женщины». В некоторых случаях в игровой функции используется принцип «народной этимологии», представляющий собой имитацию неправильной интерпретации не очень грамотными людьми заимствованных слов (*Не/ ты для телевидения не годишься// Ты не фотогигиеничный//; Ведь что ей/ в сучности надо? То же/ что и в кобельности//; У них еще ни одной защиты не было// В ВАКе их работы через микроскоп смотреть будут// и т. п.*).

Особого упоминания заслуживает отношение Х к табуированным речевым формам. Нужно сказать, что в ситуациях бытового конфликтного общения (о чем у нас еще пойдет речь) Х наряду с

просторечными экспрессивами охотно и обильно использует матерные слова. Сквернословие присутствует, как правило, в общении с родственниками и друзьями для усиления эмоциональной экспрессивности речи, которая также должна считаться характеристикой языкового облика Х. Однако даже в рамках общения неконфликтного и даже с не очень знакомыми людьми она частенько допускает бранную лексику, относящуюся к периферии этого семантического поля. Использование мата также направлено на поддержание ролевого образа «простецкой женщины». В ответ на замечания собеседников о грубости речевого поведения Х она любит отвечать фразой: *Я женщина простая/ люблю резать правду-матку.*

[Пресуппозиция: разговор с малознакомой ровесницей (А), принадлежащей к одному с Х социальному кругу. Ситуация полуофициальная: общение протекает в стенах пединститута. Тема разговора: зарплата и ее задержка.]

А. — *Не знаю/ выплатят нам все долги/ или нет?*

Х. — *Что они/ эти иху мать/ обалдели там что ли все!*

Парадоксальной на первый взгляд чертой языковой личности Х выступает соседство в ее повседневном речевом поведении элементов сниженно-просторечной речевой стихии с явными книжнизмами (причастными и деепричастными оборотами, конструкциями с двумя существительными в родительном падеже, краткими прилагательными и т. д.).

— *Ты просто ни черта не соображаешь// Ну где ты видел/ чтобы люди/ приглашенные на банкет/ тащили еду с собой//;*

— *Я говорю о лаборатории/ руководимой Г. И.//;*

— *А зайдя в зал/ большой такой/ смотрю/ кофточка/ отдельно от других повешена/ такая/ вроде бы стрямная// Присмотрелась// Ба/ да это же импортная вещь//*

Указанные особенности речевого поведения Х проявляют себя и в том случае, когда в рамках одного дискурса присутствуют просторечные элементы и научный стиль.

— (Дочери) *Ах ты/ курва/ опять новые кроссовки напялила// (повернувшись к собеседнику-ровеснику) Ну что тут поделаешь/ преодолеваем недостатки переходного возраста...*

Показательной характеристикой речевого поведения X можно считать ее отношение к заимствованным словам. Здесь мы наблюдаем распространенное неверное представление об иностранной (обычно терминологической) лексике как о показателе высокой культуры (*Мы достигли/ достаточно высокого культурного уровня/ чтобы использовать в разговоре иностранные слова/*). Следствием такого представления становится употребление иностранных слов в бытовом общении (иногда — в искаженном виде).

— *Вкусный салат// Ты не скажешь/ какие тут индигренты [имеется в виду — ингредиенты] присутствуют?;*

— *У них на кафедре такая тенденция появилась/ как что/ так пьянка//*

Кстати сказать, свой уровень владения языком X считает достаточно высоким. При этом она практически никогда не сомневается в правильности используемых ею речевых форм с точки зрения их соответствия нормам литературным и не обращается к справочной литературе, ограничиваясь собственным языковым чутьем.

В информативном повседневном общении X демонстрирует довольно высокий уровень прагматизированности дискурса. Иными словами, ее рассказ всегда ориентирован на уровень знаний собеседника о предмете речи. В моделировании действительности X чаще всего использует репрезентативно-символические стратегии. Однако ее информативный дискурс часто отклоняется от норм текстовости: так, например, в разговорном рассказе она иногда допускает немотивированные ответвления от первоначально намеченной темы.

— *У нас с компьютером то же самое было// Вдруг перестал записывать/ или нет/ сохранять то/ что исправлено// Я у Сашки спросила// Парень такой/ у вас в институте работает// Я ему много помогала// Он диссертацию у вас защищал// В Саратове// Интересная тема такая у него [далее — пространное изложение содержания диссертации] // Ну/ так про че я? А/ так вот он говорит/ Это у вас/ наверное макровирус// Я проверила/ точно/ полно вирусов//*

Притом что устный информативный дискурс X строится с учетом знаний слушателя, речь X чрезвычайно субъективна: излагаемые факты подаются через призму субъективной оценочности. Хорошо иллюстрируют отмеченную особенность способы передачи чужого

высказывания, которое обычно изображается при помощи прямой речи. Оценка присутствует в авторском обрамлении чужого слова.

*— Заходит так/ и представляешь/ елейным таким голоском/ Эт
вы что/ обои наклеили? Я ей/ Ну как у нас теперь? Она/ Ты знаешь/ Х/
хуже не стало// Не/ ты представь/ какая стерва! Гадость/ и таким
елейным голоском// Все настроение испортила...*

Характеризуя Х по степени координации речевого поведения, можно говорить о довольно отчетливо выраженной в ее повседневном общении конфликтности, которая проявляется и в форме агрессии, и в стремлении к манипуляторству. В ходе общения она, как правило, навязывает тему разговора; в том же случае, когда в качестве коммуникативного лидера выступает ее собеседник, Х может прервать его и постараться перевести разговор на интересующую ее тему. Конфликтность Х проявляется и в специфической для нее особенности бытовой коммуникации: задать вопрос и либо, не дожидаясь ответа, самой на него ответить, либо, не дослушав ответ, перевести разговор на другую тему. Еще одна черта портрета языковой личности Х, которая может быть квалифицирована как конфликтная, — навязывание собственного мнения, собственного жизненного опыта, стремление подчеркнуть собственную значимость. Это ярче всего проявляется в наиболее частотных в повседневной речи Х формулах: «Я считаю!»; «Ты должен...» и т. п.

*— Я считаю/ она делает дурь/ зачем ей было разводиться!;
— Я считаю/ в его возрасте/ каждый мужчина должен жениться//;
— (Дочери) Так/ в этой тряпке ты не пойдешь// Ты сейчас же оденешь свитер!*

Конфликтность Х проявляет себя и в жанровых предпочтениях бытового общения, о чем мы еще будем вести речь чуть ниже. Однако уже здесь можно отметить тяготение Х к конфликтным речевым жанрам (ссоре, выяснению отношений) и субжанрам, выступающим в ее дискурсе в качестве тактик (колкости, инвективе, упреку, обвинению и т. д.). Участвуя в общении, Х часто склонна воспринимать как конфликтных своих коммуникативных партнеров. Это проявляется в установке, присутствующей у Х при восприятии чужой речи: она готова интерпретировать иллюкуцию собеседника как негативную (Она мне гадость сказала), даже если такой интенции у того не было.

В связи с этим характерно, что колкости, которые с удовольствием говорит Х, она как бы специально продумывает в качестве «домашних заготовок».

[Пресуппозиция: в одном из предыдущих разговоров с родственником (А) Х восприняла шутки над своим племянником (И), страдающим задержкой психического развития, как колкость.]

А. — Ну/ а как дела у И.? Он учится? В школу ходит?

Х. — Ох А.// Кто бы говорил! У самого сын двоечник/ едва с программой справляется// Не тебе чужих детей критиковать// На своего бы лучше посмотрел...

В стрессовых ситуациях Х охотно идет на провоцирование коммуникативного конфликта, который может перерасти в ссору, где Х демонстрирует прямую вербальную агрессию.

— (Входя в комнату, где дети смотрят телевизор) *Что вы тут за дебилизм смотрите! Целыми днями торчите у ящика/ как придурки!*;

— (Мужу) *Ты идиот! Ты мне очертенел! Мне надоели твои постоянные подколы!..*

По стратегическим предпочтениям в коммуникативном конфликте Х с отчетливостью можно отнести к инвективному типу языковой личности. Эта особенность наиболее ярко проявляется в жанрах нижнего слоя общего континуума бытового общения: в семейном, дружеском гипержанрах, в жанрах ссоры, болтовни и т. д. Здесь особенностью коммуникативного поведения Х становится пониженная семиотичность, прямолинейность в оценках, которая иногда облекается в нарочито грубую форму. В частности, это находит выражение в «Ты-общении» в рамках полуофициальной профессиональной коммуникации (например, разговор с коллегой по кафедре).

— (На кафедре, ожидая, когда коллега оденется) *Ну/ ты/ (имя и отчество)/ оденешься сегодня// Хватит возиться/ пошли домой...*

Рассматривая жанровый характер дискурсивного поведения Х, прежде всего можно отметить неплохое владение нормами нижнего яруса жанрового пространства (нериторическими жанрами). Х общительна, легко входит в контакт с незнакомыми собеседниками; способна поддерживать и развивать коммуникативное взаимодействие в рамках непубличного неофициального общения — как

информативного (рассказ, просьба, вопрос), так и фатического (дружеский и семейный гипержанры). Здесь, кроме уже отмеченного тяготения к конфликтным жанрам, следует указать на хорошее владение жанром болтовни в ущерб другому фатическому жанру — «разговору по душам».

В отношении речевых жанров верхнего уровня — риторических — нужно констатировать следующую закономерность. X довольно хорошо владеет жанрами информативно-деловой сферы; ее речевое поведение хорошо дифференцировано в соответствии с разнообразием ситуаций официального и полуофициального общения. Она знает этикетные формы, умеет обратиться к коммуникативному партнеру в официально-деловой ситуации (например в ситуациях профессионального официального общения: на ученом совете, кафедре, лекции, экзамене и т. п.), в разного рода официально-бюрократических ситуациях (в бухгалтерии, отделе кадров и т. п.).

Однако в речевом репертуаре X либо полностью отсутствуют, либо присутствуют в искаженном виде риторические жанры фатического общения. Она, к примеру, совершенно не владеет нормами светского общения: оказываясь в ситуациях публичного неофициального (или полуофициального) жанрового взаимодействия, X частенько нарушает статусно-ролевые, прагматингвистические и даже этические стереотипы дискурсивного поведения, что нередко приводит ее к коммуникативным конфликтам. Не владеет она и такими конкретными риторическими фатическими жанрами, как тост, флирт, анекдот. Коммуникативная самоуверенность приводит X к тому, что она пытается выступать коммуникативным лидером в жанрах, о которых имеет слабое представление: так, например, она часто выступает с жанром анекдота, однако, как правило, ее рассказ успеха не имеет.

Цитатный фонд языкового сознания X достаточно многообразен, однако в нем преобладают пять слоев, пять типов прецедентных источников: во-первых, это тексты русской классической и новой литературы, с которыми X хорошо знакома и по характеру своего образования, и по небольшому периоду, связанному с работой в школе в качестве учителя-словесника (здесь нужно отметить тяготение к искаженным цитатам (квазичитатам), трансформация которых осуществляется в направлении фамильярного снижения) (*Когда это было?// Как говорят/ я тогда моложе/ и лучше качеством была//* («Евгений Онегин»); *Она что/ не замужем// Как говорится/ Уж климакс близит-*

ся/ а Германна все нет// (П. Чайковский «Пиковая дама»); Ну/ ты нас не больно-то манерам учи// Сиживали за столом/ не беспокойтесь/ сиживали// (М. А. Булгаков); Она говорит/ Я на новый срок на заведение подавать не буду// Я ей/ Свежо предание/ а верится с трудом (А. С. Грибоедов); А ну-ка быстро// Ложи взад// Конфеты с чаем есть будем// (М. Зощенко) и т. п.); во-вторых, это общая для ее поколения субкультура, которая черпает фразы главным образом из кинокомедий 60—70-х годов (А я что/ не люди?; Я себя не обделила? («Свадьба в Малиновке»); В Греции все есть//; Они любят/ про непонятное говорить// («Свадьба»); Ну/ давай/ бухти мне/ как наши корабли бороздят Большой театр// А я посплю//; («Операция “БГ”»); Бабе цветы/ а дитям мороженое// («Бриллиантовая рука»); Так/ мне надо экскримент сделать// («Адъютант его превосходительства») и т. д.) или же анекдотов того же времени (Ты понимаешь/ не могу без дела сидеть// Что называется/ много и разом/ пятилетку в три дня//; Ну знаешь/ Ты не прав/ Вася//; Опять улицы убирать заставляют// Добровольно/ и с песнями//); в-третьих, субкультура, ориентированная на «совковые» прецедентные тексты (газетные, теле- и радиощампы советских времен, обязательные цитаты из художественной словесности и т. д.) (Ректор объявляет/ Из общего фонда/ половина/ пошла на оплату расходов по защите N// Сразу/ по большевикам прошло рыдатель//; Ну/ это у нас любят// Чуть что/ по просьбам трудящихся запретить//; А вот Петросьяна не люблю// Он по-моему/ воскресенье в сельском клубе//; Наши преподаватели вузовские/ о школе практически ничего не знают// Страшно далеки они от народа//; Нет уж/ ты как знаешь// А мы пойдем другим путем// и т. п.); в-четвертых, это набор игровых приговорок, возникших в результате трансформации реальных пословиц (У них все так/ зимой и летом одним туалетом//; Сынок-то его/ тоже в колонии// Яблочко от вишенки/ недалеко падает//; Как скоро/ так сразу/ Как сразу/ так сейчас//); в-пятых, это семейная субкультура (семейный жаргон), воспроизводящая фразы из различных забавных «домашних» ситуаций (Могёт быть льнь/ а могёт и карась (из субкультуры мужа, увлекающегося рыбной ловлей); Каштанка съела много/ но не наелась/ а только опьянела от еды// (цитата из рассказа Чехова, которая произносится в тот момент, когда X чувствует, что съела лишнего); Ну/ где там наш лысенький? (из семейной субкультуры; появление фразы связано с ситуацией, когда сын X был дошкольником)).

Рассматривая черты языкового портрета Х сквозь призму становления личности, мы прежде всего легко можем мотивировать наличие в ее речевом поведении просторечной стихии. Детство Х проходило на окраине маленького городка в среде железнодорожных рабочих. Эта по преимуществу просторечная среда предопределила ее первичные языковые впечатления. Последующая речевая эволюция Х привела к осознанию ею просторечных элементов как ненормативных, непрестижных средств коммуникации. Однако детские коммуникативные навыки сформировали языковой вкус Х, предопределив тяготение к просторечным словам и выражениям. Противоречие между запретом на просторечие и желанием использовать просторечные элементы в активном употреблении было снято тем, что можно назвать речевой сублимацией, т. е. своеобразным уходом в детство, но с оговоркой об осознанности такого ухода.

Речевая сублимация объясняет и стремление к ролевой игре в виде создания маски «простецкой женщины». В речевом поведении просторечные экспрессивы и ненормативные элементы подаются Х как игровое украшение высказывания. Характерно и то, что в дискурсах Х полностью отсутствуют (даже на уровне языковой игры) элементы молодежного жаргона: среда, в которой проходило ее детство, практически не содержала элементов этого нелитературного подъязыка. Нужно предположить и существование у ролевой маски и защитной функции: дело в том, что отсутствие в семье отца, невысокое материальное положение семьи развило в личности Х чувство неуверенности (минус в позиции «Я»). Стремление преодолеть это чувство (компенсация) привело к ролевой игре в грубость, языковые средства для которой были взяты из детских впечатлений.

Простонародно-просторечная среда развития личности Х оказала влияние и на формирование стереотипов ее дискурсивного поведения в коммуникативном конфликте, которые позволяют квалифицировать ее как личность инвективную. Эти же причины предопределили характер доминирующей установки Х по отношению к участникам коммуникации: конфликтный характер речевого взаимодействия, очевидно, сформировался у Х в результате наблюдений за речевым поведением окружающих ее взрослых. Правда, полностью мотивировать наличие конфликтности языковой личности только лишь языковыми впечатлениями будет вряд ли справедливо: определенную роль здесь, очевидно, играют такие черты ее личности, как темперамент,

характер. Причиной конфликтности Х выступает и другая особенность структуры ее личности: минус в позиции «Они» (недоверчивое отношение к людям вообще) и не столь явно выраженные минусы в позиции «Ты» (отношение к друзьям, контакты с которыми у Х часто приобретают характер соперничества) и «Вы» (коллеги, конфликты с которыми также нередки).

Указанные особенности связаны с ролевой структурой личности Х. Прежде всего это определяется слабостью психологического Взрослого (по терминологии Э. Берна). Функции Взрослого часто в различных ситуациях берет на себя Дитя и Родитель. Родитель у Х довольно сильный, но односторонний (что мотивировано тем, что Х с довольно раннего детства воспитывалась без отца). Кстати сказать, некоторая неадекватность Родителя приводит Х к многочисленным речевым недоразумениям, когда она невольно нарушает статусно-ролевые и даже этические нормы речевого поведения. В тех же случаях, когда в функции Взрослого выступает Дитя, возможны эмоционально-конфликтные проявления, которые не вполне соответствуют нормам жанрового взаимодействия.

Доминантность в речевом поведении Х, как равно и мобильность в овладении ею новыми средствами общения, следует связывать с другой характеристикой ее личности: минусом в позиции «Я», преодоление которого (компенсация) сформировало у Х активную социально-коммуникативную установку в поведении. Эта черта усилена характером ролевых отношений в семье и сангвиническим темпераментом Х: она росла в многодетной семье, где сценарий ее воспитания проходил ближе к стилю избавителя (Х играла лидирующую роль «надежды семьи»). Впоследствии высокий уровень притязаний и общительность, свойственная выходцам из больших семей, отразились на том, какую роль Х стала играть в коллективе класса: в течение достаточно долгого времени она входила в школьный актив (была последовательно председателем совета пионерского отряда, старостой класса, классным комсоргом и т. п.). Ролевая позиция в группе сверстников сформировала активную жизненную позицию Х, которая впоследствии стала проявляться в речевых формах.

Первичные речевые впечатления, связанные с нелитературным окружением, предопределили и особенности разговорной речи Х: поздний характер ее формирования мотивирует наличие в устном дискурсе Х книжизмов (книжные обороты, терминология, нагромождение

существительных в родительном падеже и т. п.). Это отчасти также результат семейных традиций: в дружной семье X дети много и без разбора читали. Этим же можно объяснить и тяготение X к заимствованной лексике, которая представляется ей признаком культуры, компенсирующим использование грубо-сниженной лексики.

Характер субкультуры, составляющей активный цитатный слой устного дискурса X, свидетельствует, с одной стороны, о влиянии на формирование ее языкового сознания речевой среды эпохи 60—70-х годов, с другой — показывает индивидуальные эстетические пристрастия и интересы: субкультура X исключает прецедентные высказывания «перестроечного периода», цитаты из стихотворных текстов, но пестрит фразами из анекдотов, кинокомедий, сниженных цитат из классической прозы и т. п. При этом и сами цитатные предпочтения (тяготение к просторечным фразам), и характер трансформаций (фамильярно-сниженный характер), и приговорки — все соотносимо с общим обликом портрета языковой личности.

4.2.2. Речевой портрет Y

Перейдем к описанию идиостиля языковой личности Y. Начнем с общих черт индивидуального портрета ее личности. Y — женщина 32 лет, не замужем. По особенностям темперамента — неявно выраженный меланхолик (по И. П. Павлову — слабый тип нервной организации), достаточно отчетливо представленный интроверт (по К. Г. Юнгу). Добавим сюда присутствующую в речевом поведении недоминантность, которая соотносится с некоторой ригидностью. В качестве черты, характеризующей языковой портрет Y, можно предположительно считать правополушарную ориентацию ее речевого мышления.

По типу речевой культуры Y можно отнести к среднелитературному типу, близкому к элитарному. В ситуациях профессионального, официального и полуофициального общения стилиевой доминантой ее речевого поведения выступает речь публичная (устная научная). Однако в своей речевой практике при определенных усилиях Y способна использовать и иные стили: публицистический (например, написать заметку в газету), официально-деловой (грамотно написать заявление, докладную, объяснительную записку и т. п.) и даже художественный (рассказ, очерк). В общении публичном — профессиональном, светском и т. д. — Y демонстрирует сдержанно-ней-

тральный не очень эмоциональный тон; редко выступает в качестве коммуникативного лидера, практически никогда не навязывает своего мнения, не перебивает, дослушивает собеседника и т. д.

В отношении различных видов и стратегий дискурсивного поведения У демонстрирует любопытную особенность, которую можно определить как принцип диглоссного использования языковых средств в зависимости от того, к официальному или неофициальному, публичному или непубличному речевому пространству относится дискурс. Основным отличительным критерием здесь выступает степень осознанности, вызванная фактором официальности / неофициальности дискурсивного поведения. В том случае, когда У общается в ситуации официального общения, она опирается на употребление нарративных стратегий информативной речи, к которым добавляются этикетные формы речи фатической. Здесь у У наблюдается то, что можно назвать ортологической неврастенией: страх перед неверным словоупотреблением. Поэтому, кстати сказать, отличительной особенностью языковой личности У выступает постоянная и неуклонная работа со словарями по выявлению и усвоению ортологических норм, знатком и носителем которых она слывет в кругу своих знакомых.

А. — *Завтра пойду флюорографию делать//*

У. — (поправляет) *Правильно/ флю-о-рографию//*

А. — *Вчера холодно было/ а я куртку не одела//*

У. — *Надела//*

А. — *Что?*

У. — *Надо говорить/ на-де-ла// Одеть можно/ кого-нибудь//*

К сказанному можно добавить, что в официальных и полуофициальных публичных ситуациях общения в общественном месте У выступает в роли блюстителя приличий: это проявляется в стремлении соблюдать установленные нормы общения и призывать к этому друзей и знакомых. Оказываясь в общественных местах, У как бы включает речевую цензуру, контролирующую речевое поведение. Обычно такая цензура проявляет себя в «одергивающих» фразах.

— *Слушай/ может хватит// Вон люди уже оборачиваются//;*

— *Я с тобой больше/ никуда не поеду// С тобой опозориться можно//;*

— *Н/ прекрати кричать// Веди себя прилично//;*

— *Представляю/ что теперь о нас мать N подумает//;*

- Ну что ты вопишь// Уймись// Хватит публику развлекать//;
 — Давай не будем/ митинг устраивать// Дома мне все расска-
 жешь// А то вон уже народ смотрит// и т. п.

В своем речевом употреблении У тщательно стремится избегать ненормативных (нелитературных) просторечных слов. Еще более запретной речевой областью для описываемой языковой личности выступает сквернословие: табу на сквернословие работает в ее речевом поведении даже в самых экстремальных, запредельно-стрессовых ситуациях.

Изменение прагматических условий общения с официального на неофициальное разительно меняет характер речевого поведения У. Прежде всего бросается в глаза резкое возрастание репрезентативно-иконических стратегий в построении дискурса. Если в официальных ситуациях дискурс У можно квалифицировать как нейтральный, малоэмоциональный, то в общении неофициальном она, изображая языковыми средствами ту или иную ситуацию, буквально разыгрывает ее, прибегая к невербальным компонентам и звукоизобразительным средствам. Подчеркнем, что такой характер приобретает речевое поведение У в неофициальной полупубличной коммуникации с близко знакомыми людьми, например в дружеском застолье, в полилоге с несколькими подругами и т. п.

А. — Слушай/ как там дача-то ваша/ поживает?

У. — Да/ так// Ездим// Недавно/ вот/ были// Кота сдуру взяли// Он так дч-ч-и-ч/ к земле (жест руками)// Распластался// Так ту-ту-ту/ (жест) пополз// Шугается всего (жест головой, изображающий, как кот озирается)// Ё-ё// Лежал/ лежал// Потом/ бабочку увидел (жест)/ и за ней/ ту-ту-ту// Хорошо еще/ я ему такой (жест) ремешок красный/ повязала...

Указанные особенности проявляются в полной мере в дискурсе, содержащем чужую речь: У передает высказывания другого человека посредством прямой речи так, как это делают дети младшего подросткового возраста: свое субъективное отношение в говорящему (автору речи) она выражает не в авторском сопровождении, а посредством интонации. Дискурс с чужой речью в изображении У похож на маленький спектакль одного актера.

— Я такая/ захожу в учительскую// Подходит ко мне Ковылева/
 (жест: руки к щекам) [интонационно изображаются эмоциональные

перепады в речи ученицы] У [имя и отчество]/ *у меня кажется/ тройка по химии выходит! Я ей [учительнице по химии] говорю/ Давайте я отчитаюсь// Она/ Нечего тебе отчитываться//* [Смена интонации] *Я думаю/ Ну/ ни фиги себе// Подожди/ говорю// Подхожу так/* [Смена интонации на официальную] *Светлана Ивановна/ девчонка на филфак собирается// Ей ваша химия вообще не нужна// Ей медаль из-за этого могут не дать// А та/ такая//* [интонация меняется на передразнивающую] *Как это не нужна// Ей ее сдавать// Я ей/ Это ж гуманитарный класс// У них экзамены по выбору// Не будет она вашу химию сдавать// А эта гримза//* [Смена интонации] *Ну/ не знаю// Не могу же я ей так просто рисовать оценки ...*

В некоторых ситуациях неофициально-дружеского общения курс У также напоминает речь детей подросткового возраста. В нем появляется несколько очень частотных по употреблению междометных и делексикализованных элементов, использующихся в сниженной речи школьников. Складывается ощущение, что они всплывают у нее из каких-то глубин сознания в ситуациях социального взаимодействия, во-первых, фатических по преимуществу, во-вторых, связанных с ослаблением внутреннего контроля за формой выражения (*Ну ты/ даешь!*; *Ну/ ты вообще// Ништяк!*; *Да что ты!*; *Ё-ё/ ну ты деловая!*; *Ну/ ты прям как эта!*; *Оборзела совсем!* и т. д.).

Приведенный выше речевой материал позволяет сделать важное для создания речевого портрета У наблюдение: в повседневном общении она склонна надевать речевую маску «грубоватого подростка». Маска эта явно не соответствует личностным качествам изображаемой языковой личности и служит своего рода психологическим щитом, за который она прячется. При этом средства выражения грубости можно квалифицировать как квазисредства: У не грубит, а имитирует грубость, не говорит колкость, а имитирует колкость. К способам создания речевой маски можно отнести и некоторые жаргонные выражения, свойственные среднему школьному возрасту.

- (Подруге) *Отстань/ а то в пятак дам//;*
- *По-моему/ у тебя опять/ крыша поехала//;*
- *Убери свои грабли//;*
- *Сгинь в туман/ за тобой ничего не видно// Слняй с экрана//.*

Для образования речевой маски У может использовать даже просторечные экспрессивы (типа: *дурьнда*, *дубина стоеросовая*, *гримза*,

карга старая), которые имеют в ее дискурсе сугубо игровую функцию. Однако собственно просторечная нейтральная лексика напрочь отсутствует у Y в речи, сопровождающей любые ситуации, будь то взаимодействие официальное или неофициальное. Подчеркнем еще раз, что все отмеченные сниженные и арготические элементы Y употребляет только в неофициальном дружеском или семейном (фатическом по преимуществу) общении. В официальной коммуникации она никогда не выходит за пределы нейтральных нарративных стратегий дискурсивного поведения, которое опирается на скрупулезное соблюдение литературных норм.

В ситуациях неофициального непубличного дружеского общения (в рамках речевого жанра «разговор по душам») можно констатировать изменение общей стратегии речевого поведения Y: в ее дискурсе исчезают как нормативистские моралиты, так и жаргонно-просторечный слой (снимается маска). Здесь мы уже наблюдаем нарративные стратегии, обусловленные усилением речевого аналитизма и субъективной модальности.

— (Подруге) Я сейчас живу/ от выходных до выходных// Устала невероятно// Но/ понимаешь/ тут такой парадокс// С одной стороны/ кажется/ уже ничего не хочется// Утром встаю/ нет сил// А с другой/ до школы добираюсь/ просыпаюсь// Прихожу/ дети кругом// Так сразу заряжаешься от них// И вроде/ ничего// Жить можно...

Представленные факты позволяют предположить в качестве значимой особенности облика языковой личности Y своеобразное функционально-стилевое разделение речевых функций, которое соответствует дифференциации функций правого и левого полушарий мозга: если левое полушарие контролирует сферу официального и рационально-интимного общения, то в ситуациях, когда Y не испытывает необходимости дополнительного контроля за речью, когда она настроена на раскованное, помимовольное общение, происходит активизация правого полушария, берущего на себя львиную долю речевых функций.

В соответствии с критерием координации дискурса по отношению к участникам коммуникации Y можно определить как личность кооперативно-комфортную по преимуществу, иногда, впрочем, склонную к пассивной центрации. Центрированность проявляется у нее в неофициальном общении, где она привлекает репре-

зентативно-иконические стратегии. В подобном случае построение дискурса У, как мы уже отмечали, напоминает эмоциональную речь младших подростков.

В ситуации коммуникативного конфликта У демонстрирует черты рационально-эвристического типа языковой личности.

— (Мужу подруги, обвиняющему ее в излишнем пуризме) *Ну конечно/ все дураки/ а ты у нас самый умный//;*

(Брат, с которым она находится в ссоре, ей) — *Мне звонили?*

У. — *Ну конечно/ с утра до вечера// Телефон оборвали//*

Б. — *Так звонили/ или нет?*

У. — *Кому ты нужен...*

Кстати сказать, эти же особенности она проявляет в собственной педагогической практике: в ситуации, которая несет в себе элементы конфликта с учениками, она старается иронизировать.

В жанрах помимовольных У значительно лучше владеет нормами информативной речи, нежели бытовой фатикой. Фатическому общению иногда мешает уже описанная выше «маска»: псевдоконфликтные тактики и псевдоинвективные стратегии иногда воспринимаются коммуникативными партнерами У как конфликтные и инвективные. При этом насколько У чувствует себя неуверенно и дискомфортно в разговорной болтовне, настолько хорошо и комфортно — в разговоре по душам (с близкими подругами). Однако в целом речевое поведение У демонстрирует знание основных норм жанровой нериторической коммуникации — как информативной, так и фатической.

Так же как и Х, У неплохо ориентируется в официально-информативной коммуникативной области: она свободно строит свой дискурс на педсовете, в бухгалтерии, в районо и т. п.

В качестве парадоксальной черты речевого портрета У можно отметить значительно более свободное владение фатическими риторическими жанрами, нежели жанрами помимовольными. У хорошо и адекватно ситуации строит жанровое взаимодействие в публичной (официальной и полуофициальной) коммуникации (гипержанр «светское общение»), никогда не нарушая стереотипов речевого поведения (сюда можно отнести общение в театре, в кулуарах конференции, разговор в учительской и т. п.). У имеет представление о нормах таких риторических жанров, как флирт, тост (и вообще — гипержанр «застольное общение»), анекдот. При этом необходимо подчеркнуть

важную особенность ее речевого поведения, которая состоит в адекватной оценке (и даже порой — недооценке) своих коммуникативных возможностей: У предпочитает молчать в жанровых ситуациях, выходящих за пределы ее речевой компетенции.

Субкультура У представлена, во-первых, прецедентными фразами из русской литературы, главным образом классики (*Привет// Ты жива еще/ моя старушка//; Дай Джим/ на счастье лапу мне//* (С. Есенин); *Да/ он ее любит// Но странною любовью//; И скучно и грустно/ и некому лапу подать//* (М. Лермонтов); *От радости в зобу дыханье сперло//* (И. Крылов); *Работаю на износ// Уездили клячу/ надорвалась//* (Ф. Достоевский); *Да тут уж ничего не скажешь// Все смешалось в доме Облонских//* (Л. Толстой); *Слушай/ мы во сколько договаривались встретиться?// Я тебя буду бить/ и может быть даже ногами//* (И. Ильф и Е. Петров) и т. д.); во-вторых, фразами из современных шлягеров (*Слушай/ давай не будем о грустном// Не сыпь мне соль на рану//; Позвони мне/ позвони//; И надо было замуж выходить?// Зачем вы девушки/ красивых любите//; Какой там телефон у вас// А то/ что-то с памятью моей стало//; Наташка как всегда кукует// Тихо сам с собою/ я веду беседу; Эх/ жизнь моя/ жестянка// А ну ее в болото//* и т. п.); в-третьих, цитатами из кинофильмов (*А вдоль дороги мертвые с косами стоят/ и тишина* («Неуловимые мстители»); *Убью/ студент!//* («Операция “Ы”»); *Студентка/ спортсменка/ комсомолка//* («Кавказская пленница»); *Упал/ очнулся/ гипс//* («Бриллиантовая рука»); *Какая гадость ваша заливная рыба//; Подогрели/ обобрали//* («С легким паром») и т. д.); в-четвертых, фразами из репертуара эстрадных сатириков (*Я конечно/ дико извиняюсь//* (А. Райкин); *Ну ясно/ вчера было по три/ но маленькое// А сегодня по пять/ но большие//* (Р. Карцев); (Подруге) *Ты сама-то/ поняла/ что спросила* (Я. Арлазоров); *Ну вопрос конечно интересный// А где мы денег столько возьмем?//* (Р. Карцев) и т. п.); в-пятых, сентенциями из теле-рекламы (*Ждем-с* (Банк «Империал»), *Ну очень смешные цены* («Русская Америка»); *Да уж/ не просто/ а очень просто//* («Селдом»); *Ваша киска/ купила бы вискас//* и т. п.).

Уже первый взгляд на приведенный выше речевой материал позволяет выделить в структуре языковой личности У три функционально-ролевых слоя: во-первых, нормативно-контролирующий пласт речевого поведения, связанный с областью официального и публичного общения (к нему следует отнести и элементы «ортологической невра-

стении»); во-вторых, инфантильно-иконический слой, воссоздающий стратегии подростковой коммуникации; и, наконец, в-третьих, рационально-рефлексивную прослойку (ее речевые элементы проявляются прежде всего в рамках дружеского интимного общения). Отмеченная триада хорошо соотносима с тремя Я-состояниями (Родителем, Дитя, Взрослым), которые выделяет Эрик Берн. При этом каждая из намеченных плоскостей языкового портрета связана с разными впечатлениями ее языковой биографии.

Элементы речевого поведения, которые отражают Я-состояние берновского Дитя, по времени возникновения в социально-коммуникативном кругозоре У можно отнести к младшему подростковому возрасту. Тогда ее семья жила в Заводском районе, в его части, называемой в Саратове «Пролетаркой». Здесь же находилась школа, в которой училась У. Указанные черты ее языкового портрета появились под влиянием неформального общения со сверстниками в школе и на улице. Там же находятся истоки репрезентативно-иконических стратегий информативной речи, разного рода жаргонно-просторечных сниженных экспрессивов и т. п. По всей вероятности, этот период в жизни У был временем относительно гармоничного, безоблачного существования. Впоследствии развитие личности У проходило менее безоблачно, а может быть, даже несло в себе разного рода стрессы и болезненные ощущения, связанные с переходным возрастом. Потому бессознательный переход на «язык детства» у У как бы означает уход в состояние, предполагающее снятие внутреннего напряжения и осознанного контроля за речевым поведением.

Стереотипы подросткового речевого поведения используются У для создания игровыми средствами речевой маски «грубоватый подросток». Сам факт существования этой маски объясняется особенностями ролевого статуса У в семье, который формировался на протяжении дошкольного и школьного детства. Позиция, которую У занимала в семье, в силу различных причин характеризовалась «стилем преследователя». Кроме этого, некоторые индивидуально-личностные особенности взаимоотношения У с окружающим миром в старшем подростковом возрасте направили развитие ее личности в русло сценария «гадкий утенок», что предопределило появление в ее личностной структуре непреодоленного минуса в позиции «Я». Определенную роль сыграл статус старшей сестры. Маска, о которой идет речь, стала своего рода защитным средством, «шипами», за которыми У

пытается скрыть ранимость и неуверенность в себе. Ее появление на прямую связано с особенностью языковых средств выражения Дитя: уходя в детство, где *У* было хорошо и комфортно, она одновременно использует свойственные подростковому возрасту внешне грубые стратегии и внешне конфликтные тактики построения речи.

Речевой пласт, связанный с влиянием психологического Родителя *У*, имеет другой источник формирования. Внутренний цензор, контролирующий ее поведение с точки зрения норм приличия, образовался в результате воздействия семейных традиций: *У* росла в семье, культивировавшей традиционные установки в отношении внешнего поведения в общественном месте (кстати, отсюда плюс в позиции «*Мы*»). Ее родители — люди с высшим образованием, носители среднелитературной речевой культуры. Поэтому в семье *У* слышала главным образом речь литературную. Что же касается «ортологической неврастении», то ее возникновение в языковом сознании *У* — результат действия уже описанных черт характера (минус в позиции «*Я*»), которые усилили установки, наметившиеся в старших классах, и превратились в осознанный принцип речевого поведения в пору обучения на филологическом факультете университета. Упрочиванию этого принципа также служил многолетний опыт работы *У* в школе в качестве учителя-словесника.

Душевный комфорт, который испытывала *У* в младшем школьном детстве, видимо, стал причиной развившегося позже умения ладить с людьми, что обусловило и появление плюсов в личностных позициях «*Ты*» (отношение к друзьям), «*Вы*» (умение ладить с коллегами) и «*Они*» (отношение к людям вообще).

Фобия к просторечным нарушениям в рамках дискурсивного поведения отчасти мотивирована отталкиванием от языковой среды Заводского района, где литературные нормы большинством его жителей не соблюдаются. Кстати сказать, этими же причинами объясняется негативное отношение к табуированной лексике: в той социальной сфере, где проходило становление личности *У*, сквернословие отражало и выражало грубость в межличностных отношениях. Особенности же характера *У*, ее ранимость сформировали неприятие по отношению к грубости и агрессии, которые в ее сознании прежде всего ассоциировались с матерными словами.

Переход на коммуникативно-ролевою позицию Взрослого в речевом поведении *У* означает одновременно снятие инфантильно-ико-

нической защитной маски и ослабление этикетно-ортологического напряжения. Это происходит главным образом в жанровых ситуациях интимно-дружеского общения, когда Y полностью доверяет своему собеседнику (разговор по душам с близкой подругой). Возникновение этого речевого слоя ее личности следует отнести к старшему подростковому возрасту и далее — к времени студенчества. Эта грань ее языковой личности сформирована наиболее поздно. Поэтому она опирается на сознательное использование психолингвистического механизма порождения и понимания речи.

Характер цитатных предпочтений субкультуры Y отражает особенности речевой среды ее обитания (теле- и кинопрецедентные тексты), своеобразие профессии, круг чтения и иные вкусовые предпочтения. Однако, в отличие от X, Y использует цитаты в соответствии с особенностями своего речевого поведения: здесь можно отметить небольшое тяготение к грубовато-экспрессивным формам, но практически отсутствуют сниженные деформации и просторечные приговорки.

4.2.3. Речевой портрет Z

Перейдем к описанию речевого портрета последней из избранных нами для анализа языковых личностей — Z. В соответствии с намеченной схемой рассмотрения начнем с психологических особенностей ее личности: Z — замужняя женщина 32 лет, бездетная; по типу темперамента — довольно ярко выраженный холерик (сильный, неуравновешенный тип, по И. П. Павлову), неявно представленный экстраверт (по К. Г. Юнгу). Из коммуникативных черт личности нужно отметить отчетливо присутствующие у Z черты мобильной языковой личности, которые соседствуют с проявляющимися в разных коммуникативных условиях доминантностью и недоминантностью. По особенностям поведения можно предположить у Z преобладание в руководстве речевой деятельностью левого полушария головного мозга.

С некоторыми оговорками Z можно квалифицировать как элитарную языковую личность.

В своем общении — официальном и неофициальном, осознанном и помимовольном — она опирается исключительно на литературные формы языка. Прежде всего здесь нужно отметить владение основными стилями литературной кодифицированной речи:

устной и письменной формами научного стиля (это проявляется в чтении ею лекций, выступлениях с докладами на научных конференциях и в создании текстов статей), публицистическим стилем (некоторое время Z работала корреспондентом районной газеты; в течение довольно длительного времени она сотрудничает с местным телевидением, ведя авторскую рубрику); при необходимости она способна создать стихотворный текст, небольшой рассказ, очерк и т. п. Несколько своеобразные отношения у Z с официально-деловым стилем КЛЯ: она хорошо владеет устной разновидностью делового общения, что же касается письменных форм (документной отчетности), то здесь у Z наблюдается что-то вроде фобии к документу (зная, как оформлять тот или иной документ, она может оттягивать его создание либо стремится как можно быстрее от него избавиться, что приводит к небрежности в его заполнении). Отметим также осознанное стремление Z к совершенствованию своей ортологической компетенции: в качестве черты ее речевого поведения нужно указать на постоянную работу со словарями и другими изданиями справочного характера.

В повседневной коммуникации Z ориентирована на литературную РР, которая у нее лишена не свойственных разговорному общению субстратов, будь то просторечные или книжные вкрапления. Отличительной чертой повседневного общения можно считать повышенную степень косвенности речи, которая проявляется в тяготении к этикетности. Речевые высказывания Z изобилуют формулами вежливости (типа: *Извините пожалуйста; Если вам, конечно, не трудно; Если можно, пожалуйста...; Это, наверное, неудобно; Если это, конечно, удобно; Если я вас не отрываю от дела; Извините, что я вас перебываю; Ой, пожалуйста, извините* и т. п.).

Речевая этикетность проявляется у Z даже в общении с близкими людьми (подругами, мужем) ((Мужу) *Если тебе/ конечно не трудно/ закрывай за собой холодильник//;* (Подруге) *Ты меня/ конечно извини/ но ты не права//* и т. п.).

Косвенность речи проявляется у Z в стремлении выразить иллюкутивное значение непрямым образом: намеком, косвенным актом.

- (Предлагая поужинать) *Я так понимаю/ ужинать ты не хочешь//;*
- (Мужу) *Ты меня конечно/ извини// Я конечно/ не могу тебя заставить// Но по-моему/ ты в этой куртке/ похож на бомжа//*

Надевай что хочешь/ это твое право// Но мне с тобой будет/ просто стыдно идти//;

(Желая рассказать о впечатлениях от нового курса лекций)

— Тебя/ конечно не интересует/ как у меня прошла лекция//

Разговорное общение Z практически лишено просторечных элементов; нет в нем и сниженных просторечно окрашенных инвектив. В качестве черты языкового портрета Z следует считать и резкое неприятие табуированной лексики в любой коммуникативной ситуации. Она никогда не использует матерные слова сама и болезненно реагирует на них при восприятии (*Когда я слышу мат/ у меня все внутри сжимается//*).

Однако в повседневной коммуникации Z демонстрирует довольно высокую степень эмоциональности. В общении с самыми близкими людьми она активно использует высказывания, имеющие яркую эмоциональную окрашенность.

— Слушай/ в Вязовке так здорово! В лесу тихо/ прелесть!;

— Ну что/ дают зарплату? Ура!!;

— Представляешь/ два часа на остановке простояла// Кошмар! Дурдом просто!;

— И ты тут работаешь?! Да ты чё!;

— Смотри/ котенок// Хорошенький какой!!.

Вообще стремление к экспрессии при помощи различных стилевых средств следует считать особенностью речевого поведения Z. При этом для создания экспрессии используется и игровое употребление небольшого числа жаргонных слов (*Для прикола; Ни фиги себе!; Обалдеть; Они меня достают* и т. п.):

— (Подруге) Тань/ ты на меня не обиделась? Это я так/ прикалываюсь// Шучу//;

— (Мужу) Я не могу// Сегодня меня детки [ученики] просто достали//

В целях речевой выразительности Z широко использует и языковую игру в ее классическом виде — игру формой на разных уровнях языковой структуры.

А. — Ты есть хочешь?

*Z. — Пока еще только **захачиваю**;*

— Возьми другую ложку// Эта **кашная** [испачкана в каше];

— Ты на работе **до когда** будешь?;

Z. — (Мужу) Утром/ ты что делаешь?

M. — Ты же знаешь/ у меня ГЭК//

Z. — И долго вы **гэчиться** будете?;

— Думаю/ что сын твой не только тебя достигнет/ но и **перестигнет**//;

— Ну/ знаешь/ это уже **виталиковщина** какая-то [от имени Виталик]//;

— Что-то ты кашляешь// Надо **тебя** побыстрее **выздороветь**//;

— Слушай/ ты булки какие купил/ с **зюпой** [изюмом]?

Любопытной особенностью речевого поведения Z можно считать использование для речевой экспрессии элементов чужого слова. Ее дискурс наполнен высказываниями, которые либо принадлежат общим знакомым, либо пародируют стилевые принадлежности чужой речи. С этой целью Z использует рефлексивы — своеобразные метатекстовые указатели на источник цитируемого высказывания или слова.

— Она/ говоря твоими словами/ почти похожа на человека//;

— Это/ как обычно говорит З. С./ несерьезно// Просто детский сад//;

— Я это учту// Говоря в стиле новояза/ возьму на вооружение//;

— Вот такая/ как ты обычно выражаешься/ пресуппозиция//;

— Тут/ можно сказать в стиле N/ Простите!//;

— Как в этом случае хорошо говорит N./ Что теперь сделаешь? Теперь уж ничего не сделаешь//;

— Здесь у нас будет/ выражаясь маманькиным слогом/ текущая обувь...

В ситуациях информативного общения Z широко использует самые разнообразные дискурсивные стратегии. В качестве черты ее языковой личности можно отметить успешное применение нарративных стратегий дискурсивного мышления. Очень хорошо это про-

является в построении рассказа об увиденном: структура дискурса в этом случае имеет четкий иерархический характер; предикат первого порядка намечает тему будущего высказывания, затем идет разворачивание этой темы, где периодически используется фигура сужения (сворачивание информации) и т. п. При этом, не нарушая общей повествовательной канвы, рассказ сопровождается метатекстовым комментарием. Наиболее отчетливо указанные особенности проявляются у Z в профессиональном общении: в общении с коллегами (она преподает в вузе и в лицее) и со студентами; однако эти же черты находят выражение в повседневном общении с друзьями и родственниками.

(1) А. — Ну что там/ с француженкой? Дала она урок?

Z. — Да/ ты представляешь! Француженка урок дала// И детки прекрасно себя вели// Не зря я с ними работу провела// Ты/ конечно/ скажешь/ что я хвалюсь// Но мне кажется/ в том/ как они вели себя/ проявилось/ как они ко мне относятся// Ну/ что мои слова для них/ не пустой звук// Весь урок сидели/ писали// Даже в одном месте/ она слишком быстро продиктовала/ они не поняли// Так они/ даже не переспросили//... Она такая славная/ смущается/ краснеет// Но/ слава богу/ все прошло прекрасно...

(2) А. — Ну/ как там твой ученик?

Z. — Плохо// Понимаешь/ я никак не могу/ научить его писать/ одну и две эн/ в прилагательных и причастиях// Он до сих пор не может отличить/ причастие от прилагательного// А прилагательное от существительного// Такая особенность мышления/ или речи// Не может задать вопрос к слову// А поэтому/ не понимает/ где какая часть речи// Не знаю// По-моему/ у него/ что-то с головой не в порядке...

Отмеченные особенности речевого поведения Z очень хорошо высвечиваются в дискурсе с чужой речью: притом что основным способом изображения высказывания другого человека у Z выступает форма прямой речи, в ее дискурсе присутствуют и иные «аналитические» способы передачи чужой интенции — косвенной, тематической и даже несобственно-прямой речи.

Z. — Помнишь/ я тебе про мальчика из лицея рассказывала/ ну/ с могильным юмором?

А. — Да/ и что он?

Z. — Представляешь/ он в сочинении пишет о Тургеневе// «Отцы и дети»/ оказывается/ произвели на него неизгладимое впечатление// Оказывается/ это его самый любимый писатель// Я думала/ он шутит/ как всегда// Нет/ говорит/ что с детства полюбил/ и все время перечитывает// А вот Набоков/ ему не нравится// Я спрашиваю/ почему? Да/ вы знаете/ мрачно у него все как-то...

По доминирующим установкам в отношении участников речевого акта Z можно отнести к кооперативным актуализаторам: в своем общении она ориентирована на собеседника, демонстрирует стремление встать на его точку зрения.

А. — Слушай/ я в шоке/ мне не приходит утверждение!

Z. — Ну/ ты подожди// Рано паниковать// Оно не сразу приходит// Ирка вон/ целый год ждала// А сейчас и вовсе/ в ВАКе там сейчас/ все меняется//

А. — Ой/ не знаю// У меня всегда все не по-людски// Всем приходит/ а меня могут не утвердить//

Z. — Да нет// Так не бывает// Успокойся// Ты уже кандидат// Степень не ВАК/ а совет присуждает//

А. — Ты думаешь?

Z. — Ну хочешь/ я позвоню в ВАК?// Я спрошу у О. Б. телефон...

Однако неконфликтность Z, нежелание говорить собеседнику неприятные вещи приводит к появлению в ее речевом поведении черт кооперативно-комфортных.

А. — Я не знаю/ неужели N вечно собирается/ на шее у матери сидеть?

Z. — Не знаю/ не знаю//

А. — Пора/ в конце-то концов/ ей самой деньги зарабатывать!

Z. — Да уж/ вообще-то пора...

А. — Хватит/ с родителей тянуть!

Z. — Да/ конечно...

Негативной стороной подобной особенности речевого поведения становится своего рода речевая мимикрия, которая проявляется в том, что Z старается (если речь не идет о принципиальных для нее этических проблемах) говорить то, что желает услышать собеседник.

Такое стремление некоторыми собеседниками трактуется как беспринципность и даже хитрость.

В ситуации явного недовольства собеседником, конфликта Z снимает стресс путем демонстрации обиды, проявляя агрессию средствами повышенной семиотичности.

(Мужу, вернувшемуся поздно домой)

— Я/ конечно понимаю/ ты можешь задержаться// Но ты же мож позвонить! Нет/ ну как ты можешь! Это/ я не знаю... Так просто нельзя! Я же волнуешь! У нас есть телефон...

Сказанное позволяет квалифицировать языковую личность Z как ярко выраженную куртуазную. Куртуазность мотивируется и приведенными выше чертами повышенной этикетности и косвенности в речевом поведении Z в официальной и неофициальной коммуникативных ситуациях.

Рассматривая речевую компетенцию Z в аспекте жанровой природы ее дискурсивного мышления, следует прежде всего указать на хорошее владение нормами помимовольной коммуникации — как информативной (рассказ, просьба, вопрос и т. д.), так и фатической (гипержанры дружеского и семейного общения). В жанрах нериторических Z избегает всех конфликтных тактик взаимодействия. Она практически никогда не говорит колкости, не употребляет инвектив, угроз и т. п. Довольно значительный дискомфорт испытывает Z в жанре болтовни: обычно здесь она полностью отдает коммуникативную инициативу партнеру. Жанру болтовни она предпочитает разговор по душам.

В риторических речевых жанрах Z демонстрирует высокую степень социолингвистической компетенции. Она уверенно строит свой дискурс в сфере публичной информативной коммуникации: официально-деловом и профессиональном общении (разговор с начальником, интервью с чиновником любого уровня, речь в официально-бюрократических ситуациях и т. п.). Столь же свободно Z чувствует себя в области риторической фатики, куда можно отнести публичное и светское общение (беседа на кафедре с коллегами, разговор в кулуарах научной конференции и т. п.). Кроме того, она легко может поддержать беседу с незнакомым человеком в поезде, без подготовки выступить перед большой аудиторией, дать интервью и т. д. При необходимости Z способна поддержать флирт, произнести тост. К числу

недостатков риторического поведения можно отнести неумение рассказывать анекдоты. Характерно, что Z знает свои речевые возможности и старается не выступать в несвойственной ей речевой роли.

Цитатный слой ее сознания многообразен. Наиболее очевидными источниками субкультуры Z можно считать следующие прецедентные тексты: во-первых, русская классика (*Ну знаешь/ это еще похвала небольшая//* (А. С. Пушкин); *Не помню/ когда это было// День был без числа//; У него легкость в мыслях необыкновенная//; Я хочу сообщить вам/ пренеприятнейшее известие//* (Н. В. Гоголь); *Завтра опять в лицей// И вечный бой/ покой нам только снится//* (А. Блок); *Знаешь/ если люди на семинар ходят/ значит/ это кому-нибудь нужно//; А ты никогда не ошибался?// Все мы немного лошади//* (В. Маяковский); *Вот и февраль// Февраль/ достать чернил/ и плакать//* (Б. Пастернак); *Ну что ты ко мне пристала// Сижу/ никого не трогаю/ починяю примус//* (М. Булгаков) и т. д.); во-вторых, телереклама (*Ну/ очень смешные цены//* («Русская Америка»); *Не просто/ а очень просто//* («Селдом»); *Ну что/ по мороженому// Не дадим себе засохнуть//* («Спрайт»); *Директора еще нет/ ждем-с//* (Банк «Империал») и т. п.); в-третьих, фразочки из телепередач, главным образом культурно-развлекательного характера (*Ну/ все ясно// Начались приколы нашего городка//* («Городок»); *Ну вопрос конечно/ интересный//* (Р. Карцев); *Ты сам-то понял/ что спросил//* (Я. Арлазоров); *Есть такая буква//* («Поле чудес») и т. п.); в-четвертых, перестроечная и постперестроечная политическая прецедентность (*Борис/ ты не прав!//* (Е. К. Лигачев); *Процесс пошел//* (М. С. Горбачев); *Не могу принципами поступиться//* (Н. Андреева); *Есть такой человек/ И ты его знаешь//* (из предвыборной рекламы А. Лебеда); *Это однозначно//* (В. Жириновский); *Хотели/ как лучше// А вышло/ как всегда//* (В. Черномырдин); *Жить стало лучше/ жить стало веселее//* (И. Сталин); *Народ и партия едины// Народ и партия/ кретины//* и т. д.); в-пятых, выжимки из песенных текстов (предпочтение — бардовской песне) (*Я дежурю/ по апрелю//; Девочка плачет/ шарик улетел//* (Б. Окуджава); *Ты/ Тань/ на грубость нарываешься//; Чуть помедленнее кони//* (В. Высоцкий); *Ну/ что пьем до дна// За тех кто в море//; Опять у нас// Новый поворот//; Мне на вид/ ровно двадцать пять//* (А. Макаревич) и т. д.); в-шестых, семейная субкультура (*Вышла я на Павелецком вокзале//* (выражение дяди Z, когда он требовал подробного рассказа о поездке в Москву — говорится при требовании рассказывать о чем-либо подробно); *Ну что ж*

теперь сделаешь/ теперь уж ничего не сделаешь// (сентенция младшего родственника, оправдывающего свое обычное бездействие); *А эт/ чтоб кто съел?//* (фраза, произнесенная Z, когда ей было пять лет; говорится о лакомствах) и т. п.).

Проецируя черты речевого портрета Z на особенности ее биографии, можно утверждать, что в качестве одного из определяющих факторов становления данной языковой личности выступает влияние семейных традиций. Z воспитывалась в окружении гуманитариев с высшим образованием и высоким уровнем речевой компетенции: ее мать — выпускница Московского историко-архивного института, отец и две тетки — филологи по образованию, причем одна из них — учитель-словесник с сорокалетним стажем. Обе тетки — носители элитарной речевой культуры. Духовная атмосфера, которая с детства окружала Z, включала в себя устойчивый интерес к русской «высокой» литературе; в качестве постоянного характерного признака в ней присутствовала рефлексия по поводу речевого поведения, осознанная ориентация на правильную литературную речь.

Кроме того что Z впитывала речевые впечатления на бессознательном уровне, в ее детстве присутствовал момент осознанного обучения хорошим манерам, которые включали в себя приобщение к нормам ролевого и жанрового речевого поведения. Отчасти это связано с тем, что Z была единственным ребенком у довольно большого количества «воспитателей» (обе ее тетки детей по разным причинам не имели). Детство Z проходило по смешанному сценарию (ближе к ролевому стереотипу «избавителя»), который можно обозначить как «оранжерейный ребенок». Сюда можно добавить влияние дедушки, человека глубоко интеллигентного, который прививал любимой внучке правила хорошего тона. Владение формами не прямой коммуникации, формулами речевого этикета, умение демонстрировать внимание к собеседнику — результат такого осознанного воспитания. Здесь кроются причины куртуазности речевого поведения Z. Сюда же можно отнести истоки неконфликтности ее языкового облика, тяготение к кооперативным способам коммуникации. Отсутствие конфликтности продиктовано и особенностями личностной структуры, образовавшейся в результате взаимоотношений в семье: плюсы в позициях «Мы» (отношение к близким), «Ты» (отношение к друзьям), «Вы» (отношение к коллегам) и «Они» (отношение к людям вообще).

Благополучное детство стало причиной того, что психологическое Дитя описываемой языковой личности не испытывало подавления и образовало в ролевой структуре Z довольно значительный слой, проявляющийся в ситуациях общения с близкими и друзьями в эмоционально окрашенных дискурсах. Именно это начало выступает в поведении Z (и в том числе — речевом) источником творческой активности, энергии, стимулирующей ее деятельность и активность.

Притом что воспитание Z проходило под контролем взрослых, ее личностные интересы уважались с самого раннего детства. В контроле отсутствовал момент диктата. Более того, сами взрослые, окружавшие Z с детства, часто демонстрировали определенную степень инфантильности и непрактичности. Отчасти этим был вызван ранний развод ее родителей, который, однако, не исключил отца из кругозора дочери. Названные факторы стали причиной того, что внутренний Родитель Z сформировался лишь на уровне соблюдения этикетных форм хорошего тона, а в целом — оказался довольно слабым. С этим же (разводом родителей) связано появление в структуре ее личности мерцающего минуса в позиции «Я» (что привело к возникновению у Z некоторой неуверенности в себе). Названные причины вызвали стремление к компенсации, результатом которой, в свою очередь, стала активная жизненная позиция, проявляющаяся в речевом поведении в виде доминантности и мобильности. Появлению этих черт способствовали такие индивидуально-личностные характеристики психологического портрета, как темперамент (холерический) и экстраверсия.

Атмосфера любви близких дополнялась определенной интеллигентской беспомощностью родственников в вопросах быта. Это привело к тому, что Z довольно рано стала оказываться в позиции «старшего» по отношению к своим родителям. Подобный статус способствовал усилению в строении ее личности начала, которое Э. Берн называет «Взрослым». Нужно сказать, что это Я-состояние является доминирующим в ролевой структуре поведения Z. Сильный Взрослый, сформировавшийся еще в младшем подростковом возрасте, предопределил общие тенденции развития дискурсивного мышления описываемой языковой личности. Отмеченный фактор стал источником доминирующих в речевом портрете Z черт. Прежде всего это проявилось в информативных видах речевой коммуникации: Z овладела различными способами освоения, компрессивной перекодировки и подачи информации в собственном речевом сообщении. Указан-

ные психолингвистические особенности ее речевого поведения стали предпосылкой успешной профессиональной деятельности и в качестве вузовского преподавателя, и в роли сотрудника газеты, и в функции ведущего телерубрики. Отмеченные свойства усиливались левополушарной доминантой речевого мышления Z.

Сильный Взрослый и благополучное Дитя, сформированные в результате воздействия семейных отношений, стали причиной еще одной черты речевого облика Z, которую мы определим как тенденцию к осознанной экспрессии. Это находит выражение в контроле радио за использованием в речи стилистически окрашенных языковых средств. Притом что базовый слой языкового сознания Z, сформированный в дошкольном, младшем школьном и раннем подростковом детстве, питается возможностями литературного языка, в более старшем возрасте она начинает сознательно включать в свой дискурс элементы чужой, и в том числе — нелитературной, речи. Подчеркнем, что подобные приемы появились в речевом поведении довольно поздно: в ранней студенческой юности, когда в структуре ее личности доминировал Взрослый. Поэтому все эти средства экспрессии (к ним относятся и жаргонные вкрапления, и отсылки с использованием рефлексивов, языковая игра и т. п.) употребляются не на помимовольном уровне, а как осознанные риторические приемы, которые действуют на фоне «врожденной» ортологической грамотности.

Отмеченные особенности характеризуют и функционирование в речевом поведении Z языковой субкультуры. Набор прецедентных текстов, выступающих источниками цитатного слоя ее сознания, в значительной степени напоминает субкультуру Y. Отличия можно обнаружить в несколько большей степени политизированности Z, мотивированной ее принадлежностью к средствам массовой коммуникации. Однако в качестве индивидуальных особенностей можно указать на отсутствие защитных функций цитирования. Как правило, цитаты используются в ее речи лишь как средство дополнительной экспрессии и осознанного украшения дискурса.

*

Сравнение черт речевых портретов разных языковых личностей, рассмотренных в ракурсе их речевых биографий, позволяет сделать выводы о некоторых особенностях формирования дискурсивного мышления человека: о становлении социолингвистической компетен-

ции языковой личности. На процесс формирования индивидуального облика языковой личности оказывают воздействие разные факторы.

Прежде всего здесь можно говорить о психофизиологических генетических предпосылках становления дискурсивного мышления. Это, во-первых, характер функциональной асимметрии головного мозга, врожденная предрасположенность к доминирующей роли правого или левого полушария в руководстве речевой деятельностью, во-вторых, особенности темперамента, предопределяющие соотношение в коре головного мозга процессов возбуждения и торможения и т. п. Нужно сказать, что физиологические особенности личности влияют на формирование дискурсивного мышления в достаточной степени опосредованно. Они лишь создают общую базу для возникновения тех или иных стратегических предпочтений речевого поведения носителя языка. Так, в описанных речевых портретах особенности темперамента косвенно повлияли на развитие определенных черт личности X: сила и сбалансированность процессов возбуждения и торможения, свойственные сангвиническому темпераменту, создали хорошее основание для формирования мобильности ее речевого поведения и его доминантного характера. Можно также говорить о косвенном воздействии темперамента на становление языковой личности Y: слабость процессов возбуждения и торможения создала предпосылки для недоминантности, ригидности и, отчасти, центрированности речевого поведения. Что же касается Z, то холерический темперамент практически никак не повлиял на формирование ее языковой личности. У последней из описанных личностей в развитии дискурсивного мышления гораздо большую роль сыграла левополушарная доминанта речевого поведения. Особенности функциональной асимметрии головного мозга неявно предопределили некоторые черты речевых портретов Y и X. Однако, повторяем, психофизиологические особенности, видимо, оказывают лишь косвенное воздействие на процесс речевого становления языковых личностей.

В значительно большей степени структуру личности в целом и языковой личности в частности предопределяют отношения в семье, которые складываются в первые годы существования человека (дошкольное детство). Здесь на первый план выступает сценарий формирования коммуникативных черт характера, т. е. так называемый социогенез: ролевая позиция, навязываемая ребенку взрослыми. Совершенно отчетливо прослеживается закономерность: если X и Z

воспитывались в соответствии со смешанными сценариями, близкими к стилю «Избавителя» («надежда семьи» и «оранжерейный ребенок»), то Y навязывалась роль «Преследователя» («гадкий утенок»). В результате у двух первых — активная жизненная позиция (плюс в позиции «Я»), мобильность в речевом поведении. Давление родителей, к которому добавился общий комплекс неполноценности у Y, привел ее к стойкому минусу в позиции «Я», следствием которого отчасти стал сильный слой в психологической структуре — Родитель. Неодинаковый характер отношений с родителями у X и Z (при сходстве — раннее отсутствие отца) привел к увеличению у X роли Дитя в общей структуре ее личности, а у Z, напротив, — увеличению роли Взрослого. Разница в соотношении ролевых начал, как равно и плюсов и минусов в разных позициях («Я», «Ты», «Мы», «Вы», «Они», «Труд»), довольно отчетливо проявляется в речевом поведении каждой из рассматриваемых личностей. Сюда можно отнести конфликтность и инвективные предпочтения X, «речевую сублимацию» и многочисленные коммуникативные неудачи в ее РР; диглоссный принцип использования речевых средств Y, наличие в ее речевом поведении защитной маски и «ортологической неврастении»; хорошее владение системой риторических жанров и умелое использование нарративных стратегий Z, присутствие в ее речевом поведении «рациональной экспрессии» и мн. др.

Если ролевые сценарии определяют формирование черт портрета языковой личности на уровне общих стратегий речевого поведения, то социально-коммуникативная среда, в которой находилась языковая личность в детстве, отражается в ее речи в конкретных языковых проявлениях. Так, просторечные впечатления детства X создали довольно сильный слой ее языкового сознания, в котором отразился и круг чтения в младшем школьном и подростковом возрасте, и жанровые предпочтения окружающих ее с детства людей и т. п. То же можно сказать и о первых коммуникативных впечатлениях Y: сленг Заводского района соседствует в ее сознании с представлениями о правильном «нормальном» речевом поведении. Иная картина наблюдается при рассмотрении речевой эволюции Z: свободное владение впитанными с раннего детства образцами литературного языка дополняется и усиливается в ее дискурсивном поведении целенаправленным воспитанием, формированием речевой культуры как результатом осознанных усилий со стороны взрослых.

Наконец, в качестве важного (если не решающего) фактора становления дискурсивного мышления языковой личности необходимо указать на осознанное самоусовершенствование своей собственной коммуникативной компетенции. Именно оно предопределило выбор профессии всех трех рассмотренных нами носителей языка — филологический факультет вуза; именно оно стало (при различии факторов социогенеза) причиной того, что все трое стали носителями достаточно высокой речевой культуры. Схожесть образования и в дальнейшем профессии становится причиной сближения в общих показателях дискурсивного мышления изображенных нами языковых личностей. Особенно наглядно общность черт речевого портрета проявилась в информативных регистрах речи. Она же предопределила и сходство цитатного слоя, общность прецедентных текстов (русская литература), наполняющих языковое сознание. Однако и здесь мы можем констатировать отличия, предопределяемые разными социальными влияниями в пору студенческой юности: увлечение Z политикой (свойственное начинающему журналисту) привело к появлению в ее сознании политической прецедентности; кроме того, подбор составляющих субкультуру фраз у каждой языковой личности соответствует общему облику ее речевого портрета.

5. ДЕТСКАЯ РЕЧЬ

Онтопсихолингвистика*

Как человек овладевает одним из важнейших приобретений культуры, которое отличает его от других обитателей нашей планеты, — способностью к общению? Как проявляются первые коммуникативные элементы в младенчестве? Как на их основе формируется сложная система детского языка? Как речевое развитие соотносится с развитием интеллекта и социального опыта ребенка? В чем особенности речевого поведения школьника? Как развитие мозга влияет на особенности коммуникации? Как способность к коммуникации влияет на характер человека? На все эти и многие другие вопросы дает ответ молодая отрасль научного знания — **ОНТОПСИХОЛИНГВИСТИКА** (возрастная психолингвистика).

Изучение речевого онтогенеза имеет и теоретическое, и сугубо практическое значение. Только узнав, как у человека появляется и формируется способность говорить и думать, можно понять существенные свойства его психики. Зачастую лингвисты ищут отгадку тайн возникновения и развития коммуникации в исторических памятниках. В душных и пыльных кабинетах они бережно разбирают древние рукописи; затаив дыхание, вглядываются в папирусные свитки и берестяные грамоты.

А рядом бегают и громко продуцируют речевые произведения жизнерадостные «объекты» возможных научных трудов. Дети разных национальностей, говорящие на разных языках, разного пола, разных возрастов, разные по своему социальному происхождению и опыту —

---

* Глава из книги: *Седов К. Ф.* Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. С. 173—211.

вот они, живые и симпатичные источники речевого материала. И сам этот материал — многообразный и свежий — находится в полнейшем небрежении и пропадает зазря. Не нужно совершать археологических экспедиций и делать раскопок; нужно только обратить свой слух и взор к нашим детям, племянникам и племянницам, внукам и внучкам. Занятие это не просто полезно, оно весело и увлекательно.

Познание законов речевого развития человека имеет не только чисто практическое, но, я бы сказал, государственное значение. Каждый родитель, воспитатель, школьный учитель, психолог, логопед, тренер, вузовский преподаватель, врач и т. п. должен (я подчеркиваю это слово — должен) знать, как в норме происходит становление способности ребенка, подростка, юноши к общению. Как этот процесс связан с развитием интеллекта становящейся личности? Какова роль в нем окружающих ребенка людей? Они должны знать, что может способствовать, стимулировать его нормальное, полноценное протекание, а что может помешать, нарушить речевую эволюцию. Знания эти смогут избавить маленького человека от больших проблем в его будущей жизни. Смогут помочь нам всем вместе воспитать здоровое жизнеспособное поколение, поколение будущих граждан нашей страны. Кроме этого, онтопсихолингвистика несет в себе привычную для гуманитарных наук миссию: она позволит построить мосты между людьми разного возраста, помочь обществу в решении вечной проблемы отцов и детей...

Речевой онтогенез как предмет научных исследований очень похож на многогранный кристалл, каждая сторона которого есть самостоятельный аспект, отдельная научная проблема. Разные науки изучают разные плоскости процесса коммуникативного становления человека. И в этом разнообразии подходов теряется единство и уникальность самого предмета. Онтопсихолингвистика стремится объединить достижения разных исследователей и воссоздать, реконструировать целостную, объемную модель становления коммуникативной компетенции человека.

Интерес ученых-гуманитариев к проблеме онтогенетического развития коммуникативной компетенции в нашей стране возрастает год от года. Для обозначения науки о детской речи предлагаются разные термины, в том числе: *психология детской речи* и *лингвистика детской речи*, *онтолингвистика*, *возрастная лингвистика* и *теория логогенеза* т. п. Однако на нынешнем этапе своего развития

наука о речевом онтогенезе пока еще предстает в виде серии мало связанных между собой по задачам, методам и материалу исследований. Это обусловлено, главным образом, тем, что детская речь изучается учеными, которые принадлежат к разным научным направлениям, а подчас — и к различным наукам. Традиционно детская речь выступает объектом исследований и лингвистов, и психологов, и логопедов, и педагогов, специализирующихся в области преподавания родного языка в школе.

У онто-УЛ свой аспект в рассмотрении общего для УЛ-науки предмета. Ее предметом следует считать процесс становления коммуникативной компетенции индивида.

Онтопсихолингвистика пока еще не имеет четко проведенных границ внутреннего членения. Однако в ней уже сейчас можно выделить комплексы проблем теории речевого развития, дословесной стадии становления коммуникативной компетенции, онтогенеза языкового сознания, вопросы эволюции детского дискурса, становления речевого мышления, формирования коммуникативных черт характера и, наконец, нейролингвистический аспект речевого развития.

5.1. Методы онтопсихолингвистики

Как молодая научная отрасль, онтопсихолингвистика активно использует исследовательский инструментарий смежных областей знаний.

Подобно многим гуманитарным по преимуществу наукам, она в качестве главной своей задачи видит создание модели, которая отражает основные закономерности изучаемых явлений. Для этой цели в рамках возрастной УЛ широко используются методы языковедения — **описательный** и **сопоставительно-описательный**. Описывая какой-либо процесс, исследователь вынужден систематизировать факты коммуникативных проявлений, группируя их на основе разных признаков. Результатом такого вида анализа становятся разнообразные типологии, или классификации, форм речевого существования становящейся личности. Для обработки многообразного материала и выявления динамики (изменения) в речевом поведении человека широко используются **статистические методы**, от простого количественного подсчета до привлечения сложных формул высшей математики

Для того чтобы получить необходимый для анализа речевой материал, онтопсихолингвистика использует **методы психологии**, и прежде всего **наблюдение** и **эксперимент**.

Среди разных видов наблюдений исследователи речевого онтогенеза чаще всего прибегают к **лонгитюду**, или методу длительных регулярных наблюдений за одним или несколькими испытуемыми. Именно на подобном подходе строились первые родительские дневниковые записи, которые становились основой для создания первых моделей становления коммуникативной компетенции ребенка. При кажущейся простоте **лонгитюдные наблюдения** предполагают следование довольно строгой системе требований. К ним относятся: 1) точная датировка появления нового языкового феномена в речевой практике ребенка; 2) использование специальных знаков (транскрипции) в изображении языковых новообразований; 3) подробное описание особенностей коммуникативной ситуации, в которой протекает наблюдаемое явление (характер взаимоотношений говорящего с адресатом, цель высказывания и т. п.); 4) четкая фиксация невербального сопровождения высказывания (мимики, жестики и т. д.) и т. п.

Новые возможности для проведения лонгитюдных исследований открылись с распространением аудиовизуальных средств получения речевого материала.

Притом что лонгитюд был и остается надежным методом получения речевого материала для исследования онтогенетических процессов речевого развития, центральным методом общей, а стало быть, и возрастной психолингвистики является **эксперимент**.

Эксперимент — метод психолингвистического исследования, в основе которого лежат специально подобранные задания, предназначенные для участников опытов — испытуемых. В психолингвистику эксперимент пришел из смежных наук, прежде всего — из психологии. В психологии эксперименты, во-первых, подразделяются на естественные и лабораторные.

Естественные эксперименты основываются на опытах, проводимых таким образом, что их участники не догадываются о том, что они выступают в качестве испытуемых. В лабораторных экспериментах их участники знают, что они будут выполнять функции испытуемых.

Другая дифференциация экспериментов — на констатирующие и формирующие.

Констатирующий эксперимент в исследованиях по возрастной психолингвистике используется значительно чаще. Его цель — установить уровень коммуникативного развития испытуемых.

Формирующий эксперимент проводится для того, чтобы выработать у группы испытуемых новые навыки коммуникативного поведения. Формирующий эксперимент обычно проводится в течение достаточно длительного времени. В нем принимает участие две группы испытуемых: контрольная и экспериментальная.

В рамках экспериментального исследования по возрастной психолингвистике чаще всего используется принцип «срезовых замесов», который предполагает проведение эксперимента с двумя или более группами испытуемых, которые отличаются по возрасту или по каким-либо иным социально-психологическим характеристикам. Каждой группе предлагается одинаковый набор заданий. Отличия в полученных результатах позволяют судить о возрастной динамике, характеризующей процесс становления коммуникативной компетенции.

В рамках экспериментального исследования онтопсихолингвистика широко использует разнообразные методики получения речевого материала для сопоставительного анализа. К их числу можно отнести:

Опрос — устные или письменные ответы на серию заранее поставленных вопросов. Опросы могут быть лаконичными, а могут приобретать характер развернутых рассуждений типа школьных сочинений.

Анкетирование — разновидность опроса, в которой при значительном количестве вопросов предполагается лаконизм в ответах. Анкеты можно предлагать как детям, так и родителям.

Тест — система вопросов с готовыми вариантами ответов, из которых необходимо выбрать правильный. Тесты удобны для последующей статистической обработки полученных данных.

Разные аспекты становления коммуникативной компетенции предполагают при изучении использование разных методик и подходов. Так, для исследования эволюции детского языкового сознания очень хорошо подходит методика исследования свободных ассоциаций. Она довольно широко распространена в психолингвистике, т. к. при научной эффективности не требует больших усилий. Эксперимент, основанный на такого рода методике, проводится следующим образом. Перед испытуемыми лежат листы бумаги с пронумерованными строками. В верхней части листа заполняются сведения об участнике опытов (возраст, пол и т. д.). После этого экспериментатор объясняет процедуру эксперимента. Убедившись в том,

что испытуемые поняли суть задания, он начинает произносить слова-стимулы; участники эксперимента записывают первое пришедшее на память слово-реакцию. В случае, если в качестве испытуемых выступают дошкольники, эксперимент проводится устно.

Разновидностью ассоциативного эксперимента, который может применяться для изучения речевого онтогенеза, выступает направленный ассоциативный эксперимент. Примером такого эксперимента может быть подбор антонимов (слов с противоположным значением) к слову-стимулу. Другой пример: задание на продолжение предложения, в котором пропущено последнее слово.

Одна из наиболее старых методик возрастной психолингвистики — методика толкования слова. Она заключается в описании содержания значения, которое передает то или иное слово.

Более сложным методом исследования разных явлений языкового сознания является методика семантического дифференциала. Она заключается в том, что испытуемый должен дать оценку какого-то явления на основе шкалы, которая располагается между двумя противоположными признаками. Шкала включает в себя разное количество делений. Приведем пример. Испытуемым предлагается оценить по пятибалльной шкале какой-либо речевой феномен, например звук (звукобукву) «р» в системе «активный — пассивный». Максимально выраженное качество (активность) = 5, минимально (пассивность) = 0. Не задумываясь, испытуемые должны поставить оценку (или же — отметить степень качества на отрезке, имеющем пять делений).

Для изучения особенностей дискурсивного мышления широко используются методики, в рамках которых предполагаются экспериментальные задания, содержание которых состоит в перекодировании содержания при порождении и понимании текста. Для этой цели можно использовать разного рода визуальный материал (картинки, серии картинок, видеофильмы, мультфильмы), который демонстрируют испытуемым с тем, чтобы они передавали содержание видеоряда при помощи вербальных средств. В качестве заданий подобного типа хорошо подходит составление (устное и письменное) рассказа по данным ключевым словам, по данному началу или теме, пересказ искаженных текстов (текстов без начала, концовки; текстов, в которых сознательно нарушена логика изложения, и т. п.).

Поиски новых методов и методик в науке о становлении коммуникативной компетенции приводят к осмыслению возможности иного аспекта исследования процесса речевого онтогенеза, который можно было бы назвать ретроспективным подходом. Суть его заключается в том, что в качестве предмета изучения выступает языковая личность взрослого, вполне сформировавшегося человека. Основным предметом такого исследования становится персональный дискурс, анализ которого позволяет создать речевой портрет, модель идиостиля, отражающую уникальную картину речевого поведения человека в разных коммуникативных условиях. Онтопсихолингвистический ракурс исследования заключается в том, что образ языковой личности, созданный в результате анализа речевых действий, рассматривается через призму речевой биографии человека, что позволяет реконструировать своеобразие процесса становления коммуникативной компетенции конкретного пользователя языка, двигаясь как бы в обратном направлении.

Подобный анализ речевого материала напоминает работу реставратора: вглядываясь в речевой портрет, снимая слой за слоем краску, исследователь может в статичном облике раскрыть драматургию процесса становления человека в одном из наиболее существенных проявлений его личности — в способности к коммуникации.

5.2. Экспериментальное исследование становления дискурсивного мышления

Цель работы, результаты которой представлены в настоящем параграфе, состояла в выявлении особенностей формирования скрытых (латентных) механизмов внутренней речи, управляющих порождением и пониманием устных дискурсов. Изучение опиралось на сопоставительный анализ речевого материала, полученного в серии психолингвистических экспериментов с тремя группами детей школьного возраста: 6—7, 10—11 и 15—16 лет.

Содержанием экспериментов была серия заданий на порождение (рассказ по картинке, по данным теме, началу, ключевым словам и т. п.) и реконструкцию речевых произведений (пересказ текстов — нормальных и искаженных: без начала, концовки, с измененным порядком абзацев и т. п.) или же на перекодирование исходной информации (свертывание информации к ключевым словам или ядерному смыслу) и т. д. Полученный речевой материал позволяет, по наше-

му мнению, выявить некоторые особенности латентных процессов дискурсивного мышления становящихся языковых личностей, что в свою очередь дает основание судить об уровне их психолингвистической компетенции: о степени сформированности механизма внутреннего планирования в ходе порождения дискурса, понимания речевых произведений и т. п. В разработке экспериментальных заданий мы опирались на опыт современной отечественной психолингвистики (см., например: [Брудный 1998; Горелов 1974; 1977; Сахарный 1989; Сорокин и др. 1979; Мурзин, Штерн 1991] и мн. др.).

Каждое задание выполняла группа испытуемых численностью в 20 / 40 человек (всего в экспериментах приняло участие более 200 детей). Таким образом, по каждому типу задания (в зависимости от количества вариантов предлагаемых испытуемым текстов) было получено от 40 до 100 речевых произведений. Во всех экспериментах речь детей записывалась на магнитофон с последующей письменной расшифровкой записей. Запись проводилась (где это было возможно) в условиях непосредственного спонтанного общения. Присутствие экспериментатора, естественно, вносило в речевую ситуацию опытов элемент общения официального.

В описании результатов анализа нами соблюдается следующая последовательность. Сначала воспроизводится образец задания, затем даются три наиболее показательных (типичных) результата выполнения, после чего приводятся статистические данные о частотности тех или иных типов ответов у детей той или иной возрастной группы в относительных цифровых показателях (в процентах). Суммарное описание полученных результатов порождения и понимания речи даем отдельно, следом за описанием экспериментов. Абсолютные числовые показатели, отражающие ход статистической обработки полученных в экспериментах фактов, приводятся в таблицах в конце каждого раздела.

5.2.1. Порождение дискурса

1. Спонтанное описание картинки

Это наиболее элементарное задание направлено на выявление особенностей к порождению спонтанного текста на основе визуального материала (тематика: «Дети в походе»; «Работа школьников в саду»; «Подготовка к Новому году» и т. д.).

Критерием для выделения типов выполнения заданий здесь служит способность испытуемых к созданию связных, композиционно завершенных текстов. Так, первый (а) из выделенных типов представляет собой набор не связанных между собой, но связанных с изображаемой в тексте ситуацией предложений; второй тип (б) — завершённый, связный текст, но лишенный элементов метатекстового обрамления, последний из выделенных типов (в) — не просто связный и композиционно завершённый текст, но дискурс, содержащий метатекстовые элементы, которые передают субъективно-модальное значение.

6—7 лет:	а) — 97 %	б) — 3 %	в) —
10—11 лет:	а) — 12 %	б) — 80 %	в) — 8 %
15—16 лет:		б) — 28 %	в) — 72 %

2. Построение дискурса по данной теме

Испытуемым предлагались наименования тем (сформулированных одним предложением): «Ребята на рыбной ловле», «Дети наряжают елку» и т. д. В краткий промежуток времени (практически с ходу) нужно было составить устный рассказ на предложенную тему. Данное задание вскрывает умение языковой личности спонтанно разворачивать эксплицированный замысел (тему) в целостное и связное речевое произведение.

Основным принципом выделения вариантов речевых произведений выступает степень композиционной завершенности текстов, отражающая характер развертывания данной темы: первый вариант (а) выполнения задания — не вполне связный набор предложений на данную тему; второй (б) — представляет собой связный текст, в котором еще отсутствует экспликация темы и ее последовательное развитие; третий (в) — содержит, кроме элементов связности, композиционную законченность (экспликацию темы, ее конкретизацию и завершение текста).

а) *Дети наряжают елку// Наступает Новый год// Они это.../ вешают игрушки// Получают подарки// Приходит Дед Мороз// А наутро/ под елкой лежат подарки//*

б) *Началась предновогодняя бегодня// Стали наряжать елку// Девочка Лена вешала на елку шары/ красные/ синие/ желтые// Мальчик Витя помогал ей// Пришла мама с работы// и сказала/ Вы*

что-то забыли повесить// И Лена вспомнила про звезду// И они прикрепили звезду// Потом они легли спать/ а утром встали/ и увидели под елкой подарки//

в) Дети наряжают елку// В наряжании елки принимают участие все дети// Те/ кто повыше/ вешают игрушки наверх// Кто пониже/ внизу// Внизу надо вешать большие игрушки// Повыше/ помельче// На елке не должно быть много игрушек/ а то елку не будет видно// Обязательно должна быть гирлянда// И звезда// Все дети веселятся/ и радуются/ когда наряжают елку//

6—7 лет:	а) — 88,8 %	б) — 11,2 %	в) —
10—11 лет:	а) — 7,5 %	б) — 90 %	в) — 2,5 %
15—16 лет:		б) — 21,25 %	в) — 78,75 %

3. Построение дискурса по данным ключевым словам

Школьникам зачитывались ключевые слова, на основе которых они должны были устно составить небольшое речевое произведение. Примеры заданий:

- а) *Лето, дача, река, рыбалка, рыба, уха.*
- б) *Сворец, клетка, дверца, свобода, песни.*

Выполнение этого задания предполагает достаточно сложную аналитико-синтетическую речемыслительную операцию: для составления целостного текста по ключевым словам нужно в кратчайший промежуток времени определить тему будущего сообщения и только после этого развернуть ее в заверченный дискурс.

Выделение типов полученных дискурсов как бы показывает степени усложнения описываемых в микрорассказе взаимоотношений между участниками изображенных событий: в первом тексте (а) — набор предложений с данными словами без заботы об экспликации логики развития сюжета; во втором (б) — появляется экспозиция и изображение мотивов поступков, однако рассказ еще далек от совершенства в композиционном отношении; наконец, третий текст (в) — представляет собой повествование с элементами анализа, размышления на тему, заданную ключевыми словами.

- а) *Сворец сидел в клетке// Мальчик открыл дверцу// Сворец полетел на свободу// Он спел песню//*

б) *У мальчика был скворец// Он сидел в клетке/ и не пел// Мальчик понял/ что птица хочет на волю// И через день отпустил его// Скворец обрадовался/ и улетел в окно// А потом мальчик услышал/ как он поет//*

в) *Поймал мальчик скворца/ и посадил в клетку// Скворец был грустный/ почти ничего ни ел/ ни пил// Он совсем не хотел петь свои песни// Но однажды мальчик оставил дверцу открытой/ скворец вылетел на улицу/ сел на ветку/ и начал петь// Мальчик удивился// Оказалось/ что птица поет только на свободе//*

6—7 лет:	а) — 87,5 %	б) — 12,5 %	в) —
10—11 лет:	а) — 5 %	б) — 83,75 %	в) — 11,25 %
15—16 лет:	а) —	б) — 6,25 %	в) — 93,75 %

4. Составление рассказа по данному началу

В ходе выполнения задания испытуемый должен был без предварительного обдумывания продолжить данное ему начало рассказа. Вариант одного из предлагаемых детям фрагментов.

По улице шел милиционер с собакой. Породистая овчарка немного прихрамывала. Они остановились на углу улицы, и я подошел к ним. Милиционер заметил, что я заинтересовался собакой, и разрешил мне ее погладить. «Почему она хромает?» — спросил я. И лейтенант милиции рассказал мне удивительную историю...

Эксперимент представляет собой усложненный вариант задания 2. Здесь дается начальный фрагмент текста, на основе которого испытуемый в кратчайший промежуток времени должен определить тему будущего дискурса и развернуть ее в связный рассказ. Отметим то, что в начальном фрагменте текста отсутствует экспликация ядерного содержания будущего рассказа. Здесь дается лишь информация о субъекте действия и основная пресуппозиция будущего текста.

Как и в задании 2, полученные результаты здесь группируются на основе уровня способности испытуемых к разворачиванию темы рассказа в связный композиционно завершенный текст. Первый тип (а) текста демонстрирует неспособность к созданию связного речевого произведения; второй (б) — несет в себе продолжение рассказа в виде нескольких предложений; третий (в) — представляет собой

текст, в начале которого дается экспликация темы, которая разворачивается в композиционно законченный дискурс.

а) *...Он рассказал что/ собака/ ну/ это самое...// Надо дом сторожить//... Собака сторожила его// Ну/ а один там человек залез туда// и собака не увидела//*

б) *...Он сказал/ что он служил на границе// И с ним была эта... собака// Однажды она помогала ему/ задерживать преступ.../ нарушителей// И они ее ранили/ ранили в ногу// Ее очень долго лечили/ но не смогли вылечить// И с тех пор/ она хромотает//*

в) *...Это была история про то/ как лейтенант и его верный помощник ловили преступников// Бандиты засели в укрытии// И к ним никак нельзя было подобраться// Тогда пустили собаку// Она бросилась на бандитов/ и вцепилась в.../ одному из них/ в самое горло// Другой выстрелил в нее из пистолета// Тем временем милиционеры кинулись к месту/ где скрывались преступники/ и всех задержали// Собаке сделали операцию/ и она поправилась// Но не совсем// Из-за ранения она стала немного прихрамывать//*

6—7 лет:	а) — 86,25 %	б) — 13,75 %	в) —
10—11 лет:	а) — 5 %	б) — 83,75 %	в) — 11,25 %
15—16 лет:	а) —	б) — 32,5 %	в) — 67,5 %

5. Составление рассказа по данному окончанию

Детям предлагалась концовка текста, по которой они должны были без предварительного обдумывания реконструировать речевое произведение. Пример заданий:

...только теперь Саша понял, что такое настоящая дружба.

Реконструкция текста по данному финалу ставит испытуемого в еще более сложную ситуацию. Здесь выявляется способность языковой личности к оперированию во внутренней речи категориями целостности текста. Чтобы реконструировать речевое произведение в условиях спонтанного речепорождения, говорящий должен обладать способностью к предвосхищению общего смысла текста (его темы) по данному фрагменту. В предлагаемой для прослушивания испытуемым концовке дается резюме, содержащее информацию о субъекте действия и некое этическое обобщение по поводу содержания предшествующего текста.

Варианты текстов в этом эксперименте выделяются по тому же принципу, что и в задании 4.

а) *Саша/ эта/ дружил// Ему не с кем было играть// Потом он познакомился/ эта/ с одним... эта/ мальчиком...//*

б) *Один раз Саша подружился с одним мальчиком// До этого с ним не дружили/ не очень// Когда они пошли гулять/ Саша упал в лужу// Его друг предложил ему пойти к нему домой/ посидеть/ высушиться// Предложил чаю// Так/ что с ним подружился/ и стал делать хорошие дела...//*

в) *У Саши было много знакомых// Но настоящего друга не было// И вот/ как-то раз Саша попал в сложную ситуацию/ пацаны из старших классов стали требовать у него деньги// Иногда они его били// И один из его знакомых/ он занимался боксом/ помог ему избавиться от этих пацанов// И Саша понял...*

6—7 лет:	а) — 75 %	б) — 25 %	в) —
10—11 лет:	а) —	б) — 100 %	в) —
15—16 лет:	а) —	б) — 65 %	в) — 35 %

6. Составление рассказа по началу и концовке

Эксперимент представляет собой как бы комбинацию первого и второго заданий. Образец задания:

Летом мы с ребятами пошли на речку кататься на лодке. Но Андрей не умел плавать...

...Действительно, друзья познаются в беде.

В данных опытах появляется новый элемент: заданность в формировании речевого высказывания. Говорящий в этом случае оказывается в достаточно жестких рамках речепорождения: он должен не просто развить данную в начале рассказа тему, но и подвести ее к финалу, не отвлекаясь на возможные ассоциативные «соскальзывания».

В этом эксперименте мы также группируем полученные речевые произведения по степени композиционной завершенности текста. Тексты группы (а) — несвязный набор предложений на тему, заданную началом и концовкой; тексты группы (б) — реконструкция середины дискурса таким образом, что вместе с данными началом и концовкой она образует не очень большое законченное речевое про-

изведение; тексты группы (в) — самостоятельный композиционно завершенный дискурс, содержащий экспликацию темы, разворачивание которого превращается в рассказ.

а) *...Мальчики начали нырять/ с лодки// И один там Андрей/ эту/ ну он/ эта плавать не умел...//*

б) *...Андрей пошел в воду// А потом начал барахтаться// Ребята думали/ что он играл// А потом догадались/ что он тонет// И пошли его спасать// И спасли его...//*

в) *...Из-за того/ что Андрей не умел плавать/ с ним чуть не приключилось несчастье// Он чуть не утонул// Но его спасли друзья// А дело было так// Ребята поплыли подальше от берега/ и стали нырять// Лодка перевернулась/ и Андрей оказался в воде// Но ведь он/ эта/ плавать-то не умел/ и стал тонуть// Ребята помогли ему выбраться/ спасли его...//*

6—7 лет:	а) — 30 %	б) — 70 %	в) —
10—11 лет:	а) —	б) — 90 %	в) — 10 %
15—16 лет:	а) —	б) — 31,7 %	в) — 68,3 %

7. Предвосхищение (антиципация) смысла текста по данному началу

Детям предлагалось, прослушав данное начало (использовались те же темы, что и в эксперименте 4, но в опытах принимали участие другие школьники), без предварительного обдумывания передать одним предложением содержание всего текста (т. е. эксплицировать его тему). Сложность в проведении этого и двух последующих экспериментов (особенно в опытах с младшими по возрасту детьми) заключалась в непонимании испытуемыми инструкции. Несмотря на то что мы неоднократно заставляли детей повторить задание, многие дети вместо передачи содержания текста пытались составить текст по данному фрагменту.

В данном эксперименте нас интересовала только одна разновидность антиципации — предвосхищение смысла, общего для всего будущего дискурса. Выполнение задания уточняет и дополняет результаты опыта 4. В ходе эксперимента выясняется способность языковой личности в рамках речевого взаимодействия по данному фрагменту

(в данном случае — началу) предвосхищать ядерный смысл будущего высказывания.

Полученные данные мы группируем в три варианта. Основным критерием здесь выступает способность испытуемого к операциям обобщения на уровне предвосхищения общего смысла текста. В первом типе (а) ответов тема определяется путем обозначения центральных действующих лиц данного фрагмента; во втором (б) — экспликация темы выражена в виде расчлененной фразы; в третьем (в) — уровень текстового обобщения в предвосхищении общего смысла рассказа самый высокий: тема формулируется испытуемым посредством номинации события.

а) *Про собаку и милиционера*

б) *Собака помогает/ ловить преступников*

в) *Рассказ о подвиге милицейской собаки*

6—7 лет:	а) — 95 %	б) — 5 %	в) —
10—11 лет:	а) — 5 %	б) — 90 %	в) — 5 %
15—16 лет:	а) —	б) — 36,7 %	в) — 63,3 %

8. Предвосхищение смысла текста по данным ключевым словам

Детям предлагалось прослушать ключевые слова, после чего они должны были практически без обдумывания сформулировать одним предложением ядерное содержание текста, который эти слова представляют. Ключевые слова брались из задания 3. Данный эксперимент выявляет способность говорящего эксплицитировать общее содержание будущего высказывания на основе информации, данной в ключевых словах.

Типы выполнения заданий в данном эксперименте выделялись по тому же принципу, что и в предшествующем опыте.

а) *Здесь/ эта/ говорится про уху//; Это рассказ про рыбу//*

б) *Здесь говорится о том/ что летом мы поехали на дачу/ купались в речке/ ловили рыбу/ а вечером варили уху//*

в) *Рассказ о пикнике с рыбалкой/ который устроили на даче ребята//*

6—7 лет:	а) — 66,7 %	б) — 33,3 %	в) —
10—11 лет:	а) —	б) — 91,7 %	в) — 8,3 %
15—16 лет:	а) —	б) — 20 %	в) — 80 %

9. Ретрореконструкция замысла текста по данной концовке

В ходе эксперимента испытуемому предлагалось прослушать концовку текста, после чего он должен был в максимально сжатое время сформулировать ядерное содержание текста по данному финалу. Задание представляет собой вариант первого из двух, приведенных выше; оно призвано проверить способность ребенка к сложным перекодировкам в ходе порождения целостного высказывания и, прежде всего, к способности не просто реконструировать по части целое, а уметь эксплицировать по финалу тему речевого произведения. Образец задания:

...Саша прыгнул в море крапивы// И больше трусом его никто не называл.

Три предыдущих задания предполагают совершение речемыслительных операций одного типа. Строго говоря, определение темы по ключевым словам и, особенно, по данной концовке не является операцией антиципации. Однако если считать данный детям речевой материал средством запуска их речевой деятельности, то все они выявляют способность к предвосхищению и экспликации ядерного смысла будущего речевого произведения в его целостности.

Выделение вариантов ответов здесь дается по тому же принципу, что и в двух предыдущих экспериментах.

а) Про Сашу/ как он в крапиву прыгнул/

б) Саша был слабак/ трус/ и ему надоело это/ и он решил/ что теперь все будет по-другому/ и он прыгнул в крапиву//

в) Рассказ о том/ как Саша доказал самому себе и другим/ что он не трус//

6—7 лет:	а) — 77,5 %	б) — 22,5 %	в) —
10—11 лет:	а) —	б) — 100 %	в) —
15—16 лет:	а) —	б) — 30 %	в) — 70 %

Обобщим результаты экспериментов на порождение речи.

При выполнении задания на порождение текста по картинке младшие школьники (6—7 лет) вместо законченного речевого произведения обычно выдают лишь несколько предложений, связанных не между собой, а с изображенной на картинке ситуацией, для чего широко используются дейктические замещения (*этот, тот, тут, здесь*) и указательные частицы (*вон, вот*). Рассказы, составленные детьми этого возраста по данной теме, представляют собой небольшие по объему дискурсы с ослабленной когезией: внутри текста могут отсутствовать межфразовые и межблочные связи. Речевые произведения, созданные по ключевым словам, как правило, представляют собой набор изолированных предложений с данными словами. Выполнение серии заданий на реконструкцию текста по данному фрагменту (началу, концовке, началу и концовке одновременно) показало полную неспособность младших школьников спонтанно реконструировать целостный дискурс по его части: воссоздание текста по началу и концовке зачастую сводилось либо к попытке пересказа данного фрагмента, либо к порождению по ассоциативному принципу нескольких грамматически не связанных между собой предложений; выполнение задания на создание текста одновременно по данным началу и концовке чаще всего приводило к продуцированию несвязного дискурса по ассоциации, причем концовка в порождении речи просто игнорировалась. Эксперименты на предвосхищение замысла текста по его части (началу, ключевым словам, концовке) показали, что дети этого возраста не способны антиципировать замысел будущего высказывания; как правило, они, пытаясь обозначить тему будущего речевого произведения, указывают лишь на один из данных им в предлагаемом фрагменте референт (обычно это субъект действия).

Дети среднего школьного возраста (10—11 лет) в выполнении заданий на порождение дискурса демонстрируют определенную динамику в показателях уровня развития дискурсивного мышления. Выполняя задание на составление связного текста по картинке, подростки оказались способными сформировать целостное, композиционно законченное речевое произведение, в котором все предложения связаны с предшествующим контекстом. Заслуживает упоминания наличие в дискурсе школьников этого возраста инициальной фразы, намечающей общую тему созданного дискурса. Как правило, она представляет собой аналитическую формулировку ядерного смысла будущего текста.

Завершенные и связные речевые произведения были сформированы испытуемыми и в опытах на разворачивание данного замысла (темы) и данных ключевых слов в целостный текст: в дискурсах младших подростков также присутствует стремление к экспликации замысла в инициальной фразе; текст, созданный на основе ключевых слов, представляет собой связный рассказ, в котором логика развития сюжета, как правило, мотивирована психологией действующих лиц.

Серия экспериментов на реконструкцию текста по данному фрагменту (началу, концовке, началу и концовке одновременно) показала, что дети этого возраста в целом способны, реконструируя недостающую часть речевого произведения, создавать достаточно связные, целостные дискурсы. Однако тексты, полученные в ходе выполнения этого задания, отличаются малым объемом и не имеют композиционной стройности. Эксперименты, основанные на предвосхищении и экспликации замысла (ядерного смысла) текста по его началу, показали сходные результаты: 10—11-летние школьники в целом сумели сжато сформулировать тему речевого произведения, фрагмент которого был им предложен для прослушивания; однако следует отметить, что описание темы было дано в довольно-таки развернутой фразе, которая, хотя и компрессировала содержание текста, представляет собой как бы его сжатый пересказ. Отметим также, что такое развернутое обозначение ядерного смысла очень похоже на инициальные фразы, которыми подростки сопровождали свои рассказы по картинке. Заслуживает упоминания разная мера обобщенности в формулировках темы, которые сделаны на основе начала, ключевых слов и концовки: самая большая степень текстового анализма наблюдалась при определении темы на основе данного начала.

Обратимся, наконец, к результатам, которые показали старшие из привлекаемых нами участников эксперимента. Дискурсы, созданные старшеклассниками (15—16 лет) по данной картинке, представляют собой целостные, композиционно завершенные связные тексты. Здесь мы можем констатировать присутствие инициальных фраз, эксплицирующих темы речевых произведений в максимально компрессированном виде (посредством номинации ситуации), и даже фигуру сужения, элемент обобщения информации в финале дискурса. Указанные особенности построения речевых произведений присутствуют и в выполнении старшими подростками заданий на составление текста по данной теме и по данным ключевым словам: здесь тоже на-

личествует обобщение темы в текстовом зачине и композиционная стройность дискурса. В выполнении задания на формирование рассказа по его части (началу, концовке, началу и концовке одновременно) в речи школьников этого возраста появляется новое качество речепорождения: прежде чем начать рассказ, испытуемые обозначают его тему (используя, правда, развернутые фразы, включающие в себя аналитическое обозначение ядерного содержания будущего текста).

В выполнении задания на предвосхищение и экспликацию замысла в ходе порождения дискурса на основе представленной части (начала, ключевых слов, концовки) старшие подростки демонстрируют еще большую степень компрессии: они успешно справились с заданием, используя для определения ядерного содержания нерасчлененный способ обозначения текстового смысла. Заслуживает упоминания и то, что в обозначении темы рассказа дети часто использовали лексику, отсутствующую в данном фрагменте (или ключевых словах).

5.2.2. Понимание дискурса

1. Пересказ текста

Испытуемым предлагались для прослушивания речевые произведения, после чего они должны были без предварительного обдумывания дать их пересказ. Использовались тексты рассказов: Л. Н. Толстой «Как гуси Рим спасли», В. Бианки «Латка» и др.

Это наиболее простые задания на понимание текста. Они проверяют объем вербальной памяти ребенка и способность в ходе воспроизведения к элементарным перекодировкам на уровне содержания или формы.

Выделение типов речевых произведений, полученных в ходе эксперимента, здесь подчиняется принципу соотнесения текстов, созданных испытуемыми, с текстом-эталонном. Первый тип текстов (а) представляет собой набор слабо между собой связанных предложений, не передающих всего содержания текста-эталона; второй тип (б) — по форме и содержанию хорошо воссоздает данный для прослушивания текст; третий тип (в) представляет собой короткий рассказ, несущий в себе сжатое, компрессированное содержание текста-эталона.

а) *Галлы напали на Рим...// Люди били собак палками/ потому что они не услышали/ что галлы лезли по стенке...// Галлы... воровали фрукты/ овощи/ вишню/ ну и ягоду воровали// Когда люди.../*

римляне спали дома/ а собаки ничего не слышали/ потом/ когда они встали/ они стали.../ увидели их/ и стали кидать на них бревна/ кирпичи// И много галлов убили//

б) В триста девяностом году до нашей эры/ галлы напали на Рим// Они ворвались в город/ разграбили и сожгли весь город// Осталась только одна крепость/ Капитолий// Она стояла на высокой горе// С одной стороны были высокие стены/ а с другой/ обрыв// И галлы никак не могли подобраться к этой крепости/ уж очень она была неприступной// Но однажды ночью галлы все-таки решили добраться до этой крепости// Когда все люди спали/ они потихоньку начали подкрадываться/ и начали ползти по обрыву// Никто их не слышал// Ни одна собака не услышала// Когда галлы начали уже близко подбираться/ их учуяли гуси и загоготали// Римляне проснулись/ и сбросили галлов всех вниз// И тем самым они спасли свой город и свою крепость// В честь этого события устроили праздник// Жрецы приносили богатые дары гусю/ а били палкой собаку до тех пор/ пока она не содохнет//

в) В рассказе говорится/ о событии из истории Древнего Рима// О том/ как на Рим/ на город Рим/ напали галлы/ и как спасли его/ город/ гуси// Гуси первыми услышали/ что галлы лезут по крепостной стене/ по стене Капитолия/ и подняли шум// А собаки ничего не почуяли// Римские воины проснулись/ и галлы были отброшены от стен Капитолия// С тех пор/ в Риме есть праздник// На нем лупят собак/ а гусям приносят жертвы/ и воздают почести//

6—7 лет:	а) — 95 %	б) — 5 %	в) —
10—11 лет:	а) — 9 %	б) — 91 %	в) —
15—16 лет:	а) —	б) — 48 %	в) — 52 %

2. Выделение ядерного смысла текста

В эксперименте использовались два небольших по объему текста.

Муравей и голубка

Муравей хотел напиться и спустился к ручью. Волна захлестнула его, и он начал тонуть. Пролетавшая мимо голубка заметила это и бросила ему в ручей ветку. Муравей взобрался на ветку и спасся.

На следующий день муравей увидел, что охотник хочет поймать голубку в сеть. Он подполз к нему и укусил его за ногу. Охотник вскрикнул от боли и выронил сеть. Голубка вспорхнула и улетела.

Мурка и ежата

У маленьких ежат пропала мать. Они погибали, так как были очень голодные.

У кошки Мурки родились котятта. Она кормила их молоком. Однажды Мурка подошла к ежатам, тронула их лапкой и отбежала: ведь ежата кололись. Ежата затихли — грозила беда. Тогда ежей завернули в тряпочку. Теперь они не были колкими, и Мурка покормила их молоком.

Зверьки были спасены.

Испытуемым предлагалось без предварительного обдумывания передать содержание текста одним предложением.

Сведение содержания целого текста к ядерной формуле проверяет способность к компрессии, сворачиванию информации во внутренней речи при сохранении целостного смысла речевого произведения.

Варианты выполнения задания в данном эксперименте сгруппированы по способности испытуемых к компрессии содержания текста до ядерной формулы. Первый тип ответов (а) не передает содержания данного текста, а состоит из одного из предложений текста (как правило, передающего наиболее важное событие рассказа); второй тип ответов (б) передает содержание текста в виде развернутой формулы, содержащей расчлененное обозначение и действующих лиц, и основных событий рассказа; третий тип (в) — передает содержание рассказа в виде либо номинации события, либо морально-этической сентенции.

а) «Муравей и голубка»: *Муравей стал тонуть//*
 «Мурка и ежата»: *Ежата стали погибать//*

б) «Муравей и голубка»: *Голубка спасла муравья/ муравей спас голубку//*
 «Мурка и ежата»: *Кошка покормила голодных ежат//*

в) «Муравей и голубка»: *Друзья познаются в беде//; Как аукнется/ так и откликнется//*
 «Мурка и ежата»: *Спасение ежат от голодной смерти//*

6—7 лет:	а) — 88,75 %	б) — 11,25 %	в) —
10—11 лет:	а) — 5 %	б) — 90 %	в) — 5 %
15—16 лет:	а) —	б) — 40 %	в) — 60 %

3. Выделение ключевых слов текста

На этот раз испытуемым предлагалось в максимально сжатое время выделить наиболее информативные слова, передающие основное содержание приведенных выше текстов.

Данное задание — вариант предшествующего. Его выполнение также предполагает создание вместо целостного текста его редуцированного варианта, содержащего лишь самые важные с точки зрения передачи информации слова («опорные пункты»). Характер выполнения второго и третьего заданий позволяет судить об уровне сформированности у ребенка механизма внутреннего планирования речи, который работает как в ходе порождения, так и в процессе понимания дискурса.

Результаты экспериментов сгруппированы в три группы ответов по характеру информативного наполнения ключевых слов. Первая группа (а) объединяет ответы, в которых испытуемые в качестве ключевых выделяют любые пришедшие в голову слова данного текста; вторая группа (б) включает в себя ответы, содержащие главным образом наименование основных референтов текста-эталона (действующие лица и некоторые предметы, описанные в рассказе); в третьей группе (в) представлены ответы, содержащие, кроме основных референтов, обозначение и основных поступков, действий, совершаемых героями исходного рассказа.

а) «Муравей и голубка»: *Голубка, залез, напиток, ветка, схватился, убежал.*

«Мурка и ежата»: *Ежата, котята, дотронулась, молоко, укололась.*

б) «Муравей и голубка»: *Муравей, голубка, охотник, ручей, сеть.*

«Мурка и ежата»: *Мурка, ежата, молоко, тряпочка, не умерли.*

в) «Муравей и голубка»: *Муравей, голубка, охотник, тонуть, ручей, укусить, вскрикнуть, улететь, спасение.*

«Мурка и ежата»: *Ежата, Мурка, голод, молоко, колоться, тряпочка, кормление, спасение.*

6—7 лет:	а) — 93,75 %	б) — 6,25 %	в) —
10—11 лет:	а) — 16,25 %	б) — 83,75 %	в) —
15—16 лет:	а) — 2,5 %	б) — 40 %	в) — 57,5 %

4. Пересказ искаженных текстов

Для выполнения этого задания предварительно экспериментатором сознательно «портились» тексты: в них в двух местах менялись местами абзацы таким образом, что нарушалась логика развития основного сюжета. В качестве исходных использовались тексты рассказов Л. Н. Толстого «Как гуси Рим спасли» и «Косточка».

Текст ребенку читался один раз. Никакого предварительного комментария о «неправильностях», содержащихся в тексте, не сообщалось. Пересказ совершался сразу же, без предварительного обдумывания. Задание должно выявить способность языковой личности к сложным бессознательным перекодировкам во внутренней речи при восприятии текстов и порождении целостного дискурса. По нашей гипотезе, в ходе спонтанной реконструкции текста развитая языковая личность должна не просто воссоздавать полученную информацию в исходном виде, но, переработав ее, выделить в ней ядерный смысл (тему высказывания) и развернуть его в новый целостный дискурс.

Критерии для выделения вариантов ответов в обработке результатов этого эксперимента были теми же, что и в задании 1. Полученные тексты сгруппированы в следующие типы: (а) — дискурс, состоящий из случайного набора не связанным между собой фраз; (б) — дискурс, воспроизводящий рассказ-эталон близко к тексту, т. е. воссоздающий логическую бессмыслицу исходного речевого произведения; (в) — целостный, связный дискурс, созданный испытуемым на основе данной в исходном тексте информации.

а) Галлы лезли к Кремлю через стены/ плиты// А один дяденька проснулся/ и одного шиб// И все другие упали//

б) Однажды галлы хотели напасть на Капитолий// Они были хорошо вооружены// В триста девяностом году они напали на Рим// Передавали друг другу копья// Перелазили через стены так/ чтобы ни одна собака не услышала// С тех пор был праздник// Нарядные купцы ведут гуся и собаку// Гусю кланяются/ а собаку бьют до тех пор/ пока она не издохнет// Не успели последние люди перелезть через стену/ как гуси загоготали и захлопали крыльями// Один римлянин проснулся// Тут противник упал и повалил за собой всех// С тех пор гуси стали спасителями Рима//

в) В Риме есть такой праздник/ когда жрецы одеваются в парадную одежду/ и ходят по городу строем// И у одного жреца впереди/

на руках гусь/ которому люди отдают всякие почести// А в конце строя ведет последний жрец собаку/ которую все бьют до тех пор/ пока она не умирает// Этот обычай произошел/ потому что в триста девяностом году/ до рождества Христова было нападение на Рим// Галлы хотели захватить в Риме Капитолий/ в котором было очень много драгоценностей и богатств/ и ночью полезли на стены города// И никто их не увидел/ и не услышал// Когда они уже подошли к самой горе/ ни одна собака в городе их не увидела и не учуяла// А гуси/ когда галлы/ помогая друг другу снизу/ и передавая оружие/ увидели одного галла/ и подняли шум// Поэтому люди/ римляне услышали и увидели нападение галлов// Пришла помощь/ и галлов разбили//

6—7 лет:	а) — 95 %	б) — 5 %	в) —
10—11 лет:	а) — 10 %	б) — 90 %	в) —
15—16 лет:	а) —	б) — 36,7 %	в) — 63,3 %

5. Пересказ текста, лишённого концовки

Здесь мы использовали тексты «Скворец» и «Хитрый бурундук». В качестве примера приведем один из текстов.

Хитрый бурундук

Однажды мне пришлось побывать в тайге. Жил я там около месяца, и построил я себе в тайге чум. Это не домик и не лесной шалашик, а просто длинные палки вместе сложены. На палках лежит кора, а на коре — бревнышки, чтобы куски коры не сдуло ветром.

Стал я замечать, что кто-то в чуме оставляет кедровые скорлупки.

Я никак не мог догадаться, кто же без меня в моем чуме орешки ест. Даже страшно стало.

Но вот раз подул холодный ветер, нагнал тучи, и днем стало совсем темно.

Залез я поскорее в чум, а место уже занято.

В самом темном углу сидит бурундук. У бурундука за каждой щекой по мешочку с орехами. Толстые щеки. Глаза щелочками. Смотрит он на меня, боится орешки на землю выплюнуть...

Пересказы группируются следующим образом: вариант (а) — незначительный слабо связанный набор предложений; вариант (б) — связный пересказ, в котором отсутствует попытка воссоздать концовку; вариант (в) — осмысленный пересказ, содержащий завершение, бессознательно добавленное испытуемым.

а) Бурундук...// Вышел в лесу погулять// Потом зашел в свою норку/ а там сидит бурундук и кушает орешки// И боится/ что у него орешки выпадут из щек//

б) Тут рассказывается о бурундуке и об одном человеке/ который решил пожить немного в тайге// И построил себе такое жилище// И такую специальную ткань положил/ чтобы не дуло// И он приходит туда/ орехи поест// Смотрит/ а там уже ничего не осталось// Думает/ Кто же у меня орехи таскает?// Кто ко мне навевается?// И вдруг/ один раз/ стало днем темно/ пурга началась/ и он зашел в свое жилище// Смотрит/ а место уже занято/ бурундук сидит и набил свой рот орехами// И боится выплюнуть эти орехи//

в) Прожил я в тайге несколько месяцев/ и построил себе там чум// Такое сооружение не высокое// (...) Жил я в чуме/ и стал замечать/ что кто-то у меня в чуме орешки оставляет// Кучки наваливает/ шелуха в них валяется// (...) Один раз днем стало/ ветер тучи нагнал// Я быстренько в чум забираюсь/ а там бурундук сидит// Щеки набил и на меня таращится// Гляжу/ а у него за щеками вроде как орешки// Он на меня смотрит/ боится выплюнуть орешки// Думает/ что я украду// Ну/ вот мы так с ним и сидели//

6—7 лет:	а) — 80 %	б) — 20 %	в) —
10—11 лет:	а) — 5 %	б) — 95 %	в) —
15—16 лет:	а) —	б) — 37,5 %	в) — 62,5 %

6. Пересказ текста, лишённого начала

Испытуемым предлагался для прослушивания и пересказа текст, лишённый вводной части. В эксперименте использовался текст все того же рассказа Л. Н. Толстого «Как гуси Рим спасли», у которого был «отрезан» первый абзац.

В этом типе экспериментов типы ответов группируются аналогично предыдущему опыту.

а) Галлы взобрались на гору// Их даже собаки не услышали// Они устроили праздник// И один несет гуся/ и все ему кланялись//

б) Однажды галлы стали нападать на Рим// Была ночь/ и никто не увидел// А там/ на вершине крепости/ были гуси// Они полетели/ и стали гагакать/ чтоб все проснулись// Когда все проснулись/ и стали кидать в галлов камни/ палки// (...) До сих пор/ когда видят гуся/ римляне подходят и кланяются// В честь спасения Рима//

в) Галлы решили Рим завоевать// Залезли тихо/ как мыши/ на обрыв// Ни одна собака не услышала// Залезли на стену// Но тут гуси почуяли народ/ стали гоготать// (...) Тут все выбежали/ стали кидать бревнами// В общем вышибли их// До сих пор/ за то/ что гуси Рим спасли/ они им признательны// В честь этого учинили праздник// Идет церемония// Впереди идет жрец/ гуся несет// А ему все подходят/ Кланяются и подарки делают//

6—7 лет:	а) — 77,5 %	б) — 22,5 %	в) —
10—11 лет:	а) — 12,5 %	б) — 87,5 %	в) —
15—16 лет:	а) —	б) — 20 %	в) — 80 %

7. Пересказ текста, лишённого начала и концовки

Приведем образец текста, который был предложен испытуемым для пересказа.

Дикий зверь

...Но однажды, на Новый год, Вера повесила на елку игрушки, орехи, конфеты, и только вышла из комнаты, Рыжик прыгнул на елку, схватил один орех, спрятал его в ботинок. Второй орех положил под подушку. Третий орех тут же разгрыз...

Вера вошла в комнату, а на елке ни одного ореха нет, одни бумажки серебряные валяются на полу. Вера закричала на Рыжика:

— Ты что наделал, ты не дикий зверь, а домашний, ручной!

Рыжик не бегал больше по столу, не катался на двери, не разжимал у Веры кулак. Он с утра до вечера запасался. Увидит кусочек хлеба — схватит, увидит семечки — набьет полные щеки, и все прятал.

Рыжик и гостям в карманы положил семечки про запас.

Никто не знал, зачем Рыжик делает запасы ...

Пятое, шестое и седьмое задания дополняют эксперимент на пересказ искаженного текста. Здесь выявляется степень сформированности у языковой личности представлений о композиционной завершенности речевого произведения. Говорящий, достигший высокого уровня развития внутренней речи, должен, по нашему мнению, интуитивно почувствовать дефектность предлагаемого ему для пересказа текста и в спонтанном воспроизведении бессознательно реконструировать недостающий фрагмент (начало и/или концовку). Способность к такого рода реконструкции (как равно и неспособность) — психолингвистический критерий, позволяющий судить об уровне интериоризованности внутриречевых операций.

Выделение вариантов ответа здесь также напоминало опыты 6 и 5. В результате были представлены три группы пересказов: (а) — тексты, в которых не было попыток реконструировать ни начало, ни концовку; (б) — тексты, содержащие стремление восстановить инициальную фразу; (в) — тексты, в которых испытуемые воссоздавали и начало, и концовку.

а) *Девочка вешала орехи/ конфеты/ игрушки всякие// А Рыжик один орех прятал в башмак/ другой орех под подушку/ а третий сам съел// Она вошла в комнату/ увидела/ что ни одного ореха нет// Она спросила/ Рыжик/ ты это сделал?// Рыжик семечки всегда засовывал/ гостям в карман клал семечки// И никто не знал/ почему он делает запасы//*

б) *Наступил Новый год// Вера повесила на елку игрушки/ конфеты/ орехи// И вдруг/ когда выходила на кухню/ и белка/ Рыжик/ накинулся на орехи// Один прятал под подушку/ другой под кровать/ а третий орех моментально разгрыз// Когда Вера вошла в комнату/ смотрит/ ни одного ореха нет// И говорит/ Ты не дикий зверь// Ты домашний зверь// А/ когда гости приходят/ он семечки берет/ хлеб крадет/ а иногда семечки про запас кладет/ гостям кладет семечки в карман//*

в) *На Новый год Вера повесила на елку игрушки/ орехи в бумаге// Рыжик подбежал к ним/ и давай орехи рассовывать в ботинок/ в карман/ и под подушку запихал// А один взял/ тут же разгрыз// Девочка приходит/ глядит/ а там фольга валяется// Начала она на Рыжика кричать// (...) А он все равно все запасал/ гостям в карманы семечек напихал// Орехи прятал/ хлебные корки// Ну/ в общем/ он так и остался диким//*

6—7 лет:	а) — 90 %	б) — 10 %	в) —
10—11 лет:	а) — 10 %	б) — 85 %	в) — 5 %
15—16 лет:	а) — 5 %	б) — 30 %	в) — 65 %

8. Понимание текста с информативно-смысловой лакуной

Участникам эксперимента предлагался текст, содержание которого составляло неполное (с пропуском одного фрагмента) повествование о каком-либо событии. Задание состояло в ответе на вопрос «О чем этот рассказ?» Количество слов в ответе не ограничивалось. Образец задания:

Маленькая девочка, плача, подбегает к матери. Мать спрашивает ее:

- Машенька, что с тобой?
- Да, папа вешал картину и ударил себя молотком по пальцу.
- А почему же ты плачешь?
- А я засмеялась.

Приведенное задание представляет особый интерес для выявления способности детей к восприятию целостного смысла речевого произведения. Для выполнения задания подобного типа испытуемый должен в минимально сжатый временной срок на уровне латентных речемыслительных операций восстановить недостающий фрагмент, что возможно лишь при сформированности у языковой личности представления о целостности текста.

Результаты опытов сгруппированы на основе способности испытуемых к встречной перцептивной активности в смысловом восприятии речи. Были выделены следующие типы: (а) — ответ, в котором в качестве ядерного смысла называются лишь главные действующие лица рассказа-эталоны; (б) — ответ, свидетельствующий о том, что испытуемый понимает смысл каждой из описанных в рассказе ситуаций, но не способен восстановить пропущенное звено (характерно, что если испытуемый слышал смех присутствующих при эксперименте взрослых, то он реагировал на него удивлением); (в) — понимание, основанное на реконструкции недостающего информативно-смыслового фрагмента.

а) Это/ рассказ про девочку/... и маму//

б) Здесь говорится/ о том/ что девочка плакала/ и жаловалась маме// И что/ ее папа прибывал.../ вешал картину//

в) Рассказ о том/ что дочка засмеялась/ над папой/ когда он себя стукнул молотком// Он дал ей подзатыльник и она заплакала/... и побежала жаловаться маме//

6—7 лет:	а) — 90 %	б) — 10 %	в) —
10—11 лет:	а) — 3,33 %	б) — 93,33 %	в) — 3,33 %
15—16 лет:	а) —	б) — 5 %	в) — 95 %

9. Выявление скрытого смысла (этического подтекста)

Испытуемым предлагалось без предварительного обдумывания кратко (одним предложением) передать основной смысл данного текста («о чем этот рассказ? в чем его смысл?»). Примеры предлагаемых испытуемым текстов:

а) В коридоре школы ребята играли в футбол. Мяч попал в окно, и оно разбилось. Осколки разлетелись по полу. Мимо бежала девочка-первоклассница, и один из старшеклассников поставил ей подножку. Девочка упала и больно порезалась о разбитое стекло. Она сидела и плакала, но никто не помог ей, и только смех слышался в коридоре.

б) Текст рассказа В. Осеевой «Сыновья».

Две женщины брали воду из колодца. Подошла к ним третья. И старенький старичок на камушек отдохнуть присел.

Вот говорит одна женщина другой:

— Мой сынок ловок да силен — никто с ним не сладит.

— А мой поет, как соловей. Ни у кого голоса такого нет, — говорит другая.

А третья молчит.

— Что же ты про сына своего не скажешь? — спрашивают ее соседи.

— Что же сказать, — говорит женщина. — Ничего в нем особенного нету.

Вот набрали женщины полные ведра и пошли. А старичок за ними. Идут женщины, останавливаются. Болят руки, плещется вода, ломит спину.

Вдруг навстречу три мальчика выбегают.

Один через голову кувыркается, колесом ходит. Любуются им женщины.

Другой мило поет, соловьем заливается — заслушались его женщины.

А третий к матери подбежал, взял у нее ведра тяжелые и потащил их.

Спрашивают женщины старика:

— Ну, что? Каковы наши сыновья?

— А где же они? — отвечает старик. — Я только одного сына вижу.

Выполнение этого задания позволяет проверить способность языковой личности к выявлению и экспликации этического подтекста, заложенного в развернутом дискурсе.

Типы выполнения задания выделялись не только на основе способности к пониманию этического подтекста, но и на основе способности к экспликации скрытого смысла. Варианты ответов: (а) — краткий, не очень связный пересказ событийного содержания текста без стремления выделить скрытый смысл; (б) — попытка обобщенно передать основное содержание рассказа; (в) — экспликация этического подтекста.

а) Рассказ про то/ как матери/ вот/ они хвалили сыновей// А они прыгали и пели// А другой подбежал/ взял тяжелые ведра//

б) Смысл в том/ что/ те женщины хвалили своих сыновей// Что один сильный/ другой хорошо поет// А к матери/ они так относятся/ ни помогают ни в чем// А другая не хвалила своего сына// Ну/ что он обычный сын// А тот был очень добрый/ и помогал маме во всем//

в) Этот рассказ о том/ что нужно помогать матери// Так как мужчина всегда должен помогать женщине//

6—7 лет:	а) — 75 %	б) — 25 %	в) —
10—11 лет:	а) —	б) — 85 %	в) — 15 %
15—16 лет:	а) —	б) — 10 %	в) — 90 %

10. Пересказ текста с неявно выраженным смыслом (иронией)

Испытуемым для спонтанного пересказа предлагался текст, содержащий авторскую иронию по отношению к изображаемым в рассказе поступкам и ситуациям [автор — Е. В. Дзякович]. Приведем весь текст полностью.

Два друга

В некоторой школе, в некотором классе учились два друга. Вообще-то они и друзьями-то не были! Так, вместе в школу ходили, вместе домой возвращались, за одной партой сидели, а так, чтобы дружить... Да и в самом деле, ну как они могли дружить? Ведь один был толстый, весь в веснушках, весь в очочках; брючки глаженные, на пальцах от фломастеров точки и черточки разноцветные, а в сумке — булочка. Звали его — Евстигней Чижиков. А другой был тощий, лохматый, в кармане — жвачка, в другом — рогатка, стеклышко, три палки коротких, была еще сосулька, да вот беда — растаяла. Его звали Кешка Ёжиков. И боль-

ше всего на свете любил он за косичку дергать одноклассницу свою (ну, общую их с Чижиковым одноклассницу) — Катеньку Уточкину, да еще в портфель ей мышей сажать — тоже любил. Ну, как им, Чижикову да Ёжикову, дружить было?..

Был как-то урок математики. Уж и звонок прозвенел, и учительница вошла, а Ёжикова все нет. Вдруг влетает: весь красный, волосы всклокочены, дышит тяжело. Ну, учительница его впустила, сел Ёжиков рядом с Чижиковым. Осмотрелся по сторонам, ничего еще ни сказать, ни подумать не успел, как к доске его вызвали. А он, как обычно, домашнюю работу и не делал. И у Чижикова списать не успел. Да и как тут успеешь, если надо было Катеньке Уточкиной в портфель мышь подсунуть, в окно соседнего дома из рогатки выстрелить и убежать быстренько, жвачку на дымовуху обменять — а перемена всего десять минут. Поплелся к доске Ёжиков. Посмотрел он на конопатого Чижикова, на его уши оттопыренные. Хорош, ничего не скажешь... И решил Кеша. Схватил мокрую тряпку у доски и прямо в Чижикова швырнул. Тряпка у того на очках повисла, Ёжиков радуется: эх, и красавчик теперь Чижиков. Но тут, как всегда не вовремя, голос учительницы раздался:

— Ну и молодец же ты, Ёжиков! Ну и умница! И отвечаешь замечательно, и ведешь себя прекрасно! Но за дверь ты будешь смотреться еще лучше!

И пошел Кеша Ёжиков за дверь. Грустный пошел. Но вскоре грустить перестал: впереди было столько интересных дел! Во-первых, конечно, Чижикова из рогатки обстрелять. Во-вторых, дымовуху в кабинет математики подбросить. В-третьих, обязательно Катеньке Уточкиной в портфель мышь подсунуть, можно живую, но и дохлая тоже ничего, подойдет. В общем, дел важных с срочных у Кеши Ёжикова было еще невпроворот.

Данное задание — разновидность предшествующего. Характер сделанных пересказов, по мысли автора, должен дать представление о способности говорящих к пониманию речевой иронии и способности воспроизведения ее языковыми средствами в своей речи.

Пересказы, полученные в данном эксперименте, сгруппированы следующим образом: (а) — краткий не очень связный пересказ текста; (б) — достаточно подробный пересказ основного содержания данного рассказа без использования иронии; (в) — подробный пересказ текста-эталона с явно выраженным стремлением передать иронические интонации в авторском повествовании.

а) Они в школу ходили/ и нормально были// Потом началась перемена// Потом Кеша и Ёжик...// Сели// Потом математика началась// А Ёжик где-то гуляет// А Кеша ждет его// А учитель пришел// Потом звонок// Ёжик пришел// Начали уроки// Потом опять перемена//... Встала/ идет//... Как Катины волосы дернут// Катя закричала/ Все учителю расскажу// Пошла учительнице сказала/ Меня Ёжиков за косички/ а я плакала// Потом как даст Кеша Кате в лицо тряпкой//

б) В некоторой школе жили-были два друга// В общем-то они не считались друзьями// Сидели за одной партой/ ходили/ но больно-то не дружили// Один был толстый такой/ в карманах у него была/ разная мелочь// А другой тонкий/ тоже мелочь у него в кармане// Стеклышки разные// Еще он любил бегать за одной девочкой-одноклассницей/ дергать ее за косички/ подкладывать ей в портфель мышью дохлую// Вот однажды на перемене тот толстый ест булочку// А другой мимо пробегает// Толстый булочку съел/ и пошел в класс/ к математике готовиться// Прозвенел звонок/ вошла учительница/ началась математика// И пришел тот/ который за Катенькой бегал// Учительница его впустила// Не успел оглянуться/ а его к доске вызвали/ а он домашнюю работу не сделал// Пошел он к доске/ урок не выучил/ и поэтому швырнул тряпкой в лицо тому толстенькому// Повисла у него она на очках// А учительница говорит/ Иди за дверь// Пошел он за дверь/ и обрадовался// Ведь у него много других дел было//

в) В некоторой школе учились два друга// Как сказать/ два друга?// В одну школу ходили/ за одной партой сидели/ но так/ чтобы дружить — нет// Как они могли дружить?// Чижиков был толстый/ в очках/ весь в веснушках// постоянно с отутуженными брюками// А руки все во фломастерах// А Ёжиков был тощий/ лохматый/ никогда не учил уроки/ постоянно Катю Уточкину за косы дергал// Вот однажды/ на переменке/ стоял Чижиков/ как всегда у двери/ и ел булочку// Вышел Ёжиков/ побежал/ а сам думает/ Ешь/ ешь Чижиков/ а то так можно еще и похудеть// А Чижиков посмотрел на него/ подумал бежать за ним/ но передумал/ Торопись/ торопись Ёжиков/ а то не успеешь Кате Уточкиной в портфель мышку подсунуть// Потом Чижиков пошел в класс/ скоро должен был начаться урок по математике// Он открыл книжку/ и начал повторять// Начался урок математики// Вошла учительница// В это время вбежал Ёжиков/ весь красный/ и сел за парту// Но он даже подумать не

успел/ как его вызвали к доске// Не успел он/ как всегда/ переписать домашнюю работу у Чижикова// Но как ему было успеть/ если у него столько дел было/ Поменять жвачку на дымовуху/ Кате Уточкиной подсунуть мышку/ В окна соседнего дома пострелять из рогатки// Подумал он об этом/ взял тряпку/ и бросил в розовую физиономию Чижикова// И повисла тряпка на очках его/ и подумал он/ Вот бы еще одна тряпка/ кинуть бы ею в Катю Уточкину// Хорошо бы на ее косах вместо бантика она смотрелась// Подумал он так/ в это время учительница говорит/ Молодец Ёжиков// Уроки ты выучил// Домашнюю хорошо сделал// Но за дверью ты будешь лучше смеяться// И выгнала его из класса// Вышел он/ погрузил/ а потом подумал/ Сколько дел еще впереди/ Дымовуху в учительскую подбросить/ Мышку подсунуть в портфель Кате Уточкиной// Можно живую/ но и дохлая сойдет//

6—7 лет:	а) — 82,5 %	б) — 10 %	в) — 7,5 %
10—11 лет:	а) — 5 %	б) — 70 %	в) — 25 %
15—16 лет:	а) —	б) — 15 %	в) — 85 %

Обобщим данные, полученные в ходе экспериментов на смысловое восприятие дискурса.

Дети младшей из привлекаемых к опытам возрастных групп (6—7 лет) в ходе выполнения заданий показали следующие результаты. При пересказе воспринятых на слух рассказов дети не смогли воспроизвести данные им речевые произведения в виде целостных текстов; обычно их пересказы состоят из набора не вполне связанных грамматически предложений, так или иначе соотносимых с общим смыслом прослушанного дискурса. Определенное сходство можно увидеть в выполнении заданий на выявление ядерного смысла и ключевых слов текста: и в том и в другом эксперименте младшеклассники, как правило, воспроизводят первое пришедшее на память предложение или случайный набор слов из первых фраз данного речевого произведения.

Опыты на реконструкцию искаженных дискурсов (текстов с нарушенным порядком абзацев, с отрезанными началом, концовкой, началом и концовкой одновременно) по своим результатам напоминали ухудшенный вариант выполнения задания на простой пересказ: полученные речевые произведения оказались уменьшенным (по сравнению с текстом-эталоном) по объему и еще менее связным набором

предложений. Столь же безуспешными оказались попытки 6—7-летних детей понять текст с пропуском информативно-смыслового звена: выполняя это задание, испытуемые часто просто становились в тупик; представленный для понимания дискурс им казался совершенно бессмысленным.

В выполнении задания на понимание и экспликацию этического подтекста младшеклассники продемонстрировали неумение выделить и вербализовать скрытый (неявно выраженный) смысл. То же можно сказать и о выполнении задания на понимание и воспроизведение в пересказе иронии: дети этого возраста в своих пересказах, как и в выполнении первого задания, дают лишь небольшой набор слабо между собой связанных предложений.

В пересказе данного для прослушивания текста испытуемые — дети среднего школьного возраста (10—11 лет) — продемонстрировали хорошую способность к запоминанию и воспроизведению полученной информации: их дискурсы представляют пересказы, близкие к тексту, воссоздающие данное речевое произведение буквально, не искажая и не изменяя его языковых элементов. В опытах на сворачивание данной информации к ядерному замыслу и ключевым словам подростки в целом справились с заданием. Формулируя ядерный смысл текста, дети этого возраста опять-таки прибегали к развернутому, расчлененному обозначению ситуации. Выделяя же ключевые слова, они отдавали предпочтение именам существительным с предметным значением, избегая глаголов и отглагольных существительных.

Результаты выполнения заданий на воспроизведение искаженного текста школьниками среднего звена нуждаются в отдельном описании. Так, воссоздавая рассказ с измененным порядком абзацев, подростки передавали его содержание так, как услышали, повторяя логическую бессмыслицу исходного речевого произведения. Репродуцируя текст, лишенный концовки, подростки также не пытались восполнить недостающую часть. Что же касается текстов без начала, то в пересказах детей этого возраста можно обнаружить попытки реконструировать недостающую инициальную фразу. Интересно, что в случае, когда предлагаемый испытуемым текст был одновременно лишен начала и концовки, в своих пересказах они восстанавливали именно начало, оставляя финал открытым.

Опыты на смысловое восприятие текстов, содержащих смысловую лауну, показали, что младшие подростки еще не могут в рамках

спонтанного общения восполнить отсутствующее в тексте звено: они способны воспроизвести данное им речевое произведение, которое, как правило, либо воспринимают как бессмысленное, либо (после некоторого раздумья) интерпретируют неверно. Эксперименты на понимание неявно выраженной информации показали, что, во-первых, 10—11-летние школьники способны понять этический подтекст прослушанного речевого произведения, но пока еще не могут передать его в виде сжатой формулы (обычно экспликация смысла текста представляет собой развернутое, аналитическое высказывание, больше похожее на сокращенный пересказ), во-вторых, они еще не обладают умением воспроизводить интонационные тонкости авторской иронии, содержащейся в исходном тексте.

Пересказы речевых произведений, сделанные старшеклассниками (15—16 лет), подтверждают данные экспериментов А. А. Смирнова: тексты, созданные испытуемыми, не просто воспроизводят данный им для прослушивания рассказ, а представляют воспринятую и усвоенную информацию в перекодированном виде. Отметим, что в пересказах испытуемых появляются отсутствующие в тексте-эталоне композиционные элементы: инициальная фраза, содержащая формулировку темы дискурса-пересказа и т. п. В опытах на сворачивание текста к ядерной формуле опять-таки наличествует большая по сравнению с речью младших подростков степень обобщенности формулировок: кроме того что выделение ядерного смысла старше подростки стремятся производить без расчленения обозначаемой ситуации на субъект, предикат и объект действия, здесь намечается тенденция к подчеркиванию этического подтекста, содержащегося в данных рассказах.

Особый интерес представляют пересказы искаженных речевых произведений. Так, пересказывая «с ходу», без предварительного обдумывания данный им искаженный (с нарушенной последовательностью в изложении информации) текст, старшеклассники в большинстве случаев бессознательно перекодировали полученную информацию и создавали на ее основе связный и достаточно целостный рассказ. В экспериментах на воспроизведение усеченных текстов (текстов с «отрезанными» началом, концовкой, началом и концовкой одновременно) старше подростки, как правило, стремились реставрировать не только начальную, но и финальную часть данного речевого произведения.

Практически все испытуемые этого возраста оказались способными к пониманию дискурсов с информативно-смысловой лакуной: первая реакция при чтении (после буквально секундной паузы) — смех; после этого старшеклассники обычно давали описание изображенных в тексте событий, восстанавливая недостающий фрагмент. Качественные отличия можно констатировать и в выполнении заданий на понимание и экспликацию неявно выраженного смысла. Так, передавая основное содержание текста с моралите, школьники четко и сжато формулировали подтекстовый смысл данного речевого произведения, преимущественно используя лексику, отсутствующую в данном для прослушивания рассказе. В пересказе же текста, содержащего иронию, наблюдалась диаметрально противоположная тенденция: воспроизводя рассказ, старшие подростки сами стремились использовать фразы, построенные на основе иронии, передаваемой интонационными способами.

5.2.3. Становление целостной структуры устного дискурса

1. При изучении процесса овладения языковой личностью композиционно-целостной структурой текста мы будем опираться на уже упомянутое выше представление о «норме текстовости», под которой понимаем образец иерархически организованного текстового целого, соответствующий интуитивному представлению воспринимающего о разворачивании замысла в речевое произведение. Такое представление для дискурсов различной жанрово-стилевой принадлежности будет неодинаковым. Чтобы сделать результаты сопоставительного анализа убедительными, мы обратимся к устным спонтанным рассказам школьников о фильмах все тех же трех возрастных групп (6—7, 10—11 и 15—16 лет). Напомним, что речевые произведения школьников были записаны на магнитофон в условиях непосредственного неофициального общения. Это дискурсы, принадлежащие к информативному типу речевого поведения. Здесь в качестве основной цели высказывания выступает передача информации о событиях, полученная на основе аудиовизуального восприятия. В качестве объекта анализа мы выбрали тексты, содержанием которых стал рассказ о фильмах авантюрно-приключенческого характера. Из всего многообразия имеющихся в нашем распоряжении записей рассказов о фильмах (около 60 текстов; по 20 с небольшим — каждого возраста) мы выбрали три дискурса, которые наиболее ярко иллюстрируют

разные уровни сформированности внутреннего планирования речи. Каждый из представленных дискурсов к тому же отражает уровень речевого развития, соответствующий тому или иному возрастному срезу. Так, первый тип построения текста встретился в 50 % рассказов школьников старшей из привлекаемых возрастных групп (15—16 лет); второй — в 50 % дискурсов старшеклассников (15—16 лет), 90 % — младших подростков (10—11 лет) и 5 % — младшеклассников (6—7 лет); третий — в 10 % — подростков (10—11 лет) и 95 % речевых произведений детей младшего из рассматриваемых возрастных срезов (6—7 лет).

В своем анализе мы опираемся на методики анализа текстового целого как иерархически организованной структуры (см.: [Жинкин 1998; Апухтин 1977; Добраев 1969; 1982; 1987; Дридзе 1980; 1984; Сахарный 1992; 1994] и др.). Кроме этого, в качестве предварительного анализа текста мы использовали уже описанную в предшествующем исследовании процедуру членения всего текста на сверхфразовые единства (тематические блоки). Однако если раньше нас интересовал лишь линейный характер межблочной связи в рамках текстового единства, то теперь мы постарались выявить иерархию смыслов, составляющих каждое из намеченных сверхфразовых единств, которая в свою очередь демонстрирует способность (или неспособность) языковой личности строить дискурс в его целостности.

В качестве минимальной единицы анализа мы используем сверхфразовое единство (тематический блок). Вслед за Л. П. Добраевым мы рассматриваем его в виде суждения о каком-либо явлении или факте действительности, у которого есть текстовый субъект (С) и текстовый предикат (П). Приведенные ниже распечатки магнитофонной записи рассказов школьников разбиты на сверхфразовые единства, каждое из которых пронумеровано. Иерархическое строение текста показано на схеме, где по вертикали даны уровни предикативной структуры дискурса, а стрелками показано направление смысловых связей между сверхфразовыми единствами. В каждом новом уровне предикации выражается очередной «шаг», ступенька в разворачивании замысла в речевое произведение. Поскольку каждый тематический блок призван передавать некий смысл, содержание которого можно свести к сжатой формуле, мы для удобства восприятия будем на схеме приводить именно эту ядерную формулу.

2. Анализ речевого материала мы начнем в направлении от наиболее сложных по своей структуре текстов к простым. Приведем большую часть рассказа, принадлежащего старшему подростку.

Денис У. 15 л. 4 м. (фильм «Большая прогулка»)

1. Значит/ полетели летчики/ три английских летчика бомбить Францию// Это значит/ вторая мировая война// Их/ значит/ зениткой сбили/ их самолет// И они/ значит попрыгали на парашютах// Они значит/ прыгнули// Их разнесло в разные места// Значит/ на парашютах// Перед этим значит/ договорились встретиться в турецких банях// Ну вот// Значит эти летчики/ Макинтош/ капитан/ и еще один летчик/ вот они там/ как выбирались/ значит/ из французского тыла к себе в Англию//

2. Макинтош попал на крышу консерватории// Там на коня как раз сел// Он сразу значит/ с крыши/ собрал свой парашют// пошел вниз// Раз/ спустился/ зашел в один.../ значит/ в уборную дирижера как раз//

3. Дирижер был/ маленький человек/ очень хитрый// Но он/ очень был самовлюбленный/ поэтому он значит все хотел/ как бы по-его было// Не считался ни с чьим мнением// Только со своим// Вот значит// А как раз у этого дирижера проходит неприятность// Там должна состояться.../ такой концерт/ открытие// На котором будут присутствовать все/ значит/ великие чины/ немецкие/ крупные// Там всякие эсэсовские генералы/ и прочие// А этому дирижеру значит/ не дают репетировать// Вот/ значит/ подходит немецкий капитан/ и оцепляет весь этот театр//

4. Вот/ он так возмущается/ возмущается// И идет к себе в номер// А там/ значит/ находит этого английского летчика// Сначала он/ значит/ немного испугался// Потом посадил его в шкаф// А летчик уговорил его/ пойти в турецкие бани/ и встретиться с капитаном// Он/ значит сказал/ что у него усы//

5. Значит в это время еще один летчик/ приземляется на балкон маляра/ который красит// Как раз над плацем/ где строятся фашисты/ фашистские солдаты/ для приема/ торжественного там какого-то/ генерала СС/ который значит/ очень любит/ чтобы у него был мундир чистый// Все время ходит и пылинки сбивает пальцем/ с своего мундира// Как раз ходит этот..//

6. Ну он приземляется/ и начинает отстегиваться// Конечно/ этот весь балкон ходит ходуном// Вся эта подвесная система// Значит как раз выходит это генерал эс-эс// Сбивает пальцем

пылинку с своего мундира// И в это время/ маляр роняет ведро с краской/ которое падает перед этим генералом// И он весь становится белый/ в краске этой//

7. Тут же их начинают ловить// Они бегают по крышам// Спускаются/ значит/ к одной женщине/ в квартиру// Она их пустила// Маляр тут же переоделся в ее мужа// И они устроили скандал// А летчик спрятался/ в скважине для лифта// Ну и тоже/ значит спاسся//

8. Остается капитан// Он упал к моржам// Там настроен против немцев был/ сторож/ этого зоопарка// Он его вытащил// Переодел// Взял у него парашют/ чтоб на материал// Одежду шить// Ушел//...Пошел в турецкие бани//

9. Ну значит/ летчик уговорил это/ своего маляра/ с которым он бежал/ в турецкие бани// И всем им/ для сбора у них была мелодия/ насвистывать/ в качестве пароля//

10. И вот значит они ходят// Этот дирижер/ маляр и этот капитан//

11. А капитан/ потому как усы/ это очень по-английски// И он боялся/ что его узнают// Он сбрил эти усы//

12. И вот они ходят// Сначала заходит маляр// Видит мужчину с усамы// Ходит вокруг него/ и насвистывает эту мелодию// Смотрит на него// Человек ниче не понимает/ и так подозрительно на него глядит// Тут появляется режиссер/ ой режиссер/ дирижер// И тоже насвистывает мелодию/ и ходит вокруг того же мужчины// Вдвоем ходят/ вокруг усатого толстяка такого// Он ниче не понимает// Так на них подозрительно смотрит// Тут заходит этот капитан// Увидев их/ он их подзывает// Ну/ они сначала не понимают// Отнекиваются от него// Потому что он без усов уже// Но значит/ договорились они// И значит все/ пошли они// Вышли/ и там собрались/ значит/ летчики эти// Начали собираться// Они договорились о встрече//

13. А в это время значит/ летчик/ который сидел в шкафу у дирижера/ и начал ходить по его это...// В это время/ значит/ эсэсовский капитан/ проходя по коридору/ услышал/ как летчик уронил вазу// А потому/ как он видел/ что дирижер ушел// ему показалось это подозрительным// Он открыл дверь// А летчик убежал// В окно выпрыгнул/ на чердак/ и убежал//

14. Ну/ капитан/ сам/ значит сел в шкаф/ и сидит// Приходит/ значит/ дирижер/ стучится в шкаф// Макинтош/ выходи// Он значит/ выходит/ капитан// Дирижер сразу падает/ через скамейку// Такой

весь испуганный// Но/ капитан/ не хочет значит/ срывать премьеру концерта// Значит/ его под конвоем ведет/ чтобы он дирижировал//

15. Ну/ независимо значит/ от этого дирижера/ группа сопротивления французского/ закладывает значит/ мину на балконе// В театре// И значит/ там/ такая розочка торчит/ над всеми// Кто-нибудь захочет обязательно ее воткнуть/ чтобы она ровень была// Это и есть детонатор// Расчет на немецкую пунктуальность/ педантичность//

16. Как раз туда приходит/ из этой бани выходит/ маляр и капитан// Они переодеваются в форму немецких генералов// Значит ее украли/ в бане// Им все честь отдают// Поэтому каждому постовому тоже честь отдают// На них значит/ генеральские мундиры// И перед ними там все кланяются/ а они тоже кланяются// Никто значит/ не понимает/ че эт вдруг на них напало// Такая благосклонность// Значит/ они садятся в лоджию/ как раз над лоджией/ где эсэсовский генерал// Внизу сидит/ который мундир все время/ чтобы он у него чистый был// Сидят они значит// Там уже началась премьеры/ слушают// И вдруг значит/ перед этим...// Сидит маляр/ у него значит/ розочка торчит// Он/ вместо того/ чтобы впихнуть обратно/ он ее взял/ вынул// И проводки отлетели/ и .../ в разные стороны// Взрыв значит/ не получится// И в это время/ значит/ эти смотрели/ что проводки должны быть соединены// Потому что он ее воткнул опять// Капитан ему/ Неудобно// И воткнул опять эту розочку//

17. А эти подумали/ что сейчас (жест)...// И ток включили/ цепь// Там получился маленький взрыв// Только детонатор взорвался// Вся основная масса не взорвалась/ взрывчатки// И там часть балкона обсыпалась вместе с этой/ со штукатуркой// Как раз на этого генерала СС// Он опять весь белый стоит//

18. Ну/ этот маляр вскакивает и кричит/ Эт не я!/ Эт не я!// Капитан тут/ значит/ его за руку хватает/ и вытаскивает в коридор// Молчи!// Все знают/ что это и так не ты//

19. Дирижер вообще испугался/ потому что на него так капитан уже смотрит// Он ему говорит/ Вы думаете это я?// Нет/ это не я// Сам значит/ на коленки/ и ползет так к выходу// Уползает так/ на четвереньках// А часовые на него автоматы// Встает// Пред зеркалом так волосы// Да-с/ антракт// А там/ такой туалет с двумя выходами// Они за ним зашли// Он в другой вышел/ и побежал//

20. Ну/ встречается с этим капитаном и маляром// Они его берут/ как будто/ значит пленник/ и идут// В подвал театра// Там/ канализация/ значит// Водопроводная сеть// И они на какой-то лодочке/

на маленькой/ плывут// Значит/ доплывают они до...// Там выходы конечно/ есть/ на улицу// На улицу они/ значит/ выплывают//

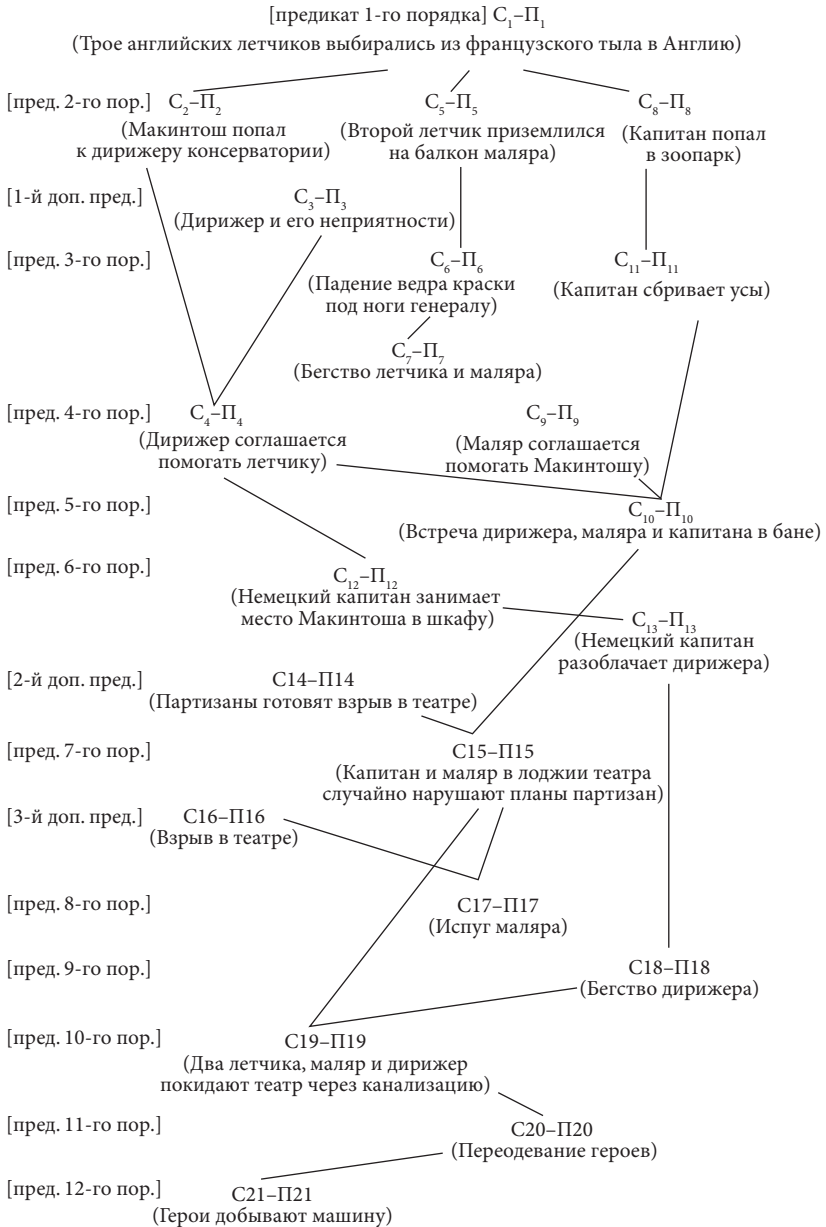
21. А летчик один/ переоделся/ значит/ в девушку// Так они...// Длинная юбка такая какая-то// Капитан выглядывает/ вокруг него там/ ходят женщины в коротких юбках// Он так из люка смотрит/ смотрит/ засмотрелся// Спускается вниз// Отрывает половину юбки/ у этого/ у Макинтоша/ и значит выпихивает его наверх// Люк оставляет открытым// Он значит/ стоит/ там панель// Все значит/ ходят мужчины// Так раз к ней/ хотят подойти// К нему// И падают в этот люк// Они там значит/ отработали систему// Он так падает/ они его раздевают/ сами передеваются/ потому что они там все в театральных костюмах// Во фраках//

22. Переоделись значит/ и пошли// Ну все собралась/ идут на вокзал// И только/ значит/ на вокзале они должны были встретиться в поезде// И поехать к французской/ английской границе// Ну/ они значит/ на поезд опоздали/ потому что там оцепили вокзал/ и они еле ушли// Сели в какую-то машину/ и значит...// В чужую машину сели/ и поехали/ из города//

Изобразим приведенный выше текст на схеме 7.

Приведенная схема свидетельствует, что по своему строению представленный выше фрагмент рассказа наиболее близок к «психолингвистической норме текстовости». Конечно, речевое произведение, часть которого дана выше, далеко от риторических высот информативной речи. Однако это целостный текст, в котором формирование поверхностной структуры начинается с экспликации замысла в инициальной фразе (точнее — в инициальном сверхфразовом единстве), реализующей предикацию первого порядка. Все дальнейшее повествование представляет собой поэтапное разворачивание намеченной в начале темы. На уровне предикцирования второго порядка рассказ как бы распадается на три сюжетные линии, три фрагмента, которые разворачиваются по принципу контрапункта: в некоторых фазах раскрытия замысла сливаясь, а иногда — расходясь друг с другом. На протяжении всего движения сюжета развитие действия основано на прояснении намеченной в начале темы, которая последовательно превращается во все более мелкие подтемы и субподтемы и т. д. Одновременно с этим в речи возникают не связанные с начальной формулировкой замысла побочные субподтемы, которые, однако, в ходе формирования текстового хронотопа вплетаются в одну из подтем, связанную с реализацией общего замысла.

Схема 7

Движение рассказа во времени происходит путем пульсации, где намеченная тема (подтема) не только ветвится на все более дробные микротемы, но и сворачивается, соединяя несколько субтем в подтему нового фрагмента и т. д.

3. Перейдем к рассмотрению рассказа о фильме, наиболее типичного для школьников младшего подросткового возраста. Не очень большой объем рассказа позволяет привести его целиком.

Дима Т. 10 л. 6 м. («Без паники, майор Кардош»)

1. Там сначала показывают/ женщина/ из машины стреляет там в дяденьку// Тот ехал на катере// Она в него стреляет/ и убивает его// И вот значит/ это дело попадает к майору Кардошу// И вот майор ведет расследование// Там целая малина была// И вот они хотели/ все сразу разузнать/ что там/ за банда такая// Вот// И значит/ они принялись за это дело//

2. А там был/ один дяденька такой здоровый/ Капелька// Он там самбист// Ну в общем сильный человек// Вот// Он там очень здорово дрался//

3. Он поехал на машине// Он подъехал/ машину поставил// А ему в машину подложили мину// А когда он приехал на машине...// А там/ какой-то дяденька/ ну старик такой/ играл на скрипке// А сам магнитофон за пазухой включает// Включает/ играет/ делает вид/ что играет// А ему платят// Вот// Он подехал к этому скрипачу// Вы не можете мне починить машину// Капелька ему говорит// Тут прям машина разорвалась// Такой взрыв дж-ч-ч// Сама взорвалась// Там часовая мина была// Вот// И раз/ Капелька...//

4. А там/ одна девчонка// Я уж не помню/ Муравей/ кажется// Она его выручила из плена//

5. Один раз он ехал с одним из бандитов// Капелька// Вот// И он/ эт самое.../ тот дал ему сигареты// Он закурил/ и заснул// Там специальные сигареты/ они делают// Его привезли/ вот в машину/ самое основное место/ где там...// И бросили в такой подвал// Вот//

6. И там значит/ этот Муравей пробрался/ руки развязал ножиком// Развя...// Он когда только хотел идти/ слышит за коробками такой шелест//

7. А там одна тетенька/ там// В годы войны у нее отец погиб// Он был летчиком// И там у него/ была карта/ где спрятаны драгоценности// Вот// А они были спрятаны под рестораном там// Там построили ресторан// А там за рестораном этот...// И значит они

ее все допрашивали/ эту карту// Вот// И значит вот/ там и у...// Там выжигали// Они ее какими-то специальными препаратами// Вот// И ее значит/ заложили коробками// Он услышал/ что кто-то там стонет// Он раз/ раздвинул коробки// Она там лежит// Он ей руки развязал// Раз// Муравей сбегал за водой// В общем// Она уже пришла в себя/ все нормально// Раз//

8. А там часовой такой толстый сидит// А там такая дверь здоровая/ железная// Он сидит так на табуретке/ а тут дверь// Капелька/ такой/ снял с петель дверь/ взял на этого толстого дверь так толкнул/ и по голове его// Пистолет вытащил/ поглядел/ положил/ ушел// Ну там/ засмотрелся// Смотрит/ этот толстяк опять чет/ там шевелится// Раз так/ положил опять//

9. И там значит/ они уплыли с тетенькой// Но тетенька нырнула первая/ и уплыла за камыши//

10. А там другая/ которая убила мужчину на катере// Она подъехала на машине// И в Капельку прицелилась// А он такой сто.../ стоит на мосту// Она промахнулась/ а он сделал вид/ что она в него попала// В воду так упал// Она поехала/ радостная// Такая/ говорит/ Я Капельку убила//

11. Они уплыли// Вот//

12. И значит/ а этот Муравей/ она там навредила сильно// За ней погоня такая// А Капелька уплыл с этой женщиной// Уже уехали они/ к Кардошу// Вот// А эт/ Муравей бежит/ девчонка// За ней на машине на гончей/ эт/ бандиты такие//

13. Она раз/ смотрит/ машина такая стоит/ «Жигули»// «Жигули» простая стоит// Она/ раз так/ залетает// Ее шофер спрашивает/ Че такое?// Погоня?// Ага/ догонят/ зарежут!// Эт газ дал// Эта гончая еле-еле за ними// Их раз так// А тут такой сквер/ и лестница вниз// Шофер так раз/ затормозил// Эти проехали// Он раз/ свернул/ по ступенькам/ по лестнице ту-ту/ ту-ту// Раз/ спустился/ едет по всему скверу/ там// Раз/ вылетают такие бандиты// Вот// Начали их там ловить// В общем/ они уехали//

14. Вот/ а потом там...// А Капелька приехал к Кардошу// Она отдала карту Кардошу// Вот// Ну они пока/ ниче не действовали/ потому что надо было сначала всех бандитов взять// А уж потом братья за это// Вот// И значит/...

15. А вот/ мне еще понравился один эпизод// Там в конце фильма// Эта тетенька/ которая стреляла/ она последняя// Всех уже арестовали// Она осталась// Подъезжает// Ну раз...// А там/ одна женщина/ вот эта/ которая карту-то отдала// Она подъехала на

*желтой машине/ своей// Уже прицелилась/ раз// А Капелька такой/
он/ когда она остановилась/ он подполз/ лежит/ она прицелилась
уже// Эт машина стоит поперек// И она целится из окошка// А Кар-
дош берет так ногу/ раз/ дуло согнул// Спокойно/ вы взяты в плен//
Ваши ручки// Наручники ей надел//*

16. *В общем эту всю малину разорили/ потом//*

17. *Они там все/ эт самое бежали/ и значит/ они пошли/ где это
место...// Они все-таки украли эту карту// Они украли эту карту//
Да/ и эт самое/ пошли под ресторан// Прodelали...// Там водолазы/
там вода была// Там трубы спускали// Вот// И там прорвали эти
трубы// Но потом заделали// Они по этим трубам спустились/ там
в воду// Не стали больше делать// Вот/ они просверлили/ прошли
по этим трубам там// Спустились// А там смотрят/ вода// Водо-
лазы спустились под воду// Там тьма-тьмущая// Глубоко очень//
Ну/ раз так/ выкачали воду/ там целая система у них была// Вот//
И значит пошли под этот ресторан// Смотрят/ там склад// Там
ящички такие лежат/ там с золотом//*

18. *А значит милиционеры/ тоже ведь знали// И они с двух сто-
рон вот так// С одного хода прошли/ пробрались как-то/ под resto-
ран// И с другого//*

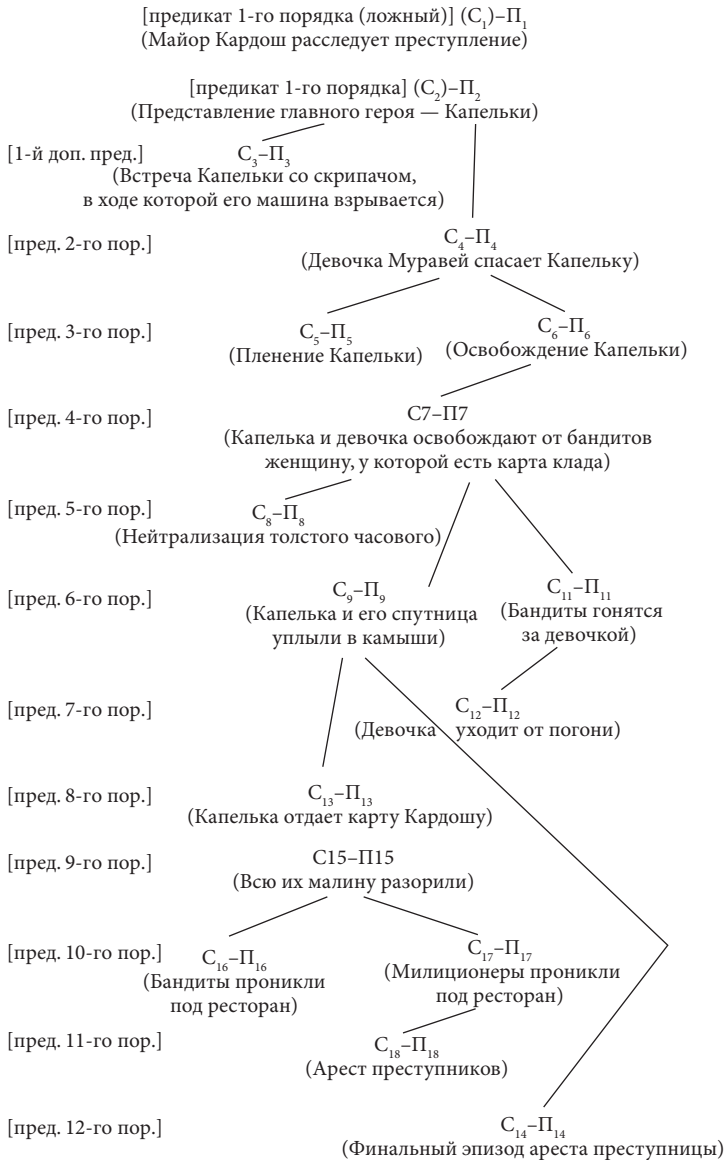
19. *И значит/ их окружили// И когда они/ только уже/ выгру-
жать/ ящички// Бандиты// И тут такие фонари светят так// Сда-
вайтесь/ вы окружены//*

Схематическое изображение этого рассказа (схема 8) вызывает значительно больше затруднений из-за его непоследовательности. При создании схемы мы можем достаточно отчетливо наблюдать распад целостности в построении речевого произведения на фрагменты, более или менее завершенные.

Схема 8 демонстрирует не столь стройное композиционное строение речевого произведения. Однако и здесь мы можем наблюдать стремление говорящего к созданию предикатно-иерархической структуры развертывания замысла в целостный дискурс. Начальный тематический блок содержит в себе попытку наметить общую для всего будущего рассказа тему. Однако тема эта оказывается ложной: упомянутые в первом сверхфразовом единстве герои оказываются периферийными. Вместо экспликации замысла первый микротекст содержит только описание первого эпизода так, как он вспомнился говорящему. Однако в дальнейшем автор рассказа пытается если не эксплицировать тему всего рассказа, то хотя бы представить его

Схема 8

главного героя. Ядерный смысл можно воспринять какхождение главного героя. Дальнейшее повествование распадается на несколько связанных между собой референциально (действующими лицами) фрагментов, повествующих об относительно законченных эпизодах фильма. В некоторых случаях автор рассказа осознает разорванность (нецельность) своего дискурса и в метатекстовых фразах эксплицирует его фрагментарность (*А вот/ мне еще понравился один эпизод// и т. п.*). Притом что некоторое представление о целостности и ее формировании в тексте у говорящего есть, ресурсы его внутренней речи не позволяют ему без предварительного обдумывания спонтанно выстроить стройную с точки зрения иерархии предикатов структуру текста.

3. Наконец, рассмотрим с точки зрения построения целостной структуры рассказ младшего школьника. Приведем типичный для этого возраста устный спонтанный дискурс

Шурик Б. 6 л. 11 м. («Макар-следопыт»)

Там он пошел в сарай/ а там был Тимофей// Он был/ фокусник был// Потом они ушли из этого сарая/ и пришли там/ на берег озера// Макар говорит/ Я пойду наберу картошки/ ну там на поле/ а ты набери хвороста для костра// Набрал картошки пошел/ а там белые уже пришли/ и ведут этого фокусника// Он там смотрит// Потом// Потом эта пришли/ привели его/ и он стал показывать фокусы// А он сразу там/ приве.../ нашел веревку/ привязал к четырем пушкам// Они там заряжали пушки и веревку// И они там/ взорвались// Он убежал// А белые за ним// Он ударил кулаком одного из белогвардейцев// И коня у него отнял// Там он залез/ и Макар тоже залез// Они скачут// А у него пистолет был// Да/ у фокусника// И он перевернулся задом наперед// А Макар скачет// Он говорит фокуснику/ Ты умеешь держать повод?// Он говорит/ Умею// Они скачут/ а он стреляет// И так/ где-то четыре убил этого// Может пять/ убил белогвардейцев// Потом он чет там/ ногу что ль вывернул/ этот фокусник// Они там еле-еле ускакали там// В камышах там на бо.../ на озере/ в камышах там поползли// Это// У него коленка бохла// Потом пришли/ там у разваленного/ а там был погреб// Полезли туда// Он уложил там этого на кровать/ фокусника// А там в кувшине какой-то хлеб остался// И они его съели// Потом пришли белогвардейцы// И там один белогвардеец начал рыть погреб// А другой там студент// тоже белогвардеец/ говорит/ Лучшие

хвороста набери// Там набрали/ разожгли// Уже там ночь/ и там уже это...// То есть не ночь/ а там еще было светло/ и там нашли там какой-то/ веревку// Эта// Вот этот белогвардеец/ который хотел погреб вырыть// Эта// Как раз в этом месте был погреб// Эта// Он перерезал эта/ и к нему сразу стрела прицепилась// Эта// Она не прицепилась прям сюда (жест)// Она приклеилась// Отцепил там// Прочел там че-то// Забыл// Прочел/ и говорит он сту.../ студенту// Спрашивает/ Че/ че это такое?// А это/ ну как там// Да там/ индейский яд/ а просто какая-нибудь смола// Он говорит/ Может быть/ эта...// Ну в общем они нам эта/ все у костра сидят// Но вдруг там эти/ индейцы/ эта/ его друзья/ Макара были// Еще мальчишки были/ прискакали с факелами// И кричат/ а-а-а// Они начали стрельбу// Эти два белогвардейцев// Но это там же ведь темно// Там темно// Стрельбу начали// Привели их там к генералу/ Черному// Он говорит/ Одного бить/ пока не скажет// А другого в темницу что ль// Ну/ Они убежали// И поехали они на телеге// Их там/ не пустили/ задержали// Ну эти там// Посты/ там// И звонит телефон// Там/ эта// Говорит генерал Черный// Пропустить// Ну пропустили они// Вдруг зазвонил это// Он говорит/ че-т/ еще какому-то// Звонит// Он говорит/ Нет/ слышалось// Просто Макар-следопыт перерезал там провод/ как раз это прям показали// Около будки// Он разговаривает// Ниче там нету// И потом там эта// Он переоделся опять/ фокусник этот// Фокусник эта...// И послал эта/ его/ Макара/ за этим...// Там у него приятель был// Послал его// Он...// Пришел/ взял какую-то трубу/ а там мальчишка/ выходит и говорит/ Положи// И там завязалась драка/ эта// И он говор...// И там пришел какой-то/ какие-то.../ мать/ и их эта// Мать его пришла/ эта// И отогнала этого/ большого мальчишку// Больше мальчишка был// И говорит/ Не девчонка/ мальчишка переодетый// Девчонки так не дерутся// Ну он там...// А он говорит ей/ если будет они так.../ значит// Подаст своей шапкой/ сигнал// Ну он шапку/ на палку надел/ и повертел ей// Потом снял ее со своей головы// И тут этот/ фокусник// Ну они там зашли к этому дому//

Попытки составить схему разворачивания замысла в речевое произведение на основе приведенной выше записи успехом не увенчались. Дискурс такого типа от представления о норме текстовости находит еще дальше.

Рассказ младшеклассника не членится (или членится очень слабо) на сверхфразовые единства. Здесь нет даже попытки экспликации не

только темы всего будущего текста, но даже и его фрагментов: дискурс начинается с описания действия поименованного героя, совершенно не известного слушателю. Далее информация подается в соответствии с уже не раз отмечавшимся нами прагмалингвистическим принципом: ребенок строит рассказ таким образом, будто он и его собеседник (адресат речи) одновременно созерцают изображаемые в речи события. Здесь нет никаких попыток иерархической упорядоченности сверхфразовых единств: последовательность событий определяется той последовательностью, в которой они всплывают в памяти рассказчика.

Проведенный сопоставительный анализ особенностей речевой деятельности на разных возрастных срезах показывает характер развития дискурсивного мышления языковой личности.

После завершения стадии самонаучения языку как системе языковая личность в рамках дискурсивного поведения способна на речевые действия, опирающиеся на деятельность в рамках конкретной ситуации. Без опоры на наглядно созерцаемые или воображаемые факты или явления ребенок еще не в состоянии строить речевые произведения, содержащие текстовые смыслы. Дискурсивное мышление в этом возрасте ограничивается вербальным моделированием одноактных действий на уровне одного-двух предложений. К завершению младшего школьного возраста ребенок обретает способность к важнейшим латентным операциям по сворачиванию и разворачиванию информации, которые составят основу его внутренней речи. Способность к внутреннему планированию речевой деятельности позволяет подростку в построении дискурса оторваться от конкретной ситуации и строить целостные связные речевые произведения, несущие в себе сложные, иерархически организованные текстовые смыслы. Однако интериоризация внешней речевой деятельности во внутриречевую у младших подростков еще не очень глубока: им еще недоступны сложные семантические построения на глубинном смыслообразующем уровне порождения и понимания высказывания. Дискурсивное поведение школьников среднего звена, несмотря на автоматизированность процессов создания текстов, еще не всегда осмысленно; речь и мышление в процессе построения текстов еще не сливаются полностью. Такое соединение при нормальном развитии языковой личности наблюдается лишь к окончанию школьного детства. Именно в

этом возрасте школьник обретает способность к построению сложных вербально-логических операций во внутренней речи. Это связано с еще большей интериоризацией внешнеречевых процессов, которая затрагивает наиболее глубинные смыслообразующие стадии речевой деятельности — стадии формирования замысла, опирающиеся на тонкие операции антиципации, компрессии и перекодирования информации с кода вербального на код индивидуально-личностных смыслов (УПК) и мн. др.

Путь развития дискурсивного мышления человека можно представить как процесс, сопровождающий социально-интеллектуальное становление личности, в котором в ходе интериоризации внешнеречевых форм во внутриречевые наблюдается все большее сближение текстовых способов моделирования действительности и глубинных когнитивно-мыслительных процессов.

Выявленные закономерности становления дискурсивного мышления представляют собой обобщенную модель, в которой мы сознательно абстрагируемся от различий в становлении конкретных языковых личностей. Укажем лишь на огромное влияние на процесс речевой эволюции ребенка школьного обучения, в ходе которого в детском языковом сознании формируются представления об обобщающей функции слова, составляющий основу понятийного аппарата и т. п. Особо нужно здесь отметить ту важную роль, которую играет в становлении речемышления школьника обучение грамоте и возникновение на его базе письменной дискурсивной деятельности, предполагающей дополнительные усилия по осознанному порождению и восприятию текстов. Подчеркнем, что овладение психолингвистическими механизмами порождения письменных речевых произведений, которые строятся на основе максимально полного использования грамматических средств языка, непосредственно влияет и на развитие устной речи в направлении все большего абстрагирования от ситуации общения, развития текстового аналитизма, проявляющегося в совершенствовании процессов разворачивания замысла в целостный текст и т. д.

6. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ, КИНОТЕКСТ

6.1. Прагмасемиотическая модель художественного текста*

Создавая и воспринимая произведение искусства, человек передает, получает и гранит особую художественную информацию, которая неотделима от структурных особенностей художественных текстов в такой же мере, в какой мысль неотделима от материальной структуры мозга

[Лотман 1970: 11].

Художественный текст рождается в сознании его автора. Он, как растение из почки, распускается из замысла произведения. Но что питает художественный замысел? «Всеобщая потребность в искусстве, — считал Гегель, — проистекает из разумного стремления человека духовно осознать внутренний и внешний мир, представив его как предмет, в котором он узнает свое собственное “я”» [Гегель 1968: 38]. В художественном творении создатель прежде всего стремится выразить свое видение мира и свое отношение к миру. И главное, передать это видение-отношение другим людям. Эта прагматическая природа текста позволяет рассматривать его в качестве дискурса, в строении которого закрепляется особая форма взаимоотношений творца и созерцателей.

Как справедливо писал в одной из своих работ М. М. Бахтин, эстетический объект никогда не дан как готовая вещь. Он всегда задан,

---

* Седов К. Ф. О природе художественного текста // АРТ. Альманах исследований по поэтике. Вып. 1. Саратов: Изд-во Саратовск. пед. ин-та, 1993. С. 5—15.

задан как интенция, как направленность художественно-творческой работы и художественно-творческого созерцания. Вещно-словесная данность произведения является, таким образом, лишь материальной средой общения, в которой только и реализуется эстетический объект, является лишь суммой стимулов художественного впечатления (выделено нами. — К. С.) [Бахтин 1998: 224].

Прагматические установки присутствуют в художественном тексте уже на этапе замысла.

В каждом из видов искусств, — пишет видный отечественный психолог Н. И. Жинкин, — ...структура восприятия формируется управляющим замыслом... Ситуация и структура восприятия задается замыслом произведения. Это то, что должен увидеть и услышать зритель по воле автора. В результате получается своеобразный парадокс — восприятие оказывается не в системе приемных входных устройств... а на выходе познающей системы [Жинкин 1971: 222].

Замысел текста возникает в сознании художника на уровне личностных смыслов. Его развитие неизбежно проходит «ворота хронотопов» (М. М. Бахтин). Иными словами, любое произведение искусства несет в себе модель действительности, которая имеет пространственные и временные характеристики. Каждое из искусств имеет свои средства и законы моделирования, но любой вид художественного творчества стремится к образованию такой целостной континуальной картины мира.

Целостный хронотоп необходим создателю творения как условие и способ изображения человека-героя. Именно человек есть центр эстетического видения автора и созерцателей. Даже если произведение в силу родовых свойств того или иного вида искусства не предполагает появления героя внутри художественного мира (поэзия, живопись, музыка, архитектура и т. п.), зритель, тем не менее, созерцает очеловеченную, оживленную реальность, реальность, за которой кроются эмоционально-этические знаки человеческой души. Категории же художественного мира предстают в тексте либо как вечное окружение изображенного человека, либо как элементы его внутреннего кругозора.

Сам герой в тексте являет собой целостное смысловое образование, имеющее достаточно жесткую внутреннюю структуру, которая детерминирована в своей эволюции.

Художественный акт, — указывает М. М. Бахтин, — встречает некоторую упорствующую (упругую, непроницаемую) реальность, с которой он не может не считаться и которую он не может растворить в себе сплошь. Это внеэстетическая реальность героя и войдет оформленная в его произведение. Эта реальность героя — другого сознания — и есть предмет художественного видения, придающий эстетическую активность этому видению [Бахтин 1979:173].

Одна из прагматических установок художественного замысла направлена на создание в ходе эстетической коммуникации в воспринимающем сознании иллюзии пространственно-временной и смысловой целостности художественного мира. Другая прагматическая задача заключается в передаче экспрессивного авторского отношения к изображенной реальности. Модель действительности предстает созерцателю пропущенной через аксиологическую призму авторского видения, авторского мироотношения.

Объектом эстетической оценки выступает, прежде всего, человек-герой вместе с его внутренним кругозором. В художественном тексте герой показан зрителю в свете тоталитарной реакции на него автора, чья интенция принципиально внеположена художественному миру. Авторская активность не затрагивает континуальной целостности хронотопа, но реализуется в способах представления воспринимающему смоделированной в тексте действительности.

Таким образом, говоря о природе художественного текста, мы можем предварительно определить его как программу восприятия, в которой одушевленная, очеловеченная модель действительности дана созерцателю через призму аксиологического мира автора. Однако приведенная дефиниция является слишком общей, чтобы быть удовлетворительной. В ней явно недостает некоего атрибута, способного ограничить сферу действия модели областью лишь искусства как специфического социально-психологического феномена.

В художественном творчестве есть какая-то тайна, некое сверхличное начало, интуитивно ощущаемое присутствие которого побуждает отторгнуть любое рациональное определение искусства. В. С. Соловьев видел высшую задачу искусства в «создании вселенского духовного организма». Само же художественное произведение он характеризовал как «всякое осязательное изображение какого бы то ни было предмета и явления с точки зрения его окончательного состояния, или в свете будущего мира» [Соловьев 1991: 83]. Несмотря на

неточность приведенной формулировки, думается, что русским философом был действительно угадан родовый признак художественного текста. Обозначим это свойство термином *эстетическое* и попытаемся понять его генезис и психологическую природу.

К. Г. Юнг считал процесс творческого созидания «автономным комплексом» и сравнивал его с прорастанием в душе человека некоего живого существа.

Он полагал, что искусство прирождено художнику как инстинкт, который им овладевает и делает его своим орудием. То, что в первую очередь оказывается в нем субъектом воли, есть не он как индивид, но его произведение. В качестве индивида он может иметь прихоти, желания, личные цели, но в качестве художника он есть в высшем смысле этого слова «Человек», коллективный человек, носитель и ваятель бессознательно действующей души человечества [Юнг 1991: 117].

На сознательном уровне автор произведения стремится выразить свое индивидуальное уникальное отношение к миру. На уровне же бессознательном он вступает в поток «жанровой памяти» (М. М. Бахтин) и становится как бы «общественным сновидцем, который видит сны за всех, сны не успокоительные, не “компенсирующие”... а всегда — так или иначе предостерегающие» [Аверинцев 1972: 153]. Творец, по мнению Юнга, является своего рода медиумом, орудием некоей высшей силы.

Знает ли, — писал ученый, — сам художник-автор, что его творение в нем зачато и затем растет и зреет, или он предпочитает воображать, будто по собственному намерению оформляет собственное измышление: это ничего не меняет в том факте, что на деле его творение вырастает из него. Оно относится к нему как ребенок к матери [Юнг 1991: 118].

Корни эстетического уходят к первобытному архаическому мироощущению коллектива. К древней «мифопоэтической или “космологической” эпохе, определяемой соответствующим типом мировоззрения, миропонимания, точнее — миропереживания, переживания мира в процессе контактов с ними, реализующихся прежде всего через деятельность» [Топоров 1988: 9].

Л. Леви-Брюль называл мышление первобытных людей пралогическим. Он подчеркивал его отличие от мышления современного че-

ловека, считая основным свойством первобытного сознания мистичность.

Центральной закономерностью строения мыслительных операций, по мнению французского ученого, выступает партиципация (соположение), в которой уловленная или замеченная последовательность явлений может внушить ассоциирование их: самая ассоциация не сливается, однако, целиком с этой последовательностью. Ассоциация заключается в мистической связи между предшествующим и последующим, которую представляет себе первобытный человек и в которой он убежден, как только он себе ее представил: предшествующее, по представлению первобытного человека, обладает способностью вызывать появление последующего [Леви-Брюль 1930: 46].

Первобытное мышление отличается конкретностью, нерасчлененностью и образностью. Эти его особенности приводят к формированию в сознании дикаря специфической картины мира. Идеологическим содержанием архаического сознания становятся мифологические представления.

По мнению О. М. Фрейденберг, эти представления могли быть только образами и ничем иным, потому что «образ», как бы мы ни мудрили, есть зрительный «внешний вид», зрительная «наружная сторона» предмета... Мифологический образ представляет собой отложение пространственно-чувственных восприятий, которые выливаются в форму некой конкретной предметности. ...Мир, видимый первобытным человеком, заново создается его субъективным сознанием как второе самостоятельное бытие, которое отныне начинает противоречиво жить рядом с реальной, не замечаемой сознанием действительностью. Так из невольного, биологически свойственного человеку познания мира возникает связанная система мироощущения, остающаяся жить в виде известных форм культуры [Фрейденберг 1998: 21—22].

Мифологическое сознание опирается на космологические схемы, которые в наибольшей степени определяют представления о мире, присущие носителям первобытного мышления.

Мифопоэтическое мировоззрение космологической эпохи, — пишет В. Н. Топоров, — исходит из тождества (или, по крайней мере, из особой связанности, зависимости, подтверждаемой операционно) макрокосма и микрокосма, мира и человека. Человек как таковой —

один из крайних ипостасных элементов космологической схемы, ее завершение и одновременно начало нового ряда, уже не умецающегося в космологические рамки [Топоров 1988:12].

Система мифологических представлений пронизывает жизнь первобытного человека. Она воплощает в себе то, что К. Г. Юнг называл «коллективным бессознательным», она позволяет субъекту преодолеть ощущение единичности и конечности бытия, дает ощущение клеточки огромного организма социума, существование которого незавершимо во времени. Оно дает ощущение бессмертия.

Это жизнеутверждающее по своей сути мифопоэтическое мироощущение определяет семантическое наполнение феномена эстетического. В современной культуре оно живет в форме архетипов, схем, первоэлементов, протофеноменов, символов и т. п. Архетипы эстетического представляют собой феноменологическую структуру, элементы формы подсознательных процессов мышления. Основная культурологическая роль эстетического заключается в пробуждении в индивидуальном сознании чувства приобщенности к чему-то всеобщему, надличностному.

Феномен эстетического «работает» не только в рамках художественной перцепции. Он способен возникать в различных видах социально значимой деятельности: в момент созерцания природы, в процессе восприятия спортивного зрелища и т. п. Особую роль эстетическое выполняет в средствах массовой информации (причем оно может присутствовать и в развлекательных по преимуществу, и в информационных зрелищах). Обязательно момент эстетического (в нашем понимании термина) присутствует в религиозно-культовых обрядовых формах.

Творец, — писал П. А. Флоренский, — должен единичное возвысить... до «всеобщего», т. е. увидеть в нем символ, все собой охватывающий. «Всеобщее» есть потому отдельный случай, что достигнутость делает нечто индивидуальным, превращает в «уникум», поэтому делает все остальные случаи, подобные ему, уже излишними. И обратно: «отдельный случай», мысленно доведенный до индивидуального совершенства, тем самым становится «всеобщим». В ее абсолютно земном осуществлении эта формула Гете есть как бы тайна всех религиозных богоявлений; приблизительное осуществление ее есть основной закон художественного творчества и, в частности, только художественной формы [Флоренский 1990: 146—147].

Архаические первоэлементы преобразуются в каждом из искусств в систему специфических для каждого вида художественного творчества эстетических канонов. Эстетическое выступает здесь в виде токонесущей силы, энергии, способной переплавить индивидуальный социальный опыт художника в оформленное по законам жанра творение. Диалектика художественного созидания состоит в противоборстве личностного начала и интенции коллективного бессознательного, идущей из глубины веков. Это противоборство главным образом и определяет эволюцию художественных форм. В каждый из периодов развития цивилизации архетипы эстетического реализуют себя по-разному, взаимодействуя с неодинаковым внеэстетическим бытием. Но, видоизменяясь, эстетические протофеномены неизбежно прорастают в художественном тексте как организующая конститутивная сила, как семантическое образование, передающее память о первобытном мироощущении, которое позволяет индивидууму приобщиться к целостному и вечному космосу человеческой культуры, дает ему возможность преодолеть чувства одиночества и страха смерти, дарит ощущение истинной социальной полноценности.

Вернемся к определению онтологических свойств произведений искусства. С учетом вышесказанного, позволим себе несколько уточнить данную ранее формулировку. Художественный текст есть оформленная в соответствии с эстетическими канонами программа восприятия, в которой очеловеченная, одушевленная модель действительности дана созерцателю через призму аксиологического видения автора.

Принципы прагмасемиотической интерпретации художественного текста

Предлагаемые принципы изучения художественного текста суть попытка создания техники понимания произведения искусства в его эстетической целостности. Поиски универсальной стратегии интерпретации текста побудили нас обратиться к различным видам художественного освоения действительности: литературной прозе и кинематографу.

В соответствии с прагматическими методологическими установками исследования мы рассматриваем текст — первичную и исходную данность любого гуманитарного изучения — в качестве

высказывания, дискурса, вписанного в процесс реальной эстетической коммуникации. За любым текстом стоит общепонятная система языка (в данном случае — язык искусства). Однако понимание произведения не сводится к суммарному значению элементов, составляющих художественный дискурс.

Будучи связанным знаковым комплексом, одновременно каждый текст (как и высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Это то в нем, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории. По отношению к этому моменту все повторяемое и воспроизводимое оказывается материалом и средством [Бахтин 1979: 283].

Пытаясь понять текст, мы на самом деле стремимся понять его автора, постичь замысел (интенцию), породивший то или иное творение. Процесс понимания предстает в виде вчувствования, сопереживания мыслям, чувствам, намерениям другого человека — автора. Необходимо подчеркнуть, что автор интересует воспринимающего не как биографическое лицо, а как некая направленная энергия, переплавившая индивидуальный (и в том числе — эстетический) опыт в произведение искусства. Он, по словам К. Г. Юнга, «представляет собой в глубочайшем смысле инструмент и в силу этого подчинен своему творению, по каковой причине мы не должны также, в частности, ждать от него истолкования последнего. Он уже исполнил свою высшую задачу, сотворив образ. Истолкование образа он должен поручить другим и будущему» [Юнг 1991: 118].

Интерпретируя художественный текст, воспринимающий возвращается в области личностных смыслов. Но, по выражению М. М. Бахтина, «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [Бахтин 1975: 406]. Иными словами, за текстом (будь то текст литературно-словесный или кинотекст) всегда стоит целостная идеальная модель действительности (континуум), имеющая пространственно-временные характеристики. Этот художественный мир возникает в сознании творца в ходе создания им текста и он же должен (в идеале) возникнуть в воспринимающем сознании в процессе эстетической коммуникации.

Пространственно-временной континуум образует внешнюю среду обитания героев произведения с их субъективными кругозора-

ми. Герой есть «упорствующая (упругая, непроницаемая) реальность» [Бахтин 1979: 173], которая противостоит авторскому своеволию и живет в произведении в соответствии с «логикой характера». Перемещения героев, события, их затрагивающие, ими совершаемые, составляют то, что традиционно носит название фабулы произведения, а характер представления фабулы в тексте — его сюжета.

И герой с его внутренним кругозором, и его внешнее окружение «обмаются» (М. М. Бахтин) авторским ценностным кругозором. В тексте художественный мир показан воспринимающему через аксиологическую призму, ценностную систему авторского индивидуального видения мира. Авторский кругозор не затрагивает художественного мира, но каждый момент восприятия этого мира интонирован автором, пронизан авторским отношением. Воплощая в себе мироотношение создателя текста, авторское начало несет в себе центральную предпосылку эстетической целостности произведения.

Указанные компоненты художественного дискурса так или иначе входят в поле зрения исследователя (интерпретатора). Модель восприятия текста можно показать на примере, условно расчленив процесс художественной перцепции на уровни, этапы понимания. Обратимся для этой цели к примеру из живописи, хорошо описанному в работе М. Хайдеггера, — к известной картине Ван Гога, изображающей башмаки крестьянки. Первая мыслительная операция, которую производит зритель, — это идентификация изображенного денотата по различным таксономическим признакам: во-первых, перед нами обувь, а не, например, мебель, во-вторых, обувь женская, в-третьих, обувь грубая, рабочая, а не модельная и т. д. Следующая стадия художественного восприятия побуждает зрителя увидеть за мертвой вещью человека — саму крестьянку, которой эти башмаки принадлежат. Человек этот невольно наделяется зрителем определенной внешностью, внутренним миром... Воспринимающий мысленно моделирует судьбу крестьянки, прокручивает в голове различные жизненные ситуации, в которых она могла бы оказаться. И наконец, последней, высшей ступенью художественного созерцания картины становится приобщение к уникальному вангоговскому видению мира. Ни изображенные предметы, ни открывающаяся за ними человеческая судьба не делают картину объектом эстетического созерцания. Авторский взгляд на мир, отношение к этому миру, общая оценочно-эмоциональная тональность видения, выраженная

на полотне, — вот ради чего создано произведение, ради чего зритель обращает к нему свое внимание.

Проецируя сказанное на тексты художественной прозы и кинематографа, мы можем наметить ступени понимания произведений этих видов искусства. Оно, во-первых, способно затрагивать лишь фабульно-сюжетный уровень. Зритель / читатель в этом случае успешно идентифицирует среду художественного мира, следит за перемещениями героев, улавливает логическую взаимосвязь описываемых событий. И только. Следующей ступенькой постижения семантики произведения становится восприятие, при котором читателю становятся понятны мотивы поступков действующих лиц, когда ему открываются тайны внутреннего мира героев. И наконец, высшая степень понимания — вхождение в мир авторских ценностей, в мир авторского кругозора, взгляд на изображенную реальность через призму мироотношения творца. Эти этапы погружения в смысловую ткань произведения назовем **уровнями понимания художественного текста**.

Важно подчеркнуть, что процесс художественной коммуникации проходит отнюдь не стихийно: он планируется автором в момент создания произведения, и эта установка на адресата эстетического общения становится фактором, имманентным художественному тексту. В этом смысле структура художественного текста может быть определена как программа читательского (зрительского) восприятия. Осуществляя организацию перцепции, текстовые элементы выполняют прагматическое задание двоякой направленности: во-первых, реализуют функцию моделирования, создания в воспринимающем сознании ощущения целостного хронотопа, внутри которого обитают герои, с их субъективными мирами, во-вторых, компоненты текста призваны передавать авторское отношение к изображенной действительности, руководить читателем (зрителем) в оценке героев и их поступков. В соответствии с различной функциональной природой внутритекстовых принципов организации художественного восприятия можно выделить уровни текстовой структуры. Охарактеризуем эти уровни.

Уровень **денотативный**, элементы которого выполняют задание идентификации лиц и предметов в пространстве и времени художественного мира и развитие сюжетного движения повествования.

Уровень **психологический**, включающий в себя все, что связано с восприятием героя, его внешнего облика и внутреннего мира.

Уровень **аксиологический**, содержанием которого становятся способы передачи авторского отношения к изображаемому, формы проявления авторского кругозора.

Поуровневое погружение в текст, на наш взгляд, есть путь понимания произведения в его эстетической целостности. Он совмещает в себе задачи реконструкции художественного мира и постижение способов демонстрации этого мира адресату текста. Представленный вектор мыследеятельности может быть воспринят лишь как общее направление интерпретации, имеющее дело с тем, что М. М. Бахтин назвал «архитектоникой эстетического объекта». Между тем исследователь, рассматривая текст, сталкивается с конкретным материалом конкретного искусства. И если до сего времени мы могли говорить о единстве принципов прагматического устройства словесных и кинематографических дискурсов, то теперь на уровне анализа текста как системы материальных знаков появляется необходимость создания типологии на каждом из намеченных уровней. Причем для каждого вида искусств такая типология будет специфической. Ведь если кинотекст построен средствами аудиовизуальными, то текст литературный состоит из авторского повествования и изображенной речи действующих лиц.

Для работы с текстом как материальным образованием необходим инструмент композиционного анализа, позволяющий сегментировать дискурс, манипулировать компонентами, его составляющими. Такой методикой интерпретации текста является подход, известный в стилистике как «учение о точке зрения». Со времен П. Лаббока, впервые заявившего о нем в своей работе, это направление широко распространилось в науке о литературе (см.: [Брандес 1971; Корман 1972; Лотман 1970; Успенский 1995]). Нужно сказать, что само возникновение учения о точке зрения обязано кинематографической практике, ибо уже в начале века пионеры кино (Л. Кулешов, С. Эйзенштейн, Б. Балаш и мн. др.) широко использовали словосочетание «точка зрения» в своих работах. Строго говоря, применительно к литературному произведению термин этот следует понимать как «воображаемая» точка зрения. Буквальное значение он имеет в случае интерпретации кинотекста. Однако если в современной стилистике подход этот ныне представляет собой конгломерат методик, меняющих облик в зависимости от целей и объектов изучения, то наука о кино лишь недавно обратила на него свое внимание.

Под термином «точка зрения» мы понимаем точку зрения читателя / зрителя, способную перемещаться во времени и в пространстве художественного мира произведения, проникать во внутренний кругозор персонажей, подниматься в мир авторских этических ценностей. В качестве единицы изучения мы будем рассматривать сегмент текста, выполняющий единое функциональное задание на одном из уровней повествовательной структуры. Многоуровневая система меняющихся точек зрения, воплощающая в себе модель зрительского / читательского восприятия, составляет композицию художественного произведения. Техника понимания текста должна строиться по принципу герменевтического круга: сегмент текста, реализующий прагматическое задание, всегда рассматривается как часть целого, как элемент художественного единства.

Интерпретация текста (литературного или кинотекста) как научная дисциплина должна опираться на обширную типологию композиционных форм. Плодотворным был бы опыт создания сравнительной типологии, где в сопоставлении были бы представлены принципы кинокомпозиции и композиции словесных текстов. Рамки настоящей работы позволяют лишь наметить основные способы построения художественного впечатления в литературной прозе и кинематографе.

Принципы композиционной организации кинопроизведений и произведений литературных существенно отличаются, что мотивировано родовыми различиями этих искусств. Специфика киновосприятия состоит в том, что теоретики кино называют «эффектом отождествления» (Б. Балаш) или «эффектом присутствия» (С. Гинзбург). Особенность эта состоит во включенности зрителя в кинематографическое пространство и время, когда мы видим изображенное на экране «словно изнутри, как будто действующие лица вокруг нас» [Балаш 1968: 54]. Среда обитания героев с неизбежностью присутствует перед глазами воспринимающего в ее исторической определенности. По деталям интерьера, костюмам, прическам действующих лиц зритель может определить, где и когда происходит действие.

В литературном произведении обозначение концептуальных характеристик хронотопа нуждается в эксплицировании. Среда художественного мира описывается здесь фрагментарно, что в большей степени требует от читателя работы воображения, направленной на моделирование, додумывание целостной картины мира.

Точка зрения кинозрителя чрезвычайно мобильна внутри художественных пространства и времени фильма. Основными способами пространственного восприятия в кинематографе служат изменения кинематографического плана и различные перемещения камеры (тревеллинг, панорамная и траекторная съемка). Единство фабульного времени, преодоление дискретности временной перцепции реализуется в кино посредством межкадрового повествовательного монтажа во всех его разновидностях.

Временные и пространственные характеристики в хронотопе кинопроизведения существуют в неразрывной связи. Пространственные категории часто служат вехами временных изменений. Так, монтажный стык двух временных эпизодов может быть связан повторением одного крупного плана; деталь, указывающая на изменения под воздействием времени, служит показателем истечения временного отрезка; знаком перемещения временных слоев может служить изменение цвета и т. д.

И наоборот, принципы построения временного движения киноповествования иногда «работают» на восприятие пространственных категорий. К примерам такого рода относятся фиксации того или иного пространственного локуса (стоп-кадр, повтор и т. д.).

В литературном произведении задачи организации восприятия времени и пространства художественного мира осуществляются, естественно, вербальными средствами. Точка зрения читателя, как и точка зрения кинозрителя, также мобильна во временных и пространственных перемещениях, которые реализуются при помощи использования разнообразных речевых регистров, локальных и временных актуализаторов и т. п. Подобные словесные способы оформления перцепции на денотативном уровне текста, кстати, может использовать и кинематограф в виде разного рода закадровых звуковых комментариев. Они, правда, чаще всего выглядят искусственно и отдают литературщиной, но, употребленные в разумных пределах, могут стать эффективным средством художественного воздействия.

Для интерпретации текста на низшем уровне структуры важными категориями выступают ритм и темп повествования. Ритм литературной прозы определяется количеством событий в единицу времени. В кино ритм создается чередованием кадров в пределах экранного времени. Темп — показатель изменения ритма. В структуре текста эти категории образуют единство — темпоритм произ-

ведения, который строится в соответствии со спецификой сюжетного развития.

Своеобразие сюжетного повествования всегда связано с задачами создания характеров героев и их художественного восприятия. Композиционные же принципы психологического уровня в кинематографе и литературе различаются, пожалуй, наиболее разительно.

И на экране, и в словесном тексте герой может быть показан воспринимающему как с внешней, так и с внутренней точки зрения. В кино первый способ построения точки зрения на психологическом уровне, главным образом, использует крупный план и деталь, дающие увеличение человеческого лица или его части. Более сложным принципом передачи извне внутреннего душевного состояния киногероя становятся киносравнения и внутрикадровый монтаж.

В литературе внешнее изображение персонажа традиционно использует портретные описания. И здесь мы опять сталкиваемся с повышенной, по сравнению с кинематографом, многозначностью образа. Если в кино внешний облик действующего лица дан с исчерпывающей определенностью, то в литературе, каким бы подробным ни было описание героя, оно всегда требует от читателя дополнительной работы воображения. Эта особенность литературного творчества дает дополнительные художественные возможности (вспомним доминантные черты внешности героев Толстого, противоречивые портреты Достоевского, марионеточные характеристики внешности персонажей Чехова, отсутствие портретных описаний у Платонова и т. д.).

Любопытно отметить момент взаимопроникновения на психологическом уровне принципов кинокомпозиции и сугубо литературных приемов. Так, одним из периферийных способов передачи психологии персонажей фильма стал метатекстовый закадровый комментарий. С другой стороны, вербальный показ внутренних переживаний действующих лиц может строиться по аналогии с кинематографическим крупным планом или деталью.

Принципиально отличаются композиционные подходы к изображению героя с внутренней точки зрения. Читательское «вторжение» во внутренний мир человека связано с вопросом о степени осведомленности автора (а стало быть, и читателя) о мотивах поступков действующих лиц. Здесь существует свой диапазон композиционных средств (от полного всеведения до гипотетической модальности и принципиального незнания внутренней жизни). Кинематограф, по-

казывая человека изнутри, ставит другую задачу: заставить зрителя испытать те же сенсорные ощущения, которые испытывает киногерой. Для этих целей используется либо так называемая субъективация с помощью объектива (когда герой показан в экстремальной, необычной ситуации), либо путем «объективного субъективизма» (когда нужно передать преувеличенно субъективное состояние персонажа: болезнь, опьянение, бред, сон и т. п.). И в первом, и во втором случае происходит как бы совмещение точек зрения действующего лица и зрителя. Такое совмещение — прием довольно распространенный в кинематографе.

В литературе подобный эффект может быть достигнут посредством умелого сочетания, взаимопроникновения двух речевых стихий: речи героев и авторского повествования (различные виды внутренней речи, косвенная и скрытая косвенная речь, многочисленные модификации несобственно-прямой речи и т. п.), см.: [Бахтин 1998].

Психологический уровень структуры текста неотделимо связан с уровнем аксиологическим. Поскольку ценностным центром произведения является герой с его субъективным кругозором, на него, главным образом, направлена авторская оценочность.

В кино источником композиционного выражения эстетической оценки обычно выступает неперсонифицированное начало, проявляющее себя при помощи визуально-изобразительных средств. Особенностью киновосприятия на аксиологическом уровне является невольная семантизация зрителем любой пространственной или временной характеристики, искажающей отраженную физическую реальность. Поэтому различные манипуляции ракурсом, светом, освещением, звуком, а также проявления авторского своеволия в построении временного развития (стоп-кадр, рапид, повтор) — все это воспринимается как подсказка, форма несобственно-прямой оценки. Авторский кругозор может проявлять себя и на уровне образов художественного мира. Сюда относится кинометафора, понимаемая в широком смысле как любое соотнесение двух изображений, рождающее новый смысл (киносравнение, внутрикадровый монтаж, собственно метафора), аллегория, символ.

Способом композиционного выражения авторского начала в фильме служит и создание особого авторского метатекстового слоя, куда можно отнести различные виды закадрового комментария (звукового и изобразительного). Иногда такой комментарий строится по

литературно-сказовому принципу — путем введения в текст хроникеров-рассказчиков, назначение которых — давать пояснения по ходу развития сюжета.

Наконец, особым довольно распространенным способом формирования точки зрения на аксиологическом уровне стал (более всего используемый в так называемом авторском кинематографе) прием остраляющего восприятия, препятствующего полному эмоциональному «погружению» зрителя в изображаемую действительность. Здесь существует большой спектр форм, наиболее показательной среди которых стал достаточно полно описанный В. В. Ивановым «фильм в фильме» [Иванов 1975].

В литературном произведении можно найти композиционные аналоги перечисленным экранным способам проявления авторского начала. И здесь оценочность пронизывает структуру моделируемого восприятия. Она присутствует главным образом в авторском повествовании и проявляет себя в самых разнообразных формах — от прямых высказываний (философских рассуждений, лирических отступлений), непрямых оценок (сатира, ирония) и подтекстовых «течений» до создания особого образно-символического слоя, образующего систему нравственно-этических представлений, через которые читатель воспринимает художественный мир произведения.

6.2. Изучение авторского художественного текста и кинотекста

6.2.1. Ф. М. Достоевский «Записки из подполья»*

Неоднократно отмечалось, что «Записки из подполья» играют в творческой эволюции писателя роль этапного произведения, знаменующего переход к качественно новой стадии формирования поэтики. Именно в нем писатель нащупал особую манеру повествования, разработал и впервые использовал особые художественные принципы организации взаимоотношений «автор — герой — читатель».

---

* Седов К. Ф. О поэтике повествования в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» // Русский гений. К 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского (материалы к конференции). Саратов: Изд-во Саратовск. пед. ин-та, 1997. С. 29—39.

В нем же он нашел своего героя — идеолога с расщепленным сознанием. А. Б. Криницын, обобщая признаки этого типа героя Достоевского, выделяет у него следующие черты личности:

Это одновременная способность к добру и злу, при крайней противоречивости стихийных порывов. Необыкновенно усиленное самосознание (от книг), возмещающее отсутствие реальной жизни («усиленно самопознающая мышь»). Беспрестанная саморефлексия, презрение к себе и комплекс неполноценности, стыд самого себя, «отвлеченность», «книжность» мышления. Бесхарактерность и неспособность к действию из-за раздвоенности и разнородности побуждений (новоявленный гамлетизм). Человеконенавистничество и озлобленная агрессия, провоцирующие многочисленные скандалы [Криницын 2001: 25].

Знаменуя новую ступень художественного мастерства, повесть вошла в русскую литературу как законченный шедевр малой формы, как произведение новаторское и уникальное по своим эстетическим особенностям. Необычность принципов построения текста долгое время заставляла читателей и достаточно искушенных критиков отождествлять героя-повествователя и автора повести. Одним из первых, кто дал ключ к пониманию соотношения этих компонентов художественного мира повести, был А. П. Скафтымов.

«Записки из подполья», — пишет исследователь, — произведение полемическое. Это было замечено давно. Совершенно верно также, что роль обличителя и разрушителя здесь во многом вверена подпольному человеку, от лица которого излагаются «Записки». Но ведь столь же очевидно, что подпольный человек в «Записках» не только обличитель, но и обличаемый. Общая концепция «Записок» совершенно ясно говорит, где Достоевский сливается с обличителем-героем и в чем, наоборот, обличает его и противопоставляет его мироотношению свое, авторское [Скафтымов 1972: 90].

Весьма оригинально начало повести:

Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень. Впрочем, я ни шиша не смыслю в моей болезни и не знаю наверное, что у меня болит.

Оно несет в себе нарушение канонов зачина, того, что в лингвистике текста получило название норм текстостности. Читатель не находит

в нем обычных для текстового зачина обозначения границ хронотопа художественного мира, ему не представлен герой, чей голос он как бы слышит за пустым кадром.

Структура повести представляет собой две неравные части: I часть «Подполье» (здесь повествователь описывает свое подполье, полемизирует с философией рационализма и верой в прогресс); II часть «По поводу мокрого снега» включает в себя (1) рассказ о «поединке» с офицером, (2) описание встречи с товарищами, (3) сцену проводов одноклассника Зверкова, (4) сцену в публичном доме (знакомство с Лизой), (5) сцену посещения Лизой рассказчика.

Первая часть повествования («Подполье») представляет собой диатрибу — разговор с отсутствующим читателем. Эта исповедальная разновидность рассказа от первого лица (Icherzählung), в котором динамика восприятия строится на внутренней диалогичности рассказа. Лучше всего эту двуголосость слова повествователя охарактеризовал М. М. Бахтин.

Уже с первой фразы, — пишет исследователь, — речь героя начинает корчиться, ломаться под влиянием предвосхищаемого чужого слова, с которым он с первого же шага вступает в напряженнейшую внутреннюю полемику. <...> Это предвосхищение обладает своеобразной структурной особенностью: оно стремится к дурной бесконечности. Тенденция этих предвосхищений сводится к тому, чтобы непременно сохранить за собой последнее слово. Это последнее слово должно выражать полную независимость героя от чужого взгляда и слова, совершенное равнодушие к чужому мнению и чужой оценке [Бахтин 1979: 265—267].

Действительно, нет ничего из того, чего бы герой не знал о себе, не предвосхищал в возможном о себе слове читателя.

— И это не стыдно, и это не унижительно! — может быть, скажете вы мне, презрительно покачивая головами. — Вы ждете жизни и сами разрешаете жизненные вопросы логической путаницей. И как назойливы, как дерзки ваши выходы, и в то же время как вы боитесь! <...> Вам, может быть, действительно случалось страдать, но вы нисколько не уважаете своего страдания. В вас есть и правда, но в вас нет целомудрия; вы сами из мелкого тщеславия несете вашу правду на показ, на позор, на рынок... <...> Разумеется, все эти ваши слова я сам теперь сочинил. Это тоже из подполья.

В работах достоеведов [Роземблюм 1981; Скафтымов 1972; Туниманов 1980 и др.] подробно прокомментирована первая часть повести, где повествователь излагает свою этическую философию. Советские литературоведы неоднократно писали о критических выпадах против революционеров-разночинцев, которые присутствуют в рассуждениях рассказчика, о его скрытой полемике с Н. Г. Чернышевским и М. Е. Салтыковым-Щедриным. Более того, в своей отрицающей, критикующей части размышления подпольного антигероя близки мыслям самого Достоевского. Прежде всего, это относится к отрицанию писателем возможности построения всеобщего счастья путем подавления свободы личности. Именно эта полемика с революционерами-демократами стала причиной достаточно прохладного отношения советского достоевведения к повести. Однако, как показал А. П. Скафтымов, критика рационализма и, отчасти, романтического утопизма героем проводится с позиций, чуждых общей тональности последней части повести: с точки зрения крайнего индивидуализма.

Первая часть повести имеет очень большое значение для введения читателя в мир произведения. И значение это не столько в ее философском содержании, сколько в общей тональности рассказа, в том, что сам Достоевский называл словом «поэзия». В ходе работы над повестью он писал старшему брату (письмо от 20 марта 1864 г.): «Гораздо трудней ее [повесть] писать, чем я думал. А между тем непременно надо, чтоб она была хороша, *самому мне* это надобно. По тону своему она слишком странная, и тон резок и дик: может не понравиться; следовательно, надобно, чтоб поэзия все смягчила и вынесла» (разрядка наша. — К. С.).

В другом письме (от 26 марта), жалуясь на произвол цензоров, писатель сам дает характеристику идеологического содержания первой части: «Свинья цензора, там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал *для виду*, — то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры и Христа — то запрещено». Здесь он как бы раскрывает роль вводной части повести; роль эта не столько в идеологическом содержании высказываемых повествователем суждений, сколько в реализации задачи введения читателя в мир произведения, создания динамики художественного восприятия.

Точка зрения читателя при первых словах повествования как бы лишена денотативного содержания; она реализуется лишь на уровне героя (психологическом). Читатель (вместе с рассказчиком) как бы

находится в метапространстве и метавремени по отношению к хромотопу повести. Подобный прием организации восприятия уместно сравнить с закадровым комментарием, который кинозритель слышит при пустом, затемненном экране. При этом с самых первых слов повествования точка зрения читателя не совмещается с точкой зрения героя (повествователя) — она противопоставлена ей. Рассказчик примеряет читателю разные маски, роли, приписывает ему мнения, оценки и спорит с созданными в собственном воображении позициями, стремясь развенчать их. Однако, моделируя возможные точки зрения своих возможных читателей, адресатов публичной исповеди, создавая высокий градус саморазоблачения и самобичевания, повествование добивается эффекта введения читателя в субъективный психологический кругозор героя.

Читатель поначалу сталкивается с повествователем лишь с одной стороны — с тем, что в антропоцентрической лингвистике получило название «языковая личность», т. е. человек в его способности к коммуникации, к совершению речевых действий, см.: [Караулов 1987]. Не видя героя-повествователя, читатель лишь слышит его речь. При этом повествование строится не на основе сказовой манеры, моделирующей (или стилизующей) особенности устной речи действующего лица. Исповедальный монолог организован по законам письменной речи. Подобный тип построения дискурса в современной антропоцентрической лингвистике получил название естественной письменной речи, т.е. письменной спонтанной (неподготовленной) речи. Именно этим художественно мотивирована необработанность стиля повести, кажущееся «небрежение словом», см.: [Лихачев 1984].

Еще не видя действующего героя, читатель погружается в его идеологический кругозор. Он узнает о содержании мыслей и переживаний персонажа-повествователя, о его представлениях о мире и о себе в этом мире, т. е. сталкивается с аксиологическим слоем сознания изображаемого человека. Как и любое языковое сознание, сознание повествователя наполнено чужими голосами: отсылками к различным текстам (прецедентными фразами), цитатами, реминисценциями, аллюзиями и т. п. Читатель отсылается к различным социальным сферам, философским направлениям, публицистическим произведениям. Так, например, одной из частотных реминисценций в тексте выступают словосочетания, типичные для эстетических трактатов философов-романтиков (*«все прекрасное и высокое»*

и т. д.). Другой пример — самоцитация; здесь выражение, характерное для публицистики журналов «Время» и «Эпоха», приводится в кавычках:

Я вас прошу, господа, прислушайтесь когда-нибудь к стонам образованного человека девятнадцатого столетия, страдающего зубами... когда он начнет стонать <...>, не так, как какой-нибудь грубый мужик, а так, как человек, тронутый развитием и европейской цивилизацией стонет, как человек «отрешившийся от почвы и народных начал», как теперь выражаются.

Цитаты и аллюзии дополняются введением собственной терминологии. При этом в рассуждениях героя деталь, приведенная для иллюстрации какого-либо положения, приобретает обобщающе-символическую семантику.

...может быть, что вся-то цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в этой непрерывности прогресса достижения, иначе сказать — в самой жизни, а не собственно в цели, которая, разумеется, должна быть не что иное, как дважды два четыре, то есть формула, а ведь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти. <...> Дважды два четыре — ведь это, по моему мнению, только нахальство-с. Дважды два четыре стоит фертом, стоит поперек вашей дороги руки в боки и плюется...

Особую роль в передаче индивидуально-стилевой манеры в повествовании играет курсив, при помощи которого писатель как бы расставляет акценты, выделяет наиболее важные для подпольного парадоксалиста мысли («...хотеть можно и против собственной выгоды, а иногда и **положительно должно** (это уж моя идея)»).

Первая глава создает эффект многоголосия в одном голосе, того, что М. М. Бахтин называл самораскрытием, раскрытием сознания действующего лица. Читатель и герой поначалу как бы беседуют один на один, с глазу на глаз, находясь в метатекстовом слое художественного мира, который выступает будущим по отношению к основным событиям сюжета.

В конце первой части герой-рассказчик как бы дает ключ к дальнейшему пониманию текста, раскрывает основной мотив повествования, обнажает причину, побудившую его взяться за перо:

...может быть, я от записывания действительно получу облегчение. Вот нынче, например, меня особенно давит одно давнишнее воспоминание. Припомнилось оно мне ясно еще на днях и с тех пор осталось со мною, как досадный музыкальный мотив, который не хочет отвязаться. <...> Я почему-то верю, что если я его запишу, то оно и отвязнется. Отчего же не испробовать.

Здесь мы наблюдаем эффект, схожий с эффектом психоаналитического сеанса: пытаюсь вызвать те же чувства, которые рассказчик испытал однажды, он стремится освободиться от мучительных воспоминаний, от чувства вины...

Переход от первой ко второй части содержит в себе плавное изменение способа повествования. Достоевский сравнивал его с принципом изменения темы в музыкальном произведении. «Ты понимаешь, — писал он брату 13—14 апреля 1864 г., — что такое *переход* в музыке. Точно так и тут. В 1-й главе, по-видимому, болтовня; но вдруг эта болтовня в последних 2-х главах разрешается неожиданной катастрофой».

В начале второй части рассказ постепенно обретает зримые контуры: к приемам построения точки зрения на психологическом уровне подключается денотативный ряд. Прежде всего это находит выражение в эпизоде с офицером, оскорбившим повествователя в бильярдной: описание вынашивания мести и «месть» (столкновение на Невском проспекте). Изменение тона повествования приводит к изменению соотношения точек зрения рассказчика и читателя: почти незаметно исчезает противопоставление читателя и героя, читатель как бы начинает вместе с повествователем созерцать первые сюжетные события. Однако нужно еще раз подчеркнуть, что изменение тона не носит резкого характера. Сам рассказ об офицере пока еще дается в косвенных формах. История еще не имеет четкой привязки к реальному времени.

Раз, проходя ночью мимо одного трактиришка, я увидел в освещенное окно, как господа киями дрались у бильярда и как одного из них в окно спустили.

Здесь больше комментариев, чем изображений конкретных событий; отсутствует прямая речь действующих лиц, почти нет описаний интерьера, портретов и т. п. Значительную часть текста этой главы составляют рассуждения, анализ внутренних переживаний героя и т. п.

Точка зрения читателя пока еще находится в не моделируемого хронотопа. Читатель созерцает описываемые события из метатекстового мира сорокалетнего героя с точки зрения будущего по отношению к создаваемой реальности.

Однако уже в описании истории офицером рассказ обретает вещность: мимолетные характеристики внешности людей (*«Я испугался того, что меня все присутствующие, начиная от нахала маркера до последнего протухлого и угреватого чиновника, тут же увивавшегося, воротником из сала, — не поймут и осмеют, когда я буду протестовать и заговорю с ними языком литературным»*), описание некоторых деталей одежды (*«Черные перчатки казались мне солиднее и бонтонее, чем лимонные, на которые я посягал сначала: “Цвет слишком резкий, слишком как будто выставиться хочет человек”, и я не взял лимонных»*) и т. п.

В следующей, самой большой части повести (рассказ о встрече героя с одноклассниками и история с Лизой) тон повествования меняется еще больше: в нем начинают появляться изобразительные регистры речи. Рассуждения и анализ переживаний остаются, но уходят на периферию рассказа. Здесь уже мы имеем дело не столько с рассказом о событиях, сколько с показом событий вербальными средствами. Меняется способ моделирования действительности: точка зрения созерцателя на денотативном уровне плавно перемещается внутрь изображаемого хронотопа. Теперь она начинает сопровождать героя «на коротком приводе» (Д. С. Лихачев), следуя за ним в том же пространстве и времени. Вместе с тем в рассказе появляется изображение портретов, интерьеров; в описании действия все большую роль начинает играть речь действующих лиц, их диалоги.

Из двух гостей Симонова один был Ферфичкин, из русских немцев, — маленький ростом, с обезьяньим лицом, всех пересмеивающий глупец, фанфарониска и игравший в самую щекотливую амбициозность, хотя, разумеется, трусишка в душе. <...> Другой гость Симонова, Трудолюбов, была личность незамечательная, военной парень, высокого роста, с холодной физиономией, довольно честный, но преклоняющийся перед всяким успехом и способный рассуждать только об одном производстве.

Меняется тон рассказа и на психологическом уровне повествовательной структуры: исчезает сорокапятилетний герой, повеству-

ющий о своем прошлом, на его место приходит двадцатичетырехлетний молодой человек, глазами которого начинает смотреть на мир читатель. Основной принцип повествования во второй части повести, основная задача организации художественного восприятия состоит в постепенном переключении точки зрения читателя на уровне психологии на точку зрения героя таким образом, чтобы читатель как бы начал созерцать события, составляющие фабулу произведения, глазами героя, испытывать те же чувства, что испытывает герой. В кинематографе подобный прием киноповествования называется «эффектом субъективной камеры», когда глаз зрителя отождествляется с камерой (обычно подобный эффект достигается изменением ракурса изображения, повторами, манипуляциями со светом и т. д.). Собственно говоря, подобный принцип организации читательского внимания — одно из гениальных открытий писателя. В последующих произведениях он будет использоваться в полной мере.

Слияние точек зрения читателя и рассказчика на психологическом уровне происходит методом наращивания динамики восприятия: чем выше градус психологического напряжения описываемого события, тем больше субъективизируется точка зрения читателя. При этом сюжетное развитие образует своеобразный пульсирующий темпоритм: рассказ достигает наивысшей точки кипения, потом напряжение спадает и опять постепенно нарастает до кульминации.

Указанная тенденция сюжетного развития хорошо прослеживается в изменении повествовательной манеры от сцены встречи с одноклассниками до финала проводов Зверкова. Сначала читатель лишь «слышит» диалог действующих лиц. Затем в рассказе появляется изображение внутренней речи подпольного героя:

— Ведь дернуло же, дернуло же выскочить! — скрежетал я зубами, шагая по улице.

Дальнейший рассказ показывает усиление психологического напряжения переживаний героя, его раздражение от того, что он оказывается в ресторане раньше других гостей, и т. п. В сцене прощания с Зверковым он напивается и пытается устроить скандал. Перемещение точки зрения читателя в кругозор героя осуществляется вкраплением прямой речи в повествование о событиях.

Все меня бросили, и я сидел раздавленный и униженный. «Господи, мое ли это общество! — думал я. — И каким дураком я выставил себя перед ними».

Всеми силами я хотел показать, что могу и без них обойтись; а между тем нарочно стучал сапогами, становясь на каблуки. <...> «Так хожу себе, и никто не может мне запретить».

В дальнейшем комментарий от повествователя превращается в диалогизированный поток сознания пьянеющего человека.

— Так вот оно, так вот наконец столкновение-то с действительностью, — бормотал я, сбегая стремглав с лестницы. — Это, знать, уже не папа, оставляющий Рим и уезжающий в Бразилию; это, знать, уже не бал на островах Комо!

«Подлец ты! — пронеслось в моей голове, — коли над этим смеешься».

И дальше:

Как войду, так и дам. Надобно сказать перед пощечиной несколько слов в виде представления? Нет! Просто войду и дам. Они все будут видеть в зале, а он на диване с Олимпией. Проклятая Олимпия! Она смеялась над моим лицом и отказалась от меня. Я оттащу Олимпию за волосы, а Зверкова за уши! Нет, лучше за одно ухо, и за ухо проведу его по всей комнате...

После того как рассказ достигает наивысшей точки психологического напряжения, взвинченность атмосферы резко спадает и в дальнейшем сюжет развивается более спокойно. При этом пульсация продолжается: напряжение то появляется (и тогда читатель опять начинает смотреть на происходящее глазами героя), то понижается (и тогда точка зрения читателя отстраняется от точки зрения действующего лица, оставаясь, впрочем, в одном с ним времени и пространстве).

Следующая сцена представляет собой изображение диалога героя с Лизой, а точнее — диалогизированный монолог героя, в котором он пытается «растравить душу» Лизы, разбудить ее самосознание и, в итоге, дает ей свой адрес и приглашает прийти. Точка зрения читателя в этом эпизоде по-прежнему находится в субъективно-психологическом кругозоре рассказчика. Достигается это тем, что монолог героя сопровождается его же внутренним комментарием.

«Картинками, вот этими картинками тебя надо! — подумал я про себя, хотя, ей-богу, с чувством говорил, и вдруг покраснел. — А ну если она вдруг расхохочется, куда я тогда полезу?» — Эта идея привела меня в бешенство.

Важным средством совмещения точек зрения читателя и героя на психологическом уровне, представленном в этом эпизоде, становится уменьшение аналитичности повествования таким образом, что знание читателя о мотивах поступков героя ограничивается знанием самого героя, на момент совершения каких-то действий. Подобное ограничение проявляется в рассказе о первом знакомстве героя с Лизой, в сцене, описывающей его разговор с героиней.

Бог знает, почему я не уходил.

Что-то вдруг во мне загорелось, какая-то цель «явилась».

Приведенные выше принципы совмещения точек зрения читателя и героя присутствуют и в последней главе второй части.

Итак, еще раз отметим: на психологическом уровне повествовательной структуры писатель стремится совместить точки зрения читателя и героя. Именно этот эффект сопереживания читателем герою и называл Достоевский словом «поэзия», и именно в этом — одно из художественных открытий писателя, которое потом он будет использовать во всех своих поздних романах.

Следующий этап, шаг в интерпретации художественного произведения — это обращение к авторскому кругозору, к аксиологическому уровню художественного текста. Здесь мы тоже сталкиваемся с художественными открытиями писателя. На протяжении всего повествования автор нигде не проявляет своей оценки. Только один раз он показывает свое лицо, давая небольшую подсказку, создавая установку в восприятии: началу повествования в повести предшествует сноски от автора, где от своего собственного имени он предупреждает читателя о том, что *«автор записок и самые “Записки”, разумеется, вымышлены»*. Дальше везде источником оценки выступает сам подпольный герой.

Однако необыкновенно важно подчеркнуть: на уровне авторского кругозора (аксиологический уровень) точка зрения читателя принципиально не сливается

ся с точкой зрения действующего лица. На протяжении всего рассказа намечается как бы некоторая дистанция между героем и читателем. Лучше всего этот принцип организации восприятия повести сформулировала Л. М. Розенблюм: «...в “Записках из подполья” ироническому тону повествователя противостоит ироническая позиция автора» [Розенблюм 1981: 257].

Отношения с читателем в рамках авторского повествования, которые составляют основу поэтики Достоевского, восходят к пушкинской традиции. Суть этой традиции в том, что писатель побуждает читателя к самостоятельным размышлениям, активным рефлексивным усилиям по поводу изображенных событий и размышлений в комментариях героя-повествователя. По ходу повествования прямо авторское присутствие в тексте повести практически нигде не обнаруживается. Но при этом можно сказать, что авторская позиция проявляется в неявно выраженных формах. Писатель как бы подталкивает читателя к анализу мыслей подпольного героя: «автор обычно дает понять читателю, что повествователь замечает то или иное противоречие своей мысли, но пытается его игнорировать, опасаясь, что не сумеет свести концы с концами» [Розенблюм 1982: 249].

И действительно, рассказ изобилует противоречиями. Начнем с того, что в нем можно отметить явное несоответствие между теорией и поступками героя. В первой главе подпольный рассказчик декларирует право личности на свободу, ратует против идеала социалистов, против социал-детерминизма и т. п. В своих же поступках он постоянно демонстрирует социальную обусловленность поведения, когда он делает что-то как бы против своей воли, согласно законам статусно-ролевого поведения. О своем однокласснике Симоневе он пишет:

Он знал меня наизусть. Меня взбесило, что он знает меня наизусть.

Придя в ресторан раньше своих одноклассников, он дает комментарий:

Я еще накануне знал, что приду первый.

Причем герой знает о заданности своего поведения. Это бесит его, но справиться с ней он не в силах.

Другая особенность повествования, о которой у нас уже шла речь, — это недоговорки, ограничивающие знание мотивов поведения героя. На психологическом уровне структуры повествования такой прием приводил к эффекту слияния точек зрения читателя и автора; на уровне аксиологическом, в рамках авторского кругозора — он приводил к стимуляции интеллектуального начала восприятия.

Что-то не умирало во мне внутри, в глубине сердца и совести, не хотело умереть и сказывалось жгучей тоской. <...> Что-то подымалось в душе непрерывно, с болью, и не хотело уgomониться.

Так описывает он свои переживания после первого свидания с Лизой. Неопределенные местоимения ставят перед читателем вопрос о причинах переживаний героя, о том, почему вдруг стала беспокойной его совесть.

Другим способом увеличения дистанции между точками зрения повествователя и читателя на аксиологическом уровне текстовой структуры выступает резкое изменение регистра повествования, которое строится как бы с точки зрения двадцатичетырехлетнего участника действия, на аналитический, явно принадлежащий сорокалетнему повествователю, который вспоминает свое прошлое. Так, например, в сцене первого свидания героя с Лизой в рассказ «на коротком приводе» вдруг вкрапливается метатекстовый комментарий.

Я и не понял, что она нарочно маскировалась в насмешку, что это обыкновенная последняя уловка стыдливых и целомудренных сердцем людей, которым грубо и навязчиво лезут в душу и которые до последней минуты не сдают от гордости и боятся перед вами высказать свое чувство. <...> Но я не догадался, и злое чувство обхватило меня.

В эпизоде последнего свидания рассказчика с Лизой комментарий «от автора из будущего» содержит анализ поведения героини.

...Лиза, оскорбленная и раздавленная мною, поняла гораздо больше, чем я воображал себе. Она поняла из всего этого то, что женщина всегда прежде всего поймет, если искренне любит, а именно: что я сам несчастлив.

Динамика в организации повествования на уровне авторской оценки строится и на демонстрации противоречивых мотивов пове-

дения самого повествователя. При этом можно говорить о противоборстве благородных и низменных мотивов. Так, в сцене первого свидания героя с Лизой начало его монолога продиктовано стремлением к игре, в основе которой лежало желание власти над душой героини.

«Черт возьми, это любопытно, это — сродни, — думал я, чуть не потирая себе руки. — Да и как с молодой такой душой не справиться?..»

Более всего меня игра увлекала.

Однако после того, как герой достиг своей цели и, по его собственным словам, *«перевернул всю ее душу и разбил ее сердце»*, после того, как Лиза стыдливо показала ему письмо от студента с объяснением в любви, — в конце эпизода тон рассказа меняется.

Бедненькая, она хранила письмо этого студента как драгоценность и сберегала за этой единственной своей драгоценностью, не желая, чтоб я ушел, не узнав о том, что ее любят честно и искренно, что с ней говорят почтительно.

Чтение повести не позволяет читателю однозначно дать оценку героя по двухбалльной оценке «хороший / плохой». Подпольный парадоксалист не плохой и не хороший, точнее — хороший и плохой одновременно. В одном страдающем и мыслящем сознании Достоевский показывает борьбу светлых и темных сил — Бога и Дьявола.

Повествование не содержит моралите, оценочных рассуждений. Совместив точки зрения читателя и героя на психологическом уровне повествовательной структуры, втянув его в мир переживаний героя, писатель как бы заставляет читателя испытать все те же переживания, что испытывает герой. Достоевский «протаскивает» адресата художественного произведения через психологически надрывные воспоминания подпольного парадоксалиста, заставляет испытать те же нравственные муки, катарсис, очищение.

Так мне мерещилось, когда я сидел в тот вечер у себя дома, едва живой от душевной боли. Никогда я не выносил столько страдания и раскаяния.

Этими словами завершает герой свой рассказ.

После того как заканчивается текст, представляющий собой сюжетное повествование, точка зрения читателя вновь перемещается (возвращается в метапространство и метавремя повествователя, в его сорокалетнее существование. Здесь герой полностью критичен к себе; он уже не ерничает, не играет с читателем в маски. Он спокойно и трезво оценивает себя как антигероя. Очистившись в катартическом воспоминании, герой (а вместе с ним — читатель) трезво и аналитически оценивает свои поступки, свой характер и т. п.

6.2.2. В. В. Ерофеев «Москва — Петушки»*

... говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам.

Евангелие от Матфея, гл. 2

При первом же знакомстве с текстом повести бросается в глаза сложность и многогранность его архитектоники.

Идеальная действительность художественного мира «Москвы — Петушков» легко увязывается с реальными координатами пространства и времени. Фабульный скелет поэмы достаточно прост: тридцатилетний непризнанный литератор Веничка Ерофеев, вынужденный зарабатывать себе на жизнь в качестве кабельщика-монтажника, осенним утром со страшного похмелья отправляется с Курского вокзала г. Москвы на электричке в г. Петушки. Он едет к возлюбленной, с которой познакомился двенадцать недель назад. В Петушках же живет его малолетний сын («младенец, знающий букву Ю»), которого герой также собирается навестить. Однако в вагоне Веничка напивается со случайными попутчиками вдребезги пьяным и просыпается только вечером того же дня опять-таки в Москве, на Курском вокзале. Добавим, что действие происходит в конце 60-х годов нашего столетия.

Поэма строится как бы на основе хронотопа дороги. Это подчеркивается и членением произведения не на главы в привычном смыс-

---

* Седов К. Ф. Опыт прагмасемиотической интерпретации поэмы В. В. Ерофеева «Москва — Петушки» // Художественный мир Венедикта Ерофеева. Саратов: Изд-во Саратовск. пед. ин-та, 1995. С. 4—16.

ле слова, а на отрезки между остановками электричками. Кстати сказать, в первых изданиях поэмы в виде приложения давалось реальное расписание маршрута электропоезда «Москва — Петушки» и схема движения по этому маршруту. Однако идея пространственного перемещения предстает в произведении в виде псевдопутешествия. В течение всего пути Веничка не покидает поезда, который доставляет его в исходную, начальную точку движения.

При простоте фабулы сюжет поэмы крайне непрост. Его осложняют, во-первых, вставные новеллы, содержанием которых становятся и воспоминания героя-повествователя, и рассказы его случайных попутчиков. Кроме того, реальное пространство и время моделируемой действительности постепенно (по мере опьянения Венички) начинает совмещаться с субъективными представлениями героя: в его пьяном воображении появляются сны, грезы, видения и т. п.

Это слияние реального и ирреального в построении художественного мира делает непроясненным финал поэмы. И в самом деле: что произошло в подъезде дома около Красной площади? Было ли нападение и убийство героя неизвестными злодеями или это все пригрезилось впадающему в белую горячку Веничке (параноидальный синдром)? Читатель волен сам дать ответы на поставленные вопросы.

Произведение В. Ерофеева строится на основе повествования от первого лица. Рассказчик в «Москве — Петушках» является главным действующим лицом. При этом он, подобно лирическому герою стихотворных произведений, выступает в качестве альтер эго самого создателя поэмы: он является тезкой и однофамильцем реального Венедикта Васильевича Ерофеева, наделен биографией самого писателя. Но стоит подчеркнуть: Веничка «Москвы — Петушков» не равен самому писателю, иначе мы имели бы дело не с художественным произведением, а с исповедью; в изображении автобиографического героя есть значительная доля художественного вымысла.

Рассказ от лица персонажа формирует своеобразие структуры восприятия художественного мира повести. На денотативном уровне точка зрения читателя сразу вводится внутрь хронотопа произведения. Она располагается в одном пространстве и времени с героем и на протяжении развития сюжета сопровождает его.

Как убедительно показали в своем исследовании К. А. Атарова и Г. А. Лескис, важнейшей семантической особенностью повествования от первого лица выступает «возможность раскрыть субъектив-

ность взгляда на мир» [Атарова, Лесскис 1976: 348]. В поэме Ерофеева эта возможность становится основным принципом формирования структуры текста. Главная цель автора здесь — изображение души российского люмпен-интеллигента, «лишнего человека» советского общества времен застоя, ставшего рефлексирующим парией.

На психологическом уровне точка зрения читателя не покидает субъективного кругозора главного героя. Все факты и события поэмы созерцатель воспринимает через призму сознания рассказчика. При том что Веничка — повествователь и центральное действующее лицо — появляется на страницах «Москвы — Петушков» вполне сформировавшейся личностью, читателю практически ничего не известно о его биографии, кроме того что он «сирота из Сибири». Более того, герой показан в кризисный, пороговый момент своей жизни: именно в этот день нечто произойдет в судьбе Венички, после чего сознание покинет его...

Изображение субъективного мира действующего лица не только цель, но и способ показа художественного мира. Словесная манера повествователя используется в произведении как особая позиция — социально-психологическая, этическая, философская и т. п., — необходимая автору для формирования структуры читательского восприятия. Сам Веничка предстает перед читателем как полноценная языковая личность, раскрывающаяся в многочисленных видах дискурсивной деятельности, в разных жанрах речевого общения.

Языковое сознание героя отражает чужие голоса и интенции, которые проявляют себя в обилии цитат, реминисценций, парафраз, прецедентных текстов, наполняющих повествование. При этом в индивидуальной субкультуре Венички можно выделить как бы два типа, два слоя прецедентности. Во-первых, это знаки «совкового» бытия, если можно так выразиться, следы «советской герменевтики». Содержание этой речевой среды определяют тексты, составляющие набор школьной программы 60-х годов, газетные передовицы, радиоштампы и т. д.

*Я согласился бы жить на земле целую вечность, если прежде мне показали уголок, где **не всегда есть место подвигу**;*

*...я дал им прочитать «Соловьиный сад», поэму Александра Блока.
<...> Я сказал им: «**Очень своевременная книга**».*

Другой исток языкового портрета главного героя — это мир большой культуры. Он присутствует в тексте прежде всего в виде «упоминательной клавиатуры» (Ю. Левин), содержащей в себе имена де-

ятелей мировой цивилизации (писателей, философов, композиторов, ученых и т. п.) и различные цитаты и аллюзии, отсылающие читателя к самым разнообразным текстам, которые входят репликами в большой диалог культуры человечества. Все это обилие «чужих» голосов плещется и рифмуется в словесной ткани произведения, рождая особые художественные смыслы.

Оба языковых и культурологических слоя (и знаки «совкового» мироощущения, и осколки текстов мировой культуры) сосуществуют и переплетаются в кругозоре героя-повествователя. Причем все это стилевое многоголосие присутствует в поэме не в виде безвкусного эклектического коктейля. Оно сплавлено в единое вещество, в единую целостную систему видения мира. Сила, энергия, соединяющая этот разнородный речевой материал, есть народное карнавально-смеховое мироощущение.

Мироощущение это, — писал М. М. Бахтин, — враждебное всему готовому и завершенному, всяким претензиям на неизылемость и вечность, требовало динамических и изменчивых («протеических»), играющих и зыбких форм для своего выражения. Пафосом смен и обновлений, созданием веселой относительности господствующих правд и властей проникнуты все формы и символы карнавального языка. Для него характерна своеобразная логика «обратности» (*a l'envers*), «наоборот», «наизнанку», логика непрерывных перемещений верха и низа («колесо»), лица и зада, характерны разнообразные виды пародий и травестий, снижений, профанаций, шутовских увенчаний и развенчаний. Вторая жизнь, второй мир народной культуры строится в известной мере как пародия на обычную, то есть внекарнавальную, жизнь, как «мир наизнанку» [Бахтин 1990: 16].

Мир, в котором обитают герои поэмы Ерофеева, абсурден. В нем нет места человеку «с золотым сердцем» и чистой душой младенца — Веничке. Поэтому герой сам отвергает и осмеивает этот мир. В сознании своем он создает смеховую пародию на него — веселый карнавальный антимир.

Основу языковой личности главного героя «Москвы — Петушков» составляет субкультура определенной части советской интеллигенции 60—70-х годов, см.: [Левин 1992]. Эта речевая стихия связана с тем, что В. С. Елистратов называет «киническим комплексом», основанным на актуализации языковой личности в смеховом ключе [Елистратов 1994: 628].

Смеховой же эффект в поэме Ерофеева строится по принципу комнаты смеха: нормальные, официально-серьезные проявления реальности, отражаясь в субъективном сознании героя, предстают в виде алогичных, вывернутых, травестижно-сниженных изображений. Одним из таких средств создания комизма становится смешение в высказывании высокого и низкого. Точнее даже — перевернутость: о низком говорится высоким слогом, а традиционно возвышенные сферы травестируются стилем низким.

О, эфемерность! О самое бессильное и позорное время в жизни моего народа — время от рассвета до открытия магазинов;

Сердце мне говорило: «Тебя обидели, тебя сравнивали с говном. Поди, Веничка, и напейся. Встань и пойдти напейся как сука». Так говорило мне мое прекрасное сердце.

Другим способом сознания смехового эффекта служит в повести пародия. «Пародирование, — отмечал М. М. Бахтин, — это создание развенчивающего двойника, это тот же “мир наизнанку”» [1972: 216]. Пример подобной пародии — описание «на полном серьезе» научного эксперимента по исследованию закономерности появления у человека икоты.

Мы дрожащие твари, а она [икота] — всесильна. Она, то есть Божья Десница, которая над всеми нами занесена и перед которой не хотят склонить головы одни кретины и проходимцы.

Карнавально-смеховую тональность несет в себе и веселое ритуальное обругивание, в котором нет никакого снижающего момента, которое есть лишь игра, работающая на создание общей фамиллярно-профанирующей атмосферы.

И тьфу на вас, наконец. Лучше оставьте янкам внегалактическую астрономию, а немцам — психиатрию. Пусть всякая сволота вроде испанцев идёт на свою корриду, пусть подлец-африканец строит свою Асуанскую плотину, пусть строит, подлец, все равно ее ветром сдует, пусть подавится Италия своим дурацким бельканто, пусть!..

Особо необходимо остановиться на использовании в «Москве — Петушках» табуированной нецензурной лексики.

Нужно сказать, что употребление мата на страницах художественных произведений ныне стало явлением достаточно распространенным. В подавляющем большинстве случаев оно имеет эпатажно-конъюнктурный характер, целью своей преследующий привлечение любой ценой внимания к продаваемой печатной продукции.

В поэме Ерофеева сквернословие — функционально. Оно органично вписывается в языковой кругозор российского интеллигентшестидесятника. Именно сочетание, слияние высокого витиеватого стиля, несущего в себе библеизмы и поэтизмы, с низкой речевой стихией, содержащей инвективы, способно адекватно передать своеобразие языковой личности героя времени застоя.

И дело тут даже не в размахе, стилевом диапазоне языковых средств выражения, используемых в фамильярно-сниженном значении. Русский мат в России 60—70-х годов выполнял особую мирозерцательную функцию. Хрущевская оттепель, значительно ослабив гайки механизма подавления личности, самой государственной тоталитарной машины не сломала. Ситуация двоемыслия, образовавшаяся в сталинские времена, сохранилась, однако сильно изменились соотношение и объем сил противостояния: во-первых, наступил истинный расцвет неофициальной культуры, во-вторых, изменилась ее общая семантика — на смену страху пришел смех.

Часть российской интеллигенции, осознающей абсурдность каждодневных реалий дурдома, в котором нам всем пришлось обитать, вносила рефлексивно-критическое начало в самоощущение членов социума. Среда обитания все отчетливее представлялась жителям государства в виде вывороченного запредельного мира. Для передачи же этого чувства запредельности бытия необходимы были запредельные же языковые способы выражения. Русский мат как нельзя лучше подходил для осуществления подобных коммуникативно-экспрессивных целей.

Сквернословие в эпоху застоя становилось составной частью бытового общения языковых личностей, стоящих на достаточно высоких ступенях развития речевой культуры. В ночных спорах на крошечных кухнях за бутылкой водки советская интеллигенция решала коренные вопросы бытия. Содержание этих споров требовало, с одной стороны, предельно неподконтрольных, антиофициозных, а с другой — доверительно-интимных средств речевого поведения. И в подобные жанры общения органично вплетался мат. Причем нецен-

зурная лексика в таких диалогах сочеталась с философско-научной терминологией («измы смешивались с матом»). Все это придавало общению высокий градус искренности: наличествуя в виде субстрата в серьезных мировоззренческих разговорах, мат отмежевывал диалог от лживого официозного пустословия; присутствием своим в дискурсах помещая говорящих за пределы принятых норм, он уничтожал дух официальной неправды и нравственной несвободы.

Использование табуированной лексики невольно вносило в коммуникацию дух карнавального равноправия.

В современных непристойных ругательствах, — писал М. М. Бахтин, — сохраняются мертвые и чисто отрицательные пережитки этой [карнавальной] концепции тела. Такие ругательства, как наше «трехэтажное» (во всех его разнообразных вариантах), или такие выражения, как «иди в...», снижают ругаемого по гротескному методу, то есть отправляют его в абсолютный топографический телесный низ, в зону рождающих, производительных органов, в телесную могилу (или телесную преисподнюю) для уничтожения и нового рождения. ... было бы нелепостью и лицемерием отрицать, что какую-то степень обаяния (причем без всякого отношения к эротике) они еще продолжают сохранять. В них как бы дремлет смутная память о былых карнавальных вольностях и карнавальной правде [Бахтин 1990: 35].

Эстетическая функция табуированной лексики в поэме Ерофеева состоит в создании, с одной стороны, неофициально-доверительной, с другой — травестийно-смеховой тональности в восприятии художественного мира. Нецензурные слова, как правило, используются в дискурсах, затрагивающих официозные или высокие социальные сферы. Примером такого употребления может служить рассказ Венички о том, как во время своего недолгого бригадирства он занимался образованием своих подчиненных.

Я расширял им кругозор по мере сил, и им очень нравилось, когда я им его расширял: особенно во всем, что касается Израиля и арабов. Тут они были в восторге — в восторге от Израиля, в восторге от арабов, и от Голанских высот в особенности. А Абба Эбан и Моше Даян с языка у них не сходили. Приходят они утром с блядок, например, и один у другого спрашивает: «Ну как? Нинка из 13-й комнаты даян Эбан?» А тот отвечает с самодовольной усмешкою: «Куда же она, падла, денется! Конечно, даян!»

Не прекращаются споры о жанровом своеобразии «Москвы — Петушков». Не углубляясь в детальное рассмотрение проблемы, определим жанр произведения Ерофеева как повесть, содержащую в себе черты мениппеи.

Жанровые архетипы мениппеи определяются особой диалогичностью повествования в поэме. По мере сюжетного развития здесь проявляются различные малые жанры карнавализованной словесности: диатриба (разговор с воображаемым читателем), солилоквиум (беседа с самим собой), симпозион (застольная беседа). Вставные новеллы (воспоминания-размышления главного героя и рассказы его попутчиков) несут в себе и грубый натурализм, и элементы авантюрной фантастики, и черты утопии. Кроме того, повествование содержит в себе и изображение необычных состояний героя-рассказчика: раздвоение личности, необычные сны, измененное состояние сознания и т. п.

По способам организации читательского восприятия произведение можно грубо поделить на четыре части:

1. свободный монолог главного героя до начала общения с попутчиками;
2. застольный разговор в вагоне;
3. сны и грезы пьяного Венички;
4. финальная сцена.

В основе повествования в первой части — языковая игра, в которую вовлекается читатель. Монолог рассказчика глубоко диалогичен. В нем моделируются ответные реплики воображаемого читателя, изображается разговор с ангелами и Господом, рассказчика с самим собой и т. п.

Вы все, конечно, качаете головой. Я вижу отсюда с мокрого перрона, — как все вы, рассеянные по моей земле, качаете головой и беретесь иронизировать:

— Как это сложно, Веничка! Как это тонко.

А знаете что, ангелы? — спросил я тихо-тихо.

Что? — ответили ангелы.

Тяжело мне...

Наше завтра светлее, чем наше вчера и наше сегодня. Но кто поручится, что наше послезавтра не будет хуже нашего позавчера?

«Вот-вот! Ты хорошо это, Веничка, сказал. Наше завтра и так далее».

Кроме явной диалогичности, рассказ несет в себе и диалогичность скрытую. Она проявляется в самых разнообразных риторических фигурах: вопросно-ответных конструкциях, моделировании в авторской речи интенции адресата, введении в монолог «чужой речи» и т. п. Двуголосое слово (М. М. Бахтин) повествования создает динамику читательского восприятия. Высокопарные периоды превращаются в фамильярную пародию, скрытая диалогичность выливается в открытую полемику, смеховое обыгрывание «чужого высказывания» переходит в горестные раздумья, которые, в свою очередь, завершаются буффондой и т. п.

И стиль повествования, и его событийное наполнение пронизаны карнавално-смеховой, фамильярно-профанирующей интонацией. Содержание новелл, включенных в авторский монолог-размышление, демонстрирует читателю пародийные «перевертыши», где все противостоит нормативно-серьезным, официально-общепринятым представлениям. Такой характер имеет рассказ о кратком бригадирстве главного героя, о недолгом возвышении Венички и «закате его звезды» за то, что он вместе с соцобязательствами бригады монтажников нечаянно послал в управление «индивидуальные графики» учета выпитого на производстве спиртного. В этой новелле явно проглядывает, кстати сказать, архетип развенчания шутовского короля — одно из центральных карнавалных действ.

Как бы то ни было — меня поперли... Низы не хотели меня видеть, а верхи не могли без смеха обо мне говорить.

«Верхи не могли, а низы не хотели». Что это предвещает, знаменитости истинной истории? Совершенно верно: в ближайший же аванс меня будут ..., по законам добра и красоты.

Все темы и сюжеты Веничкиных рассказов построены на основе трагедийно-буффонного пародирования «серьезных» диалогов. Пародийный момент несут в себе и размышления о деликатности героя, и рассуждения о женской слабости, и повествование о созданных Веничкой коктейлях с выразительными названиями «Дух Женева», «Слеза комсомолки», «Ханаанский бальзам», в состав которых входит политура, лак для ногтей, клей БФ, шампунь и т. д.

Повествование первой части антикинематографично. Читатель «слышит» рассказ, но «не видит» ни самого рассказчика, ни объекты изображения. На денотативном уровне точка зрения читателя нахо-

дится в том же пространстве и времени, что и точка зрения героя; на уровне психологическом она не покидает кругозора повествователя, не сливаясь с его точкой зрения. Цель рассказа не в изображении каких-либо событий, а в передаче субъективного отношения героя к окружающей его реальности, в раскрытии его внутреннего мира.

Однако мир, который открывает Веничка читателю, больше похож на шутовскую маску, через которую проглядывает истинный лик — лик, на котором светятся глаза, полные скорби и отчаяния. В карнавально-смеховом мире поэмы Ерофеева в качестве субстрата просвечивает трагическое мироощущение. Трагизм присутствует в произведении и в изображении самоощущения героя, его кругозора, и как особый план — авторской аксиологии, который не дается читателю в эксплицитных моралите, к которому созерцатель приобщается в результате самостоятельных рефлексивных усилий.

Стиль повествования меняется во второй части повести: в рассказе появляется изобразительный ряд, построенный по принципу монтажа крупных планов других действующих лиц. Перед взором читателя возникают портреты случайных попутчиков Венички, которые даются созерцательно, как бы глазами главного героя. Характерно то, что портреты эти содержат в себе черты карнавальных двойников, пар.

Это, во-первых, два Митрича — дедушка и внук.

*Внучек на две головы длиннее дедушки и от рождения слабоумен.
Дедушка — на две головы короче, но слабоумен тоже....*

Другая пара — собутыльники:

Один такой тупой-тупой и в телогрейке. А другой такой умный-умный и в коверкотовом пальто.

Наконец, еще двое двойников — он и она.

Они сидят по разным сторонам вагона и явно незнакомы друг с другом. Но при всем том — до странности похожи: он в жакетке, и она — в жакетке; он в коричневом берете и при усах, и она — при усах и в коричневом берете.

В вагоне завязывается беседа. Атмосфера общения Венички с попутчиками созвучна тональности изображения его внутреннего мира.

Она построена на фамиллярном контакте, который несет в себе черты карнавально-праздничного разгула, веселья.

*Все кто мог смеяться — все рассмеялись;
Вагон содрогнулся от хохота.*

Характерно, что никто из собеседников не называет своей профессии, действующие лица получают прозвища — черноусый, декабрист, Митрич-дедушка, Митрич-внучек, женщина нелегкой судьбы и т. д.

Фактором, устраняющим социальные перегородки, становится совместная трапеза, пир, застолье. Жанр симпозиона обретает в поэме национальные черты русской пьянки в ее советском варианте.

Все вдруг незаметно косели, незаметно и радостно косели, незаметно и безобразно... И я — вместе с ними...

Вообще говоря, мотив тотального пьянства выступает в «Москве — Петушках» как идея всеобщего единения людей в совковом инобытии.

Мы все, — утверждает главный герой, — как бы пьяны, только каждый по-своему, один выпил больше, другой меньше.

Пьянство в повести создает атмосферу веселой буффонады, атмосферу пренебрежения ценностями официально-серьезного мира. Оно позволяет человеку приобщиться к коллективному бессознательному нации в юнговском понимании, что дает возможность члену социума преодолеть страх перед слепой подавляющей силой тоталитарного государства.

Диалоги героев травестийно-пародийны. С комической серьезностью участники трапезы рассуждают о высоких материях: о литературе, о любви. Однако разговор о литературе сводится к утверждению, что все стоящие писатели были пьяницами. Беседа о любви тоже строится в смеховом фамиллярно-профанирующем ракурсе.

А ты смог бы ночью тихонько войти в парткабинет, снять штаны и выпить целый флакон чернил, а потом поставить флакон на место, надеть штаны и тихонько вернуться домой? ради любимой женщины? смог бы?..

Столь же далек от высоких материй рассказ «женщины сложной судьбы» о том, как ей «за Пушкина разбили голову и выбили четыре передних зуба».

Веселое карнавалльно-праздничное настроение охватывает общение в вагоне электрички.

Причем здесь звучит самый что ни на есть карнавалльный смех — смех, амбивалентный и универсальный, который не отрицает серьезности, а очищает и восполняет ее. Очищает от догматизма и категоричности, от элементов страха или утрашения, от дидактизма, от наивности и иллюзии, от дурной одноплановости и однозначности. Смех не дает серьезности застыть и оторваться от незавершенной целостности бытия [Бахтин 1990: 13].

Пародийно-смеховую тональность имеет и фантастический рассказ о путешествиях главного героя. Официально общепринятые расхожие представления советского гражданина, почерпнутые из государственных средств массовой информации и разного рода учебной литературы, предстают в нем в трагедийно-скабрезном ракурсе. Париж, например, изображен здесь как город, в котором *«одни бардаки. Стоит только Эйфелева башня, а на ней генерал де Голль, ест каштаны и смотрит в бинокль во все четыре стороны»*.

Олицетворением пьяного разгула становится фигура старшего ревизора Семеныча, несущая в себе черты карнавалльного шутовского короля. Семеныч — пьяница, «бабник и утопист». Штраф с безбилетников он берет не деньгами, а натурой — по грамму спиртного за километр. Мировая история интересует его исключительно своей альковной, постельной стороной, а потому Веничка, как Шахерезада, в качестве штрафа рассказывает ему похабные анекдоты из истории. Развенчание карнавалльного короля выглядит как падение вдребезину пьяного ревизора *«под ноги выходящей публики, и все штрафы за безбилетный проезд хлынули у него из чрева, растекаясь по перрону»*.

При общей смеховой тональности изображения симпозиона в нем опять-таки присутствуют печальные ноты. Печаль — в глазах главного героя; она открывается при стороннем, внешнем по отношению к его кругозору взгляде. *«А... разрешите Вам задать один пустяшный вопрос, — вопрошает Веничку черноусый, — ...отчего это в глазах у Вас столько грусти?»*

Мера трагизма увеличивается в изображении снов и грез пьяного сознания Венички. Точка зрения читателя здесь на уровне героя полностью сливается с точкой зрения рассказчика. Мы имеем здесь дело

с тем, что на языке киноведения называется «эффектом субъективной камеры» (Б. Балаш), когда зритель созерцает ирреальное пространство и время, которые являются продуктом деятельности сознания (и подсознания) действующего лица.

В целом общая карнавалльно-смеховая тональность рассказа сохраняется. Пьяному Веничке, например, снится пародийная революция, которую он со своими друзьями совершает в Петушковском уезде. Здесь тоже присутствует трагедийно-буффонное отражение официально-серьезного мира политики. Выборы президента, объявление войны Норвегии, пленумы, декреты (например, о том, чтобы «*обязать тетю Шуру в Поломах открывать магазин в шесть утра*») — все имеет характер веселой пародии.

В дальнейшем повествовании реальность сплетается с пьяным бредом субъективного восприятия героя. Однако и здесь изображаемый поток сознаний имеет смеховую по преимуществу природу.

И когда подъехали к остановке и дверь растворилась, я не удержался и спросил еще раз, у одного из выходивших, спросил:

— Это Усад, а?

А он (совсем неожиданно) вытянулся передо мной в струнку и рывкнул: «Никак нет!!» А потом — потом пожал мне руку, наклонился и на ухо сказал: «Я Вашей доброты никогда не забуду, товарищ лейтенант!..» И вышел из поезда, смахнув слезу рукавом...

Фамильярно-сниженное начало несут в себе и другие грезы Венички: разговор с Сатаной, загадки, которые задает ему Сфинкс (о том, сколько раз сходил по малой нужде ударник Алексей Стаханов и какой счет был предъявлен лорду Чемберлену, который поскользнулся на чьей-то блевотине в ресторане на станции Петушки и в падении опрокинул соседний столик и т. п.), столкновение с сопливым понтийским царем Митридатом и т. д.

Поэма «Москва — Петушки» — произведение смеховое по преимуществу. Народно-карнавальное начало, присутствующее в нем, несет мощный жизнеутверждающий заряд. Оно передает читателю положительную энергию, создавая обаяние истинного художественного творения. Апеллируя к древним механизмам коллективного бессознательного, поэма позволяет созерцателю преодолеть ощущение одиночества в уродливом социуме, наполняет оптимистическим чувством полноты бытия и духовного бессмертия.

Однако смеховая интерпретация мира, данная в «Москве — Петушках», несколько отличается от ренессансной философии смеха (в бахтинском понимании). Если, как справедливо указывают Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, «в западноевропейском карнавале действует формула “смешно — значит не страшно”, то в русской смеховой традиции — “смешно и страшно” одновременно» [Лотман, Успенский 1977: 156].

Печаль, тревога, страх присутствуют в виде субстрата в художественном мире поэмы Ерофеева. Мера их увеличивается от начала произведения к его концу, перерастая в подлинно трагическое звучание. Если в начале повествования герой декламирует:

*Нет, вот уж теперь — жить и жить! О, жить совсем не скучно!
<...> «Человек смертен» — таково мое мнение. Но уж если мы родились — ничего не поделаешь, надо немножко пожить... «Жизнь прекрасна» — таково мое мнение,*

то в финальной сцене интонация рассказа меняется:

И если я когда-нибудь умру — а я очень скоро умру, я знаю — умру, так и не приняв этого мира, постигнув его вблизи и издалека, снаружи и изнутри постигнув, но не приняв...

Так в повествование проникают серьезные нотки, та трагическая серьезность, которая отличается от догматической серьезности официоза. Она несет в себе трагическое мировоззрение, проникнутое «идеями зиждательной гибели» (М. М. Бахтин). «Подлинная, открытая серьезность не боится ни пародии, ни иронии, ни других форм редуцированного смеха, ибо она ощущает свою причастность незавершимому целому мира» [Бахтин 1990: 136].

В «Москве — Петушках» серьезный и смеховой аспекты действительности сосуществуют, образуя целостный незавершенный и незавершимый художественный мир.

Трагический план повествования проявляется в тексте повести ненавязчиво, как детали второго плана, как якобы нечаянные сочетания внутри кадра. Они поначалу выглядят случайными оговорками рассказчика, которые он быстро затушевывает буффонным балагурством. Однако к финалу трагические интонации в поэме становятся доминирующими.

Трагизм прорастает в изображении внутреннего кругозора героя через карнавальную маску. Он связан с мотивами страха, бессилия

и немоты, которые возникают в душе Венички вследствие отторжения его миром и неприятия им в свою очередь этого мира. Он превращает веселый карнавальный смех в финале в кощунственный бесовский хохот над погибающим героем. Так смеются ангелы, превратившиеся в дайманов, дьяволов. Веничка сравнивает смех ангелов со смехом детей над трупом человека, попавшего под поезд, когда они вставили в полуоткрытый рот умершего дымящийся окурочок и весело «скакали вокруг — хохотали над этой забавностью».

Финал повести трагичен. Однако его не следует интерпретировать как гибель главного героя.

Они вонзили мне шило в самое горло... с тех пор я не приходил в сознание, и никогда не приду.

Видимо, здесь имеет место аллегория: сознательный уход человека в немоту в условиях невозможности свободно говорить.

Возрастание силы звучания трагических нот рассказа усиливает рефлексийное начало читательского восприятия, которое ведет к остранению читательской перцепции, выводящему точку зрения созерцателя в аксиологический план глубинных обобщений, в авторский ценностный кругозор. План этот образует особая образно-символическая система сакральных категорий авторского мироотношения.

Прежде всего нужно сказать, что сакрализуется пространство художественного мира. Оно строится по принципу оппозиции: Петушки — рай, Эдем, место, «где не умолкают птицы, ни днем, ни ночью, где ни зимой, ни летом не отцветает жасмин». Москва (Красная площадь) — земной ад, где царствуют злые дьявольские силы. Или, иначе: Петушки — Космос, Москва — Хаос. Путь героя в свете этих категорий можно интерпретировать как безуспешную попытку вырваться из Ада в Рай, из Хаоса к Космосу, гармонии.

Судьба героя, целостное изображение его личности также дается на аксиологическом уровне программы восприятия в свете художественных обобщений. Лик Венички как бы рифмуется с культурологическими символами, ассоциируясь со сквозными мотивами мировой литературы.

Так, в тексте поэмы четырежды вне связи с развитием сюжета повторяется фраза о гибели Пушкина. Имя Пушкина, кстати сказать, среди упоминаний деятелей мировой цивилизации в поэме — наиболее частотно, см.: [Художественный мир 1995].

Другой круг аллюзий, позволяющих вычлениить культурологический исток мироощущения Ерофеева, идет от Ф. М. Достоевского. Имя Достоевского ни разу не упоминается на страницах повести. Однако в поэтике повествования «Москвы — Петушков» чувствуется влияние великого русского романиста. Более всего в поэме ощущается воздействие «Записок из подполья» и романа «Идиот».

Как и подпольный герой Достоевского, Веничка несет в себе черты истинного героя и антигероя, космос и хаос. Однако, в отличие от героя «Записок...», хаос в душе Венички есть поверхностный слой отражения внешнего Хаоса социальной сферы. Глубинные уровни его кругозора выявляют в нем архетип истинного культурного героя, больше напоминающего князя Мышкина.

Идеальный герой Мышкин, — пишет Е. М. Мелетинский, — христоподобный спаситель, пришел в этот мир (в рамках русского космоса) с пафосом бескорыстного добра, любви и сострадания даже к врагам, но не сумел преодолеть «беспорядок». Рассудок его не устоял, и он снова вернулся в Швейцарию [Мелетинский 1996: 96].

Характерно, что, находясь в центре карнавальнo-смехового антимира, сам герой «Москвы — Петушков» обнаруживает в своем поведении черты средневекового православного святого — он не смеется, а лишь иногда благостно улыбается, см.: [Лихачев 1984].

Еще более отчетливо в облике главного действующего лица повести Ерофеева проглядывают черты юродивого.

По справедливому мнению Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, характеризуясь индивидуальными связями с Господом, юродивый как бы окружен сакральным микропространством, так сказать, плацентой святости; отсюда становится возможным поведение, которое с внешней точки зрения представляется кощунственным, но по существу таковым не является... Именно внутренняя святость юродивого и создает условия для антитетически противоположного восприятия: то обстоятельство, что юродивый находится в сакральном микропространстве, придает его поведению характер перевернутости для постороннего наблюдателя, находящегося в грешном мире. Иначе говоря, юродивый как бы вынужден вести себя «перевернутым» образом, его поведение оказывается противопоставленным свойствам этого мира [Лотман, Успенский 1977: 163].

Среди культурологических аллюзий, свойственных постмодернистскому произведению, в тексте поэмы Ерофеева явственно вычленяется евангелический слой. Он присутствует в обыгрывании (иногда фамильярно-сниженном) цитат, тем, мотивов христианской культуры. На уровне авторской аксиологии они создают особый ерофеевский христовоцентризм, в свете которого герой поэмы предстает перед читателем то святым, то Лазарем, тщившимся восстать со своего ложа, то Спасителем, посланным Господом в мир людей.

Весь сотрясаясь, я сказал себе: «Талифа куми!» То есть встань и приготовься к кончине. Это уже не «Талифа куми», то есть «встань и приготовься к кончине», — это «лама савахвани», то есть «для чего, Господь, ты меня оставил?».

В свете категорий авторского кругозора поэма «Москва — Петушки» предстает в виде апокрифического евангелия от Ерофеева, в котором пьяница и сквернослов Веничка обретает облик Сына Божьего, посланного в мир людей, вкусившего все страдания человеческие и распятого злой силой этого мира.

6.2.3. А. А. Тарковский «Жертвоприношение»*

На денотативном уровне архитектоники текста художественный мир фильма предстает в виде локального камерного континуума. Фабульное пространство картины ограничено рамками небольшого живописного местечка современной Швеции, расположенного на берегу моря, близ рыбацкого поселка. Здесь, в загородном доме, вместе со своей женой и двумя детьми ведет уединенную жизнь Александр, главный герой картины. Время действия произведения обозначено еще более точно: его начало относится ко второй половине дня 18 июня, а конец приходится на утро 19 июня 1985 года.

Точка зрения воспринимающего, не покидая пределов замкнутого пространства изображенной реальности, настойчиво следует за главным действующим лицом. Кинорассказ строится таким образом, что Александр — постоянно в поле внимания зрителя. Движение же

---

* Седов К. Ф. Фильм А. Тарковского «Жертвоприношение»: композиционно-жанровое своеобразие кинотекста // АРТ. Альманах исследований по искусству. Саратов: Изд-во Саратовск. пед. ин-та, 1993. Вып. 1. С. 141—154.

точки зрения во времени лишено динамики: на протяжении фильма герой фактически не совершает никаких поступков.

Реальный хронотоп произведения составляет лишь внешний фон сюжетных событий. Он выполняет чисто служебную роль и мало участвует в выражении художественного задания. Внутренним фоном художественного мира становится субъективный кругозор героя.

Александр — интеллигент, философ, живущий напряженной духовной жизнью. Это человек, которому, по определению Достоевского, «важнее всего мысль разрешить», который являет собой «особую точку зрения на мир и на себя самого» (М. М. Бахтин). В основу изображения этого героя Тарковский ставит показ его самосознания. И интеллектуальный кругозор персонажа, микрокосм его души, в котором как в осколке зеркала отражается макрокосм человеческой цивилизации, составляет среду обитания героев произведения.

Диалоги действующих лиц полны упоминаний писателей, художников, философов; они содержат обилие явных и скрытых цитат, реминисценций, парафраз из текстов различных культурных слоев, от Библии и древнегреческой философии до Ницше и современных мыслителей. Столь же многообразны изобразительно-живописные и музыкальные составляющие внутреннего фона художественного мира фильма: полотно Леонардо соседствует в нем с произведениями древнерусской живописи и видами в духе восточных миниатюр; наряду с Бахом здесь звучит непривычная уху европейца японская музыка и т. п. Знаки макромира мировой культуры составляют лишь верхний, поверхностный уровень зрительского проникновения в семантическую структуру текста. Дальнейшая реконструкция хронотопа позволит нам обнаружить в картине мощное архетипическое начало и за изображенной действительностью увидеть признаки архаической мифологической модели мира. Отметим, забегая вперед, важное для понимания художественного замысла произведения слияние в этой модели европейской (по преимуществу библейской) мифологической стихии и мотивов восточной (главным образом древнеки-тайской) мифологии.

Главный герой фильма предстает перед зрителем уже вполне сформировавшейся личностью. Он находится в той стадии своего духовного развития, когда подводятся результаты достигнутого в жизни. Не случайно то, что основное событие фабулы — это празднование его пятидесятилетия. В душе Александра борются разноречивые

начала, и это противоборство амбивалентных ипостасей его внутреннего мира составляет конфликт, на котором построена динамика восприятия произведения.

Полюса личности главного героя как бы олицетворены в его друзьях, оказавшихся на юбилее. Виктор — человек, чья профессия использует точные методы естествознания. Он медик. Это сильная личность с ясным и трезвым умом, способным объяснить все процессы, происходящие в природе и обществе. Почтальон Отто — персонаж совершенно иного склада. Это чужак, все свободное время отдающий своеобразному хобби: он собирает различные необъяснимые с позиции здравого смысла факты и события. Если Виктор в фильме — воплощение рационализма, то Отто — носитель начала иррационального, веры в недоступные человеческому разуму силы.

Тяготение к этим противоположным полюсам обнаруживают и некоторые женские образы. По этому принципу противопоставлены Аделаида, жена Александра, и Мария, деревенская девушка, которая выполняет обязанности приходящей служанки. Аделаида — дитя столичной жизни, бывшая актриса, оставившая сцену ради мужа. Как и Виктор, она становится в фильме олицетворением рассудочности. Мария, по утверждению Отто, — существо, обладающее особой колдовской силой, ведьма. В ее поведении есть что-то от юродивой, блаженной. В картинах Тарковского подобный женский персонаж обычно выполняет важную функцию некоего нравственного камертона, лакмусовой бумажки, формирующей оценочное восприятие героев произведения.

Ставя субъективный мир Александра в центр художественного хронотопа, автор подчиняет повествовательное движение задачам изображения душевной эволюции главного действующего лица. Собственно, эволюции в привычном смысле слова в картине нет: изменения, происходящие в герое, осуществляются путем взрыва, резкого перелома. И перелом этот провоцируется сюжетными событиями. Человек, находящийся на распутье, оказывается в экспериментальной ситуации кризиса, когда слетает шелуха быта, когда он выбит из жизненного автоматизма и помещен на грань между жизнью и смертью. Внезапно возникшая угроза ядерной войны заставляет Александра испытать страх перед смертью, страх за родных, близких, за судьбу человечества. Этот страх действует на него как психологический шок, катарсис, заставивший героя отрешиться от суетного, мелочно-

го и возвыситься до постижения неких экзистенциальных начал бытия.

Вводя точку зрения зрителя в психологический кругозор персонажа, автор побуждает воспринимающего пережить катарсисное очищение вместе с героем и с героем же подняться к истинному, с точки зрения создателя фильма, видению мира, приобщиться к ценностям авторского кругозора.

Первые эпизоды картины как бы готовят будущую психологическую коллизию: и стилизованная под хронику вставка, показывающая следы какого-то стихийного бедствия, и сцена, в которой разыгравшийся ребенок, прыгнув на спину отца, разбивает лицо в кровь, — все направлено на создание в воспринимающем сознании психологической тональности напряжения, вводит тему насилия, разрушения и, одновременно, страха перед неведомой опасностью.

Страх этот усиливается в дальнейшем, когда, услышав шум реактивного самолета, Александр выходит из дома и видит неподалеку точную маленькую модель своего жилища — подарок к дню рождения, сделанный руками малыша.

Верхний ракурс изображения передает чувство непрочности домика — эфемерную защиту его обитателей. Вот, наконец, звучит сообщение теледиктора о возникновении ядерной угрозы. Александр со словами забытой с детства молитвы падает на колени. И опять автор прибегает к верхнему ракурсу, который теперь показывает зрителю героя — показывает его жалким, смятенным, парализованным ужасом.

Изображая самосознание персонажа, его внутренний кругозор, автор стремится не только совместить точки зрения зрителя и действующего лица на психологическом уровне (как бы заставить воспринимающего испытывать те же ощущения, что и герой), но и вводит адресата коммуникации в мир подсознания Александра. Осуществляется это путем экранной материализации ирреальных видений и снов героя, в которых намеренно не проводится очевидной грани между явью и грезами. Ирреальные видения несут в себе психоаналитическую символику. Так, например, Александр, стремясь повлиять на ход событий, вступает в сексуальные отношения с Марией, обладающей, по словам Отто, связью с потусторонними силами. В его сознании образы жены и Марии сливаются воедино, вызывая из глубин подсознания инфантильные воспоминания о матери.

Психологический накал катарсисного состояния души героя передается и метатекстовыми средствами кинообразности. Страх, возвращающийся в душу героя, воплощает вставка, стилизованная под хронику: на экране вдруг появляются растерзанные люди, которые мечутся, обезумев, в ужасе натываясь друг на друга. Сцена снята сверху, что еще больше усиливает атмосферу всеобщего смятения и паники.

Высокий градус напряжения психологической атмосферы в восприятии художественного мира, пороговый характер перцепции ведет к сакрализации семантических категорий хронотопа картины. Такая сакрализация приводит к преодолению сюжетного времени, к раздвижению временных рамок до вечности. Это, в свою очередь, следствием своим имеет эстетизацию пространственных элементов, когда детали, сцены, эпизоды и т. д. приобретают символическое и аллегорическое значение. Такое построение текста позволяет увидеть в нем архетипический слой, черты мифопоэтической модели мира, несущего память о первобытном мироощущении коллектива, пронизывающего изображенную реальность лучами вневременных ценностей коллективного бессознательного, см.: [Топоров 1983].

Одним из таких символов становится живописная коряга, сухое «японское» дерево, которое в самом начале киноповествования малыш и Александр водружают на берегу моря. Оно символизирует представление о современной цивилизации, бесплодной и безжизненной, цивилизации, не способной породить ничего живого. Здесь же звучит рассказанная отцом сыну аллегорическая притча о монахе, который велел своему ученику поливать сухое дерево, зацветшее через три года. Характерно, что Александр дает первоначально рационалистическое толкование смысла притчи. «Главное в любом деле — система», — учит он мальчика. Монах следовал научному методу, поэтому добился результатов. В дальнейшем, под влиянием происшедшего в герое перелома, изменится и семантическое наполнение этого образа, о чем речь впереди.

Символический смысл, связанный с уровнем аксиологии, приобретает и картина Европы XVII века — подарок почтальона юбилею. Ее несоответствие положениям нынешней географической науки наводит на мысль об относительности человеческих знаний вообще. Сам Отто — противник самодовольного рационализма. По его мнению, человек никогда не сможет постичь абсолютной истины. «Что есть истина?» — задает он библейский вопрос Александру. Уверен-

ность современных ученых в познаваемости законов окружающего мира Отто сравнивает с убежденностью таракана, бегающего по краю тарелки, в том, что он движется по прямой линии.

С нелепой смешной фигурой почтальона Отто в художественный мир фильма входит важная для Тарковского тема неверия в «арифметические» методы переустройства общества. И здесь нет проповеди агностицизма, пессимизма, сомнения в возможностях человеческого разума. Выражая вотум недоверия научному познанию, автор утверждает лишь пагубность разрыва рационального и духовного начал. Наука, не осененная высокой нравственностью, способна принести вред и даже стать причиной самоуничтожения человечества. Уверовав в свое могущество, человек стал бездумно эксплуатировать земные ресурсы; он создал невиданной мощи оружие, способное уничтожить все живое. Но в своем высокомерном стремлении покорить природу он забыл, что сам лишь часть этой природы. Отсюда возникает еще один мотив, входящий в систему авторского кругозора, — мотив вины человека перед природой.

Мотив вины наполнен в картине глубоким мифологическим смыслом. Он прежде всего связан с библейским представлением о первородном грехе. Уже в начале фильма Александр произносит слова о греховности человеческой цивилизации, о насилии, которое совершают люди над природой. Позже звучит притчевый рассказ героя о последних днях его матери. Желая доставить приятное своей больной матери, Александр решил привести в порядок ее старый запущенный сад, на который так любила она смотреть, сидя у окна. Целую неделю стриг он газоны, посыпал дорожки песком, подрезал деревья. Но когда после завершения работы он сел в материнское кресло перед окном, ужаснулся: вместо радующей глаз красоты перед ним предстали следы насилия, уничтожившие обаяние естественности.

Тема библейского первородного греха в картине сливается с мотивом так называемого эдипового комплекса. В системе аксиологических категорий художественного мира природа отождествляется с такими понятиями, как родина, мать. Самодовольно беря на себя роль преобразователя, человек разрушает экологическую среду. Надругательство же над природой подобно надругательству над собственной матерью, осквернению родившего его лона. Насилие над природой — это и посягательство на красоту, ибо все самое прекрасное в человеке — от нее. В этом смысл другого рассказа Александра о его сестре,

в угоду моде обрезавшей свои прекрасные волосы. Герой вспоминает, как плакал отец, увидевший дочь с новой прической.

Оскверненная природа мстит человеку. Над цивилизацией нависла угроза самоуничтожения. И за грехи предшествующих поколений расплачиваться должны потомки. Не случайно Александр во сне видит своего сына одичавшим, не узнающим отца. Грехи необходимо искупать. Так в картине возникает центральный смысловой мотив — мотив жертвоприношения. Тема жертвоприношения присутствует и на уровне сюжета. В страхе перед надвигающейся опасностью Александр дает клятву: в случае, если все закончится благополучно, он уничтожит свое жилище, откажется от общения с близкими, примет обет молчания. И когда опасность минует, герой выполняет данное всевышнему обещание.

Впервые слово «жертвоприношение» произносит в фильме все тот же почтальон Отто. «Каждый подарок — это жертвоприношение», — говорит он, преподнося свой подарок юбиляру. Эти слова вызывают в сознании зрителя картину Леонардо да Винчи «Поклонение волхвов», изображение которой дается в самом начале картины и которое в течение всего действия периодически возникает на экране. Уже это соотносит мотив жертвоприношения с содержанием библейского мифа. В дальнейшем эта тема варьируется в цепи символических образов, имеющих различную изобразительную природу, но «рифмующихся» между собой оттенками значений. Глубинный мифологический смысл содержит, к примеру, сцена свидания Александра с Марией. Вера в магическую силу интимных отношений, в которые должен вступить герой с женщиной, обладающей колдовскими чарами, восходит к мифологическим представлениям первобытных народов. Этот ритуал имеет характер принесения жертвы. По дороге к Марии Александр падает с велосипеда и пачкает руки. Этим мотивируется необходимость их омовения. Между тем в системе образов аксиологического уровня эта деталь приобретает символично-мифологический смысл. Омовение рук обычно совершалось перед осуществлением обряда, носящего характер жертвоприношения. Неслучайной деталью становится и стадо овец, встретившихся Александру перед домом Марии: образ овцы в христианской символике несет значение жертвенности.

Мотив жертвоприношения подается зрителю не только через призму библейских мифологем. В нем также высвечиваются и ар-

хетипы древнекитайской мифологии и натурфилософии. Прежде чем предать огню свое жилище, Александр облачается в халат чань-буддийского монаха с вышитым на спине иероглифом — символом всемирной гармонии, бесконечных метаморфоз бытия, порождаемых взаимодействием сил ИНЬ — ЯН, тьмы и света, женского и мужского начал, земли и неба, смерти и жизни. Ритуал жертвоприношения как бы возвращает героя к первоистокам вселенной, к пяти первоэлементам космоса, которыми, по представлению древнекитайских мыслителей, являются вода (она предстает в картине в виде огромной лужи возле горящего дома), огонь, дерево (дерево тоже находится около дома), металл (машина Александра) и земля.

Древневосточная традиция присутствует и в важном для понимания художественного смысла картины мотиве детства и детскости. Возвращение детского восприятия жизни, детской непосредственности было целью даосской практики психической саморегуляции, ибо, как писал легендарный мудрец Лао-цзы («старик-ребенок»): «Человек при своем рождении нежен и слаб, а при наступлении смерти тверд и крепок. Все существа и растения при своем рождении нежные и слабые, а при гибели сухие и гнилые. Твердое и крепкое — это то, что погибает, а нежное и слабое — это то, что начинает жить».

В художественном мире фильма тема детства воплощена в маленьком сыне главного героя. Фигура ребенка становится своеобразным олицетворением будущего, глубоко оптимистичным символом надежды. В семье Александра малыш — кумир, которого любят все, начиная от отца, души не чаявшего в позднем ребенке, и кончая служанкой Юлией. Мальчик в картине не произносит ни слова: по сюжету, у него удалены гланды, и поэтому врачи запрещают ему говорить. Немота ребенка выступает своего рода аллегорией: она как бы передает мысль о поколении, которое еще не сказало своего слова в истории. Именно ради сына, ради будущего человечества совершает свое жертвоприношение Александр.

Единственный путь спасения грядущих поколений Тарковский видит в обращении к духовности, к нравственным основам человеческой природы. Не наука, создающая средства разрушения, а вера, вера в неиссякаемую в человеке нравственную силу, доброту, любовь сможет уберечь человечество на краю пропасти. И этой верой наполнен последний эпизод фильма. На экране зритель видит трогательную фигурку ребенка, несущего два ведра с водой. Ведра слишком велики

для малыша, поэтому он поочередно перетаскивает их одно за другим. Мальчик несет воду к посаженному вчера им с отцом сухому дереву. Он верит, что если поливать это дерево каждый день, то оно непременно зацветет. Полив дерево, ребенок ложится под него, и тут, впервые за все время, мы слышим его голос: «В начале было слово. Почему так, папа?»

Финальный кадр — изображение сухих веток на фоне морских волн под торжествующую, жизнеутверждающую музыку И. С. Баха — вносит заключительный аккорд в формирование аксиологического уровня авторского кругозора. Если люди сумеют вернуться к нравственным истокам человеческой культуры, то сухая ветвь нынешней цивилизации оживет, превратившись в цветущее, плодоносящее дерево. Символическое значение содержит в себе и факт обретения ребенком дара речи. Произнесение человеком первых слов равнозначно появлению у него сознания, евангельский же смысл этих слов несет надежду на то, что возрождающееся сознание будет обращено к духовным началам, к христианскому ощущению мира, к вере в идеалы всепрощающей любви. А пока сухое дерево у воды, символ современного общества, взывает к человеческому разуму, к человеческой душе.

Используя результаты синхронной интерпретации текста, попытаемся найти жанровые корни фильма А. Тарковского, высветить истоки архитектурных форм произведений режиссера. Здесь мы входим в область исторической поэтики, которая применительно к киноискусству должна направить свои усилия не столько на исследование эволюции художественных средств киностилистики, сколько на выявление связей кинотекста с питающей его традицией, «жанровая память» которой уходит в глубь веков к более древним искусствам. Целостный анализ «Жертвоприношения» позволяет увидеть в тексте фильма две взаимодействующие стихии: романа и трагедии.

Роман — ныне один из ведущих жанров словесного искусства. Это становящийся, формирующийся на глазах литературный канон. Как показали исследования отечественных филологов (прежде всего М. М. Бахтина), генетически роман восходит к античности: к сократическим диалогам и менипповым сатирам. Следы этих древних жанровых форм можно достаточно отчетливо наблюдать в поэтике «Жертвоприношения». С сократическими диалогами фильм Тарковского роднит прежде всего выбор героя — мыслитель, который занимается поиском истины (характерно и то, что поиск этот проходит в по-

роговой ситуации). Черты менипповой сатиры обнаруживаются, во-первых, в стремлении сюжета к особому типу экспериментирующей фантастики, исключительным ситуациям, которые нужны для провоцирования и испытания философской идеи, во-вторых, в морально-психологическом экспериментировании: изображении аномальных состояний человека (безумий, раздвоения личности, необычных снов, страстей, граничащих с безумием, и т. п.), в-третьих, в широком использовании различных вставных словесных жанров: новелл, притч, анекдотов и т. п.

Художественные истоки «Жертвоприношения» восходят к одной из наиболее разившихся в европейской литературе ветвей романной традиции — «роману испытания». Впервые появившийся на античной почве в виде греческого любовного романа и параллельно в формах раннехристианского жития святого, пройдя стадии рыцарского средневекового греческого романа барокко, который в свою очередь впоследствии дал две линии становления жанра: авантюрно-героический и патетико-психологический романы, — роман испытания расцвел в европейской и русской литературе XX века. Здесь одним из наиболее значительных художественных достижений общепризнанно считается роман Ф. М. Достоевского. Воздействие, которое оказал Достоевский на развитие мировой культуры XX века, огромно, его степень, вероятно, по-настоящему не осмыслена и поныне. Во всяком случае, есть основания утверждать, что формирование жанрового мышления А. Тарковского проходило под прямым и непосредственным влиянием творчества великого русского прозаика.

Главное, что роднит художественные принципы романов Достоевского и фильмов Тарковского, — это отношение к человеку в эстетической действительности. Н. А. Бердяев называл творчество русского романиста «вихревой антропологией» [Бердяев 1992: 45]. То же можно сказать о картинах А. Тарковского. Как и для Достоевского, для него «человек — микрокосм, центр бытия, солнце, вокруг которого все вращается. Все в человеке и для человека. В человеке — загадка мировой жизни» [Там же: 41—42]. И так же, как у великого писателя, антропологизм режиссера — глубоко христианский антропологизм.

Действующие лица фильма — младшие братья героев Достоевского.

Как точно отмечал М. М. Бахтин, герой интересуется Достоевского как особая точка зрения на мир и на себя самого, как смысловая

и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности. Достоевскому важно не то, чем герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого [Бахтин 1972: 79].

Сказанное во всей полноте может быть отнесено к герою «Жертвоприношения». Сближает его с персонажами романов писателя и то, что художественной доминантой в построении зрительского восприятия персонажа становится изображение его самосознания, показ внутреннего мира, самораскрытие которого и составляет основу моделируемой действительности. Определенное сходство с художественным миром Достоевского намечено и в условиях самораскрытия героя: они образуют экспериментальную кризисную ситуацию, когда человек выбит из жизненного автоматизма и находится на пороге между жизнью и смертью (у Достоевского это — криминальная интрига, у Тарковского — угроза ядерной войны).

Близость к художественным принципам романов Достоевского чувствуется в расстановке действующих лиц «Жертвоприношения»: второстепенные персонажи являются здесь как бы двойниками главного героя, воплощающими амбивалентные начала его души. Борьба этих противоположных стихий становится основной пружиной динамики характера героя, эволюции его личности, которая протекает в виде взрыва, резкого перелома, озарения. Она же отражает центральную аксиологическую оппозицию в системе категорий авторского кругозора: вера / неверие, иррационально-этическое начало / рассудочно-самодовольный расчет, Христос / научная истина. Подчеркнем, что оппозиция эта у обоих художников имеет характер христовоцентризма, намечающего связь с евангельскими этическими ценностями. «Если бы, — писал Достоевский, — кто мне сказал, что Христос вне истины и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться с Христом, нежели с истиной».

Говоря о схожести эстетических установок режиссера и романиста, не следует забывать и о чертах различия их художественного мышления. Они также касаются системы героев произведений. Как убедительно показал М. М. Бахтин, роман Достоевского — полифоничен. «Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, — писал исследователь, — подлинная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью ро-

манов Достоевского» [Бахтин 1972: 7]. В отличие же от многоголосия романов писателя, мир фильма Тарковского принципиально монофоничен: он строится на основе изображения субъективного кругозора одного действующего лица.

Это отчасти обусловлено иной художественной традицией, определяющей жанровое своеобразие картины, — традицией драматургической. Нелишне будет сказать, что к театральной эстетике тяготеет и роман Достоевского. В. И. Иванов не без основания видел в романе писателя жанровый синтез — роман-трагедию [Иванов 1916]. С еще большей уверенностью, на наш взгляд, можно говорить об осознанной ориентации создателя «Жертвоприношения» на трагедию в ее классическом виде — древнегреческую аттическую трагедию.

Уже фабульный уровень кинотекста позволяет увидеть сходство с принципами построения художественной структуры трагедии: в нем присутствуют знаменитые единства — действия, времени, места. Погружение в мир произведения откроет нам глубинные архетипы, выявит живые корни, питающие жанровое мышление режиссера.

Общеизвестно, что своим происхождением трагедия связана с древними дионисийскими ритуалами, отражающими представления первобытных народов о цикличности природы в виде умирающего и воскресающего бога. Как убедительно показал в своих исследованиях В. Н. Топоров, в основе предтрагедии лежат два понятия: жертвоприношение и катарсис [Топоров 1983]. Предшествующий анализ текста показал важность этих категорий в художественной системе картины Тарковского. Подобно герою древней трагедии, Александр являет собой «маску страдающего Диониса» (Ф. Ницше), который приносит в жертву, чтобы возродиться к новой жизни в своем сыне.

Мотив жертвоприношения становится в фильме сквозной структуроформирующей категорией, которая высвечивается на разных уровнях восприятия текста. Она содержит в себе одно из значений «коллективного бессознательного»: «Пеня за древнюю вину», исполнение преступления по отношению к богам, совершенное всем человеческим родом, за которое ответственен каждый человек [Цивьян 1989]. В фильме отчетливо проявляется архетип основного мифа о младшем сыне Громовержца, нарушившего запрет и наказанного за это, в том виде, как он нашел воплощение в позднем мифе об Эдипе.

Как мы помним по трагедии Софокла, Эдип, убив своего отца, женился на матери. Ф. Ницше видел в этом мифе представление

о пагубности рационального начала, вторгающегося в тайну превращений природы, открывающего запретные, сокровенные знания о мире.

Кто разрешит загадку природы — этого сфинкса с двумя естествами, — писал Ницше, — тот должен, как убийца своего отца и супруг своей матери, попать также и святейшие законы природы. Да, миф, по-видимому, шепчет нам на ухо, что мудрость, и именно дионисовская мудрость, противна природе и ужасна; что тот, кто силой своего знания повергает природу в бездну уничтожения, должен сам испытать на себе уничтожение природы [Ницше 1903].

При этом, как справедливо подчеркивал С. С. Аверинцев, отцеубийство — лишь предпосылка инцеста (кровосмешения), который воспринимался как наиболее кощунственное преступление. В «Жертвоприношении» инцест завуалированно подается в виде метафоры *мать-природа*. Сам же акт жертвоприношения в фильме имеет библейскую окраску: в отличие от Эдипа, выколовшего себе глаза (источник знаний, по представлению древних греков), Александр наказывает себя немотой (по евангелию, «в начале было Слово»).

Таким образом, герой Тарковского становится человеком, взявшим на себя бремя «коллективной вины», носителем «трагической вины» в гегелевском понимании термина. Осознание вины приходит к нему в пороговой ситуации, где он испытывает катарсическое очищение. И это осознание, как мы уже говорили, порождает мысль об искуплении, о жертвоприношении, освобождающем потомков от проклятия.

Трагическое видение мира А. А. Тарковского предопределило направление его жанровых поисков. Воздействие, оказанное на формирование поэтики его фильмов полифоническим романом-трагедией Достоевского, подтолкнуло режиссера к традиции античной трагедии, содержащей в себе мощную токонесущую силу древнего неуваждаемого мироощущения коллектива.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ К. Ф. СЕДОВА: ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ

Сегодня саратовскую лингвистику, которая пользуется заслуженным авторитетом в России и за рубежом, невозможно представить без работ профессора Константина Федоровича Седова (причем не в одном-двух, а в целом ряде направлений), как и его учителя И. Н. Горелова. Немного более десяти лет (Илья Наумович скончался в 1999-м) мы в Саратовском университете устраивали регулярные «Гореловские чтения» — осенью 2012 г. состоялись первые «Гореловско-Седовские»: «Коммуникация. Мышление. Личность». Два имени вновь соединились — как в 1997-м, когда впервые вышел совместный учебник И. Н. Горелова и К. Ф. Седова «Основы психолингвистики» ([1997]; с тех пор было уже не менее дюжины переизданий, из которых пять — радикально новые книги), накрепко соединивший для тысяч читателей эти имена в понятиях «Саратовская психолингвистика» и «психолингвистика вообще».

Представляемая попытка осмысления творческого наследия К. Ф. не первая: см. [Алпатов 2012; Пузырёв 2012; Салимовский 2012; Тарасова 2012; Шмелева 2012], несомненно, очень много их впереди.

Список конкретных лингвистических проблем, которыми занимался К. Ф., оригинальных и плодотворных идей, которыми обогатил науку, внушительен. Как пишет В. М. Алпатов, «к сожалению, безвременно ушедший от нас К. Ф. Седов уже не сможет мне ответить. Но ученый продолжает жить в науке, пока актуальными остаются исследуемые им вопросы, и думается, что здесь мы имеем как раз такой случай» [Алпатов 2012: 109].

В 2011 г. вышла последняя книга К. Ф. — «Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении» [2011a] (ее немного расширенный вариант «Иррациональное воздействие

в межличностном дискурсе: Внушение в повседневной коммуникации» был опубликован по принципу print on demand в немецком издательстве LAP Lambert Academic Publishing [2011б]), которую, по моему мнению, К. Ф. имел все основания считать своей гордостью (и я успел сказать ему об этом). В том же 2011 г. вышел седьмой выпуск саратовского тематического сборника «Жанры речи» с двумя (!) статьями К. Ф., что я, как редактор сборника, считал нашим общим замечательным достижением, верил, что традиция будет продолжена...

Итак, о научных идеях К. Ф.

Видимо, главный вектор его деятельности должен быть охарактеризован как *общий интерес к «человеку говорящему»*, иными словами, его концепция *речеведческая*. Об этом уже многие писали и, конечно, еще напишут: [Кожина 1999; 2010; Сиротинина и др. 1998; Шмелева 1997; 2000].

Как пишет В. А. Салимовский в статье «О речеведческой концепции Константина Федоровича Седова», в отечественной лингвистике рубежа XX—XXI вв. Константин Федорович Седов был одним из наиболее ярких представителей коммуникативного направления. <...> В его работах отчетливо проявилась новая тенденция развития коллоквиалистики — переакцентирование внимания с функционирования языковых средств на речевое взаимодействие коммуникантов. В лингвистической персонологии исследователь разработал оригинальную модель жанровой компетенции, обосновал критерии создания речевого портрета личности, изучил виды модальности повседневного общения. <...> Наибольший интерес <у К. Ф. Седова> вызывала повседневная, прежде всего обиходно-бытовая, речь как представленная первичными речевыми жанрами и поэтому являющаяся исходным объектом изучения. Примечательно, что исследователь... в качестве экстралингвистической основы обиходно-бытовой речи рассматривал «жизненную идеологию» (М. М. Бахтин), из которой выкристаллизовываются формы сознания. <...> С нашей точки зрения, мысль К. Ф. Седова о целесообразности изучения пространства повседневной коммуникации с учетом сведений о социальных группах, в том числе малых, особенно плодотворна для выявления и систематизации различных видов деятельности, реально осуществляемых членами этих групп и определяющих речевые взаимодействия индивидов. Ведь само понятие малой социальной группы включает представление о деятельности, которой объединены ее члены [Салимовский 2012: 52—60].

Безусловно, тысячи заинтересованных неофицитов — студенты, старшеклассники, профессионалы-нефилологи — очень многое узнали о *психолингвистике* как таковой (в традиционном значении «Мысль → слово»: идеи *универсально-предметного кода, внутренней речи, речевой деятельности*) именно из книг К. Ф., и прежде всего — уже упоминавшегося учебника в соавторстве с И. Н. Гореловым, а также более поздних книг К. Ф. «Нейропсихолингвистика», «Онтопсихолингвистика» [Седов 2008б; 2009в] (нельзя не упомянуть и учебные пособия под редакцией К. Ф., прежде всего — хрестоматии по различным разделам психолингвистики: «Общая психолингвистика» [2003], «Возрастная психолингвистика» [2004]), но **социальные / диалогические** явления всегда интересовали его больше, чем названные «монологические» (или «собственно психолингвистические»? — см. [Кожина 1999]) явления и идеи. Как и М. М. Бахтин, К. Ф. всегда ставил *диалог* в центр Космоса.

Сам К. Ф. называл это внешнелингвистическое направление исследований *социолингвистическим*:

Термином *социолингвистика* сейчас называют две разные отрасли знаний: обычно их различают как макро- и микросоциолингвистику. Макросоциолингвистика предполагает «изучение межгрупповой интеракции на уровне крупных групп, вплоть до контактирующих наций и государств», микросоциолингвистика основана на «анализе, сфокусированном на индивида в неформальной внутригрупповой интеракции малых групп» (Р. Белл). Совершенно очевидно, что между терминами *социолингвистика* и *макросоциолингвистика* нужно поставить знак равенства. <...> Все же, что называется микросоциолингвистикой, что имеет отношение к индивидуальной коммуникативной компетенции, — это сфера *социальной психолингвистики*. <...> Отрасль знаний, с которой у социальной психолингвистики есть общее научное пространство, — это социальная психология. Точками соприкосновения в этом случае могут стать психология межличностного общения, психология влияния и т. п. <...> Другой раздел интересующей нас отрасли знаний не имеет столь четко очерченного круга однородных тем. Это психолингвистика межличностного общения. В ее рамках выделяются комплексы проблем статусно-ролевой природы коммуникации, проблемы институциональных и персональных, информативных и фатических видов речевого поведения, проблемы речевых жанров как вербально-знаковых способов сопровождения социально значимой интеракции и т. д. [Седов 2004б: 6—8; Социальная психолингвистика 2004].

Себя же К. Ф. позиционировал как лингвиста-бахтинианца. Начиная со студенческой скамьи и до самой смерти К. Ф., М. М. Бахтин был его кумиром. Много внимания бахтинским идеям уделялось еще в кандидатской диссертации К. Ф. «Становление синтаксического строя устных спонтанных монологов (на материале детской речи)» [Седов 1987] (была выявлена по сути глубоко диалогическая природа «монологов» в детской речи), еще больше — докторской «Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности» [Седов 1999a] (о ней речь впереди). Отношения К. Ф. с Бахтиным, безусловно, отдельная тема научного анализа, возможно, ей будут посвящены специальные исследования. К сожалению, К. Ф. не написал обобщающей книги наподобие известной алпатовской «Волошинов, Бахтин и лингвистика» [Алпатов 2005], хотя вполне мог написать: из разрозненных, но концептуально стройных идей, высказываемых в разных работах К. Ф., складывается интересный, значимый для современной лингвистики «образ Бахтина». Так, в предисловии к книге избранных трудов Бахтина под ред. К. Ф. (2009) он пишет (кстати, предисловие было названо «М. М. Бахтин — знамя отечественной антрополингвистики»):

Основные идеи по языкознанию были высказаны нашим выдающимся соотечественником в 20—30-е годы прошлого века. По мысли ученого, они должны были образовать особый подход к пониманию феномена коммуникативной компетенции, который он назвал социологическим. <...> Теоретические построения, которые позже Бахтин предлагал называть металингвистикой, представляют одну из граней его целостной концепции культуры, одного из наиболее ярких достижений мировой гуманитарной мысли 20-го века. Именно в это время ученый высказал идеи, которые легли в основу создания современного речеведения. <...> Еще в 20-е годы, создавая свой социологический метод в языкознании, Бахтин предлагал сменить точку зрения, ракурс рассмотрения лингвистических явлений: идти не от языка как системы себестождественных форм, а от социальной реальности, от закономерностей социального взаимодействия людей. В еще большей степени теоретические построения, представленные в публикациях ученого 20 — 30-х годов, созвучны поискам современных психолингвистов. Много раз было сказано о концептуальных переключках Бахтина и предтечи отечественной психолингвистики — Л. С. Выготского. Но в работах Михаила Михайловича есть созвучие и работам других

классиков нашей науки, например Н. И. Жинкина, И. Н. Горелова и др. В начале прошлого века им были высказаны мысли о природе человеческого сознания, о его знаковой форме, о роли слова и других коммуникативных элементов в протекании внутренней речи. Развивая свою концепцию социально-диалогической природы человеческой психики, Бахтин писал о связи внутреннего слова индивидуального сознания с внешним культурным контекстом, об обусловленности внутреннего мира человека фактами эго социального бытия: его статусом, ролью, социальным окружением. Высказанные в 20-е годы идеи ученого тогда не были оценены и развиты. И вот сейчас им, говоря словами М. И. Цветаевой, как драгоценным винам наступил свой черед. <...> Таким образом, если достижения школы Выготского / Леонтьева — это прошлое нашей науки, а школы Жинкина / Горелова — ее настоящее, то исследования ученых, развивающих теорию Бахтина, — это будущее российской психолингвистики [Седов 2009б: 7].

Как и у М. М. Бахтина, у К. Ф. при изучении диалога, коммуникации одним из наиболее приоритетных объектов были *речевые жанры*. Так, в нашем совместном учебном пособии «Социопрагматический аспект теории речевых жанров» [Дементьев, Седов 1998] К. Ф. писал о значении бахтинских идей для современного жанроведения (о жанроведческих идеях самого К. Ф., которые, отмечу, ближе всего к непосредственным научным интересам автора настоящих строк, — разговор впереди):

Работы Бахтина долгое время были неизвестны за рубежом, кроме того, даже в отечественных исследованиях устной речи опыт Бахтина учитывался весьма слабо и непоследовательно. <...> Обращение же современных языковедов к исследованиям М. М. Бахтина, как правило, строго дозируется: работы, в которых традиционные лингвистические проблемы не затрагиваются, игнорируются. В ряде работ последнего десятилетия, посвященных проблемам речевых жанров, имеет место, как нам представляется, некоторая теоретическая ограниченность, односторонность, вызванная излишней лингвистичностью сознания исследователей явлений живого общения. Между тем бахтинская философия языка представляет собой лишь одну из граней его целостного учения о культуре. А статья о жанрах — один из аспектов этой философии. Рассмотренная в отрыве от других работ, она не дает полного представления о сути понимания природы жанров Бахтиным и содержит противоречия, на которые совершенно справедливо указал

М. Ю. Федосюк. Изучение жанровой структуры речевого поведения требует от лингвистов выхода за пределы своей науки в смежные с ней области знания, рассматривающие человека в самых различных его проявлениях. <...> Уже в конце 20-х годов Бахтин критиковал недостатки подхода к языковым явлениям, игнорировавшего связь языковых проявлений с областью социально-психологического бытия людей. «Словесный компонент поведения, — писал он в одной из своих ранних книг, — определяется во всех основных существенных моментах своего содержания объективно-социальными факторами. Социальная среда дала человеку слова и соединила их с определенными значениями и оценками, социальная же среда не перестает определять и контролировать словесные реакции человека на протяжении всей жизни» [Бахтин 1927: 85]. Один из путей развития гуманитарного знания ученый видел в создании науки о знаковом (и, в том числе, словесном) взаимодействии людей — общественной психологии. <...> Жанры разговорной речи Бахтин относил к области «жизненной, или житейской, идеологии». Следуя духу концепции ученого, мы определяем речевой жанр **как вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей**. Главное, что подчеркивает данное определение, — это первичность социального невербального поведения в понимании феномена речевого жанра [Дементьев, Седов 1998: 9—10].

В этой связи нельзя не сказать и о том, как талантлив, интересен был К. Ф. в коммуникации, а жил — как писал: страстно, с неустанным интересом исследователя буквально ко всему, свои лингвистические, коммуникативные, персонологические классификации постоянно с энтузиазмом применял и проверял, поверял и отработывал на практике. На лекциях, приводя и комментируя примеры (прежде всего тоже из самого непосредственного повседневного общения, «живой жизни языка»), К. Ф. нередко говорил что-то вроде: «это грубая классификация, не научная, но она работает». «Не научная» в данном контексте означало: пока не научная: значит, К. Ф. занят разработкой соответствующей теоретической модели. А если уходили мысли о лингвистике — страдал, жаловался: заела текучка, *давно ни с кем не говорил о лингвистике*.

Эти «коммуникативные» качества личности К. Ф. отражались в текстах его работ — на мой взгляд, добавляли им особую прелесть, какую, к сожалению, не часто встречаешь в современных даже очень качественных исследованиях. Книги, статьи К. Ф., с моей точки зре-

ния, ценны тоже в коммуникативном отношении: будят мысль читателя, заставляют *творить* вместе с автором. А как следствие — часто довольно дискуссионны (в то же время, конечно, — абсолютно продуманны, убедительны).

Я мало помню столько дискуссий на заседаниях нашего диссертационного совета, сколько было на защите докторской диссертации самого К. Ф. и потом — диссертаций его учеников (например, Е. С. Даниловой [2003], Е. В. Власовой [2005], Е. Н. Даштояна [2005]). Плюс это или минус? С точки зрения самого К. Ф. (и моей), огромный плюс. Об этом, конечно, можно и подискутировать...

Хочу привести отрывок из устного выступления проф. Л. П. Крысина на защите докторской диссертации К. Ф. в 1999 г. Это длинное выступление (я привожу лишь крошечную часть сохранившейся стенограммы для ВАКа) стало апофеозом необычайно бурной дискуссии на защите (и защиту, и выступление Л. П. Крысина — который, отмечу, не был официальным оппонентом диссертации К. Ф.! — у нас хорошо помнят, несмотря на то что прошло почти два десятка лет) и интересно, на мой взгляд, сочетанием очень высокой степени критичности и общего настоящего уважения, которое может питать только один большой ученый к другому большому ученому: *«Математики говорят, что самый верный способ избежать критики — это делать максимальные слабые утверждения. Вот, судя по тому, что и в отзывах официальных оппонентов, и в отзывах тех, кто читал автореферат К. Ф., было достаточно много критики, можно сделать вывод, что в диссертации К. Ф. много **неслабых** утверждений. В отзывах официальных и неофициальных оппонентов отмечалось, что объект, с которым имел дело К. Ф., сложен в двух смыслах: и сложен для анализа, и сложен необходимостью разных компонентов анализа, чисто лингвистического, языкового, психологического и т. д. Этим и объясняется комплексность подхода, по-моему, очень органичное, естественно вытекающее следствие. Именно комплексного, а не только лингвистического или какого-либо другого...»*

Уже активно используются и, уверен, будут еще много лет использоваться коммуникативно-лингвистические модели К. Ф., начиная от разработанных на громадном фактическом материале концепций речеведческого, социо- и психолингвистического портретирования языковой личности в онтогенезе (прежде всего в докторской диссертации [Седов 1999а] (в виде отдельной статьи — [Седов 1999б])

и написанной на ее основе, сегодня широко известной монографии «Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции», опубликованной, как и большинство более поздних книг К. Ф., в московском издательстве «Лабиринт» [Седов 2004а]), до громадных по масштабу научных обобщений, к которым К. Ф. пришел к концу жизни. О них речь впереди, пока отмечу лишь, что, по моему убеждению, идеальным сочетанием теории и практики, «живого» материала и обобщений стала уже упоминавшаяся последняя книга К. Ф. «Дискурс как суггестия» [Седов 2011а].

Многочисленные тщательно продуманные и — что особенно важно — хорошо работающие на практике типологии К. Ф., как уже было сказано, серьезно обогатили лингвистическую науку, послужили теоретической и методической основой целого ряда исследований, осуществленных в разных научных центрах России, ближнего и дальнего зарубежья. Работ, в которых используются и/или творчески развиваются идеи К. Ф., так много, что их просто невозможно перечислить даже в первом приближении — во всяком случае, речь идет о многих десятках, если не сотнях, монографий, статей, докторских и кандидатских диссертаций.

К слову: многие ли из нас могут похвастаться, что столько оригинальных моделей «ушло в народ», т. е. оказалось востребовано в конкретных исследованиях? Помню, еще лет 15 назад И. Т. Вепрева абсолютно всерьез назвала эксперимент К. Ф. «с носками» (тест на определение типа языковой личности по поведению в умеренно конфликтной ситуации) «глокой куздрой нашего времени».

(И еще «очень современная» ремарка. В РИНЦ у К. Ф. под две тысячи цитирований, примерно столько же числится в «непривязанных ссылок», хирш — 11, он уверенно входит в «Топ-100 самых цитируемых российских ученых по данным РИНЦ (языкознание)», несмотря на то что в 2011-м он ничего не знал о проекте ELIBRARY.ru, не регистрировался и не размещал свои книги там — можно представить, сколько бы было, если бы разместил!)

Назовем здесь лишь несколько таких моделей: уже упомянутая **типология языковых личностей**, выделяемых К. Ф. на основе речевого поведения в конфликтной ситуации: *инвективный тип, агрессор, манипулятор, рационально-эвристический, куртуазный тип* — и целый ряд **речевых жанровых типологий**: а) иерархия речевых жанровых сущностей, ранжированных по уровню абстракции текстовой дея-

тельности «гипержанр — жанр — субжанр», б) структура и доминанты разновидностей гипержанра *разговор*: *бытовой разговор*, *разговор по душам*, *разговор в компании*, *светский разговор*, *болтовня*. Наконец, К. Ф. детально описал целый ряд конкретных РЖ («материалы к энциклопедии РЖ», как он сам говорил вслед за Т. В. Шмелевой): *анекдот*, *комплимент*, *разговор* (в т. ч. разновидности «гипержанра *разговор*» *разговор в компании* и *болтовня*), *ссора*... [Седов 2001; 2002; 2006; 2007а; 2007в; 2007г; 2007д; 2007е; 2009а; 2011в; 2011г]. К этому необходимо добавить, что при изучении речевых жанров К. Ф. особенно интересовало место того или иного жанра и соответствующих знаний и умений в языковой / речевой компетенции языковой личности, соответственно — связь с языком и языковым мышлением, собственно языковыми знаниями и умениями, этапами овладения им, разными его уровнями.

В этой связи отметим, что в целом лингвисты становятся жанроведами для адекватного объяснения речи. Однако обращение к РЖ необходимо лингвистам и для осмысления языка. Даже в случаях, когда язык понимается в сосюрсовско-редукционистском смысле как «язык-система» или «язык-код», данный феномен все равно помещается в поле человеческого общения (оказывается задействован соответствующий раздел лингвистики), при этом адекватное понимание данного феномена невозможно, с одной стороны, без определения его места по отношению к смежным коммуникативным феноменам, с другой — осмысления природы этих смежных феноменов, к важнейшим из которых, безусловно, относятся речевые жанры (подробнее см.: [Дементьев 2010: 85—103]). В этом отношении К. Ф. рассуждал, делал научные выводы опять-таки как бахтинианец: как и у Бахтина, жанры речи у него естественнейшим образом связаны с языком («речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [Бахтин 1996: 181]): во-первых, овладение жанрами идет параллельно с овладением языком и во многом неотделимо от него, во-вторых, в лингвистике К. Ф. выделяет два соответствующих раздела — структурный (изучение языка в традиционном понимании, т. е. как системы) и социологический, одной из главных задач которого является изучение речевых жанров.

Как и М. М. Бахтин, К. Ф. видел главную задачу современной лингвистики в том, что она должна переориентироваться от «абстрактных», «мертвых» структур (традиционно-структуралистская лингвистиче-

ская парадигма) на «человека говорящего», «живую жизнь языка», т. е. стать *речеведческой*, а в широком смысле — речь шла о подлинно *филологической* научной парадигме в лингвистике, к какой она, по убеждению К. Ф., обязательно должна прийти. К лингвистике, оторванной от этой высокой парадигмы, К. Ф. относился без большого почтения. Помню уничижительную характеристику, которую он дал одному из преуспевших коллег: «*Это типичный лингвист, не филолог*».

Безусловно, К. Ф. принадлежит пальма первенства в комплексном изучении **речежанровой компетенции языковой личности** лингвистическими, психолингвистическими и онтолингвистическими методами. Жанроведы хорошо знакомы с его трудами, начиная от первых опытов психолингвистического анализа жанров речи [Седов 1999а; 2002] до развернутой типологии коммуникативной компетенции в рамках разрабатываемого им дискурсивного подхода к языковой личности, «лингвистики индивидуальных различий» [Седов 2007б; 2010а]:

Отличия в целях и задачах коммуникации, с одной стороны, в индивидуальном речевом опыте и речевой компетенции — с другой, требуют от говорящего изменений в стратегиях речевого поведения и речевой деятельности. Порождение и смысловое восприятие речевых произведений (дискурсов) в разных коммуникативных условиях опирается на неодинаковые речемыслительные механизмы [Седов 2002: 40];

Такие жанровые предпочтения в речевом поведении мотивируются чувством речежанровой идентичности, т. е. определением своего / чужого по жанровому признаку. Степень владения / невладения личностью нормами речежанрового поведения, тяготение к тем или иным жанрам могут стать основой для типологии проявлений коммуникативной компетенции [Седов 2010а: 187].

Итогом многолетних исследований К. Ф. стала обобщающая статья «Речежанровая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности», вошедшая в седьмой выпуск сборника «Жанры речи» — «Жанр и языковая личность» [Седов 2011в], где К. Ф. пишет:

Проблема «речевой жанр — личность» вырастает из попыток решения центральной для современной лингвистики задачи создания модели коммуникативной компетенции. <...> Разработка этой центральной для всех направлений лингвистики категории намечает разные ее аспекты, каждый из которых содержит иерархию единиц и уровней: ...онтология, аксиология и гносеология. <...> В любом ракурсе рассмо-

трени коммуникативной компетенции неизбежно возникают речевые жанры как категории, структурирующие общий континуум речевого поведения, с одной стороны; упорядочивающие сознание личности — с другой. <...> В ходе своего социального становления личность «врастает» в систему жанровых норм. В свою очередь эта система «врастает» в сознание говорящего индивида по мере его социализации, определяя уровень его коммуникативной (жанровой) компетенции, влияя на характер речевого поведения личности [Седов 2011в: 25—27].

Повторю: говоря об идеях К. Ф., я начал именно с коммуникативных — это закономерно. Но коммуникативно-лингвистические идеи у К. Ф. всегда были неразрывно связаны с более общими, отсюда определялось место коммуникативной лингвистики в лингвистике в целом, выстраивалась **структура лингвистической науки**. Здесь К. Ф. оставил нам целый ряд глубоких и оригинальных идей, которые еще предстоит осмыслить [Седов 2003б; 2004в; 2007а; 2007б; 2007ж; 2008а; 2009а; 2010а; 2011в]. Вот что пишет об этом В. М. Алпатов:

Всякая наука о языке, в конечном итоге, отвечает на три вопроса: «Как устроен язык?», «Как изменяется язык?» и «Как функционирует язык?», большей частью, разумеется, сосредоточиваясь на каком-то одном из них [Алпатов 2012: 111].

Функционализм возвращается к исконно свойственному науке о языке антропоцентризму, отказываясь от распространенного в XX в. и осуждаемого К. Ф. Седовым системоцентризма, рассмотрения языка по образцу объектов естественных наук. Разграничение же языка и речи, в прошлом сыгравшее полезную роль (как и жесткое разграничение синхронии и диахронии), все более теряет свою жесткость (что, разумеется, не означает полную идентичность данных явлений). Лингвист должен обращаться к функционированию языка, с учетом которого изучается и его строение [Там же: 119].

К. Ф. предлагает **принципы членения лингвистики**, которые, по мнению ученого, должны определяться не внутрисистемными отношениями «кода», а потребностями и реальными формами человеческого общения и коммуникативного мышления: (1) лингвистика языка (изучение «языка-системы»), (2) лингвистика речи (то же, что коммуникативная лингвистика = социолингвистика с главным разделом — жанроведением), (3) психолингвистика (с примыкающей к ней когнитологией) и (4) лингвопоэтика [Седов 2009а]. Отсюда следует

и упоминавшееся, принципиальное для лингвистов-жанроведов понимание настоящей близости языка и речевых жанров: по К. Ф., и то и другое должно изучаться разными разделами одной и той же науки — лингвистики. Правда, представляется некоторой уступкой более традиционному определению лингвистики утверждение К. Ф. о том, что членение лингвистики определяется пересечением со смежными дисциплинами (семиотикой, социологией, психологией, литературоведением). В то же время, по нашему мнению, к достоинствам работы К. Ф. следует отнести преодоление науковедческой традиции в лингвистике, идущей еще от Ф. де Соссюра, — деление лингвистики на «внутреннюю» и «внешнюю» (об этом пишет и В. М. Алпатов). Думается, что теоретической основой такого преодоления служит, во-первых, признание недостаточности описания «языка-системы», «языка-кода» для объяснения значимых свойств собственно языка (в лингвистике второй половины XX века положение о недостаточности такого описания стало фактически общепринятым); во-вторых — признание самого языка сложным коммуникативно-когнитивным феноменом, для понимания которого необходимо рассмотреть такие аспекты языка, как (1) «язык-система», (2) речь, (3) системное начало в общении / речи, а также (4) индивидуальное, коммуникативное и «поэтическое» мышление — выделение аспектов, по всей видимости, должно соответствовать настоящему членению лингвистики. Наличие смежных дисциплин за пределами науки вряд ли может быть определяющим для структуры этой науки. Собственно, таких «смежных дисциплин» могло бы и не быть вовсе, однако, при наличии настоящих потребностей человеческого общения и мышления, соответствующие разделы лингвистики все равно были бы востребованы. Как ни парадоксально, взгляд вовне мог бы быть определяющим для представления задач и разделов лингвистики при условии признания настоящим объектом лингвистики именно «языка-системы», против чего как раз направлен пафос К. Ф.

Точно так же трудно полностью некритично принять список разделов лингвистики, которые выделяются в качестве важнейших, при этом рядоположенных: так, К. Ф. Седов не учитывает связь языка с мифом и ту науку, которую иногда называют *этнолингвистикой* [Березович 2007]. Вряд ли можно полностью согласиться с утверждением К. Ф. в предисловии к хрестоматии «Социальная психоллингвистика» под его редакцией, где он считает этнолингвистику («этнопсихоллинг-

вистику») частью социальной психолингвистики (и в этом смысле — лингвистики речи, коммуникативной лингвистики): «В качестве четко выделившейся области социальной психолингвистики можно говорить об этнопсихолингвистике. Ее усилия направлены на исследование особенностей коммуникативной компетенции, которые обусловлены принадлежностью индивида к тому или иному этносу» [Седов 2004б: 6; 2003б]. Определяя как разные разделы лингвистики, например, жанроведение / генристику (часть лингвистики речи) и когнитивную лингвистику (как часть психолингвистики), К. Ф. не учитывает возможных линий пересечения — когнитивного, концептологического, культурологического жанроведения, которым были посвящены несколько выпусков сборника «Жанры речи» (четвертый, пятый).

Но, возможно, именно здесь кроется отличие *антропоцентрического* подхода К. Ф. в *неолингвистике* (оба эти слова К. Ф. любил и весьма часто использовал, а еще чаще — сокращенное *антрополингвистика*: так назвал и упоминавшийся том избранных трудов Бахтина под своей редакцией) от популярного ныне *антропологического* (куда входят и этнолингвистика, и когнитивная, концептологическая, культурологическая лингвистика).

Все мои рассуждения, изложенные здесь (а главное, конечно, — логика самой *жизни, творчества* К. Ф., как я ее вижу), приводят к абсолютно определенному выводу: главным делом жизни К. Ф. должна была быть книга «**Курс общей лингвистики**», которая могла, по многим признакам, стать крупным событием в теоретической лингвистике. Увы, такую книгу К. Ф. не написал... Однако такая книга составлена нами — соратниками и учениками К. Ф. (переключка с соссуоровским «Курсом...», конечно, не случайна). «Курс...» К. Ф. включит и уже названную модель членения лингвистики, и первоклассные идеи К. Ф. по отдельным ее разделам, выделяемым им же: коммуникативная / социологическая, когнитивная / психолингвистическая (в том числе — в связи с детской речью), художественная / кинотекст. К. Ф. не только наметил основные линии структурирования лингвистики, выделил разделы (это, в конце концов, не так уж трудно), но и очень многое сделал сам в рамках практически каждой из выделяемых им лингвистических дисциплин (пожалуй — за исключением структурной, так что обобщающая посмертная книга, по нашему мнению, точнее

должна быть названа не «Курс общей лингвистики», а «Общая *и антропоцентрическая* лингвистика»).

Главы и параграфы «Общей и антропоцентрической лингвистики» составят идеи / модели, которые уже приняты / успешно положены в основу целого ряда работ (типы языковых личностей, типы речевых жанров). Но они непременно должны быть дополнены (возможно, это-то и есть главная составляющая именно концептуального, творческого наследия К. Ф.) актуальными идеями К. Ф., которые еще только предстоит по-настоящему осмыслить — и которые лягут в основу будущих, очень важных и нужных исследований.

В качестве одного из главных здесь, по моему убеждению, должно быть названо понятие *кооперативного актуализатора / актуализаторского типа коммуникативного поведения*. Это одна из наиболее принципиальных лингвистических, речеведческих, персонологических, наконец, этических идей К. Ф., к сожалению не получившая настоящего теоретического и практического развития в его работах. Данный тип определяется *установкой на интересы собеседника в коммуникации*: с одной стороны, является наиболее «высоким» в этическом, нравственном отношении, с другой — представляет высший уровень коммуникативной компетенции в строимой К. Ф. «вертикальной» лингвоперсонологической типологии [Седов 1999б; 2007б; 2008а; 2010а] (а значит — предполагаются и какие-то расширенные коммуникативно-речевые знания и умения, и специфические речевые и языковые средства и маркеры). Важно, что данный тип противопоставлен *конформному* (установка на интересы собеседника лишь внешняя, демонстрируемая), что определяет несущественность (а иногда и вред) для данного типа внешней изоэссенности речи, вообще заботы о форме речи, наконец... вежливости.

Термин «*актуализация*» К. Ф. позаимствовал у американского психолога Э. Шострома [1992], который называл «актуализацией» качество личности, противоположное манипуляторству. «*Кооперативно-актуализаторский*» подтип речевого поведения, по К. Ф., отражает высший уровень коммуникативной компетенции человека по способности к речевой кооперации. В этом случае говорящий руководствуется основным принципом, который определяется как *стремление поставить себя на точку зрения собеседника*, взглянуть на изображаемую в речи ситуацию его глазами (показательно, что К. Ф.

квалифицирует такой тип общения как соответствующий основному постулату христианской морали («возлюбить ближнего своего, как самого себя»). Принципиальным отличием поведения актуализатора от конформиста выступает **установка на коммуникативного партнера**. Точнее — стремление *возбудить в себе неформальный интерес к собеседнику*, умение настроиться на его «волну».

Названная концепция К. Ф. пересекается с «моделью состояния человеческого духа», которую предлагает современный российский философ и литературовед В. И. Тюпа, в виде четырех модальностей самоидентификации субъекта: 1) роевой Мы-менталитет, субъект как представитель общности; 2) ролевой Он-менталитет, субъект как исполнитель социального регламента; 3) дивергентный Я-менталитет, субъект как суверенный носитель свободного сознания; 4) конвергентный Ты-менталитет, субъект как участник диалога, осознающий свою ответственность за других. Носитель роевого сознания видит в другом прежде всего своего либо чужого, представитель нормативного сознания относится к другому как к исполнителю предписаний, человек с эгоцентрическим типом сознания воспринимает другого в качестве объекта воздействия или сверхсубъекта угнетения, личность диалогизированного сознания обращается к другому как адресату и одновременно адресанту собственной субъективности [Тюпа 2010].

Отметим, что практикующие психологи возьмут на вооружение «семь постулатов актуализаторского воздействия», которые К. Ф. формулирует в книге «Дискурс как суггестия» (психологические тренинги для К. Ф. были своеобразным хобби, разрядкой: он, кажется, не воспринимал этот возможный род занятий всерьез, хотя, судя по многим признакам, мог бы добиться на этом поприще немалых успехов).

Постулат 1. Общаясь с человеком, старайся ему понравиться, изображай дружелюбие на своем лице. Гляди в овал лица собеседника и приветливо улыбайся.

Постулат 2. Меньше говори сам, больше слушай. Дай больше говорить коммуникативному партнеру.

Постулат 3. Вопросами направь сюжет разговора на тему, ему лучше всего известную и больше всего любимую: на него самого. Дай человеку поговорить о самом себе: о его эстетических вкусах, круге чтения, интересах, привычках, друзьях, родственниках, детстве и т. п.

Постулат 4. Найди среди интересов собеседника то, что интересуется тебя. Это называется «поиск общего пространства интересов».

Постулат 5. Строя общение в «общем пространстве интересов», постарайся «взрастить» в себе неформальный интерес к другому участнику разговора.

Постулат 6. Гляди в лицо собеседнику. На невербальном уровне незаметно отзеркаливай позы, пантомимические, мимические, жестовые особенности речевого поведения коммуникативного партнера.

Постулат 7. На эмоциональном и рациональном уровне постарайся перевоплотиться в собеседника так, чтобы можно было как бы почувствовать то, что чувствует он, поглядеть на мир его глазами, из его индивидуального кругозора [Седов 2011а: 312—319].

Возможно, именно из идеи актуализатора проистекает в научном творчестве К. Ф. тот факт, что очень многие его модели, оценка, комментарий связаны с **этикой**: думаю, можно утверждать, что К. Ф. фактически была намечена в названном выше членении общей лингвистики **пятая часть: этическая лингвистика** (отсюда, собственно, и *суггестия*, и «*иррациональное в межличностном общении*»: названные установки личности не поддаются *рациональному* объяснению, их истоки кроются в глубинах сознания, определяемых *этикой* микро- и макроэтноса, коллективными ценностными ориентациями). В личном общении К. Ф. высказывал немало глубоко выстрадавших соображений о христианском дискурсе, шире — своде христианских норм, правил, максим, доминант в общении. (Правда, практически ни строчки об этом не успел написать, насколько мне известно.)

Зато к этике относятся направления, в которых К. Ф. особенно активно работал в самое последнее время: **агрессия** как вид речевого воздействия, **манипуляция** как психологический и психолингвистический феномен, наконец, **зависть** как наиболее фатальное нарушение не только этики общения, но и психолингвистических механизмов понимания в целом [Седов 2003а; 2003в; 2010б; 2010в; 2011а; Социально-психологические аспекты 2010].

Актуализаторский тип коммуникативного поведения — или, по крайней мере, стремление к нему — определял и многие не собственно научные, а самые что ни на есть жизненные позиции самого К. Ф. Так, например, К. Ф. резко критиковал (даже воспринимал как личную обиду) популярные ныне университетские курсы риторики —

как имеющие целью не воспитание актуализатора, а «всего лишь» повышение уровня коммуникативной компетентности обучаемого, что, будучи «вне этики», по мнению некоторых коллег-риторов, ничем по сути не отличается от умений грамотного успешного манипулятора.

Настоящую боль у К. Ф. вызывала распространенность равнодушной, демонстрируемой *толерантности* как в науке, так и в жизни (точка зрения, очень отличающаяся от еще недавно модной «западнической»): «На место горячих споров, конфликтных (в хорошем смысле этого слова) дискуссий пришла вялотекущая толерантность, где за плохо скрываемым неприятием чужого мнения просвечивает неприязнь к новым подходам и страх перед свежими идеями» [Седов 2009а: 26]. С этим солидаризируется и В. М. Алпатов:

В последние десятилетия по миру распространился так называемый постмодернистский взгляд, отрицающий существование истины, в том числе научной, по сути, признающий право высказывать какие угодно взгляды. Вот что писал, например, в Интернете литературовед В. Руднев: «В конце XX в. труды Марра постепенно стали реабилитировать.... Это происходило при смене научных парадигм, при переходе от жесткой системы структурализма к мягким системам постструктурализма и постмодернизма, где каждой безумной теории находится свое место». И справедливо осужденная К. Ф. Седовым равнодушная толерантность тесно связана с признанием равенства научно обоснованных и безумных теорий, с отвлечением к поискам истины, рождаемой в спорах [Алпатов 2012: 122].

В то же время нельзя не отметить, что эти идеи К. Ф., конечно, и очень высоки, и гуманистичны — но вряд ли абсолютно лингвистически корректны в том отношении, что актуализаторский тип выделялся им как *универсалия*: во-первых, это именно *идеал*, а отсюда — не так уж велика надежда встретить его в чистом, концентрированном и продолжительном по времени виде, во-вторых, это явление *русское*. По сути, К. Ф. говорил о неуниверсальных и очень значимых для русской культуры концептах наподобие таких, как уже широко изученные (*хорошие*) *отношения, уважение, искренность, дружба* (см. [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]), и в конечном счете описал **русский коммуникативный идеал**, который, судя по всему, актуализаторский тип коммуникативного поведения представляет собой в русской культуре — но не может считаться таким для других культур.

Например, очень трудно представить, что в английском или японском коммуникативном поведении была бы признана «хорошей», гармонизирующей (и даже просто допустимой) такая форма речи, которую исследователь считает кооперативно-актуализаторской:

- Эх / жизнь наша поганая / мать... <неценз.>!
- Да уж / <неценз.> жизнь! За... <неценз.> совсем!
- Ты меня понял! [Седов 2000: 307].

По-видимому, среди коммуникативных типов английской речевой культуры вообще не будет специального места для кооперативного актуализатора в понимании К. Ф. Седова как достаточно типичного явления данной культуры.

Соответственно, понятие актуализатора закладывает новые важные измерения для изучения русской коммуникативной культуры — системы русских коммуникативных ценностей, представлений о коммуникативном идеале, концептах *друг* и *общение друзей* через призму его речеванровой структуры и идеологических доминант. (Мою попытку применить понятие актуализатора к исследованию общения *друзей* в русской культуре см. в [Дементьев 2012].)

*

Конечно, многие очень важные, принципиальные для целостной лингвистической / филологической концепции К. Ф. положения, конкретные работы не были названы и проанализированы здесь. К. Ф. был очень многообразен и богат на идеи, которые, как уже было сказано, обогатили разные области и направления лингвистики, шире — гуманитарной науки. Некоторые из этих идей к тому же весьма далеки от непосредственных научных интересов автора этих строк — возможно, я слишком привык видеть в К. Ф. соратника-жанроведа, начиная с нашего совместного учебного пособия «Социопрагматический аспект теории речевых жанров» (1998), потом долгие годы мы с К. Ф. были в редакционных коллегиях саратовских «Жанров речи» (1997—2011), московской «Антологии речевых жанров» (2007)... Настоящая статья, естественно, не претендует на полноту охвата, «объективный взгляд с птичьего полета». Боюсь, не самым лучшим образом на моей объективности сказались и то, что К. Ф. долгие годы был не только моим соратником, но и настоящим, близким другом — какая уж тут «объективность»! Поэтому я охотно предоставляю коллегам-психо-

лингвистам, коллегам-онтолингвистам, коллегам-литературоведам и т. д. возможность сказать более точно и основательно о соответствующих концепциях К. Ф. Так, несомненно, еще предстоит по-настоящему оценить 1) типологию речевых жанровых разновидностей *разговора* и их место в речевом онтогенезе ребенка (см. диссертацию его аспирантки О. В. Кошечевой «Речевые жанровые аспекты становления коммуникативной компетенции в онтогенезе» [2012], которая была завершена и защищена уже после смерти К. Ф.); 2) типологию коммуникативных смыслов, включая художественные (она где-то пересекается с известной моделью И. Р. Гальперина, где-то — Г. И. Богина, М. Ю. Федосюка). В целом одним из наиболее принципиальных моментов названных моделей, восходящих к сформулированной М. М. Бахтиным идее о существовании типов жанров / текстов, различающихся степенью своей жесткости / свободы, является представление о том, что степень жесткости текста прямо связана с особенностями интерпретативной деятельности адресата речи — точнее, интенсивность интерпретативной деятельности адресата речи обратно пропорциональна этой степени жесткости. Именно эта идея лежит в основе классификаций «текстовых смыслов», предлагаемых К. Ф. [Седов 1993: 5—15].

Наконец, как не вспомнить книги, которые вышли под редакцией К. Ф. (среди них — труды многих замечательных ученых: И. Н. Горелова, Н. И. Жинкина, М. М. Бахтина), а также многочисленные конференции, семинары, кружки, которые К. Ф. вел в течение многих лет... В целом тема «К. Ф. как организатор науки» ждет самостоятельного исследования (возможно — целой серии, возможно — диссертационных).

Настоящее осмысление творческого наследия К. Ф. еще только начинается. Этому будут способствовать и уже вышедшие работы коллег К. Ф. о нем, названные здесь, и будущие книги избранных трудов самого К. Ф., которых — надеюсь, верю! — будет много. Ибо, как часто говорил и в соответствии с чем всегда *жил* К. Ф., «хорошая научная идея (книга, статья, лекция) уменьшает количество зла на земле».

Литература

- Алпатов 2005 — Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Алпатов 2012 — Алпатов В. М. Лингвистика вчера и сегодня: Размышления над статьей К. Ф. Седова «Языкознание. Речеведение. Генри-

- стика» // *Жанры речи*. Вып. 8. Жанр и творчество. М.; Саратов: Лабиринт, 2012. С. 109—122.
- Бахтин 1927 — *Волошинов В. Н.* (*Бахтин М. М.*). Фрейдизм. М., 1993.
- Бахтин 1996 — *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // *Бахтин М. М.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1996. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов.
- Березович 2007 — *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007.
- Власова 2005 — *Власова Е. В.* Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- Возрастная психоллингвистика 2004 — *Возрастная психоллингвистика: Хрестоматия*. Учебное пособие / Сост. К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2004.
- Горелов, Седов 1997 — *Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психоллингвистики. М.: Лабиринт, 1997.
- Данилова 2003 — *Данилова Е. С.* Поэтика повествования в романах В. В. Набокова: лингвостилистический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003.
- Даштоян 2005 — *Даштоян Е. Н.* Становление дискурсивного мышления при овладении вторым языком в условиях учебного двуязычия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- Дементьев, Седов 1998 — *Дементьев В. В., Седов К. Ф.* Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов: Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1998.
- Дементьев 2010 — *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010.
- Дементьев 2012 — *Дементьев В. В.* Понятия «актуализатор» и «актуализаторство» в парадигме когнитивной генристики (на материале общения друзей в т/с «Глухарь») // *Жанры речи*. Вып. 8. Жанр и творчество. М.; Саратов: Лабиринт, 2012. С. 60—99.
- Зализняк и др. 2005 — *Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Кожина 1999 — *Кожина М. Н.* Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // *Жанры речи*. Вып. 2. Саратов: Колледж, 1999.
- Кожина 2010 — *Кожина М. Н.* О некоторых основных вопросах речеведения // *Слово есть дело*. СПб.: Сударыня, 2010.
- Кошечеева 2012 — *Кошечеева О. В.* Речезанровый аспект становления коммуникативной компетенции в онтогенезе: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012.

- Общая психолингвистика 2003 — Общая психолингвистика: Хрестоматия. Учебное пособие / Сост. К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2003.
- Пузырёв 2012 — Пузырёв А. В. О К. Ф. Седове — человеке и ученом // Коммуникация. Мышление. Личность: Матер. междунар. науч. конференции, посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. Саратов: Наука, 2012. С. 43—52.
- Салимовский 2012 — Салимовский В. А. О речеведческой концепции Константина Федоровича Седова // Коммуникация. Мышление. Личность: Матер. междунар. науч. конференции, посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. Саратов: Наука, 2012. С. 52—62.
- Седов 1987 — Седов К. Ф. Становление синтаксического строя устных спонтанных монологов (на материале детской речи): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987.
- Седов 1993 — Седов К. Ф. О природе художественного текста // АРТ. Альманах исследований по поэтике. Вып. 1. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1993.
- Седов 1999а — Седов К. Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: Дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 1999.
- Седов 1999б — Седов К. Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) // Вопросы стилистики. Вып. 28. Саратов: Изд-во СГУ, 1999.
- Седов 2000 — Седов К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000.
- Седов 2001 — Седов К. Ф. Жанр и коммуникативная компетенция // Хорошая речь. Саратов: Изд-во СГУ, 2001.
- Седов 2002 — Седов К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи. Вып. 3. Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3.
- Седов 2003а — Седов К. Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: Колледж, 2003.
- Седов 2003б — Седов К. Ф. Общая психолингвистика и ее место в пространстве ФЛ-науки (предисловие составителя) // Общая психолингвистика: Хрестоматия. Учебное пособие / Сост. К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2003.
- Седов 2003в — Седов К. Ф. О манипуляции и актуализации в речевом воздействии // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 3. Саратов: Изд-во СГУ, 2003.

- Седов 2004а — *Седов К. Ф.* Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004.
- Седов 2004б — *Седов К. Ф.* Предисловие // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. Учебное пособие / Сост. К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2004.
- Седов 2004в — *Седов К. Ф.* Речевой онтогенез как предмет ФЛ-науки (предисловие составителя) // Возрастная психолингвистика: Хрестоматия. Учебное пособие / Сост. К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2004.
- Седов 2006 — *Седов К. Ф.* Жанры «праздноречевой» коммуникации: *болтовня, светская беседа, разговор по душам* // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 6. Саратов: Изд-во СГУ, 2006.
- Седов 2007а — *Седов К. Ф.* Дискурсно-жанровое членение речи как альтернативная стилистика // Текст. Дискурс. Жанр: Матер. Межрегион. науч.-практич. конф. Балашов: Николаев, 2007.
- Седов 2007б — *Седов К. Ф.* К основаниям лингвистики индивидуальных различий (о принципах речевого портретирования) // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 7. Саратов: Изд-во СГУ, 2007.
- Седов 2007в — *Седов К. Ф.* Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007.
- Седов 2007г — *Седов К. Ф.* Анекдот // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007.
- Седов 2007д — *Седов К. Ф.* Разговор // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007.
- Седов 2007е — *Седов К. Ф.* Ссора // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007.
- Седов 2007ж — *Седов К. Ф.* Принципы построения современной отечественной психолингвистики // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5.
- Седов 2008а — *Седов К. Ф.* Теоретическая модель психолингвоперсонологии // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7.
- Седов 2008б — *Седов К. Ф.* Онтопсихолингвистика: Становление коммуникативной компетенции человека. Учебное пособие. М.: Лабиринт, 2008.
- Седов 2009а — *Седов К. Ф.* Языкознание. Речеведение. Генристика // Жанры речи. Вып. 6. Жанр и язык. Саратов: Наука, 2009.
- Седов 2009б — *Седов К. Ф.* М. М. Бахтин — знамя отечественной антропологической лингвистики (предисловие) // *Бахтин М. М.* Антропологическая лингвистика: Избранные труды / Под ред. К. Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2009.

- Седов 2009в — *Седов К. Ф.* Нейропсихоллингвистика. Учебное пособие. М.: Лабиринт, 2009.
- Седов 2010а — *Седов К. Ф.* Модель коммуникативной компетенции (онтологический, аксиологический, гносеологический аспекты) // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 10. Саратов: Изд-во СГУ, 2010.
- Седов 2010б — *Седов К. Ф.* Зависть и стратегии построения межличностного общения // Психология социального взаимодействия в изменяющемся мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саратов, 7—8 октября 2010 г. Ч. II. / Под ред. Р. М. Шамионова, Т. В. Бесковой. Саратов: Наука, 2010.
- Седов 2010в — *Седов К. Ф.* Психология понимания и зависть // Вопросы этической психологии: Сборник научных трудов / Под ред. Т. В. Бесковой. Саратов: Наука, 2010.
- Седов 2011а — *Седов К. Ф.* Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: Лабиринт, 2011.
- Седов 2011б — *Седов К. Ф.* Иррациональное воздействие в межличностном дискурсе: Внушение в повседневной коммуникации. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011.
- Седов 2011в — *Седов К. Ф.* Речевжанровая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности // Жанры речи. Вып. 7. Жанр и языковая личность. Саратов: Наука, 2011.
- Седов 2011г — *Седов К. Ф.* Compliment — речевой жанр суггестивного дискурса // Жанры речи. Вып. 7. Жанр и языковая личность. Саратов: Наука, 2011.
- Сиротинина и др. 1998 — *Сиротинина О. Б. и др.* Зависимость текста от его автора // Вопросы стилистики. Человек и текст. Вып. 27. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998.
- Социальная психоллингвистика 2004 — Социальная психоллингвистика: Хрестоматия. Учебное пособие / Сост. К. Ф. Седов. М.: Лабиринт, 2004.
- Социально-психологические аспекты 2010 — Социально-психологические аспекты становления и функционирования личности: Коллективная монография / Под ред. Р. М. Шамионова. Саратов: Наука, 2010.
- Тарасова 2012 — *Тарасова И. А.* От поэтики к лингвистике: об одном методологическом замечании К. Ф. Седова // Коммуникация. Мышление. Личность: Матер. междунар. науч. конференции, посвящен-

- ной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. Саратов: Наука, 2012. С. 62—68.
- Тюпа 2010 — *Тюпа В. И.* Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянских культур, 2010.
- Шмелева 1997 — *Шмелева Т. В.* Речеведение: в поисках теории // *Stylistyka* VI. Opole, 1997.
- Шмелева 2000 — *Шмелева Т. В.* Речеведение'2000 // Речеведение: Научно-методические тетради. № 2. В. Новгород, 2000.
- Шмелева 2012 — *Шмелева Т. В.* Улицы города с позиций психолингвистики: несостоявшийся диалог с К. Ф. Седовым // *Коммуникация. Мышление. Личность: Матер. междунар. науч. конференции, посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова.* Саратов: Наука, 2012. С. 68—79.
- Шостром 1992 — *Шостром Э.* Анти-Карнеги: Человек-манипулятор. М., 1992.

В. В. Дементьев

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверинцев 1972 — *Аверинцев С. С.* «Аналитическая психология» К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике. М., 1972.
- Аверинцев 1987 — *Аверинцев С. С.* Филология // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
- Адлер 1997 — *Адлер А.* Наука жить. Киев, 1997.
- Аксиологическая лингвистика 2005 — Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажи. Волгоград, 2005.
- Алексеева 1996 — *Алексеева Н. Г.* Психологический тип личности и многоуровневое тема-рематическое структурирование текста // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 4. Семантика и коммуникация. СПб., 1996.
- Анисимова 2000 — *Анисимова Т. В.* Типология жанров деловой речи (риторический аспект): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2000.
- Антология речевых жанров 2007 — Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация / Под ред. К. Ф. Седова. М., 2007.
- Антонян 1995 — *Антонян Ю. М.* Жестокость в нашей жизни. М., 1995.
- Апухтин 1977 — *Апухтин В. Б.* Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
- Арутюнова 1990 — *Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Архангельская 2004 — *Архангельская Л. С.* Зависть в структуре отношений субъектов, испытывающих трудности общения: Автореф. дис. ... канд. псих. наук. Ростов-на-Дону, 2004.
- Атарова, Лескис 1976 — *Атарова К. Н., Лескис Г. А.* Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35. № 4.
- Ахутина 1989 — *Ахутина Т. В.* Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. М., 1989.
- Багдасарян 2005 — *Багдасарян Т. М.* Речевое поведение врачей-психотерапевтов (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005.

- Балаш 1968 — *Балаш Б.* Кино. Становление и сущность нового искусства. М., 1968.
- Бандура 2000 — *Бандура А.* Подростковая агрессия: Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М., 2000.
- Барнет 1985 — *Барнет В.* Проблемы изучения жанров устной научной речи // Современная русская устная научная речь. Т. 1. Общие свойства и фонетические особенности. Красноярск, 1985.
- Бахтин 1972 — *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
- Бахтин 1975 — *Бахтин М. М.* Слово в романе // *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975.
- Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бахтин 1990 — *Бахтин М. М.* Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Бахтин 1996 — *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // *Бахтин М. М.* Собрание сочинений в семи томах. М., 1996. Т. 5.
- Бахтин 1998 — *Бахтин М. М.* (*Волошинов В. Н.*) Марксизм и философия языка // *Бахтин М. М.* Тетралогия. М., 1998.
- Бахтин 2000 — *Бахтин М. М.* О границах поэтики и лингвистики // *Бахтин М. М.* [под маской] Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000.
- Бахтин 2004 — *Бахтин М. М.* Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке // *Общая психолингвистика: Хрестоматия.* М., 2004.
- Бахтин 2010 — *Бахтин М. М.* (*Волошинов В. Н.*). Антропологическая лингвистика: Избранные труды. М., 2010.
- Бейлинсон 2001 — *Бейлинсон Л. С.* Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
- Бейлинсон 2009 — *Бейлинсон Л. С.* Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: на материале коммуникативной практики логопедов: Дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2009.
- Белл 1980 — *Белл Р.* Социоллингвистика. М., 1980.
- Бельтюков 1977 — *Бельтюков В. И.* Взаимодействие анализаторов в процессе восприятия и усвоения устной речи (в норме и патологии). М., 1977.
- Бельчиков 1997 — *Бельчиков Ю. А.* Литературный язык // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
- Бердяев 1992 — *Бердяев Н. А.* Русская идея // Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. СПб., 1992.

- Берковиц 2001 — *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. М.; СПб., 2001.
- Берн 1997 — *Берн Э.* Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы. СПб., 1997.
- Бескова 2009 — *Бескова Т. В.* Психология социальных коммуникаций. Саратов, 2009.
- Бескова 2010 — *Бескова Т. В.* Зависть и фрустрация // Социально-психологические аспекты становления и функционирования личности. Саратов, 2010.
- Бехтерев 2001 — *Бехтерев М. В.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 2001.
- Богин 1984 — *Богин Г. И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1984.
- Богин 1986 — *Богин Г. И.* Типология понимания текста. Калинин, 1986.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 — *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2.
- Большой психологический словарь 2004 — Большой психологический словарь / Сост. Б. Мещеряков, В. Зинченко. М.: Олма-пресс, 2004.
- Борботько 1996 — *Борботько В. Г.* Игровое начало в деятельности языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Борботько 1998 — *Борботько В. Г.* Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): Дис. ... док. филол. наук. Краснодар, 1998.
- Борисова 2001 — *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001.
- Брагина, Доброхотова 1981 — *Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А.* Функциональные асимметрии человека. М., 1981.
- Брандес 1971 — *Брандес Н. П.* Стилистический анализ: На материале немецкого языка. М., 1971.
- Брудный 1998 — *Брудный А. А.* Психологическая герменевтика. М., 1998.
- Бэрон, Ричардсон 1997 — *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб., 1997.
- Варнавских 2004 — *Варнавских Н. В.* Типологические черты речевого поведения русско- и англоговорящих адвокатов (прагмалингвистический подход): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004.
- Вежбицкая 1997 — *Вежбицкая А.* Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997.

- Винарская 1987 — *Винарская Е. Н.* Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии. Периодизация раннего развития. Эмоциональные предпосылки освоения языка: Книга для логопедов. М., 1987.
- Винокур 1993 — *Винокур Т. Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1993.
- Выготский 1982 — *Выготский Л. С.* Мышление и речь // *Выготский Л. С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 2.
- Гаспаров 1996 — *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Гвоздев 1961 — *Гвоздев А. Н.* Вопросы изучения детской речи. М., 1961.
- Гегель 1968 — *Гегель Г. В. Ф.* Эстетика. В четырех томах. Т. 1. М., 1968.
- Глухов 2005 — *Глухов В. П.* Основы психолингвистики. М., 2005.
- Гольдин 1997 — *Гольдин В. Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Дис. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. Саратов, 1997.
- Гольдин, Сиротинина 1997 — *Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б.* Речевая культура // *Русский язык. Энциклопедия.* М., 1997.
- Горелов 1974 — *Горелов И. Н.* Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.
- Горелов 1977 — *Горелов И. Н.* Проблемы функционального базиса речи: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1977.
- Горелов 1987 — *Горелов И. Н.* Вопросы теории речевой деятельности (Психолингвистические основы искусственного интеллекта). Таллин, 1987.
- Горелов 2003 — *Горелов И. Н.* Избранные труды по психолингвистике. М., 2003.
- Горелов, Седов 2001 — *Горелов И. Н., Седов К. Ф.* Основы психолингвистики. М., 2001. (2.-е изд. 2004; 3-е изд. 2005; 4-е изд. 2010.)
- Горошко 2003 — *Горошко Е. И.* Языковое сознание: гендерная парадигма. М.; Харьков, 2003.
- Гридина 1996 — *Гридина Т. А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
- Девятайкин 1992 — *Девятайкин А. И.* Устная речь писателей и ученых. Соотношение общеустного и функционально-стилевого. Саратов, 1992.
- Дейк 1989 — *Дейк ван Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Дементьев 1999 — *Дементьев В. В.* Фатические речевые жанры // *Вопросы языкознания.* 1999. № 1.

- Дементьев 2001 — *Дементьев В. В.* Основы теории непрямой коммуникации: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2001.
- Дементьев 2006 — *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация. М., 2006.
- Дементьев 2007а — *Дементьев В. В.* Аспекты проблемы «жанр» и «культура» // Жанры речи. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов, 2007.
- Дементьев 2007б — *Дементьев В. В.* Изучение речевых жанров в России: Аспект формализации социального взаимодействия // Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация. М., 2007.
- Дементьев 2010 — *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М., 2010.
- Дементьев, Седов 1999 — *Дементьев В. В., Седов К. Ф.* Теория речевых жанров: социопрагматический аспект // *Stylistyka VIII*. Opole, 1999.
- Дементьев, Фенина 2005 — *Дементьев В. В., Фенина В. В.* Когнитивная лингвистика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов, 2005.
- Детская речь 1996 — *Детская речь: Материалы к библиографическому указателю.* СПб., 1996.
- Доблаев 1969 — *Доблаев Л. П.* Логико-психологический анализ текста (На материале школьных учебников). Саратов, 1969.
- Доблаев 1982 — *Доблаев Л. П.* Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М., 1982.
- Доблаев 1987 — *Доблаев Л. П.* Анализ и понимание текста. Саратов, 1987.
- Добрович 1987 — *Добрович А. Б.* Воспитателю о психологии и психогигиене общения. М., 1987.
- Долинин 1978 — *Долинин К. А.* Стилистика французского языка. Л., 1978.
- Доценко 2000 — *Доценко Е. Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 2000.
- Дридзе 1980 — *Дридзе Т. М.* Язык и социальная психология. М., 1980.
- Дридзе 1984 — *Дридзе Т. М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
- Елистратов 1994 — *Елистратов В. С.* Арго и культура // *Елистратов В. С.* Словарь московского арго. М., 1994.
- Елистратов 1995 — *Елистратов В. С.* Арго и культура. М., 1995.
- Енина 1999 — *Енина Л. В.* Катартический характер речевой агрессии в сверхтексте лозунгов и источники ее смягчения // Вопросы стилистики: Антропоцентрические исследования. Вып. 28. Саратов, 1999.
- Ерофеева 1991 — *Ерофеева Т. И.* Опыт исследования речи горожан (территориальный, социальный и психологический аспекты). Свердловск, 1991.
- Ерофеева 1996 — *Ерофеева Т. И.* Стратификационное описание речи горожанина в параметрах социобиологических характеристик //

- Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. Вып. 4. Семантика и коммуникация. СПб., 1996.
- Жанры речи 1997 — Жанры речи. Вып. 1. Саратов: Колледж, 1997.
- Жанры речи 1999 — Жанры речи. Вып. 2. Саратов: Колледж, 1999.
- Жанры речи 2002 — Жанры речи. Вып. 3. Саратов: Колледж, 2002.
- Жанры речи 2005 — Жанры речи. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов: Колледж, 2005.
- Жанры речи 2007 — Жанры речи. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007.
- Жельвис 1997 — *Жельвис В. И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М., 1997.
- Жинкин 1971 — *Жинкин Н. И.* Психология киновосприятия // Кинематограф сегодня. Вып. 2. М., 1971.
- Жинкин 1998 — *Жинкин Н. И.* Развитие письменной речи учащихся 3—7 классов // *Жинкин Н. И.* Язык — речь — творчество (Избранные труды). М., 1998 [1956].
- Жинкин 2009 — *Жинкин Н. И.* Психолингвистика: Избранные труды. М., 2009.
- Жура 2008 — *Жура В. В.* Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении. Волгоград, 2008.
- Загоруйко 1999 — *Загоруйко Ж. С.* Профессиональный «портрет» малой социальной группы: структурно-семантическое и стратификационное описание: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1999.
- Залевская 1999 — *Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. М., 1999.
- Зверева 1995 — *Зверева Е. В.* Коммуникативно-речевая ситуация «Комплимент»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
- Земская 1996 — *Земская Е. А.* Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 3.
- Зимбардо, Ляйппе 2001 — *Зимбардо Ф., Ляйппе М.* Социальное влияние. СПб., 2001.
- Зимняя 1985 — *Зимняя И. А.* Вербальное мышление (психологический аспект) // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.
- Зимняя 2001 — *Зимняя И. А.* Лингвопсихология речевой деятельности. М.; Воронеж, 2001.
- Знаков 2007 — *Знаков В. В.* Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М., 2007.
- Знаков 2009 — *Знаков В. В.* Западные и русские традиции в понимании лжи: размышления российского психолога // *Экман П.* Психология лжи. СПб., 2009.

- Иванов 1916 — *Иванов В. И.* Достоевский и роман-трагедия // *Иванов В. И.* Борозды и межи. Опыты эстетические и критические. М., 1916.
- Иванов 1975 — *Иванов В. В.* Функции и категории языка кино // Труды по знаковым системам. Вып. 7. Тарту, 1975.
- Ильин 2004 — *Ильин Е. П.* Психология индивидуальных различий. СПб., 2004.
- Ильин 2009 — *Ильин Е. П.* Психология общения и межличностных отношений. СПб., 2009.
- Исенина 1986 — *Исенина Е. И.* Дословесный период развития речи у детей. Саратов, 1986.
- Иссерс 2009 — *Иссерс О. С.* Речевое воздействие. М., 2009.
- Карасик 1992 — *Карасик В. И.* Язык социального статуса. М., 1992.
- Карасик 1999 — *Карасик В. И.* Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград, 1999.
- Карасик 2002 — *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
- Карасик 2007 — *Карасик В. И.* Языковые ключи. Волгоград, 2007.
- Караулов 1987 — *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Кареева 2009 — *Кареева Э.* Феномен зависти: палач и жертва в одном чувстве. Электронный ресурс: psyfactor.org/lib/envy
- Кибрик 1992 — *Кибрик А. А.* Местоимения как дейктическое средство // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
- Кирилина 1999 — *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.
- Клюев 2002 — *Клюев Е. В.* Речевая коммуникация: Успешность речевого взаимодействия. М., 2002.
- Кожина 1998 — *Кожина М. Н.* Речеведческий аспект теории языка // Stylistyka. VII. Opole, 1998.
- Кожина и др. 2008 — *Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А.* Стилистика русского языка. М., 2008.
- Корман 1972 — *Корман Б. О.* Изучение текста художественного произведения. М., 1972.
- Костомаров 2005 — *Костомаров В. Г.* Наш язык в действии: Очерки русской стилистики. М., 2005.
- Кочеткова 1999 — *Кочеткова Т. В.* Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: Дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 1999.

- Красных 2003 — *Красных В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
- Крейдлин 2002 — *Крейдлин Г. Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002.
- Криницын 2001 — *Криницын А. Б.* Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф. М. Достоевского. М., 2001.
- Крысин 1989 — *Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Крысин 2007 — *Крысин Л. П.* Социальный аспект владения языком // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. М., 2007.
- Куликова 1998 — *Куликова Г. С.* О влиянии профессии на речь актера // Вопросы стилистики. Вып. 27. Человек и текст. Саратов, 1998.
- Куницына и др. 2001 — *Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М.* Межличностное общение. СПб., 2001.
- Купина, Енина 1997 — *Купина Н. А., Енина Л. В.* О трех степенях языковой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения. Екатеринбург, 1997.
- Курганов 1997 — *Курганов Е.* Анекдот как жанр. СПб., 1997.
- Лабунская 2009 — *Лабунская В. А.* Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов-на-Дону, 2009.
- Лазуренко 2006 — *Лазуренко Е. Ю.* Профессиональное коммуникативное поведение: Экспериментальное исследование: Автореферат ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006.
- Ларина 2003 — *Ларина Т. В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. Волгоград, 2003.
- Ларина 2009 — *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.
- Лассан 2005 — *Лассан Э.* Еще раз о зависти: общечеловеческой и русской. Электронный ресурс: philology.vukhf
- Леви-Брюль 1930 — *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930.
- Левин 1992 — *Левин Ю. И.* Семиосфера Венички Ерофеева // Сборник статей к 70-летию Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992.
- Лемяскина 2004 — *Лемяскина Н. А.* Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника. Воронеж, 2004.
- Леонтович 2009 — *Леонтович О. А.* Введение в межкультурную коммуникацию. М., 2009.
- Леонтьев 1969 — *Леонтьев А. А.* Язык. Речь. Речевая деятельность. М., 1969.

- Леонтьев 1997 — *Леонтьев А. А.* Основы психолингвистики. М., 1997.
- Леонтьев 1999 — *Леонтьев В. В.* «Похвала», «лесть» и «комплимент» в структуре английской языковой личности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Лепская 1997 — *Лепская Н. И.* Язык ребенка (онтогенез речевой коммуникации). М., 1997.
- Лингвоперсонология... 2006 — Лингвоперсонология: Типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение. Барнаул; Кемерово, 2006.
- Литвак 1992 — *Литвак М. Е.* Психологическое айкидо. Ростов-на-Дону, 1992.
- Лихачев 1984 — *Лихачев Д. С.* Литература — реальность — литература: Статьи. Л., 1984.
- Личко 1999 — *Личко А. Е.* Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. М., 1999.
- Лоренц 1994 — *Лоренц К.* Агрессия (так называемое зло). М., 1994.
- Лотман 1970 — *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970.
- Лотман 1992 — *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста // *Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб., 1998.
- Лотман, Успенский 1977 — *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3.
- Лурия 1975 — *Лурия А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.
- Лурия 1979 — *Лурия А. Р.* Язык и сознание. М., 1979.
- Макаров 2003 — *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М., 2003.
- Маслоу 1997 — *Маслоу А.* Психология бытия. М., 1997.
- Материалы к библиографическому указателю 1985 — Материалы к библиографическому указателю по общепсихологическому и языковому развитию детей // Становление речи и усвоение языка ребенком. М., 1985.
- Мелетинский 1996 — *Мелетинский Е. М.* О литературных архетипах. М., 1996.
- Милехина 2001 — *Милехина Т. А.* Светская беседа // Хорошая речь. Саратов, 2001.
- Милехина 2006 — *Милехина Т. А.* Российские предприниматели и их речь (образы, концепты, типы речевых культур). Саратов, 2006.
- Михальская 1996 — *Михальская А. К.* Основы риторики: Мысль и слово. М., 1996.

- Михальская 2007 — *Михальская А. К.* Русский язык: Риторика. М., 2007.
- Мишланов 1999 — *Мишланов В. А.* Предмет речеведения и его отношение к лингвистике // Речеведение. Научно-методические тетради. № 1. Новгород, 1999.
- Мишучкова 2009 — *Мишучкова И. Н.* Психология зависти // Профессия Директор. 2009. № 6.
- Моделирование языковой деятельности 1987 — Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
- Морозов 1998 — *Морозов В. П.* Искусство и наука общения: Невербальная коммуникация. М., 1998.
- Муздыбаев 1997 — *Муздыбаев К.* Психология зависти // Психологический журнал. 1997. № 6.
- Мурзин, Штерн 1991 — *Мурзин Л. Н., Штерн А. С.* Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
- Наумов 2006 — *Наумов В. В.* Лингвистическая идентификация личности. М., 2006.
- Николаева 1990 — *Николаева Т. М.* О принципе «некооперации» и/или о категории социолингвистического воздействия // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
- Ницше 1903 — *Ницше Ф.* Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. СПб., 1903.
- Новое в зарубежной лингвистике 1982 — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1982
- Новое в зарубежной лингвистике 1985 — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985.
- Новое в зарубежной лингвистике 1986а — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986.
- Новое в зарубежной лингвистике 1986б — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986.
- Норман 1991 — *Норман Б. Ю.* Лингвистика каждого дня. Минск, 1991.
- Норман 1994 — *Норман Б. Ю.* Грамматика говорящего. СПб., 1994.
- Норман 1998 — *Норман Б. Ю.* Речевая масс-культура носителя языка: от цитаты до фразеологизма // *Przegląd Rusycystyczny*. 1998. Zes. 3—4 (83—84).
- Норман 2006 — *Норман Б. Ю.* Игра на гранях языка. М., 2006.
- Овчинникова 1994 — *Овчинникова И. Г.* Ассоциации и высказывание: структура и семантика. Пермь, 1994.

- Одинокова 2004 — *Одинокова Н. Ю.* Специфика профессионально детерминированных ассоциативных реакций. Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004
- Олянич 2004 — *Олянич А. В.* Презентационная теория дискурса. Волгоград, 2004.
- Орлова 1997 — *Орлова Н. В.* Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра // *Жанры речи.* Вып. 1. Саратов, 1997.
- Осина 2001 — *Осина А. В.* Среднелитературная речевая культура: ее роль и место в современной русской речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
- Панасюк 2002а — *Панасюк А. Ю.* А что у него в подсознании? Двенадцать уроков по психотехнологии проникновения в подсознание собеседника. М., 2002.
- Панасюк 2002б — *Панасюк А. Ю.* Как убеждать в своей правоте: Современные психотехнологии убеждающего воздействия. М., 2002.
- Панасюк 2007 — *Панасюк А. Ю.* Психология риторики: Теория и практика убеждающего воздействия. М., 2007.
- Попова, Стернин 2001 — *Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
- Поршнева 2009 — *Поршнева Б. Ф.* О начале человеческой истории. М., 2009.
- Пропп 1976 — *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976.
- Психолингвистика 2006 — *Психолингвистика* / Под ред. Т. Н. Ушаковой. М., 2006.
- Психология человека 2002 — *Психология человека от рождения до смерти.* СПб., 2002.
- Реан 1996 — *Реан А. А.* Агрессия и агрессивность личности. СПб., 1996.
- Резников 2001 — *Резников Е. Н.* Психология межличностного взаимодействия // *Психология: Учебник для гуманитарных вузов* / Под ред. В. Н. Дружинина. СПб., 2001.
- Розенблюм 1981 — *Розенблюм Л. М.* Творческие дневники Достоевского. М., 1981.
- Румянцева 1991 — *Румянцева Т. Г.* Агрессия: проблемы и поиски в западной философии. Минск, 1991.
- Русская разговорная речь 1973 — *Русская разговорная речь* / Под ред. Е. А. Земской. М., 1973.

- Русская разговорная речь 1983 — Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
- Салимовский 2002 — Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь, 2002.
- Саломатина 2002 — Саломатина М. С. Коммуникативная личность филолога (психолингвистическое исследование) Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005.
- Санников 1999 — Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Сахарный 1989 — Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику: Курс лекций. Л., 1989.
- Сахарный 1994 — Сахарный Л. В. Человек и текст: две грамматики // Человек — текст — культура. Екатеринбург, 1994.
- Седов 1998 — Седов К. Ф. Структура устного дискурса и становление языковой личности: Грамматический и прагмалингвистический аспекты. Саратов, 1998.
- Седов 1999а — Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистический аспекты. Саратов, 1999.
- Седов 1999б — Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999.
- Седов 2002 — Седов К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи. Вып. 3. Саратов, 2002.
- Седов 2003 — Седов К. Ф. О манипуляции и актуализации в речевом воздействии // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 2. Саратов, 2003.
- Седов 2004а — Седов К. Ф. Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004.
- Седов 2004б — Седов К. Ф. Речевая манипуляция как стремление к власти над человеком // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2004. Вып. 4.
- Седов 2006 — Седов К. Ф. Нейтральные жанры в коммуникативном пространстве современной России // Stylistyka XV. Opole, 2006.
- Седов 2007а — Седов К. Ф. Принципы построения современной отечественной психолингвистики // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5.
- Седов 2007б — Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве современной коммуникации // Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация. М., 2007.

- Седов 2007в — Седов К. Ф. Нейропсихоллингвистика. М., 2007.
- Седов 2008а — Седов К. Ф. Теоретическая модель психолингвоперсоналогии // Вопросы психоллингвистики. 2008. № 7.
- Седов 2008б — Седов К. Ф. Онтопсихоллингвистика. М., 2008.
- Седов 2011 — Седов К. Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. М., 2011.
- Сепир 1965 — Сепир Э. Положение лингвистики как науки // Звегинцев В. А. (ред.). История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
- Сиротинина 1995 — Сиротинина О. Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. 1995. № 4.
- Сиротинина 2003 — Сиротинина О. Б. Характеристика типов речевой культуры в свете действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 2. Саратов, 2003.
- Сиротинина 2005 — Сиротинина О. Б. Реальное функционирование русского языка в его соотношении с типами речевой культуры // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 5. Саратов, 2005.
- Скафтымов 1972 — Скафтымов А. П. «Записки из подполья» среди публицистики Достоевского // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования. М., 1972.
- Слышкин 2000 — Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.
- Слышкин 2005 — Слышкин Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи. Вып. 4. Жанр и концепт. Саратов, 2005.
- Соловьев 1991 — Соловьев В. С. Общий смысл искусства // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991.
- Сорокин и др. 1979 — Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М. Теоретические и прикладные проблемы общения. М., 1979.
- Соссюр 1977 — Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов 2008 — Степанов В. Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб., 2008.
- Стернин 2001 — Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
- Стернин 2003 — Стернин И. А. Почему русский человек не любит светское общение? // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Субботина 2007 — Субботина Н. Д. Суггестия и контрсуггестия в обществе. М., 2007.

- Тарасов 1974 — Тарасов Е. Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
- Тарасов 1991 — Тарасов Е. Ф. Введение в психолингвистику. Ч. 1. М., 1991.
- Толстой 1995 — Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Топоров 1983 — Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семиотика и структура. М., 1983.
- Топоров 1988 — Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.
- Туниманов 1980 — Туниманов В. А. Творчество Достоевского (1864—1862). Л., 1980.
- Успенский 1995 — Успенский Б. А. Поэтика композиции // Успенский Б. А. Семиотика искусства. М., 1995.
- Федосюк 1997 — Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5.
- Фенина 2005 — Фенина В. В. Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- Флоренский 1990 — Флоренский П. А. Столп и утверждение истины (I). Т. 1. М., 1990.
- Формановская 2007 — Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: Коммуникация и прагматика. М., 2007.
- Фрейденберг 1997 — Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
- Фрейденберг 1998 — Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1998.
- Фрумкина 2001 — Фрумкина Р. М. Психолингвистика. М., 2001.
- Функциональные стили 1993 — Функциональные стили и формы речи. Саратов, 1993.
- Харченко 2003 — Харченко Е. В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск, 2003.
- Хорешко 2005 — Хорешко О. Н. Жанровый аспект положительной оценки лица: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
- Хорошая речь 2001 — Хорошая речь. Саратов, 2001.
- Хорошая речь 2007 — Хорошая речь. М., 2007.
- Художественный мир 1995 — Художественный мир Венедикта Ерофеева. Саратов, 1995.
- Цейтлин 2000 — Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учебное пособие. М., 2000.

- Цивьян 1989 — *Цивьян Т. В.* О лингвистических основах модели мира (на материале балканских языков и традиций) // *Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы.* М., 1989.
- Чалдини 2001 — *Чалдини Р.* Психология влияния. СПб., 2001.
- Человеческий фактор в языке 1991 — *Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи.* М., 1991.
- Чиркова 1997 — *Чиркова О. А.* Поэтика современного народного анекдота: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997.
- Чуковский 1958 — *Чуковский К. И.* От двух до пяти. М., 1958.
- Шалина 1998 — *Шалина И. В.* Взаимодействие речевых культур в диалогическом общении: аксиологический взгляд: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.
- Шамьенова 2001 — *Шамьенова Г. Р.* Вежливость как качество хорошей речи // *Хорошая речь.* Саратов, 2001.
- Шахнарович 1999 — *Шахнарович А. М.* Детская речь в зеркале психолингвистики. М., 1999.
- Шаховский 1987 — *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.
- Шаховский 1995 — *Шаховский В. И.* О лингвистике эмоций // *Язык и эмоции.* Волгоград, 1995.
- Шейгал 1999 — *Шейгал Е. И.* Вербальная агрессия в политическом дискурсе // *Вопросы стилистики.* Вып. 28. Антропоцентрические исследования. Саратов, 1999.
- Шейгал 2000 — *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.
- Шейнов 2002 — *Шейнов В. П.* Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). М., 2002.
- Шейнов 2009 — *Шейнов В. П.* Психология манипулирования. М., 2009.
- Шипова 2003 — *Шипова Л. В.* Агрессия у подростков. Саратов, 2003.
- Шмелева, Шмелев 1999 — *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Рассказывание анекдота как жанр современной русской речи: проблемы вариативности // *Жанры речи.* Вып. 2. Саратов, 1999.
- Шмелева 1997 — *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // *Жанры речи.* Саратов, 1997.
- Шмелева 1999 — *Шмелева Т. В.* Так что же такое речь? // *Речеведение: Научно-методические тетради.* № 1. В. Новгород, 1999.
- Шмелева 2000 — *Шмелева Т. В.* Речеведение'2000 // *Речеведение: Научно-методические тетради.* № 2. В. Новгород, 2000.

- Шмелева 2004 — *Шмелева Т. В.* Речеведение в современной русистике // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2004.
- Шостром 1992 — *Шостром Э.* Анти-Карнеги: Человек-манипулятор. М., 1992.
- Щерба 1974 — *Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.
- Щербинина 2003 — *Щербинина Ю. В.* Проблемы речевой агрессии в общении школьников // Возрастное коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж, 2003.
- Юнг 1991 — *Юнг К. Г.* Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М., 1991.
- Юрьева 2006 — *Юрьева Н. М.* Проблемы речевого онтогенеза: Производное слово, диалог. Экспериментальные исследования. М., 2006.
- Leech 1983 — *Leech G. N.* Principles of Pragmatics. London; New York, 1983.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- агон 222
- агрессия 44, 49, 52, 80—97, 105, 106, 109, 112—114, 121—124, 149, 155, 158, 196, 201, 231, 244, 251, 325, 382, 386, 387, 392, 393, 395, 398, 399, 401, 405, 406
- агрессия: вербальная / невербальная 85, 231, 405
- прямая / косвенная (непрямая) 86, 105, 109, 112, 122, 196, 231
- инструментальная / неинструментальная 86—67
- инициативная / реактивная 87—88
- активная / пассивная 88—89
- непосредственная / опосредованная 89
- спонтанная / подготовленная 89—90
- эмоциональная / рациональная 90
- сильная / слабая 91—92
- враждебная / невраждебная 92—93
- адресант 68, 195, 381
- адресат 68, 70, 86, 90, 105, 107, 110, 111, 123, 142, 160, 165, 176, 178, 179, 182, 183, 190, 195, 202—206, 208, 209, 215, 262, 307, 318, 319, 328, 337, 346, 357, 381
- адресованность 70, 126, 178
- аксиологический 311, 315, 319, 323, 324, 328, 334, 336, 352, 362, 364, 389, 391, 405
- актуализатор 53, 79, 143, 144, 146, 148, 183, 194, 380—384, 386
- аллюзия 328, 329, 341, 353, 354
- амбивалентный 218, 220, 349, 356, 364
- амортизация 122, 124—126
- анекдот 5, 60, 63, 74, 108, 111, 168, 175, 184, 210—223, 232, 233, 236, 241, 252, 349, 363, 388, 398, 405
- анекдот: абстрактный 221
- народный 218—222
- о женщинах 111
- политический 216, 219
- садистский 221
- антиципация 57, 272, 274, 308
- антропологистика *см.* лингвистика

- антропологический 35, 363, 379
антропоцентрический 10, 12, 29, 34, 40, 58, 73, 224, 328, 377, 379, 380, 395
арго 63, 217, 240, 395
архетип 78, 94, 222, 314, 315, 345, 346, 353, 355, 358, 365, 399, 406
асимметрия 46—48, 203, 256, 393
аспект коммуникативной компетенции 31, 32, 35, 36, 40, 44, 46—66, 261, 263
аспект личности по Берну: Взрослый 186, 194, 197, 235, 243, 244, 254, 255, 257
    Дитя 186, 197, 235, 243, 254, 255
    Родитель 186, 190, 197, 235, 243, 254
ассоциативный эксперимент 44, 45, 264
ассоциация 186, 187, 205, 213—215, 271, 275, 313, 400
аудитория 173, 215, 251
афазия 36
аффективный фактор 90
беседа светская *см.* светская беседа
беседа семейная *см.* разговор
бессознательный 78, 128, 138, 141, 145, 155, 162, 173, 174, 211, 219, 243, 281, 282, 284, 293, 312, 314, 315, 348, 358, 365, 406
болтовня (бытовой разговор) 20, 22, 24, 51, 55, 60, 61, 74, 88, 152, 168, 169, 171, 173, 175, 181, 185, 186, 188—190, 194, 201, 213, 217, 231, 232, 241, 251, 330, 375
буффонада 348
вампиризм психологический 101, 105, 107, 114—121
вариант 16, 24, 38, 64, 113, 195—197, 215, 263, 266, 267, 269, 271, 273, 274, 279—282, 285, 288, 291, 344, 348, 367, 394
вариативность 22, 23, 61, 165, 169, 171, 176
вежливость 13, 24, 142, 143, 192—194, 198, 215, 380, 398, 405
взаимного обмена правило 128
визуально-изобразительные средства 323
внутренняя речь 55—57, 170, 265, 270, 281, 284, 305, 307, 308, 332, 371
внутрижанровые стратегии и тактики 22, 168—171, 180—184
внутринациональная речевая культура *см.* культура речевая
внушение 75—79, 100, 155, 368, 389, 393
воздействие речевое 11, 15, 30, 31, 41, 55, 75—80, 82, 83, 86—91, 93, 96—104, 106—109, 114, 120—124, 126—128, 130—139, 142—145, 147, 155, 160, 184, 186, 188, 193, 195, 200, 203—206, 208, 222, 227, 321, 367, 381, 382, 387, 389, 397, 400, 401, 403

- вопросно-ответная конструкция 88, 346
выражение согласия / несогласия 101, 143, 191
гаптика 105
гендер 35, 58, 59, 111, 114, 116, 127, 141, 150, 151, 153, 203, 394, 397
генристика 5, 9—26, 60, 166, 200, 379, 386, 388
гибридное образование 169
гипержанр 23, 61, 62, 118, 168, 169, 172, 181, 184, 185, 192, 231, 232, 241, 251, 375
глубинная смысловая структура текста 20, 56, 57, 148, 307
гносеологический 42, 376, 389
говорящий 10, 18, 22, 23, 50, 53, 55, 62, 64, 65, 70, 73—75, 90, 97, 108, 145, 159, 161, 166, 167, 169, 170—172, 176—184, 186, 188, 194, 204, 206, 208, 211—213, 215, 224, 238, 262, 270, 271, 273, 284, 289, 303, 305, 344, 368, 376, 377, 380, 394, 400
гомилетика 12
грамматика 32, 39, 55, 109, 164, 174, 275, 291, 308, 400, 402
грубость (грубоватость) 24, 90, 91, 94, 95, 100, 109, 192, 198, 199, 228, 231, 234, 236, 239, 243—245, 252, 329, 336
двуголосо́сть 326
двусмысленность 210
демонстрация интереса 53, 143, 191
демонстрация обиды 94, 96, 109, 251
денотат 317, 318, 321, 327, 330, 331, 339, 346, 354
детская речь 5, 7, 32—37, 234, 259—308, 370, 379, 387
деятельность 15, 16, 29, 42, 46, 47, 50, 54—57, 65, 66, 68, 69, 98, 99, 100, 103, 140, 151, 154, 163, 164, 167, 180, 225, 245, 254—256, 274, 307, 308, 312, 314, 340, 350, 368, 369, 376, 385, 393, 394—396, 398, 400, 404, 406
диалект 24, 40, 64, 177, 394
диалог 12, 13, 21, 45, 51, 111, 117, 124, 142, 163, 187, 194, 331—333, 341, 344, 346, 348, 355, 362, 369, 381, 390, 393, 406
диалогический 60, 144, 147, 153, 166, 168, 369—371
диалогичность 326, 345, 346
диатриба 345
диахрония 377
дискурс 5, 6, 11, 20—22, 26, 31, 32, 36, 44—46, 52, 54—56, 60, 67—162, 167, 173, 174, 176, 178—180, 205, 213, 221, 236—238, 240—242, 248—251, 254—256, 258—309, 316, 319, 344, 367, 370, 374, 376, 381, 387—389, 391—393, 396, 399, 401—403, 405
дискурс: анекдотный 213, 214, 222

- банный 200
  - бессознательный 174
  - военный 73, 171
  - деловой 22, 170, 171
  - детский 36, 261
  - информативный 184, 229, 294
  - кинематографический 319
  - лично-ориентированный (персональный, межличностный) 74, 79, 94, 97, 127—162, 166, 167, 176, 184, 185, 187, 188, 192—194, 201, 227—230, 265, 368
  - медицинский 73
  - педагогический 73, 104
  - политический 84, 94
  - профессиональный 59
  - религиозный 73
  - статусно-ориентированный (институциональный) 166, 167
  - фатический 24, 51, 61, 128, 160, 168, 169, 175, 180, 184—200, 211, 232, 240, 251, 385
  - христианский 143, 149, 382
  - художественный 316, 317
  - эго-соматический 105
  - юридический 73
- дискурсивное мышление *см.* мышление дискурсивное
- дискурсивное поведение *см.* поведение
- диссонанс когнитивный 108, 114—119, 122, 125, 128, 129, 134, 137, 138, 141, 153, 158
- диссонанс коммуникативный 84, 97, 182
- дистанция 92, 153, 161, 191, 208, 335, 336
- доброжелательность 191
- доминирование 47, 48, 99, 100, 113, 226, 255
- дружелюбие 144, 197, 381
- дружеский 62, 89, 91, 92, 130, 168, 181, 213, 231, 238—240, 243, 245, 251
- естественная письменная речь 126, 328
- жанр 5, 12, 166, 315, 345, 362, 363, 365
- жанр речи (коммуникации, общения) *см.* речевой жанр
- жанр риторический *см.* риторический жанр
- жанровая идентичность *см.* идентичность
- жанровая (речежанровая) компетенция 25, 26, 44, 57—63, 168, 368, 376
- жанровая картина мира *см.* картина мира

- жанроведение *см.* генристика
жанрово-ролевой 46, 48, 57—63
жанровое (речежанровое) мышление *см.* мышление жанровое
жанровое (речежанровое) пространство / континуум: «верх» и «низ» 62, 63, 169, 173, 174, 231
жанровые нормы 22, 25, 377
жанроид 169
жанры речи *см.* речевые жанры
жаргон 64, 233, 234, 239, 240, 243, 247, 255
жестикуляция / жестика 73, 85, 105, 144, 147, 191, 204, 205, 212, 262, 382, 402
жизненный 19, 65, 101, 118, 173, 223, 224, 230, 235, 354, 257, 317, 326, 356, 354, 368, 372, 382
зависть 5, 79, 149—162, 201, 382, 389, 391, 393, 397, 398, 400
злопожелание 86, 92, 94, 95, 109
значение 11, 19, 20, 43, 44, 55, 72, 101, 109, 110, 168, 174, 220, 246, 264, 267, 316, 319, 358, 360, 362, 365, 369, 372
игра 66, 114, 118—120, 145, 186, 212, 222, 227, 234, 243, 337, 338, 342, 393
игра языковая 65, 66, 86, 92, 191, 227, 233, 234, 247, 255, 345, 394, 400, 402
идентификация 86, 147, 152, 210, 317, 318, 400
идентичность (социальная, жанровая, внутрижанровая) 24—26, 114, 150—153, 197, 199, 200, 376, 389
идеология 18, 65, 169, 173, 218, 219, 313, 327, 328, 368, 372, 384
идиостиль 42, 57, 62, 97, 181, 188, 195, 224, 225, 236, 265
изобразительный 176, 179, 212, 213, 238, 323, 331, 347, 355, 360
иконический 176, 178, 212, 213, 238, 241, 243
иллюкуция, иллюкутивный 51, 69, 86, 87, 93, 105, 108, 158, 175, 179, 181, 184, 230
имманентный 9, 17, 318
имплицитный 110
инвариант 24, 28
инвектива (оскорбление) 74, 92, 94, 109, 188, 230, 247, 343
инвективный 188, 206, 223, 234, 241, 257, 374
институциональное общение 21, 59, 166, 171, 172, 369
интенциональная модель коммуникации 69
интенция 69, 70, 87, 89, 93, 96, 107, 160, 175, 182, 230, 249, 310, 311, 315, 316, 340, 346
интеракция 23, 40, 41, 51, 59, 60, 68, 94, 142, 165, 166, 168, 171, 172, 174, 175, 178, 180, 181, 183, 184, 186, 192, 194, 195, 212, 369
интернациональный 196

- Интернет 67, 383
интерпретация 35, 109, 150, 153, 154, 161, 194, 227, 315—324, 334, 338, 351, 362
интерфункция 218
интонация 73, 147, 177, 204, 205, 238, 289, 293, 294, 346, 351
информативная интерактивная модель 69, 75
информативный 33, 41, 175, 176, 178—180, 183, 184, 229, 232, 237, 241, 243, 248, 251, 254, 258, 280, 285, 286, 292, 294, 299, 369
информатика 74, 175
информация 47, 53, 56, 57, 68, 69, 75, 78, 79, 107, 110, 126, 142, 155, 160, 161, 164, 175, 176, 178—180, 183, 186, 188, 191, 201, 249, 254, 265, 269, 270, 273, 276, 279—281, 292, 293, 307, 308, 309
ипостась 38, 68, 114, 222, 314, 356
ирония 85, 86, 90—92, 96, 111, 181, 241, 288—294, 324, 335, 351
иррациональный 67, 76, 77, 79, 98, 103, 123, 127, 148, 152, 155, 201, 356, 364, 367, 382, 389, 403
искренность 24, 146, 147, 150, 182, 194, 195, 198, 199, 209, 344, 383
исповедальность 326, 328
исповедь 195, 328, 339, 398
канал связи / передачи 68, 79, 80, 148, 162
карнавал 220, 223, 351
карнавально-смеховое мироощущение 92, 218—223, 341, 342, 344—350, 352, 353
картина мира: языковая 65, 219
    культурная 219, 310, 313, 320
    жанровая 24, 25, 197
катарсис 85, 223, 337, 356—358, 365, 366
категории Грайса / принципы Грайса 142, 143
категория 10, 12, 14—21, 23, 27, 29, 30, 42, 45, 46, 59, 60, 68, 98, 141, 142, 151, 163, 165, 168, 172, 193, 195, 211, 270, 310, 321, 352, 354, 358, 359, 364, 365, 376, 377, 397, 398, 400
кинематографичность 346
кинесика 217
классификация 51, 86, 107, 164, 165, 226, 261, 372, 385, 387
ключевая фраза 119, 215, 219
ключевые слова 264, 265, 268, 269, 273—277, 280, 292
когезия 275
когнитивный 17, 20, 29, 44, 45, 57, 72, 308, 378, 379, 386
когнитивный диссонанс *см.* диссонанс когнитивный

- когнитология 15, 30, 377
код 57, 68, 109, 185, 308, 375, 377
код универсальный предметный (код универсально-предметный, универсальный предметный код) 30, 369
кодирование / декодирование / перекодирование (перекодировка) 54—57, 68, 177, 254, 274, 277, 281, 293, 308
кодифицированный / некодифицированный 11, 22, 64, 171, 246
коллективное бессознательное 65, 78, 94, 211, 219, 314, 315, 348, 350, 358, 365, 406
коллективный 185, 366, 382
коллоквиалистика 11, 39, 368
комизм 342
комический 348
комментарий 249, 322, 323, 328, 330, 333, 335, 336
коммуникант 51, 52, 54, 77, 89, 107, 109, 147, 175, 186, 196, 200
коммуникативная неудача (неудача в общении) 80, 146, 257
коммуникативная компетенция 10, 15, 25, 30—32, 34—37, 40, 41, 44—48, 53—59, 62—66, 73, 147, 149, 168, 171, 183, 195, 210, 225, 258, 260—263, 369, 370, 376, 377, 379, 380, 385, 387, 388
коммуникативная лингвистика *см.* лингвистика
коммуникативная ситуация 21, 61, 62, 69, 70, 74, 85, 90, 166, 168, 169, 171, 181, 185, 194, 217, 247, 262
коммуникативная стратегия *см.* речевая стратегия
коммуникативная сфера 84, 166
коммуникативная цель 50, 54, 69, 120, 160, 203—205, 209
коммуникативное (психологическое) айкидо 106, 121—127
коммуникативное взаимодействие 39, 41, 85, 143, 166, 169, 183, 196, 211, 231
коммуникативное воздействие 76, 79
коммуникативное намерение 54, 55, 89, 107, 150, 185, 186, 204
коммуникативное поведение 44—47, 52—54, 58, 63, 231, 263, 380, 383
коммуникативное пространство (континуум) 20, 23—26, 80, 84, 91, 97, 161, 165, 173, 193
коммуникативный идеал 142, 149, 194, 383
коммуникативный континуум 12
коммуникативный конфликт 24, 49, 85, 97, 152, 180, 231, 232, 234, 241
коммуникативный лидер 187, 188, 226, 230, 232, 237
коммуникативный партнер 51—53, 79, 87, 91, 104, 106, 108, 112, 127, 130, 144, 146—148, 159, 161, 183, 186, 230, 232, 241, 381, 382
коммуникативный садизм *см.* садизм коммуникативный

- коммуникация 10—13, 15, 17, 18, 23, 24, 26, 29, 30, 37, 39, 41—43, 51, 52, 62, 64, 66—71, 73—75, 80, 83, 84, 86, 93, 95, 102—105, 109, 110, 136, 142, 143, 149, 155, 162, 164—167, 171—176, 181, 182, 185, 186, 192, 194, 201, 210—213, 219, 224, 226, 234, 238, 240, 241, 243, 246, 253, 254, 259, 310, 311, 316, 318, 328, 368, 371, 372, 376, 388, 389, 394, 395, 397, 398
- комплиментарность общения 111, 191
- композиционная завершенность 267, 269—272, 275, 276, 284
- композиция 70, 166, 268, 293, 303, 320, 404
- компонент 18, 32, 37, 68, 72, 73, 86, 105, 147, 176, 182, 192, 204, 238, 317—319, 325, 372
- компрессия 57, 254, 276, 277, 279, 308
- конвенциональность 165, 191
- коннотация 11
- констатация 47, 55, 110, 206
- констатация некомпетентности 94, 95, 109
- контекст 18, 65, 68, 96, 220, 275, 371, 372
- континуум 10, 12, 16, 18, 21, 29, 30, 32, 37, 62, 70, 79, 91, 97, 126, 155, 169, 173—175, 201, 202, 231, 310, 311, 316, 354, 377
- контрманипуляция 120—127
- контроль 62, 77, 113, 118, 155, 181, 192, 237, 239, 240, 242, 243, 254, 255, 372
- контрсуггестия 78
- конфликтный агрессор 52
- конфликтный манипулятор 52, 105, 108, 109
- конформный 53, 193, 380
- концепт 23, 30, 185, 192, 194, 197, 383, 384, 397, 399, 403
- концептуальное наполнение общения 185, 188, 197
- кооперативность 44, 50, 51, 53, 172, 182, 183, 184, 188, 253
- кооперативный актуализатор 53, 79, 142—149, 195, 380, 384
- кооперативный конформист 53, 193
- косвенность 50, 52, 75, 86, 96, 105, 109, 181, 207, 208, 246, 251, 256, 323, 330
- космос 315, 352, 353, 361, 369
- креольские языки 40
- культура 13, 23, 24, 59, 63, 64, 66, 71, 78, 85, 123, 151, 161, 163, 172, 174, 180, 182, 201, 212, 218, 220, 222, 236, 313—315, 340, 341, 343, 355, 362, 363, 370, 371, 383, 384, 386, 392, 396, 398, 399
- культура речевая (внутринациональная речевая культура, культура речи) 34, 63, 64, 97, 171, 181, 192, 226, 229, 236, 244, 253, 257, 258, 394, 397, 401
- культура речевая: арготическая 63

- народно-речевая 63
  - неполнофункциональная 63
  - обиходная 63
  - полнофункциональная 63
  - среднелитературная 63—66, 226, 236, 245, 401
  - элитарная 44, 63—66, 171, 226, 236, 245, 253, 401
  - куртуазный 180, 188, 201, 206, 251, 253, 374
  - левополушарный / правополушарный *см.* полушария коры мозга
  - лексика 32, 55, 72, 85, 86, 94, 95, 206, 227—229, 236, 240, 244, 247, 277, 294, 342, 344, 402
  - лимбическая система мозга 204
  - лингвистика 7—10, 14, 16, 26, 68, 84, 367, 370, 375—378, 380, 384, 385, 391, 392, 394, 400
  - лингвистика: антропоцентрическая 12, 224, 328, 379
    - дискурса 11, 25
    - индивидуальных различий 26, 42—66, 376, 388
    - когнитивная 379, 395, 401
    - коммуникативная 11, 12, 15, 16, 29, 377, 379
    - речи 9, 11, 14, 15, 377, 379
    - текста 9, 11
    - языка 14, 377
  - антропологическая 26, 70, 74, 224, 328, 370, 388, 392
  - нейролингвистика (нейропсихоллингвистика, нейро-ΨЛ) 30—32, 36—39, 261, 369, 389, 391, 399, 403
  - неолингвистика 12, 17, 70, 80, 82, 84, 97, 379
  - онтолингвистика 7, 25, 259—265, 369, 389, 403
  - паралингвистика 73
  - прагмалингвистика 12, 16, 21, 71
  - психоллингвистика 5, 7, 9—11, 14—16, 27—41, 70, 71, 97, 103, 266, 367, 369—371, 377, 379, 386—388, 394, 396, 399, 402—405
  - социоллингвистика 9, 11, 15, 165, 369, 377, 389, 392
  - суггестивная психоллингвистика 41
  - этнопсихоллингвистика 31, 41, 378, 379
- лингвокреативный 65
  - лингвокультура 161, 196, 197
  - лингвокультурология 23, 24, 189, 197, 199, 398
  - лингвокультурный типаж *см.* типаж лингвокультурный
  - лингвоперсонология (психолингвоперсонология) 26, 42, 44, 45, 380, 388, 399, 403

- лингвопоэтика 14, 377
лингвоцентрический 17, 18, 29, 34, 40
линейный 68, 295
литературный язык / литературная речь 12, 22, 64, 66, 171, 226, 229, 240, 244—246, 253, 255, 257, 392, 403
лично-ориентированный 21, 41, 79, 97
личность 10, 22, 26, 29, 31, 37, 42—66, 73, 77, 82, 83, 97, 99, 101, 102, 114, 115—118, 125, 137, 142—144, 149, 150, 152, 153, 158, 260—262, 308, 325, 340, 368, 388, 389, 391, 398, 400, 401
личность: коммуникативная 29, 42—66, 125, 402
    речевая 26, 29, 42—66
    языковая *см.* языковая личность
логопедия 34, 260, 392, 394
ложь (вранье, обман) 18, 105, 113, 114, 119, 156, 159, 160, 162, 205, 219, 344, 396
магический 10, 222, 360
макиавеллизм 101
максимы 143, 382
манипулятор 52, 99, 100, 104, 106, 108, 109, 113—122, 125, 134, 137, 141—143, 374, 383, 390, 406
манипуляция 5, 87, 98—142, 149, 155, 193, 201, 203, 205, 207—210, 323, 332, 382, 387, 395, 402
манипуляция: вербальная / невербальная 105
    инициативная / ответная 106
    инструментальная / неинструментальная 105, 127, 128
    непосредственная / опосредованная 107
    осознанная / неосознанная 106—107
    продуктивная / непродуктивная (конфликтная) 104, 105, 108—120, 127—141, 149, 205, 210
    спонтанная / подготовленная 107
массовый адресат 165, 190
матерная лексика 85, 244, 247
межкультурная коммуникация 161, 398
межличностная коммуникация / межличностное общение / межличностный дискурс 30, 41, 49, 57, 67—69, 71, 73, 75—77, 79, 98, 102, 104, 108, 110, 114, 121, 123, 126, 127, 136, 138, 140, 142, 143, 146, 149, 150, 152, 155—159, 162, 167, 184, 196, 201, 367, 369, 382, 389, 398, 403
межличностная суггестия 142, 152
межличностные отношения 79, 100, 182, 244, 397

- мениппея 345, 362, 363
мертвый язык 14
метатекст 180, 183, 248, 249, 267, 305, 322, 323, 329, 331, 336, 358
метаязык 160
метод, методика 5, 10, 11, 16, 18, 27, 33, 34, 36, 39, 42, 57, 71, 88, 97, 101, 152, 261—265, 295, 319, 332, 356, 370, 391, 392, 405
методологический 20, 28, 29, 31, 40, 45, 315
мимика 73, 105, 147, 191, 204, 205, 262
минимизация 191
мифопоэтический 222, 313, 314, 358
многоголосие 329, 341, 365
модальность 186, 187, 204, 240, 267, 322, 368, 381
моделирование 42, 43, 56, 57, 66, 177—180, 221, 229, 307, 308, 310, 317, 318, 320, 328, 331, 339, 345, 346, 400
модель 6, 14, 15, 31, 42, 44, 46, 66, 68, 69, 77, 90, 138, 142, 155, 167, 179, 190, 194, 219, 260, 265, 308—324, 357, 368, 379, 385, 388, 389, 393, 403
молчание 85, 88, 94, 96, 109, 191, 360
моралите 240, 294, 337, 347
моральный (морально-этический) 52, 99, 120, 128, 132, 223, 279, 363
мотив 49, 55, 75, 81, 89, 104, 107, 114, 115, 118, 127, 150, 152—156, 158, 186, 201, 268, 318, 322, 329, 334, 336, 337, 348, 351, 352, 354, 355, 359—361, 365
мышление 13, 14, 31, 32, 35, 37, 47, 49, 56, 76, 78, 79, 151, 160, 226, 236, 249, 307, 312—314, 325, 367, 378, 394, 396, 398
мышление: дискурсивное 6, 25, 56, 57, 65, 72, 167, 176, 177, 217, 224—226, 248, 251, 254, 255, 256, 258, 264—308, 386, 402
жанровое (речежанровое) 25, 59, 62, 167, 365
речевое (вербальное, языковое, речемышление) 15, 29, 30, 35, 45, 46, 48, 54—57, 77, 180, 212, 236, 255, 261, 375, 396
наблюдатель 353
народно-поэтическое творчество *см.* творчество народно-поэтическое
нарратив 176, 177, 180, 213, 237, 240, 257, 401
невербальный 18, 32, 67, 72, 74, 79, 85, 93, 104, 105, 108, 117, 144, 147, 164, 166, 176, 191, 204, 212, 238, 262, 372, 382, 398, 400
невротизм 101, 114, 115
нейролингвистика *см.* лингвистика
нейрофизиология 32, 37, 78
неискренность 150, 198, 199, 204, 209
нейтральная фатика 24, 51, 61, 128, 160, 168, 169, 175, 184—200, 232, 240, 251, 385

- некатегоричность 191
- ненормативный 23, 172, 234
- неолингвистика *см.* лингвистика
- неориторика *см.* риторика
- неофициальность 62, 92, 164, 165, 172, 176, 181, 189, 194, 196, 218, 219, 231, 232, 237—240, 245, 251, 294, 343
- непосредственный 22, 77, 89, 93, 107—109, 122, 126, 151, 164, 170, 172, 174, 266, 308, 361, 372
- непрямота 86, 90, 93, 109, 135, 138, 181, 207, 246, 253, 324, 395
- непубличность 164, 165, 174, 190, 194, 231, 237, 240
- неформальный 26, 40, 53, 116, 143, 144, 146—148, 165, 195, 226, 243, 369, 381, 382
- обстановка 165, 189, 223
- общение 11, 18, 19, 21, 46, 50—55, 57, 67, 72, 80, 88, 91, 92, 97, 99, 107, 114, 118, 122, 127, 131, 136, 143, 146, 152, 166, 177, 182, 186—188, 195, 197, 198, 209, 220, 226, 235, 238, 245, 250, 259, 260, 308, 310, 345, 347, 371, 375, 377, 378, 391, 395, 396, 397, 400, 405
- общение: актуализаторское (кооперативно-актуализаторское) 143—149, 380—382
- бытовое 112, 168, 172, 175, 181, 213, 217, 230, 343
- в театре 241
- вежливое 24, 199
- военное 22
- деловое 22, 246, 251
- дошкольников и младших школьников 212
- дружеское (неофициальное дружеское, гипержанр «дружеское общение») 61, 92, 168, 213, 239, 240, 243, 245
- друзей 384, 386
- жизненное 19, 173
- закрытое 189, 190
- застольное (гипержанр «застольное общение») 196, 241
- институциональное 22, 171
- интимное (интимное дружеское) 243, 245
- информативное 229, 248
- книжное 109
- конфликтное 227
- кооперативное 172, 182
- кулуарное 152, 189, 241
- литературное 12, 19

- личное 382
- лично-ориентированное 79
- межличностное 40, 41, 49, 57, 67, 69, 71, 73, 75, 76, 79, 98, 102, 104, 108, 121, 126, 133, 138, 140, 144, 145, 147—149, 152, 153, 155—162, 196, 200, 201, 367, 382, 389, 398, 403
- на общей кухне 169
- научное 171
- невербальное 204
- нейтральное 25, 196
- неофициальное 231, 240, 294
- непосредственное (непосредственное спонтанное) 22, 170, 266, 293, 294, 372
- непубличное 231
- неравноправное (асимметричное) 203
- неформальное 243
- официальное 23, 109, 165, 172, 232, 236, 237, 240, 242, 251, 266
- педагогическое 119
- письменное 79, 126
- повседневное (повседневное бытовое) 11, 23, 39, 61, 62, 67, 79, 128, 149, 162, 164, 169, 172, 173, 176, 181, 184, 210, 226, 227—230, 246, 368, 369, 372
- познавательное 19
- политическое 19
- полуофициальное 189, 232, 236
- помимовольное 240
- производственное 19
- профессиональное 236, 249, 251, 404
- публичное 23, 62, 113, 165, 172, 181, 189, 190, 236, 242
- равноправное 142
- разговорное (разговорное бытовое) 84, 94, 246, 247
- раскованное 240
- рационально-интимное 240
- репрезентативно-иконическое 213
- речевое 18, 19, 23, 68, 70, 78, 103, 204, 340
- риторическое 172, 175
- с близкими людьми 246, 247, 254, 360
- светское (гипержанр «светское общение») 174, 189—193, 196, 201, 232, 236, 241, 251, 403
- семейное (гипержанр «семейное общение») 240

- словесное 19
- статусно-ролевое 58
- телевизионное 189
- «Ты-общение» 231
- устное 23, 64, 79, 170, 172, 246, 396
- фамильярное 219
- фатическое 74, 180, 182, 183, 192, 232, 240
- художественное 19, 167
- эффективное 11, 63, 172
- языковое 18
- окулесика 105
- онтогенез 25, 30, 32—36, 259—262, 264, 265, 373, 385, 386, 388, 394, 399, 406
- онтолингвистика *см.* лингвистика
- онтологический 42, 315, 376
- ортологический 22, 44, 171, 190, 226, 237, 242, 244, 245, 246, 255, 257
- осознанность 61, 62, 90, 101, 106, 108, 150, 162, 165, 174, 179, 181, 182, 190, 192, 201, 203, 227, 234, 237, 244, 253—255, 258, 308
- остранение 352
- открытость 144
- официальность 23, 84, 92, 109, 164, 165, 170, 172, 173, 189, 206, 218, 219, 222, 232, 236—242, 245, 246, 251, 266, 342, 344, 346, 348, 349
- оценка 81, 110, 123, 154, 176—178, 180, 192, 197, 202, 207, 230, 231, 242, 264, 311, 318, 323, 326, 334, 336, 337, 372, 382
- оценка: отрицательная 134
- положительная 128, 150, 160, 202, 209
- параграфемика 126
- парадокс 11, 25, 68, 84, 121, 143, 221, 228, 241, 310
- паралингвистика *см.* лингвистика
- параметр 37, 50, 164, 178, 190, 192, 225, 226, 395
- пародия 248, 341, 342, 346, 348—351
- партиципация 313
- партнерство 99, 100
- пассивное восприятие 13, 113, 118, 264
- пассивная центрация (пассивный эгоцентрик) 52
- перцепция 145, 155, 156, 162, 286, 314, 317, 318, 321, 352, 358
- письменная речь (письменная коммуникация, письменный текст) 22, 32, 64, 67, 73, 79, 97, 107, 126, 164, 170, 226, 246, 264, 266, 308, 328, 396
- поведение 22, 35, 49, 53, 75, 78, 80, 81, 100, 104, 105, 111, 113, 118, 119, 121, 127, 135, 143, 149, 150, 152—154, 158, 159, 167, 171, 174, 188, 189, 197, 204, 244, 245, 254, 335, 336, 353, 356, 374, 381

- поведение: дискурсивное 50, 56—59, 186, 188, 231, 232, 237, 240, 257, 307
жанровое (речезанровое, внутрижанровое) 63, 169, 170, 376
коммуникативное 42, 44—47, 52—54, 59, 64, 66, 231, 380, 382—384, 398, 406
невербальное 204, 372
речевое 15, 21—23, 25, 26, 29, 31, 32, 41, 42, 47, 51—53, 57, 59, 61—63, 72, 74, 79, 96, 144, 160, 162, 164, 167, 169, 171—173, 175, 176, 180, 181, 183, 184, 189, 195, 198—200, 224—230, 234—251, 253—259, 261, 265, 294, 343, 369, 372, 374, 376, 377, 380, 382, 387, 391, 394, 404
ролевое 58, 59, 335
- повествование 177, 212, 268, 285, 289, 299, 305, 318, 321—324, 326—328, 330—332, 334—340, 345—347, 350, 351, 353, 358, 386, 391
- поговорки 65, 164
- подтекст 96, 287, 288, 292—294, 324
- позиция 13, 21, 52, 55, 57, 66, 100, 129, 149, 151, 158, 160, 166, 167, 189, 192, 203, 234, 235, 243, 244, 253, 254, 256, 257, 327, 335, 340, 364, 382
- позиция личности по Литваку: «Вы» 235, 244, 253, 257
«Мы» 235, 244, 253, 257
«Они» 235, 244, 253, 257
«Труд» 257
«Ты» 235, 244, 253, 257
«Я» 234, 235, 243, 254, 257
- полемика 16, 18, 325—327, 346
- полилог 192, 196, 200, 238
- политический 12, 19, 25, 84, 94, 164, 167, 216, 219, 252, 258, 405
- полифония 13, 364, 366
- полуофициальность 189, 228, 231, 232, 236, 237, 241
- полушария коры мозга 47, 48, 236, 256
- помимовольный 29, 77, 145, 154, 155, 201, 240, 241, 245, 251
- портрет речевой см. речевой портрет
- портретирование речевое см. речевое портретирование
- пословицы 65, 233
- постулат 81, 102, 142—149, 381, 382
- поступок 75, 76, 95, 101, 103, 110, 114, 115, 124, 125, 134, 139, 152, 154, 158, 162, 202, 211, 268, 280, 288, 318, 322, 334, 335, 338, 355
- прагмалингвистика см. лингвистика
- прагматический 54—60, 190, 211, 212, 238, 310, 311, 315, 318—320
- пралогический 77, 79, 312

- представление 9—12, 16, 21, 28, 37, 58, 63, 78, 99, 119, 149, 150, 157, 160, 161, 166, 171, 183, 194, 221, 229, 232, 241, 257, 284, 286, 289, 294, 305, 306, 308, 313, 314, 324, 328, 339, 349, 358—361, 365, 384, 385
- пресуппозиция 86, 90, 110, 187, 228, 231, 248, 269
- прецедентный текст (прецедентное высказывание, прецедентная фраза, прецедентность) 65, 166, 232, 233, 236, 242, 245, 252, 255, 258, 328, 340, 403
- принуждение 75, 100, 139
- принцип 5, 14, 18, 27, 28, 32, 42, 53, 61, 70, 88—90, 99, 101, 104, 106, 120, 121, 123, 127—130, 133—145, 149, 156, 157, 162, 164, 172, 175—179, 183, 186, 188, 194, 213, 214, 216, 221, 224, 225, 227, 237, 244, 257, 263, 267, 271, 273—275, 277, 299, 307, 315—325, 332, 334, 340, 363—365, 368, 377, 380, 387, 388, 393, 400, 402
- принципиальный 53, 149, 167, 218, 250, 311, 334, 378, 384
- проекция 63, 157, 225
- просторечие 63, 64, 66, 192, 227, 228, 234, 236, 238, 240, 243—247, 257
- противоречие 15, 18, 21, 28, 80, 101, 215, 234, 322, 335, 371, 400
- профанный 223
- психолингвистика *см.* лингвистика
- психолингвистическая конфликтология 41
- психолингвистическая норма 55, 179, 180, 183
- психологические поглаживания 101, 110, 114, 116, 117, 120, 122, 128, 141
- психологический вампиризм *см.* вампиризм психологический
- психологическое айкидо *см.* коммуникативное айкидо
- психология 9, 10, 15, 16, 28, 29, 32—38, 41, 43, 50, 70, 71, 80, 82, 98, 99, 103, 120, 124, 128, 145, 149, 158, 202, 261, 262, 332, 372, 378, 389, 391, 393, 395, 396, 398, 400, 401, 405
- психология: бытия 98, 399
- бытовая 127
  - влияния 41, 75, 369, 405
  - возрастная 33, 35
  - действующих лиц 276
  - детской речи 33, 260
  - дискурсивная 72
  - индивидуальная (индивидуальных различий, индивидуальных отличий) 50, 54, 82, 397
  - мышления 35
  - общения 12, 144, 369, 397
  - социальная 19, 26, 35, 39, 40, 71, 80, 86, 119, 150, 369, 395

- суггестивная 103, 150
- этическая 162
- психофизиология, нейропсихология 35, 46, 47, 77, 256
- публичность 22, 23, 62, 84, 113, 135, 136, 164, 165, 170, 172—175, 181, 189, 190, 196, 227, 232, 236, 237, 242, 251, 328
- равновесие (равновесия принцип) 129, 133, 158, 161, 162
- развертывание текста (замысла, темы) 267, 303
- разговор 5, 20, 24, 29, 51, 52, 55, 60, 61, 63, 74, 88, 184—201, 385, 213, 217, 231, 232, 241, 251, 330, 375, 388
  - бытовой *см.* болтовня
  - в компании 185, 192, 195—197, 199, 200, 201, 375
  - дружеский 130
  - «ни о чем» 74
  - «на лестнице (хидсайт)» 119
  - по душам 20, 24, 51, 60, 61, 63, 168, 169, 175, 181, 185, 194, 195, 197—199, 200, 201, 232, 240, 241, 245, 251, 375, 388
  - светский *см.* светская беседа
  - семейный (семейная беседа) 169, 181
- разговорная речь (разговорная бытовая речь, разговорная спонтанная речь, разговорное общение, разговорный диалог) 11, 39, 65, 84, 94, 155, 170, 173, 210, 226, 235, 246, 247, 372, 393, 401—403
- разговорный (разговорность) 11, 12, 165, 174, 226, 229, 241
- ракурс 18, 27, 39, 40, 62, 71, 102, 108, 194, 224, 255, 265, 323, 332, 348, 349, 357, 370, 376
- рассказ 63, 146, 163, 168, 174, 176—180, 184, 187, 188, 211—215, 217, 221, 229, 232, 233, 236, 246, 249, 251, 252, 264, 265, 267—273, 275—281, 283, 285, 287—296, 299, 301, 303—307, 326, 327, 330—340, 344—352, 354, 359
- рассказчик 213, 215, 307, 324, 326, 327—330, 332, 333, 335, 336, 339, 340, 345, 346, 349, 351
- рационализация 154, 155
- рационально-эвристический 180, 188, 206, 374
- рациональный 76, 77, 90, 93, 144, 145, 155, 257, 311, 366, 382
- реактивный (реактивные коммуникативные действия) 87, 88, 93, 207
- региональный 24
- регистр 258, 321, 336
- реминисценция 328, 340
- референт (референтный) 153, 275, 280
- референция 305, 400
- реципиент 85

- речевая деятельность 15, 16, 29, 42, 47, 50, 54—57, 65, 68, 69, 167, 180, 245, 274, 307, 308, 340, 369, 376, 393, 394—396, 398, 400, 404, 406
- речевая культура *см.* культура речевая
- речевая стратегия (стратегия речевая, прагматическая стратегия) 17, 22, 26, 48, 50, 54, 59, 62, 73, 149, 155—162, 169—171, 176—180, 229, 231, 237, 238, 240, 241, 243, 244, 248, 256, 257, 376, 389
- речевая стратегия: нарративная 176, 177, 180, 237, 240, 257
- объектно-аналитическая 178, 179
  - репрезентативно-иконическая 176—179, 238, 241, 243
  - репрезентативно-символическая 176—179
  - субъектно-аналитическая 178, 179
- речевая тактика 17, 22, 23, 26, 50, 51, 53, 54, 59, 61, 94—97, 104, 109, 123, 129, 141, 157, 149, 165, 168—171, 184, 187, 188, 191, 192, 194, 195, 201, 230, 241, 244, 251
- речеведение 5, 9—26, 71, 370, 385, 388, 390, 400, 405
- речевое мышление *см.* дискурсивное мышление
- речевое поведение *см.* поведение
- речевой (коммуникативный, языковой) портрет 5, 26, 42, 44, 46, 48, 56, 57, 59, 64, 66, 73, 85, 97, 206, 226—258, 265, 340, 368, 387
- речевое портретирование 5, 42, 62, 224—258, 368, 373, 388
- речевой (коммуникативный) акт 11, 16, 69—71, 89—91, 93, 94, 105—108, 250, 386, 400
- речевой жанр (жанр речи, коммуникативный жанр, жанр общения) 5, 17, 20—24, 41, 55, 57—63, 74, 86, 104, 128, 160, 163—223, 230, 340, 343, 368, 369, 371, 372, 374, 375, 377, 378, 380, 384—389, 391—396, 398, 401—405
- речевые жанры: информативные / фатические 175, 180, 184, 211, 232
- конфликтные 172, 184, 230, 232
  - культурно поддерживаемые / неподдерживаемые 24, 196, 204
  - монологические 61, 166
  - нейтральные повседневного общения 24, 51, 61, 128, 160, 168, 169, 175, 184—200, 232, 240, 251, 385
  - неофициальные (межличностного дискурса, повседневного общения, разговорной речи, бытовые, неформализованные) 22, 51, 61, 165, 172, 173, 181, 184—210, 231, 232, 240, 251, 372, 385
  - официальные (публичные, формализованные) 22, 165, 171
  - первичные / вторичные 173, 174, 368
  - письменные 22, 163—165, 170
  - риторические / нериторические (помимовольные) 62, 172, 174, 175, 181, 231, 241, 251, 257

- устные 22, 163, 165, 170
речежанровая модель 79
риторика 5, 11, 12, 34, 382, 390, 399—401
риторика: бытового общения 12
    военная 12
    деловая 12
    классическая 9
    медицинская 12
    общая 11, 12
    педагогическая 12
    политическая 12
    психориторика (ΨА-риторика) 41, 76, 161
    рекламная 12
    средств массовой информации 12
    частная 11, 12
    школьная, вузовская 12, 181
    юридическая 12
    неориторика 10—12, 15, 27, 59, 76, 97, 105, 113, 142, 189
риторический 130, 142, 146, 172, 179, 180, 182, 207, 209, 252, 255, 299, 346
риторический жанр 61, 62, 174, 175, 181, 188, 189, 194, 202, 203, 232, 241, 251, 257
ритуал 19, 78, 95, 190, 222, 360, 361, 365, 404
ритуальный 174, 189, 222
роль (социальная роль) 17, 57—59, 114—120, 146, 151, 167, 227, 235, 257, 325, 335, 359, 371
садизм коммуникативный 52, 82, 112, 113
сакральный 148, 222, 352, 353
самопрезентация 12, 27, 188, 205
самоцитация 329
светская беседа (светский разговор) 20, 22, 24, 60, 168, 170, 175, 181, 185, 188—194, 196, 197, 199, 375, 388, 399, 404
светскость 143, 174, 189—193, 196, 201, 236, 241, 251
связность 44, 56, 267, 269, 275, 276, 281, 282, 288, 289, 291, 293, 307, 313
семантика 23, 55, 56, 65, 95, 96, 157, 179, 185, 192, 194, 197, 222, 228, 307, 314, 315, 318, 329, 339, 343, 358, 391, 400, 401
семантический примитив 176, 193—195, 197, 203
семиотика 14, 43, 79, 166, 180, 231, 251, 378, 398, 404, 405
силлогизм 195

- символ 19, 140, 177, 180, 223, 229, 314, 323, 324, 329, 341, 352, 357, 358, 360—362, 403, 406
- ситуативность 45, 164, 179, 182, 209
- ситуация 19, 26, 51, 53, 56, 58, 69, 70, 76, 82—84, 87, 88, 96, 102, 109—112, 117, 119, 121—123, 125, 127, 128, 135, 140, 141, 145, 150, 152, 153, 160, 177, 180, 183, 184, 188—192, 200, 202, 206, 212, 215, 217, 218, 228, 232, 233, 235, 238—242, 251, 267, 270, 271, 275, 276, 286, 288, 292, 307, 310, 317, 323, 343, 356, 363, 364, 366, 374, 380
- ситуация общения (коммуникативная ситуация, социально-коммуникативная ситуация, ситуация социального взаимодействия, речевая ситуация) 11, 19, 22, 23, 26, 38, 52, 53, 55, 57, 61, 62, 65, 72—74, 83, 85, 90, 106, 109, 149, 166—174, 176, 181, 183, 185, 190—194, 211, 213, 220, 226, 227, 232, 236, 237, 239, 240, 245, 247, 248, 251, 254, 262, 266, 372, 374
- сквернословие 65, 85, 223, 228, 238, 244, 343, 354, 396
- смех 215, 218—222, 286, 287, 294, 342, 343, 349, 351, 352
- смеховой 92, 211, 218—220, 222, 223, 341, 342, 344, 346—351, 353
- событие 102, 153, 172, 176, 178, 180, 187, 211, 212, 216, 268, 273, 278, 279, 285, 294, 307, 317, 321, 329—332, 335, 340, 347, 355—357, 379
- событийность 206, 288, 346
- сообщение 54, 68, 70, 74, 107, 140, 166, 170, 180, 183, 184, 191, 204, 210, 254, 268
- сопереживание (эмпатия) 49, 118, 144, 147, 195, 334
- соперничество 99, 100, 153, 235
- сотрудничество 41, 100
- социальная идентичность *см.* идентичность
- социальная роль *см.* роль
- социально-прагматический (социопрагматический) 5, 21, 163—184, 371, 384, 395
- социальный статус 52, 57, 58, 102, 119, 125, 127, 132, 142, 153, 160, 161, 167, 192, 202, 203, 205, 208, 243, 254, 371, 397
- социолингвистика *см.* лингвистика
- сочувствие 53, 116, 118, 195
- спонтанный 89, 90, 93, 107, 108, 126, 170, 172, 192, 266, 267, 270, 275, 281, 284, 288, 293, 294, 305, 328, 370, 387
- спор 13, 74, 76, 116, 123, 175, 181, 191, 343, 383
- среднелитературная речевая культура *см.* культура речевая
- статус *см.* социальный статус

- стереотип (социальный стереотип) 58, 59, 66, 78, 83, 100, 111, 150, 179, 181, 189, 232, 234, 241, 243, 253
- стилистика 11, 12, 39, 40, 166, 319, 388, 395, 397
- стилистический 11, 12, 21, 190, 255, 393, 401, 402
- стиль 11, 12, 22, 43, 70, 109, 165, 166, 170, 182, 209, 235, 243, 248, 257, 328, 342, 343, 346, 347, 398, 401
- стиль функциональный 11, 12, 64, 165, 226—228, 236, 240, 245—248, 394, 404
- стратегия речевая *см.* речевая стратегия
- стратификация языковая 40, 395, 396
- структурализм в науке 375, 383
- субжанр (жанроид) 22, 60, 61, 94—97, 128, 165, 168, 169, 174, 181, 184, 187, 188, 201, 217, 230, 375
- субкультура 65, 215, 233, 236, 242, 245, 252, 255, 258, 340, 341
- субъект 78, 79, 101, 104, 109, 124, 126, 127, 136, 141, 145—147, 153, 158, 159, 269, 270, 275, 293, 295, 312, 314, 381, 391
- субъективный 70, 147, 178, 229, 238, 240, 267, 313, 316, 318, 323, 328, 332, 339, 340, 342, 347, 350, 355, 356, 365
- суггестивная психолингвистика *см.* лингвистика
- суггестивный 78, 79—162, 193, 200, 201, 389
- суггестия 5, 67, 77—162, 195, 367, 374, 381, 382, 389, 403
- сфера общения *см.* коммуникативная сфера
- сценарий коммуникативный (социальный) 88, 96, 104, 110, 114—119, 123, 136, 146, 176, 212, 235, 253, 256, 257
- табу 84—86, 94, 95, 223, 227, 238, 244, 247, 342, 344
- тайна, тайный 142, 219, 259, 311, 314, 318, 366
- тактика речевая *см.* речевая тактика
- творческий 91, 98, 99, 254, 310, 312, 324, 367, 374, 385, 386, 391, 401
- творчество (словотворчество, речетворчество) 15, 61, 65, 66, 126, 182, 210, 215, 218, 222, 310, 310, 314, 315, 322, 363, 379, 382, 392, 394, 396, 404
- творчество народно-поэтическое 222
- текст 6, 9, 11, 15, 22, 32, 43, 44, 55, 56, 61, 64, 65, 70, 72, 73, 80, 123, 133, 148, 154, 161, 165, 166, 170, 174, 176—180, 206, 214, 215, 220—222, 226, 232, 246, 252, 264—366, 372, 379, 385, 386, 387, 389, 391, 393, 395, 397, 399, 400, 402—404
- текстовость 44, 55, 57, 166, 179, 180, 183, 229
- телесный 344

- тема 41, 51—53, 55, 121, 142, 144, 146, 152, 162, 163, 177, 179, 182, 183, 186—188, 190—192, 202, 206, 213—215, 227—230, 249, 264—277, 281, 293, 295, 299, 301, 303, 307, 330, 346, 354, 357, 359—361, 369, 381, 385
- тематический 185, 187, 192, 194, 196, 206, 249, 295, 303
- темп, темпоритм 321, 322
- темперамент 46—48, 50, 226, 234—236, 245, 254, 256
- темперамент: меланхолик 46, 236
- сангвиник 46, 226, 235, 256
- флегматик 46
- холерик 46, 245, 254, 256
- территориальный 24, 40, 150
- территориальные, социальные диалекты *см.* диалект
- типаж лингвокультурный 59, 391
- типология 12, 20, 31, 44, 47, 54, 56, 60, 63, 96, 104, 165, 166, 168, 169, 173, 183, 224, 261, 319, 320, 374, 376, 380, 385, 391, 393
- толерантность 13, 33, 49, 113, 383
- тональность 23, 74, 92, 148, 172, 175, 186, 204, 218, 220, 317, 327, 342, 344, 347, 349, 350, 357
- точка зрения 11, 13, 19, 20, 30, 49—53, 62, 110, 138, 144, 149, 153, 166, 177, 183, 191, 194, 216, 244, 250, 305, 311, 319—322, 324, 327, 328, 330—340, 346, 347, 349, 352—355, 357, 363, 370, 373, 380, 383
- трагедийность 341, 342, 344, 346, 348—350
- транзакция 114, 190, 194, 197
- троп 180, 191, 207
- убеждение 75—77
- угроза 75, 86, 87, 92, 94, 96, 109, 251, 356, 357, 360, 364
- универсальный 60, 94, 138, 155, 168, 225, 315, 349, 383
- универсальный предметный (универсально-предметный) код *см.* код универсальный предметный
- унисон 182
- употребление 11, 85, 165, 174, 190, 207, 223, 227, 229, 234, 237—239, 247, 343, 344
- упрощение 152, 156, 161
- уровень 28, 46, 97, 158, 159, 172, 173, 207, 229, 235, 262, 273, 295, 318, 319, 323, 355, 365
- уровень речевой компетенции 46—66, 171, 295, 377, 380
- установка 13, 14, 51—53, 55, 66, 74, 134, 137, 143, 151, 176, 177, 179, 182, 183, 188, 192, 194, 204, 205, 230, 234, 235, 244, 250, 310, 318, 334, 380—382
- фабула 211, 222, 317, 321, 332, 338, 339, 354, 355, 365

- фактура 17
- фамильярный (фамильярно-сниженный, фамильярно-разговорный) 92, 219, 223, 226, 232, 236, 342, 343, 346, 348, 350, 354
- фатика 74, 75, 175, 176, 180, 182, 184, 185, 208, 241, 251
- филология, филологическая традиция 7, 13, 14, 16, 33, 70, 130, 211, 244, 253, 258, 384, 391
- философия 49, 66, 71, 101, 152, 163, 164, 218, 324, 326, 327, 328, 340, 341, 344, 351, 355, 363, 371, 392, 401, 403
- форма 11, 18, 34, 48, 52, 61, 64, 66, 67, 75, 79, 80, 81, 87, 88, 90, 101, 159, 162, 163, 165, 168, 175, 176, 188, 189, 195, 212, 217, 227, 235, 245, 246, 309, 314, 323, 324, 330, 335, 377, 384
- формальный, формализованный, формализация 21, 22, 40, 57, 126, 143, 165, 167, 170—172, 392, 395
- формальная логика 76
- фразеология 65, 85, 220, 400
- фрейм 167, 172, 173, 180, 194
- фрустрация 82—85, 87, 89—91, 102, 105, 107—109, 112, 114—117, 120—122, 124, 125, 127, 141, 153, 393
- функциональная стилистика *см.* стилистика
- функциональный стиль *см.* стиль функциональный
- функция 20, 37, 44, 72, 75, 78, 85, 218, 221, 234, 235, 240, 255, 262, 344, 392, 397
- хаос 352, 353
- хитрость 24, 131, 138, 150, 199, 251, 282, 296
- хронотоп 67, 89, 176, 177, 299, 310, 311, 316, 318, 320, 321, 326, 331, 338, 339, 355, 356, 358
- целостность 6—8, 43, 44, 55, 56, 68, 70—72, 77, 152, 155, 163, 201, 218, 219, 260, 267, 268, 274—276, 279—281, 286, 291, 294, 295, 299, 303, 305, 307, 310, 311, 315, 317—321, 341, 349, 351, 352, 362, 370, 384
- цель коммуникативная *см.* коммуникативная цель
- цензура 237
- ценность (ценностный) 43, 76, 99, 100, 141, 189, 317, 318, 323, 348, 352, 357, 358, 364, 382, 384, 395
- центрированность *см.* языковая личность
- цивилизация 81, 102, 315, 329, 341, 352, 358, 359, 360, 362
- цитата 65, 148, 232, 233, 236, 242, 245, 252, 255, 258, 328, 329, 340, 341, 354, 355, 400
- частотность 191, 266, 352
- чужой («чужой», «чужой голос») 13, 24, 59, 124, 151, 153, 161, 197, 229, 230, 238, 248, 249, 255, 326, 346, 376, 381, 383

- шум 68
- шутка 66, 74, 90—92, 111, 122, 184, 191, 198, 231
- экзистенциальный 211
- эксперимент ассоциативный, психолингвистический *см.* ассоциативный эксперимент
- эксплицировать, эксплицитный 158, 267, 272—274, 303, 305, 320, 347
- экспозиция 268
- экспрессивный, экспрессия 70, 95, 147, 179, 227, 228, 234, 239, 243, 245, 247, 248, 255, 257, 311
- элитарная речевая культура, элитарная языковая личность *см.* культура речевая
- эмоциональный 24, 44, 47, 49, 52, 54, 70, 75, 79, 85, 90, 91, 93, 103—106, 108, 127, 141, 145, 147, 155, 158, 160, 177, 180, 188, 191, 194, 197, 202—206, 222, 228, 235, 237—239, 241, 247, 310, 317, 382
- эмпатия 49, 147, 210
- энциклопедия 33, 392
- энциклопедия речевых жанров 5, 184—223
- эстетика 15, 365, 391, 392
- эстетика словесного творчества 15, 61, 210
- эстетический 144, 221, 222, 236, 310—312, 314—319, 323, 325, 328, 344, 358, 364, 381
- этика 382, 383
- этикет 180, 181, 189, 190, 192, 232, 237, 245, 246, 251, 253, 254
- этимология 201, 217, 227
- этнопсихолингвистика *см.* лингвистика
- эффективность коммуникации 11, 12, 23, 39, 59, 105, 107, 121, 127, 128, 138, 143, 171, 172, 178, 182, 183, 263, 321
- юмор 150, 192, 215, 218, 220, 249
- ядерный 10, 29, 55, 67, 83, 84, 86, 92, 93, 112, 188, 217, 265, 269, 273, 274—279, 281, 286, 291—293, 296, 305
- языковая игра *см.* игра языковая
- языковая картина мира *см.* картина мира
- языковая личность 5, 7, 21, 23, 25, 26, 29, 34—36, 38, 42—66, 85, 90, 97, 224—258, 286, 287, 294, 295, 307, 343, 370, 372, 374—377, 380, 387, 388, 393, 397—399, 402
- языковая личность:
- актуализаторская (кооперативный актуализатор) 53, 79, 143, 144, 146, 148, 183, 194, 380—384, 386
  - инвективная 188, 206, 223, 234, 241, 257, 374

- конфликтная 52, 105, 108, 109
конформная (кооперативный конформист) 53, 193, 380
куртуазная 180, 188, 206, 251, 253, 374
рационально-эвристическая 180, 188, 206, 374
среднелитературная 63—66, 226, 236, 245, 401
центрированная 51, 53, 183, 240
элитарная 44, 63—66, 171, 226, 236, 245, 253, 401

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аверинцев С. С. 13, 312, 366, 391
Агамиров А. 190
Адлер А. 81, 82, 152, 391
Алексеева Н. Г. 47, 391
Андреева Н. 252
Анисимова Т. В. 73, 391
Антонян Ю. М. 80, 391
Аристотель 157, 223
Арлазоров Я. 242, 252
Арутюнова Н. Д. 20, 44, 60, 69, 72, 391
Архангельская Л. С. 162, 391
Атарова К. Н. 339, 340, 391
Ахутина Т. В. 37, 38, 391
Багдасарян Т. М. 59, 391
Балаш Б. 319, 320, 350, 392
Балонов Л. Я. 39
Бандура А. 80, 83, 392
Барнет В. 60, 165, 392
Басс А. 88
Бах И. С. 362
Бахтин М. М. 14, 17—20, 39, 60, 65, 70, 71, 82, 92, 144, 149, 163, 164, 173, 174, 218—220, 309—311, 316, 317, 319, 323, 326, 329, 341, 342, 344, 346, 349, 351, 355, 362—365, 368—372, 375, 385, 386, 388, 392
Бейлинсон Л. С. 73, 392
Белл Р. 40, 369, 392
Бельтюков В. И. 34, 392
Бельчиков Ю. А. 64, 392
Бердяев Н. А. 363, 392
Берковиц Л. 80, 83, 393
Берн Э. 110, 114, 186, 197, 235, 243, 254, 393
Бескова Т. В. 68, 149, 153, 157, 389, 393
Бианки В. 277
Блок А. 252, 340
Богин Г. И. 43, 385, 393

- Бодуэн де Куртенэ И. А. 9, 10, 17, 393
Борботько В. Г. 65, 72, 393
Брагина Н. Н. 47, 393
Брежнев Л. И. 216
Брудный А. А. 266, 393
Булгаков М. А. 233, 252
Бунин И. А. 140
Бэрон Р. 80, 88, 393
Ван Гог В. 317
Варнавских Н. В. 59, 393
Вежбицкая А. 60, 176, 185, 186, 193, 195, 202, 203, 205, 211, 212, 393
Винарская Е. Н. 34, 394
Виноградов В. В. 17
Винокур Г. О. 17
Винокур Т. Г. 74, 175, 394
Выготский Л. С. 38, 370, 371, 394
Высоцкий В. С. 252
Гаспаров Б. М. 65, 224, 394
Гвоздев А. Н. 33, 34, 394
Гинзбург С. 320
Глухов В. П. 27, 394
Гоголь Н. В. 13, 252
Гольдин В. Е. 24, 63, 177, 394
Горбачев М. С. 252
Горелов И. Н. 27, 30, 33, 38, 65, 73, 79, 84, 85, 181, 266, 367, 369, 371, 386, 387, 390, 394
Горошко Е. И. 58, 394
Гридина Т. А. 65, 394
Девятайкин А. И. 59, 394
Деглин В. Л. 39
Дейк ван Т. А. 69, 394
Дементьев В. В. 6, 7, 20, 23, 24, 60, 74, 86, 109, 175, 182, 189, 371, 372, 375, 384, 386, 390, 394, 395
Дзякович Е. В. 288
Доблаев Л. П. 295, 395
Добрович А. Б. 50, 395
Доброхотова Т. А. 47, 393
Долинин К. А. 165, 395
Доллард Дж. 82

- Достоевский Ф. М. 6, 149, 194, 242, 322, 324, 325—338, 353, 355, 363—366, 392, 397, 398, 401, 403, 404
- Дридзе Т. М. 295, 395
- Дускаева Л. Р. 395
- Елистратов В. С. 397
- Енина Л. В. 84, 94, 395, 398
- Ерофеев В. В. («Веничка») 6, 338—354, 398
- Ерофеева Т. И. 42, 47, 395
- Есенин С. А. 242
- Жельвис В. И. 65, 84, 85, 223, 396
- Жинкин Н. И. 33, 38, 73, 295, 310, 371, 385, 396
- Жириновский В. В. 252
- Жирмунский В. М. 17, 396
- Жура В. В. 25, 396
- Загоруйко Ж. С. 59, 396
- Залевская А. А. 27, 30, 396
- Зализняк А. А. 383, 386
- Зверева Е. В. 201, 396
- Земская Е. А. 65, 396, 401
- Зимняя И. А. 54, 55, 73, 396
- Знаков В. В. 101, 153, 157, 159, 160, 396
- Зоценко М. М. 233
- Иванов В. В. 324, 397
- Иванов В. И. 365, 397
- Ильин Е. П. 50, 75, 397
- Ильф И. А. 242
- Исенина Е. И. 33, 35, 397
- Иссерс О. С. 76, 110, 201, 397
- Казаринова Н. В. 67, 398
- Карасик В. И. 20, 21, 25, 26, 42, 44, 59, 60, 72, 73, 166, 167, 397
- Караулов Ю. Н. 43, 65, 328, 397
- Каропова Э. 158, 397
- Карцев Р. 242, 252
- Кибрик А. А. 69, 397
- Кирилина А. В. 58, 397
- Клюев Е. В. 12, 397
- Кожина М. Н. 16, 368, 369, 386, 397
- Корман Б. О. 319, 397
- Костомаров В. Г. 166, 397

- Кочеткова Т. В. 64, 397
Красных В. В. 43, 44, 398
Крейдлин Г. Е. 79, 398
Кречмер Э. 48, 49
Криницын А. Б. 325, 398
Крысин Л. П. 57, 64, 373, 398
Кулешов Л. 319
Куликова Г. С. 59, 398
Куницына В. Н. 67, 398
Купина Н. А. 84, 398
Куприн А. И. 140
Курганов Е. 218, 398
Лаббок П. 319
Лазуренко Е. Ю. 59, 398
Ларин Б. А. 17, 398
Ларина Т. В. 23, 199, 398
Лассан Э. 157, 398
Лебедь А. 252
Левонтина И. Б. 383, 386
Лемяскина Н. А. 34, 398
Леонтович О. А. 161, 398
Леонтьев А. А. 16, 27, 29, 38, 73, 371, 398, 399
Леонтьев В. В. 202, 399
Лепская Н. И. 33, 35, 399
Лермонтов М. Ю. 115, 242
Лесскис Г. А. 339, 340, 391
Лигачев Е. К. 252
Литвак М. Е. 99, 114, 120—122, 124, 399
Лихачев Д. С. 328, 331, 353, 399
Личко А. Е. 54, 399
Лоренц К. 81, 399
Лотман Ю. М. 174, 220, 309, 319, 351, 353, 398, 399
Лурия А. Р. 33, 36, 38, 399
Макаревич А. 252
Макаров М. Л. 20, 21, 44, 72, 399
Макиавелли Н. 98, 101
Маслоу А. 98, 399
Маяковский В. В. 252
Милехина Т. А. 59, 189, 399

- Миллер Н. 82
Михальская А. К. 12, 76, 182, 201, 399, 400
Мишланов В. А. 16, 400
Мишучкова И. Н. 157, 158, 400
Моисеев И. 190
Морозов В. П. 79, 204, 400
Муздыбаев К. 157, 400
Мурзин Л. Н. 266, 400
Наумов В. В. 42, 400
Николаева Т. М. 88, 400
Никулин Ю. В. 213
Ницше Ф. 355, 365, 366, 400
Норман Б. Ю. 65, 400
Овчинникова И. Г. 33, 400
Одиноква Н. Ю. 59, 401
Окуджава Б. Ш. 252
Олянич А. В. 21, 401
Орлова Н. В. 165, 401
Осева В. А. 287
Павлов И. П. 46, 226, 236, 245
Падучева Е. В. 69, 401
Панасюк А. Ю. 76, 77, 99, 127, 161, 201, 205, 208, 401
Пастернак Б. Л. 252
Петров Е. П. 242
Платонов А. П. 322
Погольша В. М. 67, 398
Поливанов Е. Д. 17, 401
Попова З. Д. 185, 401
Поршнев Б. Ф. 78, 401
Пузырев А. В. 367, 387
Райкин А. И. 242
Реан А. А. 80, 401
Ричардсон Д. 80, 88, 393
Розенблюм Л. М. 335, 401
Румянцева Т. Г. 80, 401
Салимовский В. А. 60, 367, 368, 387, 397, 402
Саломатина М. С. 59, 402
Салтыков-Щедрин М. Е. 327
Санников В. З. 66, 402

- Сахарный Л. В. 39, 402
Седов К. Ф. 6—9, 15, 20, 23, 26, 27, 30, 33, 34, 42, 47, 54, 56, 60, 65, 67, 72, 73, 80, 85, 85, 87, 98, 149, 156, 163, 167, 175, 179—181, 183, 184, 189, 200, 210, 224, 259, 309, 324, 338, 354, 367—391, 394, 395, 402, 403
Сепир Э. 35, 403
Сиротинина О. Б. 5, 8, 63, 368, 389, 394, 403
Скафтымов А. П. 325, 327, 403
Слышкин Г. Г. 23, 24, 65, 197, 403
Смирнов А. А. 293, 403
Сорокин Ю. А. 266, 403
Соссюр Ф. де. 16, 375, 378, 379, 403
Сталин И. В. 212, 218, 252, 343
Стаханов А. 350
Стернин И. А. 12, 43, 76, 85, 99, 189, 190, 192, 195, 401, 403
Субботина Н. Д. 78, 403
Тарасов Е. Ф. 22, 28, 171, 404
Тарасова И. А. 367, 389
Тарковский А. А. 6, 354—366
Твен М. 138
Толстой Л. Н. 140, 242, 277, 281, 283, 322
Толстой Н. И. 63, 404
Топоров В. Н. 312—314, 358, 365, 404
Туниманов В. А. 327, 404
Тургенев И. С. 140, 250
Успенский Б. А. 220, 319, 351, 353, 399, 404
Федосюк М. Ю. 168, 173, 372, 385, 404
Фенина В. В. 20, 23, 24, 184, 185, 189, 395, 404
Флоренский П. А. 314, 404
Формановская Н. И. 12, 16, 69, 404
Фрейд З. 81, 386, 392
Фрейденберг О. М. 222, 313, 404
Фрумкина Р. М. 27, 28, 404
Хайдегер М. 317
Харченко Е. В. 59, 404
Хорешко О. Н. 201, 404
Хрущев Н. С. 218, 343
Цейтлин С. Н. 33, 404
Чайковский П. И. 233
Чалдини Р. 128, 129, 133, 134, 405

- Черниговская Т. В. 39
Черномырдин В. С. 252
Чернышевский Н. Г. 327
Чиркова О. А. 211, 222, 405
Чуковский К. И. 34, 405
Шалина И. В. 84, 405
Шамьенова Г. Р. 192, 193, 405
Шапиро А. Б. 177
Шахнарович А. М. 33, 403, 405
Шаховский В. И. 54, 405
Шейгал Е. И. 20, 21, 25, 59, 73, 84, 166, 405
Шеннон К. Э. 68
Шипова Л. В. 80, 84, 405
Шмелев А. Д. 212, 383, 386, 405
Шмелева Е. Я. 212, 405
Шмелева Т. В. 16—20, 40, 60, 367, 368, 375, 390, 405, 406
Штерн А. С. 266, 400
Щерба Л. В. 16, 17, 406
Щербинина Ю. В. 84, 406
Эзоп 151
Эйзенштейн С. М. 319
Юнг К. Г. 51, 226, 236, 245, 312, 314, 316, 348, 391, 406
Юрьева Н. М. 33, 406
Якубинский Л. П. 17
- Leech G. N. 142, 406

Научное издание

Константин Федорович Седов

**ОБЩАЯ И АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

Корректор О. Круподер
Ведущий редактор В. Столярова
Оригинал-макет и художественное оформление переплета
подготовлены И. Богатыревой

Подписано в печать 15.08.2016. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Minion.
Усл. печ. л. 27,5. Тираж 600. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ государственной регистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4